

Оджалан Абдулла. Капиталистическа я цивилизация. Эпоха богов без масок и голых королей. Том 2

2012, источник: Абдулла Оджалан. Капиталистическая цивилизация. Эпоха богов без масок и голых королей. Том 2 / М.: Зебра Е, 2012. — 400 с. ISBN 978-5-905629-33-4. Второй том пятитомного издания, в котором автор освещает процессы зарождения мировой цивилизации и предлагает свой путь развития демократического общества.

- Вступление
- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Признаки зарождения капитализма
 - «Домашний вор»
 - 1.1. Рационализм
 - 1.2. Экономизм
 - 1.3. Политическая власть и её взаимоотношения с Законом

- 1.4. Пространство капитализма
- 1.5. Общественно-исторические цивилизации и капитализм
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Капитализм - не экономика, а власть
 - «Божество без маски, голый король и власть денег в собственном дворце»
 - 2.1. Капитализм: не экономика, а власть
 - 2.2. Где и когда происходило развитие капитализма в реалиях общества и цивилизации?
 - 2.3. Положение Европы на заре рождения капитализма
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Современный Левиафан: Национальное государство
 - Образ Бога, спустившегося на землю
 - 3.1. Развитие нации, явление Нация
 - 3.2. Определение государства
 - 3.3. Идеология капиталистической цивилизации (модернизм) и ее превращение в религию
 - 3.4. В память о геноциде евреев
 - 3.5. Власть в период современного капитализма
 - 3.6. Современный капитализм и национальное государство
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Эпоха современного капитализма
 - Вступление к четвертой части
 - 4.1. Монополистический торговый капитализм
 - 4.2. Промышленный переворот и эпоха индустриализации
 - 4.3. Эпоха финансов - власть денег
- ИТОГ: Может ли элитарная цивилизация найти консенсус с демократической цивилизацией?

Вступление

Одно из первых дел, которые я должен сделать, развивая свою Защитную речь, направленную против капиталистической системы, — это освобождение от стереотипов капиталистического мышления. Подобно тому, как в исламе, приступая к какому-то делу, обязательно произносят «бисмиллах», так и в капитализме есть свои священные атрибуты. Если мы хотим, на что я надеюсь, избавиться от господства капитализма, то в первую очередь должны отвергнуть его «молитву о намерениях». Прежде всего, это навязанный капитализмом т. н. «научный метод». То, о чем они говорят, это отнюдь не «нравственность и этика свободы», прошедшие через фильтры социальной жизни, без которой невозможно существование человеческого общества. Напротив, речь идет о самом распространенном рабском мышлении, способствующем тому, что нравственность свободы предается забвению, разлагается и деградирует; речь идет о материальной и духовной культуре, помогающей дальнейшему развитию такого мышления.

Стремясь освободиться от этого, я понимаю, что основополагающим аргументом для меня не может быть ничто, кроме МЕНЯ САМОГО. Декарт, подвергая все и вся сомнению при помощи своей философии, в конце концов, остался одинок. Неужели он должен был сомневаться в самом себе?! Важнее всего другое: как он оказался в таком положении? Мы знаем, что в истории есть несколько аналогичных эволюций. Первые примеры, достойные упоминания, — это создание шумерскими жрецами образа богов, глубокие сомнения пророка Авраама в религиозных вопросах (последним примером являются скитания пророка Мухаммеда и поисках Бога), скептицизм (подозрения) Иоанна. Прежние формы мышления, к которым общество приобщается на этих исторических этапах, но которые следовало бы категорически отвергнуть, способны коренным образом формировать общество, привести его к определенным стилям. По меньшей мере, они могут обеспечить действие основополагающей парадигмы. Основной причиной сомнения является недостаточность фундаментального мышления (можно также назвать это идеологическим структурализмом), обнаруживающаяся перед формирующимся новым стилем жизни. Но возникновение новых форм мышления, необходимых для нового стиля жизни, проходит очень тяжело и требует фундаментального личностного прорыва. Как бы это ни называли — пастырское служение пророков, философский этап или научные поиски — в основе своей на каждом из этих путей идет поиск ответов, способных удовлетворить те же потребности.

Как же будут формироваться шаблоны мышления, незаменимые для нового жизненного стиля? Особенностью этой переходной стадии является ужасающий скептицизм.

Великая жизнь Декарта, Спинозы и Эразма Роттердамского в регионе, ставшем колыбелью глубокого прорыва капитализма в XVI веке (примерно территория современной Голландии), несет на себе отпечатки значительной исторической вехи.

История моей жизни начинается с середины прошлого столетия. Это тот самый период, когда капитализм достиг вершины своей эпохальной экспансии. Местом развития моей личной истории стала Верхняя Месопотамия, являющаяся наиболее благодатным ареалом знаменитого Плодородного (Золотого) Полумесяца, окруженного Тавро-Загросской горной системой, пережившей на протяжении длительного периода и неолитической эпохи сельскую революцию, шаблоны мышления которой живы и поныне, и устоев городской цивилизации. Это предгорья, способствовавшие первому шагу навстречу цивилизации. Это — основные территории, где был воплощен выдающийся переход к неолиту (храмовые культуры, окруженные большими каменными глыбами, установленными 12 тысяч лет назад).

Я уже не раз говорил о том, что мое заточение на острове Имралы спровоцировано адептами капиталистической системы в крайней форме, подобно тому, как Прометей некогда был прикован к Кавказским горам по велению Зевса. Это обязывает сделать анализ недостатков системы, тяжело будет осознать смысл, не вспомнив и не проанализировав заново эти исторические реалии. Мои проблемы с Турецкой Республикой мало чем отличаются от испанской корриды, где разъяренные быки набрасываются на красные тряпки. Турецкая Республика, несомненно, доведена до уровня этой самой корриды. Ей уготована такая роль, и ей хочется играть эту роль постоянно и с успехом. Но нам — мне — нужно охарактеризовать всех истинных хозяев той игры в ракурсе всех жизненных реалий.

Для того, чтобы избежать грубых ошибок, касающихся цельности общества, надо совершенно серьезно вспомнить пример Карла Маркса. Не может быть никаких сомнений в том, что Маркс был или хотел быть, тем самым передовым человеком, который стремился проанализировать капитализм и избавиться от него. Но фундаментальные социальные перемены, вдохновленные его учением, сослужили самую верную службу капитализму, и это является общепринятым мнением. В этом смысле совершенно очевидно, что я никогда не опущусь до уровня типичного верноподданного марксиста.

Достойно понимания то, что, пытаясь охарактеризовать собственную личность, я исхожу из фундаментальных параметров. Каковы они? Это переход к неолиту и последствия неолитического мышления, традиции и обычаи повседневной жизни, иерархия власти, основанная на городской цивилизации, государственные культуры и, наконец, реалии капиталистической игры, достигшей невиданных масштабов, не поддающихся сравнению с каким-либо другим периодом.

Надо сказать еще о самом низшем слое: это отличительные особенности человеческого вида. Это риск, к которому человечество прибегает во имя жизни, и легкость, с которой она проживается.

Излагая эти строки, я осознаю свое место в рамках господства капитализма. Я не собираюсь отрицать того, что я живу, основываясь на этом, или того, что мне уготована участь Прометея. Я развиваю свои познавательные способности и смысл моей силы при помощи новых и новых откровений. Если исходить из известных примеров, то можно увидеть, что Мани перед силой власти Сасанидов, имам Хусейн, Халладжи Мансур, Сухреверди по отношению к исламскому халифату, с одной стороны, и сотни святых, родившихся в христианстве, с другой стороны, более того, жертвы власти, бежавшие от ужасов

буддистской традиции, те, кто прошел через огни инквизиции, а также ужасы капитализма, приводящие к уничтожению целых наций, — все это главные примеры, подтвержденные письменной историей. Общей особенностью этих удачных примеров является их упорство в понимании смысла жизни. Они не хотели останавливаться перед барьером, поставленным между ними и жизнью. В этом заключалась их «вина».

Причины того, что дилемма «жизнь-смерть» доведена до ужасающего тупика, являются сугубо социальными. В основе своей нет смерти в той форме, о которой нам пытаются навязчиво говорить, равно как нет никакой связи между реальной жизнью и той жизнью, которая постоянно рекламируется. Мы должны понять то, что симуляция, под которым следует понимать механическое подражание жизни, сделано нашим образом жизни. Самособычное уважительное отношение к жизни требует освобождения из этого проклятого порочного круга.

Мне уже седьмой десяток. Жизненные интересы, имевшиеся у меня до поступления в начальную школу, в основе своей не преодолены. Я и по сей день нахожусь в тех же рамках. Я не могу «вырасти над собой» в границах узаконенного капитализма. В таких пределах возможна или мнимая жизнь, или участь жалкого беспозвоночного. Или все вместе: симуляция, фальшь, участь червяка, ложь, бессовестность, грязь, невежество. Однако жизнь надо воспринимать выше всех ценностей. Основная функция жизни заключается в том, что она должна быть понятой. Умение понимать означает жить. Умение жить необходимо для понимания. Я не считаю, что у Космоса может быть какое-либо иное толкование. Понимая, что абсолютный смысл настолько труднодостижим, что близок к невозможному, я также решительно считаю, что это — реальность, являющаяся двигателем жизни. Никакая сила не может быть выше силы смысла или не может быть выше мнимой демонстрации силы.

Я должен вновь обратиться к собственному примеру. Эти так называемые «параметры жизни» не только неспособны удовлетворить все жизненные интересы, но и стали основной причиной моего глубокого скептицизма. Я не только подозреваю, но и испытываю отвращение.

Факты смертельного поражения неизлечимой болезнью становятся неотвратимыми там, где система защиты смысла жизни дает сбой или бессмысленность преподносится под личиной смысла. Причины этих фактов имеют однозначно социальный характер. То, что раковая опухоль является социальной болезнью, обычная истина антропологии. Эта болезнь возникает тогда, когда бессмысленность или накопление тупого материала поражает клетку.

Некоторые мои определения в качестве ответа на ряд вопросов, которые могут быть мне заданы, — это дань уважения. Когда я только приступил к написанию этой книги, делегация высшей исполнительной власти Турецкой Республики вместе с представителями исполнительной власти США, заявила следующее: «Мы объявляем РПК общим врагом правительств США, Турции и Ирака». Поэтому необходимо осознать всю глубину категорий времени и места, имеющих ко мне отношение.

Я хочу сказать следующее: капиталистический стиль жизни не по мне. Не могу отрицать того, что временами старался привыкнуть, но я точно понимаю, что у меня совершенно нет никаких шансов на успех в этом плане. Я также осознаю, что не смогу стать «мужчиной-мужем» в том понимании, которое уже сформировалось. Можно сказать, с точки зрения системы я смешон. Но лично я считаю систему чудовищной, кровавой, угнетательской и эксплуататорской. В ракурсе экзистенциализма этих явлений отвратительная сущность жизни является неким противоположным параметром или парадигмой моей жизненной философии. Я уверен в том, что отнюдь не преувеличиваю собственную значимость. Но я понимаю, что моя способность защитить себя как человека является и основным симптомом жизни, и моей основной нравственной обязанностью перед теми, кто одержим полноценной социальной жизнью. Если говорить о гражданской позиции, но не о той, которая определена властями и которую я не воспринял, а о той, которую надо воспринимать всерьез, то нравственный долг требует исполнения всех обязанностей, накладываемых этим понятием. Проблема заключается не в жизни или смерти, а в умении жить правильно, и если даже нам не удастся правильно прожить жизнь, важнее всего будет продолжать свой путь, не отказываясь от поиска смысла жизни.

В капиталистической системе узаконено предательство, развившееся сильнее, чем пропасть между словом и делом, и не имеющее аналогов в истории. Слова существуют как будто для того, чтобы оболгать любые начинания. Невиданным образом дело превращено в механическую деталь, задействованную на службе являющейся гегемоном системе.

Многие исторические примеры свидетельствуют о том, что без тщательного анализа природы капитализма, находящегося на вселенской имперской стадии, любые попытки создания программ и форм свободной жизни будут обречены на всякого рода искажения. Никакие слова или действия не возымеют действия, иными словами, не смогут сыграть своей роли на территории теоретического и практического противника. До тех пор, пока в отношении терминов и практических методов современного капитализма, занимающего позиции гегемона на протяжении как минимум четырех столетий, не будут разработаны методика, аналогичные по стилю мышления пророков и буддизма, мы так и будем неразумно лить воду на мельницу системы. Было создано немало антикапиталистических учений. При этом надо однозначно признать, что на данной стадии большинство этих усилий так и остались на уровне неосознанной поддержки капитализма.

Я совершенно не считаю сильным капитализм, находящийся сейчас на пике своего развития в мировом масштабе. Более того, может быть, именно на этой стадии он переживает свои наихудшие времена. В принципе, капитализм во все времена был уязвим и беззащитен перед разломом. Но никак не удастся добиться того, чтобы общество обрело способность правильно и эффективно защищать себя от капитализма. Капиталистическая гегемония, которую можно было бы охарактеризовать как социальную раковую опухоль, причем не в качестве фигурального сравнения, а как реальную действительность, не может быть истолкована как рок, аналогичный прочим поворотам судьбы. Капитализм можно назвать самой слабой системой-гегемоном. Необходимо точное и результативное переживание социальной жизни, даже если это делается в одном — единственном лице. На протяжении истории часто встречались примеры того, как в противостоянии с «сильным человеком» или «гегемоном» применялось их же оружие. Аналогичность, и в смысле мировоззрения, и в

практическом смысле, порождает схожие явления. Это и происходит. Так, в противовес Риму зарождалась масса аналогов Рима. Если обратиться к более древним примерам, увидим, что оригинальный город Урук до сих пор генерируется в виде так называемого «Нового Ирака». Изменений мало, повторений масса.

Очень важно не преувеличивать смысл гегемонии. Общества, также как никогда не воспринимали добровольно власть, эксплуатацию, угнетение, не считали, что жизни без этого не может быть. Надо избавиться и от таких пустых и бессмысленных понятий, как «новейшее общество», несхожие друг с другом «формы общества». Общества развиваются как формы существования человеческого вида, но обязательно сохраняют схожесть друг с другом. Если любовь слепа, то она может привести к самым низким поступкам, стать наиболее воинствующим состоянием невежества, причем это касается как любви к власти, так и любви между представителями различных полов. Но любовь, полная смысла, становится нирваной, неким апогеем, растворением в реальности. Это «Энель» — право, способность свободного общества утвердить себя в роли гегемона, что является состоянием полнейшей демократии.

Я уверен, что поступил совершенно правильно, устояв перед порядками крестьянской общины. Ошибка моя заключалась в том, что я посчитал современный капитализм лучом света в темном царстве. Несмотря на то, что сельская община еще не дошла до уровня демократизации и находится на значительном расстоянии от таких фундаментальных категорий, как национальное государство и индустриализация, радикальный отрыв был глубокой ошибкой. Именно здесь кроется серьезный источник моего разочарования. Мой отец, которого вспоминаю я не очень часто, правильно распознал мою жизненную энергию и, говоря мне в лицо весьма горькую истину, был справедлив настолько же, насколько и моя мать. Он изрек такую мудрую фразу, которую я вспоминаю и по сей день: «Когда я умру, ты и слезы не уронишь». Он был из верующих людей старого мира, из мира труда и по-своему был демократом. Я по сей день пытаюсь разобраться в том, как божество капитализма смогло утвердить во мне свою проклятую и лживую притягательность.

Карл Маркс, скорее всего, пытался исследовать капитализм на базе позитивистских воззрений, но это было половинчатым. Он даже не пытался коснуться вопросов власти и государства. Я никогда не находил глубоким такой подход. Я осознаю такое явление, как эксплуатация, однако мне это всегда казалось итогом. Ноте, кто приступает к делу с результата, демонстрируют недостаточный подход полную политическую беззащитность. По сути, имели место революционные события, аналогичные 1848 году. Очень заметно наблюдалось движение буржуазии к власти — точно так, как распадался институт сеньоров и их воплощение. Имела место тесная связь с экономикой, политикой, философией и социализмом. Однако пути, как осьминог, охватившие подавляющее большинство неимущих трудящихся масс всех обществ, не только не позволили осознать смысл вновь возникшего явления власти, но даже не смогли воспрепятствовать превращению собственной систематики в инструмент этой власти. Не удалось понять того, что предлагаемая теоретически-практическая модель фактически служит почвой для капиталистической гегемонии. Именно с этим непониманием тесно связан тот факт, что самый последний пример — китайский — стал наиболее сильной опорой капиталистического гегемона — США.

Основной причиной мощи капиталистической гегемонии является соревновательность в добровольном рабстве, заложенном капитализмом. Есть ли сегодня хоть один рабочий, возражающий против высокой зарплаты? Ситуация действительно печальна.

По мере моего углубления в борьбе с капитализмом мне на ум постоянно приходят взаимоотношения между мужем и женой. Если муж смог обеспечить жене нормальную жизнь в соответствии с ситуацией, то очень трудно ожидать от этой женщины открытого противостояния собственному супругу. То же самое происходит с рабочим, которому капиталист платит хорошую зарплату: никакая сила не может заставить этого рабочего бороться со своим господином. Что уж там говорить о независимости, если работник, делающий реверансы перед своим господином в обмен на примитивную зарплату, превращается в верного слугу системы по отношению к широким социальным слоям. На фоне стремительного роста безработицы рабочий, находящийся, подобно государственному чиновнику, в стабильном положении, может быть, даже больше него ощущает свою уверенность в жизни.

Насколько имеет место пролетаризация государственного бюрократа, настолько же часто происходит бюрократизация в рядах пролетариев. Аналогия слияния буржуазной аристократии с феодальной аристократией в самом ее пике в данном случае реализуется во взаимоотношениях рабочего и чиновника.

Городское общество, подобно магниту вытянувшее меня из села, в своем раскрытом виде является для меня местом формирования социальной проблемы. Главным виновником внутреннего разложения общества и его отрыва от окружающей среды стали город и социум, формированию которого он способствовал. Точнее, это общество, сложившееся в городе, принадлежащем цивилизации классового государства. Даже самое примитивное клановое общество не так невежественно по отношению к жизни, как городская цивилизация. Напротив, если цивилизованное городское общество на капиталистической стадии полностью превратилось в убийцу окружающей среды, виной тому систематический рост невежества, присутствующий в самой структуре этого общества.

Гендерный фактор, давно уже оторвавшийся от чувственного мышления, потерявший разум и смысл, является основным показателем самоубийственной сущности капитализма. Подобно тому, как во имя власти люди могут прибегнуть даже к ядерной угрозе и ради обретения дешевой рабочей силы поощряется совершенно недопустимый демографический рост, и все это связано с сущностью системы, в особенности — с формированием власти. Мировые войны, колониальные войны и войны за власть, воздействующие на общество до мозга костей, — это конкретное выражение тупика, в который зашло общество.

Очень часто выдвигаются вперед либерализм и индивидуализм, как основные идеологические оси развития капитализма. Но я смею утверждать, что никакая система не заключила индивид в самом себе так, как это сделала идеологическая гегемония капитализма.

Могут сказать, что язык, на котором я говорю по сей день, не так далеко отошел от системы, а, значит, я и сам являюсь продуктом системы. Но место, в котором я нахожусь, достойно

статуса противостояния системе. Я прекрасно понимаю, что в моем лице осуждается и осуждает глубокий антикапиталист. Осуждение, естественно, во много раз превосходит закон. В жерновах четырехвековой капиталистической гегемонии растворились и канули в Лету бесчисленные национальные культуры. Место, где я рос, стало чуть ли кладбищем древних культур. Если глубоко копнуть, то везде обнаружатся разные культуры. Курдский народ, которому я должен принадлежать, но который до сих пор полностью себя не осознал, похож на свидетеля этого безмолвия на кладбище древних культур. Очень больно осознавать то, что сравниваются с землей могильники культур, создавших чуть ли не все принципы истории. Сегодняшний ужас, происходящий в Ираке, в каком-то смысле является мезью этих культур.

Надо защитить культуру Ближнего и Среднего Востока от натиска капитализма. Несомненно, эта не та задача, которую можно было бы решить, не разрушив шаблонов западного ориентализма. Что касается неоисламизма, то это — до мозга костей результат грубого ориентализма. Большая или меньшая ясность будет внесена только после того, как полностью преодолется влияние ориентализма и исламизма вместе с их левыми и правыми толкованиями. Моя Защитная речь по-настоящему продолжится именно с этого момента. В противном случае мне не удастся избежать участи глашатая идей той самой системы, которая уже давно представляет собой одну сплошную блевотину. И это будет не Защитная речь, а подражание попугая. Географией победы капитализма являются побережье Западной Европы и островная Англия. Уже четыре столетия капитализм продолжает свой победный поход на уровне мировой системы. Капитализм споткнулся только в сердце древней культуры Ближнего и Среднего Востока. В сущности, капитализм является последним неблагодарным детищем этой самой культуры, отрицающим ее значение. Столкновения между ними гораздо глубже, нежели это принято считать. То, что сейчас происходит, можно назвать войной невежд. Стороны постоянно пытаются копировать Александра Македонского и Дария III. Насколько Дж. Буш похож на Александра, настолько же Ахмединежад похож на Дария. Диалектическое противоречие развивается на большой глубине при значительном разнообразии форм, и это противоречие не просто озвучивается господствующими кланами — существующая в обществе оппозиция также активно участвует в этом.

То, что сказано обо мне, и то, что я стараюсь сказать сам, — это комплексные формы оппозиции. Вылавливание капиталистами прибыли — одна из этих форм. Но противостояния этому явлению вовсе недостаточно для того, чтобы быть социалистом. Это также не является обещанием самостоятельного успеха. Пока не удастся в полной гармонии теории и практики, чуть ли не в оркестровом стиле, исполнить все формы сопротивления и свободной жизни, не удастся избежать таких крайностей, как «Проклятие Агаде» или «Элегия Ниппуру».

Все, что мною пережито, в представлении моих друзей и товарищей тоже является тяжелой трагедией. Но все должны быть уверены в том, что не будь этой трагедии, мы бы не пошали сущности свободной жизни. Как же мы будем смотреть друг другу в глаза, если все вокруг обесценено до безобразия?! О какой достойной жизни мог говорить сын, не проронивший и слезинки на могиле отца?! Не хочу быть неверно понятым, но в тот самый год, когда умер мой отец, я начал в предгорьях горы Арарат свой первый поход по Курдистану,

вооружившись идеалами свободной личности. Я слышал, что курды из Серхата и по сей день со священным трепетом вспоминают каждый шаг этого похода. Но наша действительность по-прежнему тяжелой глыбой стоит на своем месте. Прошло тридцать пять лет с того памятного похода, который можно было бы назвать марафоном, но в этих строках оживает буквально все. Чем же завершится этот марафон, каждое дыхание, каждый пункт и каждый участник которого стал буквально легендой?

Если бы мне удалось силами своей армии единомышленников по-македонски завоевывать одну победу за другой, это однозначно не могло бы считаться победой свободы. Что касается военных викторий, то они приносят не свободу, а новое порабощение. Ценность таких побед может быть очевидна только в том случае, если защищаешь себя, друзей или товарищей. Напротив, я считаю, что, защищая себя от победы, достигнутой властями, я, как минимум, защищаюсь от самих властей. Если бы это было так, я считал бы самой священной войной самозащиту от побед своих же войск.

В нашей реальности бытие превратилось в способ выживания, полностью утерев свой смысл. Наша жизнь превратилась в месиво из ужасающей лжи, грязи и сквернословия, пронизавших все ее сферы. Если мне удастся выживать на протяжении девяти лет в своей одиночной камере, то это еще и потому, что за пределами этой тюрьмы обстановка гораздо хуже. Если моя защита главным потоком развивалась в противовес процессам цивилизации, то против капиталистической гегемонии она обретет еще более фундаментальный характер. Есть много признаков наступления конца капиталистической системы, и по-настоящему мудрые люди едины в своем мнении по этому поводу. Вопрос заключается лишь в том, какие здоровые, свободные и демократичные пути выхода из этой ситуации обретут поистине глобальный социальный характер.

На фоне того, как даже капиталистическая система в основе своей пытается освободиться от самой себя, становится ясной, какое глубокое внимание мы должны уделить процессам общественного строительства. Хотя двухсотлетний опыт социализма ассимилировался в горнилах капитала, нам не следует превращаться в проклятых и неблагодарных, которые своими действиями могут способствовать тому, что память наших борцов за идеалы человечества постигнет та же участь. Более того, мы не можем утверждать, что Сократ, Будда и Зороастр навеки умолкли, некогда сказав свои последние слова. Если и сегодня нам покажется бессмысленной актуализация их учений, как мы считали это еще вчера, то это будет означать, что мы совершенно ничего не понимаем в философии свободы. Более того, о какой жизни можно будет говорить, не ответив на страдание той части человечества, жизнь которой превращена в один сплошной стон, не остановив потребительское отношение к природе, не ответив на животрепещущие вопросы любви, поставленной на путь предательства?!

Первое, что я хотел бы уточнить в отношении научности своей Защитной речи, — это вопрос о том, что иметь в виду под словом «научность». Если наука в основе своей — это «познание самого себя», то роль позитивизма, больше всего освоенного системой в качестве своей официальной идеологии, заключается в том, что он отдаляет нас от этой действительности, хотя порой и принято считать совершенно иначе. Не исключено, что религиозная и метафизическая ступени развития, больше всего критикуемые позитивистами, гораздо

ближе к науке, нежели сам позитивизм. Безусловно, речь идет, прежде всего, о гуманитарных науках. Что касается таких дисциплин, которые называются естественными науками, в конечном счете, и они могут быть включены в категорию гуманитарных наук. Может быть, даже метафизика и религия сами по себе являются позитивизмом. Ни на одной из ступеней своей истории человечеству еще не приходилось столь диким образом освободиться от своих цепей. Более того, никогда человечество еще не было связано так крепко. Никогда еще природа и общество не были объектом столь жестокой эксплуатации со стороны власти. Это стало возможно только с помощью применения позитивистской религии и метафизики.

До тех пор, пока не удастся познать самих себя, итогом любых научных усилий станут самая опасная догматическая религия и философия. Говоря о самопознании, я совсем не имею в виду эгоцентричное мышление. Я хочу сказать, что космос и хаос мы сможем понять путем внутренних наблюдений и чувств, не исключая глубокий опыт. В соответствующей главе я покажу, как наука, основанная на разделении субъекта и объекта, превращается в легализацию рабства. Я также постараюсь убедить вас в том, что в эту же дверь ломится субъективизм с характерным для него возвеличиванием и крайним уничтожением. В том же ракурсе я докажу, что научный объективизм является сторонником самого мерзкого капитализма и гегемонии. Что касается нашей философии, она воспринимает жизнь как единое целое, пытаюсь осознать смысл, кроющийся во взгляде лошади и в голосах птиц. Наша философия полна уважения к пожилому мудрецу и в то же время пытается стать ответом на любые вопросы в глазах трепетной, как лань, молодой девушки. Наша философия основывается на науке, стремящейся не только выявить причины грубейшего невежества, укоренившегося в детской природе как результат неправильного гендерного воспитания, в определенном смысле худшего, нежели геноцид. Наша философия основывается на науке, которая пытается на основе себя осознать все звенья эволюции.

Капитализм не развил науку, а использовал ее. Такое использование науки не ограничивается только лишь негативными последствиями сугубо нравственного характера, оно чревато глобальным распространением трагедии Хиросимы. Такое использование также становится концом осмысленной жизни. Разве можно считать медиативную жизнь, симуляцию победой науки? Или это все же потеря смысла жизни?! Я здесь не имею в виду технологию и научные открытия. Я просто хочу подчеркнуть, что не может считаться наукой позитивизм, являющийся, в сущности, религией «научности».

Без освобождения от «псевдонаучного» господства позитивизма нельзя освободиться от влияния любого рода власти, в первую очередь, конгломерата национального государства. Позитивизм стал самым настоящим идолопоклонничеством современности.

В итоге скажу, что пессимизм, подобный «декартовому», буквально поразил мое мышление. Я оказался неспособен признать какую-либо ценность, которой можно было бы верить и ощутить с ней связь. Это исходило как от трагической утери в моей душе старой культуры, так и от страха перед недоступностью современного капитализма, возвышавшегося на моих глазах, подобно чудовищу Левиафану. Я едва ли верил себе. Точнее говоря, я старался устоять. Несомненно, это очень странная ситуация. В таких случаях каждое общество находит свой путь и связывает умы и сердца своих членов. Станным было другое — я даже

не верил в то, что я могу принадлежать к какому-то обществу. В этих условиях я потерял веру в семью и традиционный сельский уклад жизни. Моя учеба в университете, революционные настроения, прежняя религиозность — все это было показное, типа пускай друзья видят, что я занят делом. Я не был даже убежденным нигилистом. Я не мог всей душой осознать какую-либо тему, чтобы коренным образом взяться за ее воплощение. Интересно то, что все мое окружение, в первую очередь, мои учителя, считали меня умным и убежденным человеком. Я же был уверен, что я своего рода наполовину сумасшедший, наполовину нет. Однако сейчас, с высоты прожитых лет, оглядываясь в прошлое, я вижу, что этот длительный период не прошел бесполезно. Эти годы обогатили смыслом мой отрыв от действительности и привязанность к определенным идеям, они помогли открыть чистую страницу и подготовить соответствующую почву в моем непрерывном стремлении к истине.

Эта особенность моей личности позволила мне гораздо лучше осознать структурный кризис системы-гегемона. Более того, я обрел силу, позволяющую мне толковать историю. Я обогатился идеалами, позволяющими мне не только не бояться хаотической среды, но загрузить ее смыслом и оторваться от нее. Высшая степень моего спокойствия наступила тогда, когда я понял, что догматические верования, движение по прямым линиям, научная конкретика и строгая законность основаны на этом же господствующем мышлении. Мое умение спокойно воспринимать размеры отражения в человеке перерабатывающих возможностей природы буквально способствовали взрывному скачку в моих знаниях. По мере того, как я научился преодолевать отчуждение от самого себя, лежащее в основе страха и сомнений, высокая сила понимания и способности к толкованию с лихвой давали знания и смелость, необходимые в любых условиях человеческой жизни. В моих силах оказалось умение без необходимости глубоких исследований и ссылки на конъюнктурные сроки расценить капитализм как кризисный режим. Капиталистическая стадия цивилизации, основанной на городе, классе и государстве, не только стала последней стадией развития человеческого мышления, но подчеркнула факт истощения традиционного и формирование свободлюбивого мышления. В этом смысле современный капитализм может считаться эпохой надежды.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Признаки зарождения капитализма

«Домашний вор»

Толкование капитализма как религии, о которой сказано очень много и во имя которой совершено много поступков, внесло бы значительный вклад в правильное понимание этой формации. Европейское мышление, на почве которого капитализм достиг заметных побед, не только способствовало его детальной характеристике и практическому сопровождению, но и серьезным образом мистифицировало реалии формирования капитализма, как и любой другой религии. Сюда же входят христиане, социалисты и анархисты, которые, казалось бы, являются противниками капитализма. Европейское мышление и ум — это целая школа, которая, начиная с XVI века, вступила в процесс превращения в систему-гегемона на мировом уровне. По моему глубокому убеждению, это такая школа, которая продемонстрировала во много раз более изощренное мастерство в мистификации социальной действительности, нежели системы создания божеств шумерскими жрецами. В системе западноевропейского интеллекта и мышления «научный метод» играет основополагающую роль.

Я не говорю о науке как об осознании природы, включая человека. Наука, как общее достояние всего человечества, анонимна настолько, что не может принадлежать какой-либо личности, обществу, структуре и нации. Если и стоит говорить о какой-либо божественной святости, то наиболее достойным этого титула может считаться наука. Но выражение «научный метод» занимает иное место в европейской терминологии. Оно является прототипом всех современных форм тотальных и авторитарных диктатур. Точнее, это семя, оказавшееся в его материнском лоне. Метод, как выражение, по смыслу соответствует таким понятиям, как «способ», «путь», «течение». Если изначально оно имело положительный оттенок и способствовало восприятию, то в связи с длительным зависимым положением превратилось в диктатуру мышления. Настойчивое проталкивание методики с именем науки на устах может привести к самой опасной диктатуре. Наконец, наши рассуждения подтверждаются превращением в фашистскую систему столь ревностного приверженца научного метода, коим является немецкий национально-государственный строй. Несомненно, в Западной Европе имела место революция в сфере мышления. Но это не может быть истолковано как содействие европейскому центризму, тем более что все лидеры этой революции влились в нее из других интеллектуальных потоков за пределами Европы.

Социология Макса Вебера сыграла значительную роль, связав процесс развития капитализма с европейским рационализмом. Его произведение под названием «Протестантская мораль и капитализм» пытается открыть дверь перед этим тезисом. Роль рационализма является одним из определяющих факторов формирования капитализма, но объяснение всех процессов только лишь рационализмом и правом не может самостоятельно разъяснить это явление.

В социологии Карла Маркса победа капитализма как системы связана с ее экономической производительностью. Производительность капитализма оказалась выше других производительных единиц. Умение развивать прибавочную стоимость и превращать ее в прибыль и капитал, способствовало его победе. Основным недостатком капитализма можно считать то, что очень мало места в его системе уделяется таким факторам, как история, политика, идеология, право, география и культура. Капитализму так и не удалось выйти за рамки школы, которая с легкостью сажает жизнь на экономические рельсы. Несомненно, нельзя не упомянуть ценность социально-экономических объяснений. Но до тех пор, пока не будет достаточно четко указано их место среди других фундаментальных факторов, несмотря на все научные идеалы, постоянно будет существовать опасность сползания к догматизму. Именно риск, коренящийся в указанных недостатках, и встречается очень часто.

Существует немало взглядов, связывающих развитие капитализма непосредственно с властью и ее более видимым правовым выражением, коим является современное государство. Корни властных иерархий в недрах общественных объединений уходят в далекое прошлое. Одним из основных факторов является их роль в управлении материальной сферой жизни. Однако сила сама по себе неспособна самостоятельно породить материальную сферу жизни, экономику и их вершину, коей является капитализм. Создание, развитие и препятствия постоянно шли нога в ногу.

Победа капитализма в Западной Европе раскрывает значение места и географического фактора. Часто говорят о том, что колыбелью капитализма стал город Амстердам. Географический фактор, как и другие, несколько ограниченно проливает свет на ситуацию. В этом плане значение смысла может стать более ясным, если называть вещи своими именами, без преувеличений.

Сила толкования, присущая пояснениям, основанным на факторе «цивилизация-культура», неоспорима. Капиталистическая стадия в основе своей совпадает со стадией загнивания цивилизации. Вот какому тезису я уделяю особое внимание. Место, где основной поток цивилизации вливается в океан (тот самый Атлантический океан, омывающий берега Амстердама), является, в сущности, концом этой системы. Несомненно, система была перенесена на противоположный берег океана, где, заручившись поддержкой гегемона в виде национальной государственности США, поднялась на вершину глобализации. Однако процесс загнивания и хаоса особенно четко выражается в том, что жизнь сплошь превратилась в бутафорию и погрязла в медиа-извращениях. Общество обрело показной и потребительский характер, экономика не только не осуществляет мечты, но, напротив, оголяет все нервы, власть до мозга костей проникает в тело общества, а идеологи системы отрицают существование истории.

Невозможно представить себе действительность без истории и времени. Развитие, эволюция, разнообразие и формирование разницы возможно только в границах истории. Окончательное слово можно сказать только о какой-либо конкретной форме. Никакая форма не может иметь привилегии, позволяющей ей стать бесконечной. На пути к осознанию таких понятий, как «бесконечность существования общественных формаций», «последний пророк до Судного дня», «неизменные законы», «непрерывность», «бесконечное движение»

гораздо большую роль сыграло превращение мыслей и убеждений в догмы, усилия, направленные на становление в форме постоянной власти вместе с этими догмами, и придача незыблемости характера интересам привилегированных слоев. Главное при этом — обретение уверенности в себе при помощи пропаганды и увековечивание интересов. Претензии либерализма, являющегося идеологическим ядром капитализма, связанные с тем, чтобы считаться последним словом истории, по сути, являются современным повтором той же игры. Характеризуя капитализм, не стоит наделять его такими эпитетами, как «неизменный», «созданный», «моноцентрическое мышление» и «практика». Прежде всего, надо подчеркивать такие черты капитализма, как умение корыстных лиц и групп паразитическим образом эксплуатировать появляющуюся в обществе прибавочную стоимость, постепенно обретая системность. Число этих паразитов никогда не может превышать одного или двух процентов от численности общества. Они черпают силы в собственном умении воспользоваться ситуацией и организовать себя. Они достигают побед, лучше организуя свою деятельность в рамках критерия места. По мере развития трещин они, с одной стороны, берут под контроль объекты своих потребностей, с другой стороны, играют ценами в разрезе желаний и требований. Если силы официального общества не смогут их подавить, а, наоборот, окажутся в зависимости от их ростовщической деятельности (спекулянтства) и наделят их значительными привилегиями, то эти группы, занимающие в любом обществе маргинальные позиции, смогут утвердиться в статусе новых его хозяев. На протяжении всей истории цивилизации, в частности, во всех общественных формациях Ближнего и Среднего Востока, постоянно развивались такого типа маргинальные ростовщические группы. Из-за постоянного презрения, испытываемого к ним обществом, эти группы не осмеливались вылезти из своих щелей на свет Божий. Никто, в том числе самые волюнтаристски настроенные власти, не смогли узаконить их место в обществе. Их не только презирали, но и воспринимали как наиболее опасную причину загнивания общества, а в нравственном смысле считали рассадником всего наихудшего.

Беспрецедентный характер войн, грабежей, массовых убийств, эксплуатации и разрушения природы, имевших место на протяжении последних четырех столетий истории человечества с центром в Западной Европе связан именно с системой-гегемоном. Несомненно, в этом же географическом регионе имели место величайшие факты противостояния. Так что не все можно расценивать как потери человечества.

То, что я хочу сделать, синтезировать показатели, достигнутые человечеством, благодаря Западу, с позитивными ценностями Востока и пролить луч света на путь осмысленного прорыва.

1.1. Рационализм

Фактору рационализма в рождении капитализма уделяется главенствующая роль. Мы также знаем такую категорию, как западный стиль мышления. Рационализм преподносится чуть ли не как идентифицирующая особенность общественной формации Запада.

Суждение о ценностях в рамках данной версии сводится к тому, что прочие общества на протяжении всей истории так и не смогли в достаточной степени приобщиться к умственным ценностям. Говорят о том, что именно Запад создал науку, приложив немало интеллектуальных усилий, а поскольку наука — это сила, неизбежно превращение системы в гегемона. Наконец, серьезность этого утверждения видна на примере того, что сегодня мы окружены системой-гегемоном с четырьмя просвещенными головами, впитавшими в себя именно этот умственный потенциал. Однако, для того чтобы охарактеризовать интеллектуальный стиль этой системы, удерживающейся на плаву только лишь благодаря ужасающей ядерной политике, необходимо охарактеризовать такое понятие, как ум, соответственно со всеми его особенностями, идентифицирующими человека как биологический вид.

С точки зрения анализа к этой проблеме можно подойти с двух сторон: биологического вида и социального развития. Постараемся рассмотреть их перекрестно, дополняя одно другим.

1. Можно говорить о мышлении человека, как о биологическом виде

Для того, чтобы охватить тему, мы должны задаться вопросом: какой смысл несет в себе разум в системе живых существ, даже в микро- и макропараметрах, в мировом масштабе? Умозаключения, устанавливаемые по поводу частичек, входящих в структуру атома, делают неизбежными рассуждения о разуме, позволяющие раскрыть такие понятия, как «разнообразие», «разница» и вместе с этим «развитие». Главный двигатель вселенной способствует развитию переплетающихся во всем многообразии процессов взаимодействия в мельчайших до невозможности пространствах внутри атома со скоростью, которую невозможно себе представить. Такого рода разнообразные процессы происходят не только в физических, но и биологических мирах. Обратим внимание на наблюдения в пределах метафизики.

Подобное умозаключение можем применить и к макромиру. Вселенная сама является последствием таких фундаментальных категориальных образований, как живое и неживое, конечное и бесконечное, схожее и различное, материя и энергия, тяга и толчок. Это и есть

единое целое. Все, что меньше атома, и все, что выше вселенной, вкуче составляют фундаментальную диалектическую дилемму. Время реализуется или позиционирует себя как единство глубины, а место — как единство ширины. Вопрос «почему существует Вселенная» ассоциируется с полностью метафизическим мировоззрением, но нельзя говорить о его бессмысленности. Однако не стоит забывать о том, что вопрос задается человеком, а человек — существо социальное. Ведь мы не особо верим в существование какого-либо иного бытия за пределами наших феноменальных ощущений. Мы реализуемся настолько, насколько ощущаем, чувствуем, даже мыслим. Напротив, материализм — это бытие, отражающееся в чувствах и мыслях. Я понимаю обескураживающий характер этой дилеммы и особо подчеркиваю необходимость преодолеть его влияние. Невозможно познать Вселенную при помощи этих дилемм. Установка водораздела между мыслью и телом является философским и даже религиозным заблуждением, больше всего способствующим отрицанию жизни. У Вселенной таких проблем нет.

В организации даже самого примитивного живого существа мы находим потрясающий элемент мышления. В качестве первой особенности этого мышления мы видим следующее: если поделить его в пределах срока, состоящего из множества мгновений, увидим, что оно приобщилось к тенденции, ведущей к бесконечности. Ни одно живое существо, прежде существовавшее, не исчезло. Соппротивление этого живого существа в обстановке, создавшей его, способствовало прогрессу вплоть до потенциала мышления, существующего у самой современной человеческой особи. Каким образом потенциал живого существа, зародившийся в одной клетке, развился до такого поразительного живого существа, как человек со свойственным ему мышлением?! Возможно, для простейшей живой клетки, даже для микромиров основополагающим является размножение, для чего им нужна подпитка из окружающей среды, а для всего этого необходимо умение защитить самих себя. Возможно, частички, входящие в структуру атома, решают все свои проблемы, связанные с размножением, питанием и защитой, только в том стиле, который присущ их микромиру. Границы, на которые они опираются, это границы бесконечного размножения, питания и безопасности. Ответ на наше понимание мирового разума мы можем здесь немного достичь. Не стоит считать этот мир чем-то чуждым для нас. Каждая частичка нашей жизни заполнена ими. Может быть, наши усилия в плане размножения, питания и обеспечения собственной безопасности являются обобщенным выражением этого мира (микромира). Может быть, макромир тоже имеет аналогичный характер. Он решительно стоит на позициях собственного мышления, побуждающего к размножению, питанию и обеспечению собственной безопасности. Можно также предположить и то, что макромир тоже отражается на мышлении человека.

Я понимаю, что мы прибегаем к крайней степени умозаключений. Однако понятно и то, что потенциальный мыслительный статус, присущий человеку, нельзя воспринимать как манну небесную. Как можно представить себе разум, абстрагированный от бытия и эволюции? Насколько реалистично считать мышление явлением, свойственным одному лишь человеку? Даже смерть считается обязательной для осознания жизни, а стало быть, и для бытия. Мы можем однозначно заявить, что без смерти не было бы и жизни. Жизнь без изменений до бесконечности, в сущности, своей является отсутствием жизни, поскольку, что если в той или иной обстановке отсутствуют различия, это означает, что отсутствует все. Даже в этой ситуации смерть считается неизбежной для существования жизни. В таком случае, если

смерть следовало бы расценивать как некое благодеяние, почему мы так ее боимся, будто смерть — это конец жизни? На мой взгляд, вместо того чтобы испытывать страх перед смертью, лучше было бы осознать жизнь, ставшую возможной именно благодаря смерти, и, исходя именно из этого, идти к конечному результату, что стало бы лучшим вкладом в развитие Вселенной. Насколько неизбежна смерть, настолько же неизбежна и жизнь. Точнее, единственной целью мне видится поиск ответа на эту тайну Вселенной посредством решения данной дилеммы.

Хорошо, рассуждая в русле решения этой дилеммы, чего же в таком случае можно достичь в результате постижения самого совершенного смысла жизни? В принципе, этот вопрос кажется мне, с одной стороны, крайне неуместным, с другой стороны, очень нужным. Глубокие знания, как и постижение тайны Вселенной, мы могли бы назвать окончательной победой жизни. Освящением жизни и постоянным праздником можно считать и райские кущи, описанные в святых книгах, и нирвану в буддизме, и полное состояние экстаза в мистических учениях.

Некоторые западные мыслители считают, что, согласно известным наблюдениям, жизнь в пределах нашей планеты является результатом полнейшей случайности, и по мере истощения Солнечной системы она полностью затеряется в бессмысленной космогонии. Это напоминает описание ада. Есть аргументы, на которых основана данная форма умозаключений. Однако идея анализа жизни является самой ограниченной из них. В полной мере мы не знаем ни Вселенной, ни эффективного смысла жизни. Мотивы для подобного рода умозаключений не имеют необходимой силы. Мир, в котором мы живем, не дает возможности для зарождения жизни без должной обстановки, но наш мир настолько жив и справедлив, что предоставляет любому живому существу, созревшему для жизни, необходимую обстановку согласно его потенциалу.

Насколько неправильно было бы наделять историю возникновения человека эгоцентрическими чертами, настолько же неуважительно было бы по отношению к чудесному возникновению Вселенной считать эту историю посредственным явлением. Наихудшая метафизика — это позитивизм, пытающийся объяснить явление человека совершенно независимо от Вселенной. Сравнивая связь позитивизма как самого грубого материализма, с капитализмом, я проникаюсь необходимостью столь же уважительного, сколь и осмысленного отношения к жизни.

Подводя итог, скажем, что мы, кажется, обрели возможность познания совершенства Вселенной на примере человека как биологического вида. Познание данного потенциала это одно, а его реализация — это совершенно другая стадия. Один из постулатов восточной мысли, гласящий о том, что «все в человеке», вероятно, помогает познать эти реалии. Должен еще раз отметить, что мышление, сошедшее на почву человеческого эгоцентризма, видит все прочие живые и неживые миры на службе у человека, но такая позиция, ставшая философской базой иерархически авторитарного и тотального понимания проблемы власти, совершенно очевидно приводит к умозаключениям, крайне далеким от жизни. Точнее, становится продуктом такого ума. В те же самые двери ломаются и некоторые экологические философские течения, которые, казалось бы, должны быть антиподом вышеупомянутых, и считают человека главным несчастьем, свалившимся на голову природы. Восприятие

результата эволюции человека как беды, свалившейся на голову природы, является продуктом крайне ограниченной философии, у которой очень слабые связи с жизнью. Недостаточная оценка эволюции, дошедшей до современного уровня человека, вызвана или очень слабой связью с жизнью, или системой, построенной на ужасающей эксплуатации.

Эволюция, дошедшая до пределов человеческой особи, ставит перед нами серьезные нравственные вопросы. До того, как перейти к этому, мы должны суметь охарактеризовать связь разума с обществом.

2. Успешная реализация человеком собственного интеллекта зависит от того, насколько успешно удастся этот интеллект социализировать

Что особенно важно, биологическая структура человека делает обязательным его общественный характер. Человек обречен на такую социализацию, которая немислима для какого-либо иного живого вида. Человеческое дитя только после пятнадцати лет полностью покидает период своего детства, причем жизнь на протяжении этого отрезка времени попросту невозможна вне общества. Дитя рождается из материнской утробы очень слабым, тогда как детеныши остальных живых существ в течение нескольких дней могут достичь положительных шагов в своем существовании. Человеческое общество — очень сложный механизм, требующий глубокого изучения. Человек, потерявший связь с обществом, или развивается на новой стадии, близкой к обезьянам, что становится шагом назад в эволюционном процессе, или же может совсем исчезнуть. Все живые существа, и как представители вида, и как единство видов, испытывают потребность в свойственной им общности. Общество, свойственное человеческому виду, несет в себе субстанциональные качества, которые намного выше любой общности живых существ.

Более глубоким является подход, определяющий общество как «вторую природу». Социализация сама по себе — это эффективное начало активизации мышления, вышедшего за рамки потенциала. Общественность требует постоянного разума. Развитие общества в основе своем—это развитие разума. Это обретение возможного состояния. Питание, размножение и обеспечение безопасности достигают большего развития вместе с растущей социализацией. Я должен более ясно сообщить, что свойственные всем живым существам элементы питания, размножения и обеспечения безопасности — это своего рода проявление ума. Это самый жесткий инстинктивный стиль обучения. Это действия, направленные на обучение поведению, свойственному всему живому. Обобщая, скажем, что прогресс Вселенной ассоциируется с мышлением и обучением. Общество как вторичная природа — это своего рода высшая стадия первичной природы, ее отраженное состояние.

Уверен в том, что, не разобравшись в обществе, как вторичной природе, мы рискуем стать жертвами рискованного заблуждения в осознании роли мышления и практики, способствующих первостепенности первичной природы. Надеюсь, что если человек является продуктом вторичной природы, то для осознания природы самого человека надо главное внимание уделить осознанию самой природы, породившей его. Именно поэтому я не убежден в объективности науки и его возможности развиваться независимо от вторичной природы. Это определенно кажется мне заблуждением. Я думаю, что такие науки, как химия, физика и даже биология, не могут быть свободны от науки, характерной для вторичной природы, т. е. социальных наук, и от человека. Я понимаю, что блуждаю по берегам некоего религиозного закона. Но основная проблема, которую необходимо раскрыть, заключается в следующем: есть ли смысл в субъектно-объектной дифференциации, если все законы, характерные для первичной природы, благодаря вторичной природе, т. е. обществу, находят свое выражение в личности человека? Сколько можно отделять друг от друга того, кто познает от того, что он познает? Еще более жгучий вопрос: разве не самое серьезное заблуждение — строить субъектно-объектную дилемму на почве разделения познающего субъекта и объекта познания? Позиционирование первичной и вторичной природы в субъектно-объектном противопоставлении я считаю основой всех ошибочных действий, характерных для человека, и всех болезненных социальных процессов. Эта логическая система (стереотип мышления) при помощи капиталистической системы берет в плен все общество и устанавливает над ним режим эксплуатации. Гораздо ужаснее то, что эта система обязательно распространит упомянутую логику давления и эксплуатации в противовес всем элементам первичной природы.

Общественность, вступающая в действие в качестве выхода из трагического положения, в котором оказался человек, на определенных этапах её же собственного пути, превращается в проблему, причем как в отношении человека, так и в отношении себя самой. Безусловно, в дальнейшем я постараюсь охарактеризовать проблемы, в первую очередь, экономические и другие сопутствующие факторы, а сейчас попробуем прокомментировать процессы развития на уровне мышления.

Очень важно подтвердить тот факт, что сила мышления, нашедшая свое место в мозгу человека путем биологической эволюции, и активизировалась, и дифференцировалась уже на стадии социальной эволюции. Я подчеркивал, что общественный характер жизни утверждает свое проснувшееся ото сна и постоянно действующее мышление. Потребностью эволюционного характера бытия является то, что постоянно действующее состояние мысли в тоже время способствует развитию человеческого мозга. Общественная жизнь является основным фактором развития мышления несмотря на то, что это требует длительного периода. Даже личностные заявления в данном случае неубедительны. В основе каждого мышления лежит социальная самобытность.

Из имеющихся антропологических данных ясно, что очень большой период общественной жизни человека протекал в форме охоты и собирательства, и в этих условиях человек поддерживал примитивные контакты с представителями близких ему видов на языке жестов. Нельзя говорить о существовании на тот период каких-либо серьезных проблем социального характера. Естественная эволюция еще была в состоянии реализовать свою волю и поддержать собственный баланс. Уровень мышления человека еще носил

чувственный характер — точнее, определяющим был чувственный характер мышления. Основная особенность чувственного мышления действовала рефлекторно. Инстинктивность тоже является разновидностью чувственного мышления, но самой старой его разновидностью (это можно проследить вплоть до первой живой клетки). Стиль действия этой разновидности мышления реализуется в форме немедленной реакции на раздражители. Тут действует едва ли не система автоматического действия. Данный стиль продолжает сохранять свое существование и воплощает это в наилучшем стиле. Это можно совершенно спокойно наблюдать даже в растениях. Но наивысшего развития такое мышление достигает на примере человека. Формирование мышления, обладающего пятью чувствами, ни у какой живой особи не достигло с точки зрения координации этих чувств таких высот, как у человека. Несомненно, такие чувства, как слух, зрение и обоняние у многих живых существ развиты лучше, чем у человека. Но в плане достижения комплексной и скоординированной ситуации человек, безусловно, находится в главенствующем положении.

Наиболее важной особенностью чувственного мышления является его связь с жизнью. Фундаментальной его функцией является защита жизни. И в плане защиты жизни чувственное мышление достигло серьезного развития, причем данную сторону отнюдь нельзя не оценить. Тут чувственное мышление работает совершенно безошибочно. Я подчеркиваю это в том плане, что чувственное мышление может мгновенно ответить на любой раздражитель. Слабость чувственного мышления делает человека уязвимым перед жизненными опасностями. Уважительное отношение к жизни и оценка ее ценностей связаны с развитым уровнем чувственного мышления. Это мышление наблюдает за гармонией природы. Его можно назвать даже мышлением, благодаря которому естественная жизнь становится возможной. Существованием своего чувственного мира мы полностью обязаны такому типу мышления.

В человеке, комплексное развитие чувственного мышления повышает шансы на установление связей между чувствами. Построение ассоциаций между чувствами, в первую очередь — слухом, зрением и обонянием, способствует развитию разумных движений. Человеческие сообщества на протяжении долгих лет общались на языке жестов, но позднее, с развитием физиологических условий речи, человек смог достичь до уровня языка символов.

Основу языка символов составляет переход к абстрактному мышлению при помощи слов. Умение общаться при помощи понятий вместо знаков стало великой революцией в истории человечества. Далее оставалось именование объектов и явлений, удовлетворяющих самые важные нужды человека, являвшейся серьезным этапом. Параллельно развивалось обогащение понятиями тех взаимоотношений, которые существовал и между именами, будь то особенности объекта, представленного именами, будь то существовавшие между ними функции, что способствовало появлению в языке глаголов и связок. Победа лингвистической революции была ознаменована переходом к языку предложений.

Это стало новой формой мышления. Размещение фраз в сознании дает возможность думать об объектах и явлениях даже в их отсутствие. Так человечество оказалось на пороге теоретического мышления — это стало величайшим явлением. Если не ошибаюсь, одна из

частей левой передней лобной доли «специализируется» на развитии именно такого типа мышления. Мы здесь имеем дело с мышлением, которое не только полезно, но и чревато серьезной опасностью, способствующей возникновению крайне тяжелых ситуаций. Основной особенностью теоретического мышления является его функционирование в отрыве от чувств. Его можно охарактеризовать также как интеллект, усиливающий АНАЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ. Самое важное преимущество аналитического мышления или ума заключается в том, что человек может при необходимости мыслить обо всей Вселенной, не особенно напрягая мысли. Аналитическое мышление формирует поразительный мир образов. Это — умение строить безграничные мечты. Достаточно развиты способности к построению планов, ловушек, заговоров. Подражая законам природы, аналитическое мышление может развить любого рода изобретение. То, что аналитическое мышление способно в любое время построить заранее подготовленные ловушки и различные заговоры, делает его основной причиной внутренних и внешних проблем любого общества.

Взаимосвязанный характер аналитического и чувственного масштабов мышления свидетельствует о добродетели, свойственной человеку. Однако важнее то, с какой целью используется эта особенность. Общество познало эту дилемму уже на первых этапах существования. Ответ на это базируется на МОРАЛИ как фундаментальном принципе организации. Без общественной морали в жизни невозможно справиться с аналитическим мышлением. Например, любой человек, оказавшийся в плену гневных страстей, применив некоторое аналитическое мышление, вполне может уничтожить любое неприятное ему живое существо, даже целое человеческое сообщество. Именно в противовес этой опасности общество, доведя мораль, как минимум, до уровня социального принципа, стремилось поставить ее во главу угла. Любое сообщество считало главной функцией воспитание своих членов в русле моральных ценностей. Важнейшая в теории морали дилемма добра и зла связана с функционированием этого аналитического мышления. Полезная работа поощряется в соответствии с моралью добра. Тот, кто старается принести вред, осуждается в связи с моральным отношением к злу. Точнее, зло подавляется и осуждается как нечто противоречащее любой морали — до тех пор, пока не восторжествует мораль добра.

Однако такое состояние общества не сможет достичь обязательного предотвращающего характера. В расщелинах социального тела во все времена находятся хитрецы и любители всевозможных капканов и заговоров. В основе всего этого лежит древнейшее занятие, коим является ОХОТА. Принцип занятия охотой предполагает установку капканов и ловушек против других живых существ. Эта традиция пустила глубокие корни в мире животных и даже растений. Данные корни одновременно являются и биологическими корнями аналитического мышления; но в человеческом обществе происходит нечто еще, а именно: охотничья культура, сливаясь с развивающимся аналитическим мышлением, сплавляясь с ним, обретает способность к созданию некой иерархической системы в социальной структуре и окружающей среде. Именно так начались все бедствия. Рассуждения о рае и аде развивались параллельно процессам создания социальной иерархии на базе аналитического мышления. В то время, как горстка сильных и богатых представителей иерархического общества наслаждалась образами райской жизни на самой вершине общественной лестницы, в низших слоях общества разворачивались самые ужасные адские страдания, причины и пути выхода, из которых непонятны, а пропасть продолжала

углубляться.

Первой жертвой, брошенной к ногам сильного мужчины, стала женщина. Более сильная, чем у мужчины, связь с жизнью способствовала лучшему развитию в ней чувственного мышления. Будучи матерью и прилагая труды, вызывающие боль, женщина возложила на свои плечи ответственность за жизнь. Она лучше знает и саму жизнь, и то, как эта жизнь продолжается. Женщина занималась собирательством, собирательство стало и результатом ее чувственного мышления, и необходимостью познания природы. Факт накопления общественных ценностей вокруг матери-женщины на протяжении длительного исторического периода является антропологическим свидетельством богатства этого образа матери-женщины и ее роли как эпицентра всех ценностей. Можно утверждать, что именно женщина породила прибавочную стоимость. Ясно, что сильный мужчина, определивший свою основную роль в качестве охотника и добытчика, образно говоря, положил глаз на эти накопления. Установление власти над женщиной сделало крайне выгодным его положение. Использование женщины в качестве объекта своих половых влечений, переход к институту фиксированного отцовства и своего рода господства над детьми, обретение власти над прочими материальными и духовными ценностями значительно возбуждали аппетит мужчины. Организация мощи, которую мужчина обрел при помощи охоты, увеличила шанс создания первой социальной иерархии. Начальные случаи отрицательного применения аналитического мышления и обретения им систематического характера в структуре общества мы можем наблюдать на примере такого рода фактов и явлений.

Переход от священного культа матери к культу отца привел к тому, что аналитическое мышление облачилось в некие доспехи святости. В качестве допустимой версии можно предположить, что патриархальная система укоренилась именно в такой форме. Выдающийся пример патриархального мышления можно наблюдать в бассейне Тигра и Евфрата. Мы видим, что, начав свой путь развития в Нижней Месопотамии в период с середины VI по V тысячелетия до н. э., патриархальное мышление распространилось во всей Месопотамии, превратившись в главенствующую культуру. В частности, на основе археологических данных можно сделать вывод о том, что до перехода к патриархату преимущественно в горно-равнинных областях Верхней Месопотамии вследствие обильного растительного мира, до нашей эры, в эпоху мезолита и неолита, главенствующий характер имел матриархат. Данные об этом можно встретить и во многих письменных культурах. Очень развитый характер имели религиозно-языковые факторы, основанные на женском культе.

Можно говорить о том, что социальная проблема впервые возникла в патриархальных сообществах, последовательно формировавшихся вокруг сильного мужского влияния. Такое начало порабощения женщины подготовило почву для дальнейшего порабощения детей и даже мужчин. По мере того, как рабы, как женщины, так и мужчины, обретали опыт накопления ценностей, в первую очередь прибавочной стоимости, ужесточались контроль и господство, которые над ними установлены. Постепенно усиливается значение власти и авторитарности. Сильные молодые мужчины, как привилегированная прослойка, плюс опытные пожилые мужчины плюс сотрудничество шамана с властями — все это способствует формированию центра власти, которому тяжело что-либо противопоставить.

Благодаря аналитическому мышлению, здесь развивается чрезвычайно сильная мифическая база для господства разума. Мифический мир вокруг культа мужчины, примеряющего на себя ореол божественности, исторически известен нам еще с шумерского общества, уже возвышается вплоть до уровня божества, создавшего и землю, и небо. По мере того, как божественный и священный образ женщины предельно унижался и нивелировался, мужчина формировал свой облик источника абсолютной силы, и, окунаясь в волны величественных мифических образов, обрастал взаимоотношениями повелевающего и управляемого, создающего и создаваемого. Мифический мир, внедряемый в сознание всего общества, постепенно становился религиозным, обретая характер основного средства разъяснения. Теперь уже человечество оказалось лицом к лицу со структурированным аналитическим мышлением, практически не знающим границ.

Сформировавшаяся система иерархических взаимоотношений становится первой системой эксплуатации, гнета и структурной авторитарности, ставшей возможной благодаря узаконению мифического мышления патриархального происхождения и сформировавшихся в его недрах шаблонов. Мы видим эти процессы, пусть даже различные по формам и активности, во многих обществах, находящихся на различных стадиях развития. Мышление, делающее возможными гнет и эксплуатацию, не может иметь чувственный характер. Не может мышление, способствующее возникновению социальных проблем, не достичь аналитического уровня развития и не пройти этап слияния с играми в ловушки на стадии охотничьей культуры. И с целью сокрытия своей основной функции это мышление вынуждено выдумывать ложные легенды.

Несомненно, можно говорить и том, что мифическое и чувственное мышление в совокупности создали весьма позитивные традиции и структуры мышления. Неверно было бы объяснять весь мир мышления одной лишь иерархической властью. Именно поэтому в данном процессе мы часто наблюдаем примеры отсутствия жалости и борьбу разумов, доходящую до уровня открытых конфликтов. Но только так мы можем постичь корни фактов и явлений, называемых идеологической войной, — они возникают перед нами в религиозной, философской, этической и эстетической формах. Столкновения, которые мы часто видим в мифах и религиях, это, в сущности, форма проявления экономической и политической борьбы. Борьба за экономические интересы и борьба за власть, вплоть до воцарения капиталистического образа мышления, выражались в облики мифических и религиозных явлений. Государство демонстрирует процесс фундаментальной структуризации идеологических очагов. То, что процесс подачи властных структур на индивидуальном уровне превратился в представительство на уровне структур, связано с появлением классового общества, развивавшегося вместе с процессом урбанизации, исторически называемым цивилизацией.

Город и классовое расслоение общества чаще всего отождествляются с капиталистической системой. Но в данном случае гораздо важнее раскрытие источников. Ни один из видов социальных взаимоотношений, чей выход или корни не раскрыты, не может быть достаточно осмыслен. Вопрос формирования города и по сей день не может считаться комплексом взаимоотношений, полностью нашедших свое объяснение. Это важнее и требует раскрытия не менее, чем вопрос возникновения капитализма. Лично я уверен, что не будет ошибкой считать город протокапиталистическим образованием. Если рынок

является сферой взаимоотношений, развившихся и воплотившихся в недрах капитализма, то город можно назвать развитой и укоренившейся формой рынка. Что касается нашей темы, то город стал наиболее развитым местом проявления, рынком существования мифического мышления. Что касается самого города, то он в силу своего рыночного характера оказался такой структурой, которая представляет собой орудие мощной социализации, требует аналитического, абстрактного мышления и более всего это проявляет. Город — сфера взаимоотношений, где мифический и религиозный миры более рационалистичны, город ускорил развитие науки насколько же, насколько и исказил ее, способствовал активизации таких исторических процессов, как развитие философии. Но больше всего город связан с аналитическим мышлением.

Абстрактный мир понятий, его отражение на искусстве еще более возвеличивают город. В общественное мышление внедряется абстрагированный от чувственного мышления мир образов, который стремится манипулировать устанавливаемыми им капканами и заговорами в сфере спекулятивных взаимоотношений. В городской обстановке развивается разум. В чем же заключается его характер? Что он реализует больше всего, просвещение или тьму? Абсолютно точных ответов на эти вопросы и по сей день нет. Войны и эксплуатация, власть и классовое расслоение — вот клубок главенствующих взаимоотношений, создающих городское общество. Он не только способствовал появлению в своей структуре деклассированных элементов, составляющих, кстати, подавляющее большинство самого общества, но и осуществил полный геноцид в отношении окружающей среды. Несмотря на то, что мифическое и религиозное самовыражение сообществ, базирующихся на сельском образе жизни, каким-то образом связано с аналитическим мышлением, они играют гораздо большую позитивную роль. Мир их верований во главе с божествами является отражением искренних миров, полных чувств. Их божества дружелюбны, милосердны, великодушны и приветливы. Они могут уменьшить боль, облегчить трудности. Но по мере урбанизации мифических и религиозных форм божества тоже облачились в образы абстрактных фигур, подвергая человека вечным испытаниям, жестоко наказывающих и требующих не столько молитв, сколько мольбы. Они причиняют боль, больше любят повелевать. В основном в образах этих божеств отражены первые лица того материального мира, который вступил в рыночное обращение. Рыночные и городские боги стали тесно переплетаться друг с другом.

Классовое расслоение общества развивается вследствие раздробления взаимоотношений между иерархическими группами, стоящими на вершине власти, и связанными с ними, в первую очередь, кровным родством, клановыми, родоплеменными и семейно-родовыми сообществами. По мере того, как группы, занимающие высшее положение, входят в структуру государства, группы, занимающие низшее положение, превращаются в подчиненные. А это — безжалостный и отчуждающий процесс. Он связан с отставанием чувственного мышления. В меру своей зависимости от правящих классовых групп, а также, принимая как должное факт их господствующего мышления, те, кто оказался на нижних ступенях социальной лестницы, фактически расписываются в своем падшем положении. Это и есть тот миг, когда угнетенные оказываются на дне общества. Соглашение с собственным приниженным положением становится крайней точкой отсутствия обеих типов мышления. Скудость мышления выражает самое негативное, деклассированное положение в обществе. Чем прочнее положение приносящего в жертву и поработавшего абстрактного мышления

на вершине общественной иерархии, тем больше безумия, нищеты и рабства на дне общества.

Проведя периодизацию истории сточки зрения мышления, мы придем к следующей картине: ранняя эпоха преобладания мифического и религиозного мышления (5000 гг. до н. э. — 500 гг. н. э.), теологическое Средневековье, ставшее синтезом религии и философии (VI-XV вв. н. э.), современная эпоха разветвления философии и науки (с XVI в. по н. в.).

Догматизация мифов способствует формированию религиозных верований. Но мифы нельзя полностью считать религией, поскольку религия предполагает неизменную веру и формы поклонения. Она полностью вымышлена, и вера в вымыслы составляет основу религии. Единственная положительная сторона заключается в том, что при переходе к абстрактному мышлению религия способствует глубокому разлому общества, и, хочет религия того или нет, но в обществе происходит подготовка почвы к научному и философскому мышлению. Вышеуказанные формы мышления развиваются в диалектической связи с религиозным мышлением. Они носят глубокие следы религии.

Несмотря на то, что в основе философии лежит мышление прежде умозрительного характера, она постоянно связана с конкретикой и не рвет связей с чувственным мышлением. Наивысшей формой мышления является абстрагирующая сила. Ее вклад в науку больше, нежели вклад религии.

Собственно говоря, у науки нет серьезных отличий от философии. Науку можно истолковать даже как философию с более развитой экспериментальной базой, И наука, и философия стараются осмыслить обе природы при помощи наблюдения и экспериментов. И это правильно. Но самым серьезным недостатком религии является отсутствие вразумительного ответа на задаваемый вопрос «почему?». Даже ответ на вопрос «как?», задаваемый природой, не может считаться полным ответом на вопросы жизни. Было бы неверно считать грандиозную Вселенную субстанцией без причины и цели. Наука, не знающая ответа на вопрос «почему?», задаваемый самой жизнью, в результате неизбежно превратится в орудие порабощения в руках власти. Я должен выдвинуть в качестве серьезного тезиса то, что отделение науки от философии и религии (что связано с вопросами о причинах и цели) тесно связано с капиталистическим мышлением.

Могу подтвердить свой тезис следующим образом. Религия и философия, даже мифы — это память общества, его идентичность и возможность самозащиты при помощи интеллекта. Как бы ни была искажена, как бы она ни противоречила самой себе, но ее существование — это социологическая реальность. Общество, чьи связи с историей и собственной памятью разорваны, и наука, зародившаяся в подобном обществе, могут только способствовать служению действующей власти — в данном случае это капитализм. Мифы, религия и философия в условиях капитализма полностью обесценены. Спросите, отчего? Ответ ясен. Это происходит оттого, что на протяжении тысячелетий религия, философия, эпос не воспринимали и изгоняли элементы капиталистического толка, притаившиеся в складках общества (всевозможными подстрекатели, спекулянты, злоупотреблявшие дисбалансом цен на рынке). Ведь если религия, философия и эпос смогут отстоять свое место в мышлении общества, продолжат занимать главенствующие позиции в чувственном сознании общества,

то превосходящая роль капитализма попросту окажется невозможной. Никакая власть в подобных рамках мышления, стало быть, морали, не может узаконить капитализм. В той социально-экономической системе, на которую она основана, она не в состоянии защитить его.

Социолог Макс Вебер характеризует христианство протестантов как мир мышления, подготавливающий интеллектуальную почву и нравственный переход к капитализму. Данное суждение, не лишённое доли правды, можно подвергнуть критике с двух позиций:

а) протестантство само по себе свидетельствует о слабой вере. Его приверженность к капитализму близка также и к науке. Что особенно важно, протестантство открывает эпоху национальных религий. Это своего рода стадия, предшествовавшая национализму. Что касается национализма, то это — чистейшая идеология капитализма. Рассмотрение именно с этой точки зрения масштабных религиозных войн, имевших место в Европе, способствует более полному раскрытию сути.

Капиталисты впервые обрели возможность победы в таком географическом регионе, где религиозные традиции были развиты слабее всего (Голландия, Англия, США). Вместе с тем, указанные страны являлись своеобразным пристанищем различного рода сектантских течений. Я не защищаю идею религиозной ортодоксальности, но всего лишь хочу пояснить, что легкий переход имел место в силу того, что протестантская мораль сама по себе наиболее слабая в христианской морали. В этом заключается отличие моих взглядов от взглядов Вебера. Просто я считаю отрицательным то, что он называет положительным;

б) как бы парадоксально это ни прозвучало, капиталистическое мышление получило признание на конечной или ослабленной стадии длительного исторического развития религиозного мышления. Я совершенно не считаю науку продуктом капиталистического развития. Тут можно говорить о роковом совпадении этапов развития, когда научная революция имела место почти в одно столетие с капиталистической— экономической революцией в Западной Европе. Это совпадение эпох завершилось тем, что конструкторы капиталистической мысли выдали за правду гигантскую ложь о том, что капитализм, якобы породил науку. Личности, внесшие свой вклад в науку, конечно же, проживали в тех же обществах, где имело место активное развитие капитализма. Однако это обстоятельство ни в коем случае не приведет к тавтологии типа «ученые появились благодаря капитализму». У представителей научного мира были противоречия с представителями религиозной мысли, но также большинство из них не принимало капиталистическое мышление.

Необходимо подчеркнуть, что капитализм использовал все формы мышления точно так, как извлекал выгоду от спекуляции товаром и деньгами. Взвесив все формы мышления, капитализм подготовил те из них, которые соответствовали его интересам в виде новых форм философских или религиозных школ и вновь вывел их на рынок под маркой либерализма и позитивизма. Ему удалось продемонстрировать мастерство или даже хитрость, позволившие продать как кусок новой ткани те формы мышления, которые были подходящими для него.

Мышление капитализма может быть охарактеризовано с различных позиций. Но в первую очередь оно должно быть охарактеризовано как эклектичный, конформистский позитивизм и либерализм с высоким риском обмана; с одной стороны, это мышление догматичнее многих самых грубых догм, с другой стороны, неразумнее многих самых абстрактных философий; оно стало обманом и самым ужасным идолопоклонничеством. Если при помощи позитивизма наука была выхолощена и противопоставлена миру верований и нравственности, то при помощи либерализма индивидуализм, преследующий общество, был возведен до уровня национально-государственного божества, подстрекающего к свершению любого поступка, вплоть до геноцида. Ни одно религиозное мышление не породило столько войн, насилия и пыток, сколько капиталистическое мышление. Ни одно общество не сделало личность таким безответственным, падким на прибыль, жестоким ксенофобом, ассимилятором, диктатором, каким ее сделало мышление индивида в обществе победившего капитализма.

Капитализм как монополярная система, построенная на базе товара и денег, возводя современное финансовое мышление, затолкал человеческое общество в такие шаблоны мышления, до которых не могли додуматься никакие нимроды и фараоны, доведя людей до состояния прострации перед самыми низкими идолами, и в такой ситуации можно говорить об интеллектуальном банкротстве и разложении.

Очень большое значение имеет более тщательное наблюдение за содержанием капиталистического мировоззрения.

Прежде всего, должен подчеркнуть, что односторонние характеристики капитализма являются одним из результатов работы мысли под тяжелым прессом системы. Даже у марксистов и анархистов, считающих себя самыми рьяными антикапиталистами и творцами научной социологии, можно видеть такого рода толкования.

То, что Маркс посчитал личную теорию экономического базиса источником разъяснения всех правовых, политических и идеологических форм, вероятно, и стало одной из главнейших причин того, что социализм, во имя которого была развернута грандиозная борьба, так и не победил. Следует хорошо усвоить то, что никакое человеческое общество не сможет построить и систематизировать материальную сторону жизни (экономическую жизнь) без длительного познания и испытания формы мышления. Анализ системы, не проливающий свет на развитие мышления, в результате обернется служением гегемонии этих систем. Даже формирование такого анализа на полярно противоположной базе не изменит сути. Прежде всего господствующие системы, берут под свою гарантию существование этих властей путем структуризации мышления и политики. Материальная сторона жизни может быть организована именно в этих рамках. Идея Маркса «исправить диалектику Гегеля» оказалась не исправлением, как это принято считать, а ужасающей ошибкой. Теперь уже ясно, что идеализм Г. Гегеля, являющийся вершиной метафизического мышления, стал одним из основных указателей на пути к немецкой национально-государственной идее. До Гегеля были М. Лютер (родоначальник протестантской идеологии) и Э. Кант (уделявший внимание субъективизму, частично нравственности, в противовес жесткому объективизму). По существу, как бы парадоксально это ни показалось, Карл Маркс продолжил эту линию под названием пролетарской, антикапиталистической системы. Вывод: немецкая идеология

(мысль) завершилась фашизмом и лидерами типа Гитлера.

Лучше всех эту опасность в проблеме мышления осознал немецкий философ Ницше. Сила мышления в стиле Ницше является полной противоположностью современному капитализму. Большим недостатком стало то, что, резвившись, это учение не превратилось в политическую философию и практику. Запоздалые усилия французских философов Ж.Делеза, Ф.Гваттари, М. Фуко и др., а также итальянца А. Грамши, оказались очень слабыми и не влились в политическую структуризацию. То, что было достигнуто реальным социализмом — это стапятидесятилетняя история объективного преступного соучастия современного капитализма под маской левой идеологии. Поразительными примерами подтверждения этого являются Советский Союз и Китай. Надеюсь, в соответствующих главах я содержательно раскрою этот вопрос.

Критика капитализма анархистами, в частности, первыми классиками П.Прудоном, М.Бакуниным и П.Кропоткиным, в ряде позиций имеет более разъяснительный характер. Они лучше видели идеологические и политические масштабы. Однако то, что им не удалось добиться правильной структуризации идеологии и философии, а также совершенная оторванность от таких тем, как мораль и история, в итоге превратила их самих в некий идеологический товар на службе капитализма. Должен вновь подчеркнуть следующее: до тех пор, пока мыслительная деятельность не сольется в единое целое с эффективной политикой, нравственностью, историей и практикой, не избежать участи быть использованными противником, который или совсем уничтожит, или, ассимилировав, полностью нейтрализует все усилия. Как жаль, что антикапиталистическое мышление, как это видно на исторических примерах (в первую очередь, христианство, буддизм, зороастризм, манизм), разделило эту же тяжкую участь! Должен сразу же заявить, что я не утверждаю о том, что эти учения оказались впустую, не смогли избежать роковой участи. Если бы это было так, не было бы, впрочем, этих строк и не уделялось бы столько смысла нравственности свободы. Я всего лишь излагаю свои критические взгляды.

Если сегодня у кого-то есть стремление построить успешную альтернативную систему в противовес последней стадии эволюции, коей является капитализм (в охарактеризованной форме), и его историческому фундаменту, то необходимо активно развернуть плодотворную взаимосвязанную деятельность. Таковая может осуществляться в сфере философии политики, политической структуризации и практической деятельности в материальной составляющей жизни, причем делать это надо строго в том направлении, на которое указывает сила нашего мышления.

Место политической и военной мощи в гегемонии капиталистической системы, безусловно, заметно, но основная характеризующая все же состоит в том, что эти явления полностью охвачены, буквально парализованы процессом превращения культуры в индустрию. Можно сказать, что сознание сообществ, находящихся под влиянием системы, приведено в состояние более отсталое, нежели сознание человекообразных обезьян, и полностью поддающееся любым манипуляциям. Система взаимоотношений, сформировавшаяся в зоопарках, в сущности, является поразительным примером построения всего общества по образцу зверинца. Подобно тому, как животные в зоопарках являются объектами зрелищ

(показательными элементами), как и общество превращено в некий объект показа, и этот факт подтверждается и высказывается многими философами. Широкая рекламная кампания, развернутая в СМИ тремя активными индустриями «С», коими являются секс, спорт и синтез искусства-культуры, где две последние тесно переплетаются между собой, полностью нейтрализовала чувственное и аналитическое мышление общества путем их регулярной массированной бомбардировки, что последовательно оборачивается ликвидацией сознания социума, давно уже ставшего объектом зрелищ и утех.

Такое общество не просто капитулирует, а гораздо хуже — превращается в орудие управления и прихоти системы. В сущности, первый опыт показательного общества, предпринятый фашизмом, так и не изжил себя. Главари были ликвидированы, но система со своей национально-государственной машиной и трансконтинентальными компаниями в период «холодной войны» и после нее была возведена в главную роль. В плане разрушения устоев общества упоминаемый период во много раз превосходил времена многих империй, в первую очередь, Шумера, Египта, Индии, Китая и Римской империи. Несмотря на то, что имперская стадия капитализма, став вершиной его гегемонии (то есть предшествующих колониальных и империалистических стадий), однозначно проявляет объективные признаки хаоса и разложения, система стремится во что бы то ни стало нивелировать эту ситуацию, играя с обществом, иными словами, провоцируя разложение мысли общества изнутри, и это надо осознавать особенно четко.

В данном случае определяющим фактором является то, что половой фактор (секс), как уже сказано, возведен в ранг индустрии. Люди доведены до такого состояния, когда свой успех они видят и ищут в сексе. Но ведь для всех живых существ гендерный фактор играет поучительную роль в осознании жизни и стремлении к бессмертию. Только таким образом можно охарактеризовать значение полового фактора для всех живых существ, от одноклеточных видов до человека. Стало быть, он осмыслен и даже священен. Человеческие общества тоже на протяжении всей истории брали за основу именно такой стиль толкования. Все антропологические исследования подтверждают этот комментарий. Если и есть какие-либо отношения, которые не должны быть превращены в обменный товар (индустрию), то важнейшими из них просто обязаны стать половые, потому что они имеют отношение к священному, возвышенному и постоянному характеру жизни. Эти отношения не должны искажаться и угрожать другим формам жизни — в этом их ответственность.

Эксплуатация одного пола другим, можно сказать, является одним из основных орудий гегемонии системы. Не только сделав половой фактор обменным товаром, превратили в гигантскую индустрию; индийский фаллический символ божественности не только деградировал в обществе, но и превращен в господствующую сексуальную религию мужчины, который в сорок крат ниже этого культа. В частности, этот новый религиозный показатель, присутствующий в каждом мужчине, был поставлен во главу угла всех искусств, в первую очередь, литературы, и фактически превращен в некое средство одурманивания умов. Химические наркотики словно превращаются в «нолик слева» в сравнении с этой новой сексуальной религией. Мощная рекламная кампания в медиа органах (речь идет не о простой рекламе) превращает всех членов общества в половых извращенцев. И молодые, и пожилые, и даже дети, все, без разницы, становятся жертвами этого явления, все поставлены на службу этой машине. Женщина превращена в наиболее развитый

сексуальный объект. Она обречена на такое мировоззрение, что считает себя неспособной заработать копейку, если каждая клетка ее плоти не будет вызывать сексуального влечения. Священный семейный очаг превращен в некий сексуальный кружок. От священного культа матери и богини остался никому не нужный, забитый и заброшенный в угол типаж «мужеподобной бабы». Крайне тяжелая ситуация, причиняющая ужасную боль... Статус женщины, как инструмента сексуального, был доведен до крайней точки вследствие появления искусственного оплодотворения.

В рамках потребностей системы противоположная позиция также доведена до невероятных масштабов. Многодетность, в основе которой лежит традиция патриархального общества, в первую очередь, желание мужчин, вследствие запуска врачебных техник снизила роль женщин из низших слоев общества до уровня машин для рождения детей. Таким образом, трудная задача воспитания детей фактически становится участью бедных слоев, что, с одной стороны, помогает удовлетворять потребности системы в молодой рабочей силе, с другой стороны, приводит к непреодолимой деградации семейных ценностей. Тем самым одним выстрелом убивают нескольких зайцев. Семейные пары из высших слоев теперь уже рожают детей путем искусственного оплодотворения, или, не желая рожать своих детей, демонстративно усыновляют или удочеряют их, или вовсе предпочитают тратить большие деньги на домашних животных-любимчиков, а не рожать и воспитывать детей. Таким образом деградирует ценность ребенка, а женщины из высшего общества томно закатывают глаза, пытаясь оставаться вечно красивыми и способствуя ритуализации новой сексуальной религии. Итог: бессмысленный рост населения, безработица, не имеющая никаких исторических прецедентов, и экологический кризис, который не в состоянии выдержать груз жизнедеятельности человека. Должен сообщить, что ответы на эти вопросы и методы борьбы с этой проблемой я планирую раскрыть в «Социологии Свободы».

Индустриализация культуры, иными словами, широко распространенное производство культурного товара, стала вторым эффективным орудием порабощения. Культура в узком смысле слова отражает мир мышления, свойственный всем сообществам. Мысль, вкус и нравственность — вот три основные темы культуры. На протяжении столетий культурные элементы в рамках системы становятся предметами купли-продажи со стороны политических и экономических властей. С точки зрения легализации собственного положения для них незаменимым было привязывание к себе всех культурных элементов на протяжении истории. Элита экономики и власти, рано осознав это обстоятельство, не преминула принять соответствующие меры. Ассимиляция культуры в горнилах власти происходила вплоть до формирования иерархий, и это являлось основным орудием управления. Без культурной гегемонии нельзя было бы управлять экономическими и политическими монополиями. Системы, основанные на силе и эксплуатации, при их помощи могут сохранять свои позиции только благодаря кратковременным набегам и опустошению, но, когда не останется объектов для набегов, будут вынуждены или вступить в конфликт друг с другом, или совсем уйти в небытие.

Роль культуры в капиталистической цивилизации имеет жизненный характер. Культура как совокупность мышления всех сфер общества сначала ассимилируется (приспосабливается к экономической и политической власти) и затем превращается в индустрию для масштабной и жесткой экспансии во все общества мира (будь то нации, народы, национальные

государства, гражданские общества и компании). Литература, наука, философия, различные области искусства, история, религия и право — все сферы жизни превращаются в объекты экспансии и товар. Такие средства, как книги, фильмы, газеты, телевидение, Интернет и радио, выполняют свои функции в качестве товарных составляющих этой индустрии. В данном случае культурные товары не только способствуют грандиозному материальному обогащению, но и играют главную разрушительную роль посредством доведения интеллектуального плена до невиданных в истории масштабов, формирования классов, наций, родов и всевозможных общин, МАССЫ, потерявшей смысл жизни, по сути своей аморфной, бесформенной и обладающей обезьяньим аппетитом. В покорности собственной участи все эти сообщества ушли дальше безмолвных волков. Главными архитекторами этого явления становятся национальные государства, трансконтинентальные компании и монополии СМИ. В обществе их не интересует ничто, кроме добывания денег и их потребления. Даже доведенные до нищеты слои общества пришли в такое состояние, что представляют себе никакой цели, кроме как завтра заработать чуть больше, чем сегодня, и зажить лучшей жизнью.

Обратим внимание на факт использования принципа доведения до нищеты как культурного явления. Даже столь нелюбимое нами Средневековье смогло осознать, что доведение до нищеты становится причиной волнений масс, и свидетельством культурной победы этой системы является то, что она установила систему оплаты труда в рамках культурной гегемонии.

Ужасающей стороной господства совокупности культурной и сексуальной индустрий является то, что это господство и даже заточение всего сущего в рамки воспринимается добровольно, даже называется «взрывом свободы». Ясно, что именно это является сильнейшей опорой, орудием узаконения системы правления. Имперская стадия капитализма возможна только при индустрии культуры. Таким образом, борьба против культурной гегемонии требует самой глубокой борьбы интеллектов. Войну с культурной экспансией, которую система осуществляет своими завоеваниями, ассимиляцией и индустриализацией, необходимо развить и организовать как формально, так и в плане содержания, иначе никакая борьба за свободу, равенство и демократию не будет иметь шансов на успех. Такого рода проблемы я также постараюсь рассмотреть в «Социологии Свободы».

Спорт во всех обществах изначально играл роль подготовки для участия в чем-либо. Спортивные игры предназначены для успешного участия в жизнь. Они прививают навыки к социуму. В частности, первые признаки индустриализации спорта видны со времен разложения Римской империи — таков смысл института гладиаторов.

Капитализм с самого начала объединил спорт с техникой власти (профессионализация спорта) и, уничтожив его любительскую суть, поставил на рельсы индустрии. Он стал еще одной сферой приспособления в рамках превращения в обменный товар. Вместо того, чтобы поставить во главу угла принцип участия в жизнедеятельности общества на почве высоких моральных ценностей и физической выносливости, спорт был превращен в средство заработка, а для этого потребовалось стимулирование соперничества и превращение общества в пассивного созерцателя. Культ арены (на глазах у публики человека отдавали

на растерзание львам или преступные гладиаторские бои) распространился на все виды спортивных состязаний. Стремление к рекордам и жажда аплодисментов — вот два главенствующих символа. Иметь команду стало гораздо важнее, нежели иметь веру или философию. Понятие поддержки спортивной команды обрело характер болезни. Спорт был превращен в эффективное средство управления в руках правящего класса. К примеру, какая религия или философия могут иметь такое значение для правящих классов, как футбол?

Даже не даваясь в детали, можно сказать, что превращение трех «С» в индустрию привело их на вершину искусства управления. Без превращения трех «С» в индустрию невозможны ни управление мировым капиталом, ни национально-государственная власть. Должен еще раз подчеркнуть, что мы не собираемся поливать грязью половой фактор, культуру и спорт как явления жизни. Критике подвергается то, что эти социальные явления и наиболее жизненные сферы действия принципа постоянства доведены до деградации и превращены в индустрию.

Другим важным средством влияния на мировоззрение является культ виртуального мира, реализуемый в рамках гегемонии мышления капитализма в основном медиа-органами. Виртуализация жизни означает восхождение аналитического мышления до самых крайних пределов. Если даже такое ужасное явление, как война, преподносится в виртуальной форме, то разрушение нравственности становится обыденным делом. Жизнь, которую человек не испытал на себе физически и не осмыслил при помощи интеллекта, всегда называлась фальшью. Даже если теперь такая жизнь уже называется виртуальной, она все равно не перестает быть фальшивой. Мы вовсе не собираемся обвинять технический прогресс как таковой за то, что он сделал возможным виртуальное отображение жизни. Мы оцениваем те аспекты технического прогресса, которые в очередной раз сделали возможной эксплуатацию, парализовав тем самым сознание индивида. Технология без осмысления представляет собой самое страшное оружие. Господство капитализма над техникой и потребность в управлении миллиардами людей становятся основными факторами, требующим виртуализации жизни. Жизнь уже перестает идти естественным ходом, она окапывается в процессе постоянной виртуализации. Она как будто умирает стоя. Симуляция становится конкретным воплощением жизни. Но симулирование любого явления, взаимоотношений, произведений не может способствовать обогащению человека знаниями. Это процесс оглупления личности. Подражание всем плодам цивилизации не в состоянии стать залогом прогресса, оно всего лишь реализует гегемонию культуры подражания. Смысл дифференциации, лежащий в основе жизни, ни в коем случае не может опираться на повторении. Даже история не повторяется, ибо подражание является антагонизмом прогресса, а виртуальная жизнь, как известно, основана на безграничных повторах. Все обезличивается, подражая друг другу. Таким способом общество превращается в отару овец. Без виртуальной жизни нет эпохи финансов. Это происходит только в результате безграничного отупения, а это возможно только путем культивирования мнимой, виртуальной жизни.

Основной обязанностью идеологии свободной жизни является противостояние этому процессу. Реальное представление свободной жизни и ее организация — это важнейшее из того, что необходимо сделать для того, чтобы сохранить общество. Именно в этой плоскости лежат вопросы, на которые больше всего должна дать ответ социология свободы. Этот

успех системы можно было бы прокомментировать с нескольких позиций.

Первое — это ослабление функциональных связей общества с нравственностью и религией, принижение их роли и места, доведение до зависимого положения вследствие главенства светского права. Религия и нравственность теперь уже допустимы в тех рамках, в которых они могут служить системе. Право и светский характер жизни, по сути своей, становятся средствами перехода контроля над обществом к капиталистической власти. Включив и аристократические прослойки, и крепостных старого общества в рамки накопления капитала и превращения их в рабочую силу, а также создания своеобразного резерва, система при помощи правовых и светских средств, ставших ее орудием, фактически ликвидирует эти прослойки. Но она не стремится к их полной ликвидации. Поскольку прослойки старого общества были достаточно эффективными средствами в руках цивилизации, они нужны новой системе как последнее слово цивилизации. Но при этом важнейшим условием было то, чтобы они не участвовали в экономической и политической власти, не чинили препятствий системе. Реформы в религии и модель правового государства в результате выполнения этих функций становятся основными показателями современного капитализма. Они уже играют свои истинные роли двух основных средств перехода к капиталистической экономике и обществу. Вместе с тем они становятся орудием решения проблем, имеющих в сознании системы.

Второе — это «научный метод». Разделение на «объект-субъект» стало едва ли не ключом к гегемонии разума. Принцип объективности, ставший, на первый взгляд, незаменимой составляющей научного метода, по сути, является предварительным этапом подготовки господства субъективизма. Для того, чтобы управлять, надо быть субъектом. Естественно, те, кем управляют, исполняют роль объектов. Быть объектом означает превратиться в вещь, которой управляют. Стало быть, вещь, естественно, объект и является методическим выражением превращения в простаков, которыми субъекты управляют по своему усмотрению. Вместе с тем, этот процесс превращается в кредо науки. Субъектно-объектное разделение своими корнями уходит вглубь до философии Платона. Дилемма знаменитого мира идей Платона и простых отражений является основой всех схожих разделений. Мифическую основу этого в захватывающей форме демонстрируют Шумер и Древний Египет. Настоящими корнями данного явления стали обожествленное возвышение и возвеличивание высших иерархических слоев на фоне порабощения низших слоев. Отражение дилеммы «создатель и тот, кого создали», «правитель и гот, кем управляют», в сознании общества происходило в форме таких дилемм, как «бог-раб», «слово-вещь», «прекрасные идеи — примитивные идеи», и, разившись, превратилось в дилемму «субъект-объект». В этой же форме происходило разделение на дух и тело. Политический смысл этого разделения заключается в отрицании демократии и подготовки почвы для олигархических и монархических режимов.

Следует четко осознать то, что капитализм и аналитическое мышление сплетаются в самые коварные заговорщические узлы. Захватывающим выражением этого процесса стала биржа, являющаяся той самой сферой, где спекулятивное мышление приносит потрясающую прибыль. Спекуляция и инсинуационное мышление в рамках системы выглядят, как братья-близнецы. Аналогичная ситуация происходит в политической и военной сферах.

Войны строятся на лукавстве и коварстве — это и оказывается венцом охотничьего культа. В биржевой, политической и военной сферах инсинуационное мышление, как никогда прежде, играет роль средства манипуляций и заговоров. Ни на йоту не уступает место таким понятиям, как совесть и чувства. В один и тот же миг йодной сфере можно творить ужас при помощи ядерных и прочих кошмарных бомбардировок, но в это же время в другой сфере, не проливая ни капли пота, можно извлечь миллиардные прибыли.

Можно сказать, что капиталистическое мировоззрение полностью обнажается именно в биржевой, политической и военной сферах. Нет никаких человеческих ценностей и чувств, которые не ущемлялись бы капитализмом во имя извлечения прибыли.

Но ведь «альфой и омегой» жизни является именно чувственное мышление. По мере отрыва от этого типа мышления приводит к постепенной утере смысла жизни. Экологические бедствия свидетельствуют о том, что опасность, нависшая над жизнью, становится своего рода предвестником Апокалипсиса. Виною тому превращение искаженного инсинуационного мышления при помощи языка, власти, города, государства, науки и искусства в самого настоящего вселенского монстра Левиафана (вселенская империя мирового капитала). Только глубокое развитие чувственного мышления помогут остановить это чудовище. Для того, чтобы обезвредить этого монстра, надо нейтрализовать его воздействие на свободную жизнь. Надо нейтрализовать его пока он не уничтожил планету. Надо превратить нашу планету в такую красоту, без которой нельзя будет жить, иначе она окажется таким ужасом, в котором жизнь будет просто невозможна. Основной функцией социологии свободы станет достижение теоретического взгляда на эту жизненную практику и ее правильная реализация.

1.2. ЭКОНОМИЗМ

В эту группу входят те, кто считает, что рождение капитализма является естественным результатом экономического развития. В частности, марксизм с этой точки зрения принижен до экономизма. Так что, капитализм всегда воспринимался как экономическая модель. Политическая экономия чуть ли не поставлена во главе всех социальных наук. Под этим названием было объединены в дисциплину некоторые решения, касающиеся экономической жизни.

Реализация капитала, то есть вложений, приносящих прибыль, на базе существующей на рынке эксплуатации цен сыграла серьезную роль в развитии этого взгляда. Определена такая тенденция, в рамках которой считается, что возможно капиталистическое развитие в отрыве от истории, общества, власти, в целом от процесса цивилизации. Парадоксально, ноте, кто громче всех называет себя противником капитализма, возведя капитализм на не заслуженные им позиции, на словах оказываются борцами с той системой.

Можно понять политэкономистов английского происхождения. Поскольку это страна, где капитализм достиг своего апогея, можно ожидать, что они смогут смоделировать новую экономику. То, что К. Маркс акцентировал свое внимание на этой модели, с критических позиций английских политэкономистов очень важно и предельно объяснимо. Беда заключается в том, что произведение Маркса осталось незавершенным, а его последователи — марксисты — полностью превратили в карикатуру. Отсутствие систематического анализа отношения капитализма к власти и государству можно считать самым серьезным недостатком его учения. Он старался определить роль идеологии. Местами сильны его подходы, связанные с анализом мышления капитализма.

Однако его основная ошибка заключалась в том, что он опирался на взгляды позитивизма, являвшегося официальной идеологией эпохи Просвещения и давно уже оставившего свое клеймо в интеллектуальном мире. Маркс верил в то, что социология может добиться не меньше физики, у него не было никаких со мнений по поводу этого. Именно этот подход привел к тому, что его очень ценный груд «Капитал» остался половинчатым, а по сути своей был истолкован не столько как исследование, а как некий религиозный постулат. Известно, на какие дела способны последователи духовного учителя. Так, толкования Лениным империализма, монополистического капитализма и государства-революции не смогли превзойти уровня философии эпохи Просвещения. Более того, несмотря на некоторые взгляды на уровне серьезного вклада, отсутствие потенциала, способного превзойти капиталистический модернизм, стало основным фактором неудачного опыта Советского Союза.

В толкованиях капитализма, данных анархистами, также преобладает экономический акцент. Но они остались в рамках убеждений о том, что если капитализм как система

исчезнет, если будет осужден экономически. Но это мировоззрение, изуродованное позитивизмом. Вот что они утверждают: есть законы науки, и поскольку экономика тоже наука, стало быть, и у нее есть свои законы. Так вот, согласно этим законам, капитализм обречен на гибель, поскольку он порождает кризисы. В первую очередь надо ускорить действие этих законов. Вывод: капитализм падет и на его месте будет построен коммунизм! Ясно, что в основе этих взглядов лежит неверное восприятие общественных реалий. Для общества характерна систематика, даже хаос, которые действуют далеко за пределами идеологии эпохи Просвещения. Все интеллектуально-структурные образования общества не только сильно отличаются от науки, признанной позитивной, но и в большинстве своем характеризуются хаотическим характером практического состояния, поэтому они требуют разнообразных подходов к решению и практической реализации собственного потенциала.

В свете этих критических замечаний мы можем пролить свет на связь экономики с капиталом, то есть внутри самой системы капитала. Несмотря на то, что первое утверждение может показаться парадоксальным, но, тем не менее, капитализм нельзя считать экономикой. Действительно, рассмотрение капитализма как политического режима приблизит нас к осознанию прибыли, лежащей в его основе. Здесь очень важно не опуститься до простой конкретизации власти и государства. То есть не стоит перескакивать от экономизма к рассуждениям о власти. Если бы социолог Макс Вебер вместо своего труда под названием «Протестантская этика и дух капитализма» просто истолковал капитализм как секту, то его шансы на полное раскрытие темы заметно возросли бы. Fernand Braudel пытался объяснить зарождение капитализма установлением монополии на цены, образующиеся на рынке. При том что все упомянутые позиции, включая Маркса, имеют серьезное значение, их основным недостатком является то, что экономическое обоснование в них ставится во главу угла, как нечто обязательное.

По моему мнению, капитализм — это зародившаяся в Западной Европе, начиная с 16-го века, господствующая общественная формация, в основе которой лежит старая военно-политическая и культурная традиция, вовлекшая в организационную форму хитрую аннексию всех общественных ценностей, в первую очередь, материальные накопления. Рождение капитализма мы также можем назвать современным звеном древней аннексионистской традиции, которая ознаменовалась захватом общественных ценностей, сформировавшихся вокруг матери-женщины, группой мародеров, сколотившейся вокруг сильного мужчины. Рождение капитализма — это акция социальных групп с развитым спекулятивным мышлением, которые в Англии и Голландии, а еще раньше в таких развитых городах-государствах Италии, как Генуя, Флоренция и Венеция, в виде первых капиталистических групп осуществляли свою тесно сплетенную с государством деятельность чуть ли не в форме сект, и при помощи введенных ими новшеств продемонстрировав мастерство сколачивания денег, захватывали гигантские материальные ценности, легко играя ценами, образующимися на рынках, развернувшихся во всех точках мира, и, при необходимости, могли легко применить силу. Некоторые могут назвать их местной династией, аристократией и буржуазией. Единственным и важнейшим различием первых капиталистов от первобытных и средневековых разбойников, является то, что они базировались в городах, жили в тесном сотрудничестве с государственной властью, а при необходимости применения силы делали это в завуалированной форме, как бы оставаясь на втором плане. На первый взгляд, у экономики есть свои правила. Упомянутые группы тоже

извлекали прибыль в соответствии с этими правилами, используя свой интеллект и первый стартовый капитал. Исследование капитана на протяжении всей его истории покажет, что данный подход чем-то сродни сказке.

В колониальных войнах, развернутых на базе первых накоплений, никаких экономических правил не было. Колонии, которыми управляли Португалия, Испания, Голландия, Франция, а до них еще Венеция и Генуя, обеспечивали первое накопление капитала, непосредственно и полностью основанного на применении силы. Эта истина с легкостью подтверждается на примере рынков близлежащих стран и колониальных территорий. После первых «сорока разбойников» в дальнейшем возникли прослойки господ. Появились первые феодалы. Называя современных «сорок разбойников» господами-буржуа, будет данью моде, не более того. Дисциплины, называемые экономическими науками, продолжают свою главную функцию, которая заключается в маскировке сути дела. Какая теория сможет сделать хорошую презентацию в этих вопросах, та и будет премирована, и поставлена во главу угла. Ни одна наука так вольно не играет с действительностью, так не переворачивает истину с ног на голову, как это делает экономическая наука. Наибольшее заблуждение, основанное на инсинуациях, мы видим на примере капиталистической политэкономии. Капиталистический модернизм стал единственной системой, сумевшей занять люксовые позиции, благодаря науке, скорее напоминающей ремесло фальшивомонетчика.

Фундаментальной проблемой всего живого является добыча объектов экономики или материальной жизни. Экономика является тем самым материалом, на базе которого реализуется процесс эволюции. Система живых существ продолжает свою жизнедеятельность путем метаболического переваривания элементов питания, полученных извне и соответствующих собственной системе пищеварения. Общее, правило эволюции, заключающееся в том, что постоянный характер жизнедеятельности обеспечивается путем дифференциации. Для того, чтобы предотвратить чрезмерное увеличение численности одного вида и препятствовать нашествию, тем самым, уничтожение других видов, эволюция поддерживает постоянный баланс в природе. Так, чрезмерный рост численности грызунов, наносящих колоссальный ущерб растительности, предотвращают змеи, те же самые функции в отношении стад баранов, коз и буйволов выполняют хищники, что и способствует поддержанию природного баланса и развитию видов. На вопрос, почему так происходит в рамках естественной эволюции, можно дать ответ только изучив их результаты. На мой взгляд, основная причина заключается в стремлении всего живого поддержать свою жизнедеятельность путем развития. Как это можно назвать, дикостью природы, или ее справедливостью? Это — тема отдельной дискуссии. Это все есть продукт глубокого мышления, или связано с примитивностью? Стоит ли включать это в рамки метафизики, или нет? На мой взгляд, это важные проблемы, относящиеся к бытию, к которому следует подойти с позиций аналитического мышления. Этот аспект можно связать также с существованием общества.

Самой важным ответом, на эти проблемы, может быть то, что эволюция постоянно отслеживает процесс совершенствования. Поиск совершенного и прекрасного во вселенной и в потоке времени становится как бы мечтой. В противном случае как можно будет объяснить развитие эволюции до современного типа человека, более того, развитие самого человека в условиях узкого общества? Если бы мир делился на львов и буйволов, то жизнь

не развилась бы дальше примитивных водорослей. Величественная эволюция, сформировав человека, способствовала переходу на уровень таких категорий, как совесть и мораль. В чем смысл? В милосердии и справедливости! Суть этого принципа выражена следующим образом: «Если бы было единомыслие во всем, то ягненок и волк жили бы бок о бок». В этом кроется вселенский признак. Возможно ли братство волка и ягненка? Практика человека доказала возможность этого. Иными словами, незаменимым условием человечности должно стать размышление о том, что «человек человеку не волк» (в противовес ужасающего принципа капитализма). Что касается сути вопроса, то когда-то у ягненка и волка был один общий предок. Различия появились позже. Отчего бы им не начать повторный путь, теперь уже, по меньшей мере, к братству? Как минимум, теоретически это возможно, и существует много примеров тому.

Вот для чего я говорю об этих обстоятельствах: ясно, что количество случаев зарождения капитализма, которые мы можем наблюдать в истории эволюции, крайне ограниченные, можно сказать, дикие примеры этого явления не могут служить поводом для оправдания этой формации. Вот еще один, более выразительный ответ: если не брать во внимание тот факт, что эволюция способствовала развитию первых примитивных водорослей до уровня растений, растущих на суше, далее до величественных деревьев, а также эволюционный путь до формирования миллионов травоядных (не поедающих друг друга) животных, то неужели применительно к жизни человека стоит рассматривать те примеры, которые можно было бы истолковать как раковые опухоли на теле эволюции? Исходя из того, что в естественно-эволюционном процессе нет места теории зарождения капитализма, я должен подчеркнуть эти обстоятельства в качестве преамбулы. Сюда входит еще и обратный принцип, заключающийся в постоянном увеличении армии безработных и неизменно низком уровне заработной платы.

С биологической точки зрения подтверждается то, что человек, осуществляя свою жизнедеятельность на социальной основе, несет в себе отпечатки всех вселенских процессов, что расширяет его практические возможности. Если толковать науку, не связывая ее с религией позитивизма, то четко осознаем, что это и есть прекрасное определение. Я говорил, что в части, касающейся Социологии Свободы, постараюсь изложить свои взгляды и на эту особенность человека, и на его нравственный выбор, и на его способность к суждению (возможность свободного выбора); я также вкратце остановлюсь на РИТМИЧНОМ РАЗВИТИИ социального прогресса, которое не противоречит естественной эволюции, и постараюсь остановиться на вопросе о том, почему цивилизованную жизнь, основанную на чрезмерной урбанизации, а также на государственных и авторитарных очагах, растущих подобно опухоли вместе с урбанизацией, иерархической структуризацией и классовым расслоением, следует рассматривать или в плоскости «разъяренного льва», или, напротив, в плоскости «забитого вола».

Прежде всего, я вновь должен подчеркнуть, что в эволюционном процессе можно найти корни такого рода процессов, а в эволюции человека, как вида, эти явления можно считать своего рода болезнью, искажением и атавизмом (например, каннибализм). Более того, необходимо предельно ясно осознать то, что естественный ритм эволюции не таков. Очень важно понять то, что социальная система, обладая характерными чертами атавизма, ни в рамках цивилизации в целом, а в частности, на ее капиталистической стадии не может

сформировать вторую природу, и это надо не просто отчетливо выявлять (пусть это будет сдачей, стоящей перед академиками), но воспринимать как фундаментальный жизненный принцип. В противном случае все свои рассуждения мы изначально обрекаем на ущербность.

Рассуждая о рождении капитализма, Фернан Бродель обнаруживает очень широкие возможности наблюдения и сравнения. Так, исследуя историю, общество, власть, цивилизацию и культуру в рамках категории места, он вносит ясность и в проблемы метода. Он проявляет крайнюю осторожность в отношении позитивистских подходов. К. Маркс, находясь под глубоким влиянием Просвещения, берет за основу позитивистскую науку крайне амбициозен в своих взглядах на экономику как на науку, здесь надо принять во внимание и долю социологии, находившейся на стадии роста. Научная категоричность и линейная прогрессивность давно уже внедрились в сознание на уровне кредо. Романтизм, пытаясь разрушить эту линию, напротив, впадая в волюнтаристские крайности, усугубляет все проблемы мыслительного характера. Тяжело добавить что-либо новое в позиции Ницше, для которого характерны релятивизм, цикличность и чувственность мышления. Именно в этой обстановке духовного смятения либерализм обретает силу. Если при помощи позитивизма капитализм способствует философскому уклону, точнее, привносит религиозный оттенок, в точные науки (в том числе химия, математика, биология), то при помощи либерализма он делает то же самое с социальной действительностью. Одержав на этой базе победу в идеологической борьбе, с наступлением 19-го столетия добивается глобализации системы. Что касается экономической победы, то она была достигнута гораздо раньше. Попробуем углубиться на этих критических замечаниях и толкованиях.

Общества в рамках своего интеллектуального развития всегда находятся в поиске объектов своих материальных потребностей и развивают их; так, предметом их постоянных раздумий постоянно является вопрос пищи, крова над головой, размножения и собственной безопасности. Раньше люди могли довольствоваться тем, что удалось найти, жили в пещерах, лучше защищали свою жизнедеятельность на берегах озер или на окраине леса, признавали превосходство матери, дающей начало новой жизни, и все это происходило в силу указанной основной потребности. Со временем на исторической арене появляется охота. Развитию этой культуры способствует стремление к сохранению собственной жизни и потребность в мясе. Но с самых ранних этапов формирования общества можно наблюдать все возрастающую напряженность взаимоотношений между женщиной, занимающейся собирательством, и мужчиной, который преимущественно был охотником, и именно это привело к поляризации общества на базе двух различных культурных эволюций. На обоих полюсах общества происходит одностороннее развитие, и если с одной стороны происходит формирование образа мужчины-льва, то с другой стороны формируется образ безмолвной и трудолюбивой женщины-буйволицы. Именно таким образом формируются основы двух различных экономических мировоззрений. В эпоху неолита женская культура достигает своего апогея. После последнего ледникового периода, то есть, начиная с 15 тысячелетия до н. э., в частности, очень богатый растительный покров и животный мир в горной системе Тавра и Загроса (в предгорьях) способствовал формированию эйфории райской жизни. Являясь основным потоком развития общества, дошедшим до наших дней, этот период, пережив в дальнейшем период дифференциации в рамках письменной истории и цивилизации, фактически оставил свой серьезный след на всем процессе глобализации.

Процессы, происходящие и по сей день в рамках различных языковых групп, являются продуктами того периода.

Единственным значительным фактором, о котором можно говорить в связи с капитализмом на протяжении этой длительной истории человечества, это то, что охотничья культура со временем способствовала превращению мужчины в гегемона общества. Насколько можно утверждать, неолитическая культура, получившая и 10 тысячелетии до н. э. постоянный характер, имела преимущественно женское содержание. Переход из пещер в примитивные сооружения наполовину-шатрового типа (вблизи пещер), имевший место в эпоху собирательства, появление навыков, связанных с посевом растительных семян, сбором и хранением урожая, в дальнейшем способствует сельской и земледельческой революции. Современные археологические исследования и раскопки свидетельствуют о том, что указанная культура развивалась и Верхней Месопотамии, в частности, во внутренних подножьях горной системы Тавра и Загроса (Брадостиан, Гарзан, Аманос и внутренние предгорья Среднего Тавра, культуры Невали Чори, Чайону, Чаме Халлан). Пусть и в ограниченной степени, но уже происходило накопление излишков продукта.

Возможно, впервые применительно к этому стилю накопления можно использовать слово экономика, даже если не в плане понятийной категории, а как характеристика ее сути. Как известно, слово «экономос» в переводе с греческого языка означает «закон семьи, дома». Экономика родилась вместе с рождением первых оседлых сельских семей, сплотившихся вокруг женщины, а также обретением человеком возможности хранения и складирования, пусть и в очень ограниченном количестве, продуктов питания, в первую очередь, тех, что могли определенное время не портиться. Но это не было накоплением, способным удовлетворить потребности купца и рынка, это всего лишь накопление для нужд семьи. Именно такая форма экономики, судя по всему, является самой человеческой и самой настоящей. Благодаря широко распространенной культуре дарения, накопление, как явление, не стало фактором угрозы устоям семьи. Принцип «Имущество порождает жажду обладания», по всей видимости, зародился именно в тот самый период. Культура дарения является значительной экономической формой. Она в высшей степени соответствует ритму развития человека.

Можно говорить, что именно в указанный период началось формирование культуры жертвоприношения. Совершенно очевидным является го обстоятельство, что сама по себе система божеств сформировалась как результат уважения общества, заимевшего излишки продукта, к высшим силам и как результат первого выражения этого уважения. Рост производительности повлек необходимость восхваления тех сил, которые, согласно мировоззрению человека той эпохи, сделали возможным этот рост. Поскольку источник этого мировоззрения лежит в недрах эволюции стиля жизнедеятельности общества, представление таких явлений, как самоидентификация и возвышенность результатами молитвы, поклонения и возрастающего развития духовного мира теснейшим образом связано с земледельческой революцией. Археологические находки довольно ярко подтверждают эти предположения. Более конкретно можно сказать, что эти факторами подтверждаются такие понятия, как мать-богиня и священная мать. Распространенность женских фигур является одним из важнейших обстоятельств, подтверждающих эту истину.

Но пугающая опасность возникнет позднее. Накопление излишков продукции, растущее, благодаря опыту и развитию со знания, но не потребляемое в форме дарения, воспринималось сидящим в засаде мужчиной-охотником как предмет торговли, так и формировалась культура торговли. Накопление излишков продукта в различных регионах способствует возникновению такого явления, как торговля. Свойство продуктов удовлетворять взаимные потребности сторон приводит к рождению торговли и купца, как профессионального, или второго серьезного разделения труда. Пусть и в загруженной рецессиями форме, но человек узаконивает это явление, потому что продукт, выставленный для торговли, фактически развивает разделение труда. Это, в свою очередь, способствует повышению производительности производства и самой жизни. Чем больше продуктов и качества с одной стороны, и полезных ископаемых с другой стороны, тем осмысленнее торговля.

История свидетельствует о распространении торговли, начиная с 4-го тысячелетия до н. э. В связи с развитием цивилизации вокруг города Урук, ставшего первым городом-государством в Нижней Месопотамии (4000-3000 г.г. до н. э.), наблюдается формирование крупной торговой колонии, растянувшейся от Элама, что на юго-западе Ирана, до окрестностей современных юродов Элязыг и Малатия, что в Верхней Месопотамии. Первые очаги колонизации появились именно таким образом. Ранее, в 5-4 тысячелетиях до н. э., в доурукский период, господствующей была колониальная культура Эль-Убейд (первая серьезная патриархальная культура догосударственной эпохи). Торговля и колонизация развивались в тесном переплетении. Керамика и ткацкие материалы обмениваются на ископаемое сырье и древесину. Вместе с купцами появляются рынки. Бывшие центры дарения и жертвоприношения постепенно превращаются в рынки. Первого торговца, достигшего уровня понимания преимущества примитивного ценообразования между продукцией, привозимой из различных регионов, можно назвать древним капиталистом. Ведь, имея возможность назначать цену за продукт, он обретал возможность невиданного на тот период накопления товара.

Должен сказать, что опять-таки процессу превращения ценностей в товар способствовало влияние обмена товаров и торговли. Еще не был совершен переход от «экономики дарения» до обменных ценностей. Основным для общества является потребительская ценность товаров. Потребительская ценность является их свойством удовлетворять определенные потребности. Для человека основным является именно эта ценность. Обменная ценность является спорным понятием, поэтому большое значение имеет ее правильная характеристика. На мой взгляд, рассмотрение труда, как основы обменной ценности, является очень спорным подходом, включая позиции Маркса. Какой бы разновидностью труда ни пытались ее объяснить, конкретным трудом, или абстрактным, обменная ценность всегда будет носить спекулятивный характер. Предположим, первый торговец из Урука, находясь в одной из торговых колоний на берегах Евфрата, решил обменять свои керамические изделия на различные камни и ископаемые соединения. Когда мы говорим о том, кто первым должен установить обменную ценность, то, во-первых, имеем в виду степень взаимных потребностей, во-вторых, инициативу купца. Чем выше уровень потребности, тем дороже купец может оценить свой товар. Вместе двух против одного он с легкостью может установить пропорцию четыре против одного. Не было никаких факторов, которые могли воздействовать друг на друга, кроме совести, точнее, силы купца. Где же в

таком случае роль труда?

Я вовсе не намерен полностью игнорировать фактор труда, я всего лишь утверждаю, что этот фактор не является основным и определяющим. Это обстоятельство можно проследить во всех случаях обмена товаров, имевших место в истории. Время от времени в процессе обмена товаров на почве свободной конкуренции мог осуществляться обмен труда и стоимости, близкий к уравниванию. Но это скорее теоретический обмен между трудом и стоимостью. В действительности, определяющей оказывается спекуляция. В некоторых случаях имеет место чрезмерное накопление товаров, и тогда этот товар обесценивается. Поскольку мы не можем сказать, что в случаях, когда требуется дополнительный труд для уничтожения обесценившегося товара, стоимость самого труда исчезает, становится ясно, что труд не является основным определяющим критерием. Опять-таки определяющей становится сила купца, имеющего возможность создавать и кризис и обилие. Дело в том, что одни товары создаются при помощи других. На протяжении всей истории, благодаря накоплению продукта усилиями тысяч безымянных трудящихся, осуществлялось производство товара. Хорошо, какой механизм может обеспечить выплату этим ушедшим в историю трудящимся то, чего они заслуживают? Если к ним прибавить еще созидющего ремесленника, даже необходимость социального влияния, то станет ясно, что невозможно представить себе цену, стало быть, оплату такого труда, который называется живым трудом?

Именно здесь выявляется ущербность или фальшивость английской политэкономии. Как известно, первая победа капитализма как системы имела место в островной Англии и Голландии. Непременным условием узаконения капитализма нужны теоретические мотивы. В частности, для того, чтобы завуалировать тот факт, что капитализм является спекулятивной прибылью, очень серьезное значение имеет приемлемая теория. Точно так же, как происходило в первых урукских торговых религиях, роль представителей новой версии мифического мировоззрения оказалась в руках тех, кто на словах называются учеными-политэкономистами, а на деле являются создателями новой религии капитализма.

Так что была создана не политэкономия, а новая религия. Причем, как и в любой религии, новая религия внедрялась при помощи священных книг и многочисленных разветвленных течений. Политэкономия является самым фальшивым и грабительским произведением инсинуационного мышления, созданного для того, чтобы завуалировать спекулятивный характер капитализма (товарный сток с целью управления ценами, злоупотребление разницей между регионами), оставившего далеко позади себя даже грабительскую деятельность самых коварных сорока разбойников. Теория труда и стоимости в данном случае становится объектом охоты. Мне действительно интересно, каким образом ей дали предпочтение?! Уверен, что основной причиной стало отвлечение грудящихся. Даже К. Марксу не удалось уберечься от роли наживки в этой жесткой охоте. Мне действительно больно писать эти строки с критикой, но наше уважение к науке требует откровенного выявления всех наших сомнений.

Раскрывая эти обстоятельства, можем сказать следующее: второй крупный скачок в формировании класса торговцев ознаменовался на базе ассирийских колоний во 2-м тысячелетии до н. э. Можно сказать, что ни одна деспотия не смогла создать такую

цивилизацию, основываясь на торговле и торговых колониях, как это удалось сделать Ассирии (в последующих главах я остановлюсь на связи капитализма с властью). Ассирия была одной из первых, кто в мировом масштабе вел развитую торговлю и построил собственные колонии (2-е тысячелетие до н. э. — 7 век н. э.). В сравнении с ассирийскими торговцами на втором плане остались даже достигшие высокого уровня мастерства в своем деле купцы Финикии, за спиной которой примерно в тот период была цивилизация Древнего Египта. Подобно тому, как в Европе на заре рождения капитализма вместе с Англией были Голландия и Португалия, так и эти две древние цивилизации, своей торговой деятельностью, закованной в кровавую силу, сколотили богатство, сравнимое с горой Каф. Исследование истории накопления богатства Ассирии и Финикии при помощи торговли и силы покажет, что следы именно этих двух держав наиболее явно присутствуют в истории европейских колонистов (Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция, Бельгия и т. д.). С гордостью говорили правители этих деспотий о том, что возводили крепости и крепостные стены из человеческих черепов. Этика и культура жизни, сформированная на базе этой аннексионистской политики, по сей день не покидает реалий Ливана и Ирака, поскольку эти два государства не могут избавиться от участи быть ареной самых жестоких войн. Неслучайно республиканский Рим уничтожил Картаджу (финикийскую торговую колонию), сравнил ее с землей. Опять же неслучайно мидяне в 612 г. до н. э. сравнили с землей столицу Ассирии Ниневию.

Необходимо обратить внимание на торговые цивилизации. Во главе основных причин всех войн и появления государственных образований в истории лежит забота о безопасности купцов и торговых колоний, точнее, защита их интересов. Хорошо известно, что основная причина современных войн в регионе Среднего Востока заключается в нефтяном бизнесе (как жаль, что здесь, в Ираке — Уруке, началась первая война, и сегодня в регионе в самой жестокой форме опять же идет война). Можно представить еще больше примеров, но в этом нет необходимости.

В процессе капитализации экономики и перемещения центра цивилизации в Европу также можно наблюдать торговые причины. Средневосточная торговая цивилизация в средние века совершила новый скачок на базе распространения ислама. Лично Хатиджа и Мухаммед, позднее ставший ее мужем, в результате соперничества с сирийцами ассирийского происхождения, а также торговцами и ростовщиками еврейского происхождения, опять же, не без применения силы, создали свою торговую цивилизацию с центрами в Мекке и Медине. Под покровом исламской религии древние города Среднего Востока переживали новый подъем на базе торговли. Падение Византии и Сасанидской империи способствовало формированию в регионе крупной сети городов и рынков, в первую очередь, это Алеппо, Багдад, Каир и Дамаск. Торговые сети, распространившиеся от Китая до Атлантического океана, до внутренних районов Индонезии и Африки стала обретать вселенский характер. Сформировался развитый товарно-финансовый рынок. В руках евреев, армян и сирийцев сконцентрировался серьезный капитал.

Европа полностью опирается на полученное наследство. История свидетельствует о том, что торговая культура Среднего Востока, которая в лице мусульманских торговцев пережила еще один прорыв, начиная с 13-го века, стала перемещаться в Европу. в первую очередь, в итальянские города Генуя и Флоренция. Деньги и торговля являются главными причинами

их богатства. До 16-го века они лидируют в торговле между Европой и Средним Востоком. Может быть, впервые в истории они одерживают свои победы в масштабе города в смысле понятия и практически. Главную роль при этом играют и пиратские традиции Средиземноморья, и ценовая монополия, существующая средиземноморском перешейке между западом и востоком. Спекуляция идет нога в ногу с насилием. Превращение торговли в капитал, капитала в город, города в рынок, а рынка в расширение спекуляции приводит к рассвету капиталистической цивилизации. Еще один прототип этой стадии развития капитализма имел место в эпоху Афин и Рима (середина I-го тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.). То, что капитал в эту эпоху не достиг серьезных побед, напрямую связано с преимущественной ролью земледелия, а также поражениями в религиозных войнах. Положительный опыт капитализма в итальянских городах-государствах в 14—17 вв. перемещался в направлении северо-западной и северо-восточной Европы. Впрочем, Испания была завоевана еще раньше. Начиная с 16-го века, длительный путь развития купечества впервые превращается в победы, которые по своим масштабам превышают уровень города.

Формируется рынок в мировом масштабе. Африка и Америка становятся объектами колонизации. Минувя Османскую империю, рынок устремляется в Индию и Китай через Атлантический океан и Южную Африку. В Европе начинается усиленный процесс урбанизации. Городской образ жизни впервые оказываются выше земледелия. Феодальные королевства превращаются в современные монархические государства. Последняя исламская империя, коей была Османская империя, последовательно терпит одно поражение за другим. Ренессанс начинается в 14-м веке в Италии и распространяется на территории всей Европы. Реформаторство в религии достигает успеха в Северной Европе. Впервые эпоха заполняется религиозными войнами. Что более важно, все культурные и цивилизационные ценности Китая, Индии, исламской цивилизации и даже Африки, и Америки целыми потоками были направлены в Европу. С одной стороны происходило рождение современного типа государства, с другой стороны, наций.

По мере стремления капитализма к победе за ним тянется шлейф так называемой истории, культуры, торговых накоплений, цивилизации, политики и раздробленного мирового единства. Разве возможен скачок капиталистической экономики без всех этих предпосылок и без опоры на эти условия? О какой возможности можно говорить, если даже понятие капитала было бы попросту невозможно? Подобно тому, как первым шагом истории стала урбанизация, классовое расслоение и становление государства в первом городе Урук в Нижней Месопотамии, вторым крупным шагом стала торговля и урбанизация в Финикии и Ионии, на этот раз третий крупный шаг она сделала, благодаря идеальному развитию на базе всех вышеуказанных условий, но теперь уже в географических условиях Италии, Голландии и Англии, крупной торговли, урбанизации, капиталистической экономики, ставшей вершиной и противоречием мирового рынка. Именно эти реалии существуют и по сей день, но уже под главенством США.

Фернан Бродель, настойчиво говоря о том, что капиталистическая экономика является экономической формацией, основанной на спекулятивном монополистическом разделении цен в противовес рынку и в сфере крупной торговли, в плане анализа реалии, оказался гораздо ближе к истине, нежели К. Маркс.

Мы наблюдаем экономический тип или формацию, которая дошла до власти в зеркальном отражении исторических событий, смогла максимально развить рынок в собственной структуре, начала устанавливать свое господство на всем протяжении от города до села, и в обстановке, где связь с религией и этикой отброшены на второй план, она основывается на утонченном и идеологически упакованном грабеже накопленного товара. Цена, формирующаяся в новой форме аннексии, несомненно, благодаря предложению и спросу, встречающимся на рынке, и отражение пены посредством денег в сравнении с прежними временами достигла серьезного прогресса, или обрела умение играть. Вместо первых ростовщиков и менял появились и достигли серьезного развития банки, векселя, ассигнации, кредиты, бухгалтерия, учреждение компаний, которые стали основными факторами формирования экономического катехизиса современной эпохи. Недоставало только научного объяснения, которое пытались построить политэкономисты родины политэкономии Англии, и также, как это ни парадоксально, их оппоненты, которых они позднее смогли перетянуть на свою сторону, то есть социалисты, и первую очередь, К. Маркс.

В то время, как грабительская система, называемая капиталистической экономикой, вновь поработала все общества и географические регионы путем их превращения в собственные колонии, привязывала к себе всех жертв своей мощи (путем превращения государств того периода в своих должников, что является еще одной формой аннексии), пока система развязывала самые кровавые войны в истории и утверждала свою гегемонию над обществом, превращая в свою собственность все, что с ним связано, К. Маркс и его последователи, объявившие капиталистическую экономику революцией по отношению к старому обществу, а также схожие школы мышления, на мой взгляд, не создавали никакой науки. «Капитал» является самой недостаточной, тем самым, позволяющей неверные толкования, книгой, написанной против капитала. Здесь я не обвиняю Маркса. Я всего лишь говорю о том, что у этого произведения нет категорий истории, государства, революции и демократии, в нем не развиты эти категории. Европейская интеллигенция, которая в силу своего состава считается очень «научной», пусть и субъективно неумышленно, в силу объективных положений, но своими исследованиями на почве «Капитала» (как книги) так и не создала науки и идеологии тех слоев населения, которые на антикапиталистической почве считаются «трудящимися». Что касается либерализма, то он просто прекрасно использовал эти недостатки, которые он хорошо распознал, анализ капитала и то, что на заре рождения капитализм называли революционным явлением. Наконец, позднее, ассимилировав (силой модернистской идеологии, при помощи национального государства и индустриализации) сначала немецких социал-демократов, следом за ними систему реального социализма (Россия и Китай) и, в конце концов, национально-освободительные системы, либерализм добрался и до классовой борьбы. Речь идет об однозначной капитуляции всех трех течений перед либерализмом, и жаль, что и по сей день поданному вопросу не прозвучало и слова самокритики.

Есть одно высказывание о том, что наука рано или поздно утверждает свои постулаты. Если бы то, что написано интеллигенцией, имело бы характер научного толкования капитализма, ставшего, по существу, войной, развернутой против всего общества, в первую очередь, рабочего класса, и его истории, то их труды не сдались бы столь легко противоположной системе. Что еще хуже — их наследие не было бы столь бессмысленно растрчено.

Определив, что в «Социологию Свободы» в несколько большем масштабе я вернусь к этим дискуссиям, в данной части я хочу проанализировать такое явление, как капиталистическая экономика, в рамках ее функциональности. Мне не нужно обращаться к словарю экономических терминов для того, чтобы рассуждать о таких понятиях, как излишки продукта, прибавочная стоимость, труд-ценность, зарплата, прибыль, цена, монополия, рынок, деньги, которые имеют отношение к накоплению капитала. В силу своих подходов к понятию социальной этики я оставляю эти вопросы, по которым проведены бесчисленные исследования, в их простоте и продолжу заниматься теми факторами, которые нужно раскрыть прежде всего. Но, тем не менее, в необходимой степени я коснусь этих вопросов.

Соотношение прибыли и качества на экономической базе, а также детерминация буржуа-пролетарий на социальной базе являются первыми шагами в позитивистском научном обосновании системы, которая самыми жестокими и уточненными методами ассимилировала исторические накопления человечества, растерянного капитализмом и выброшенного в атмосферу путем осуществления геноцидов и при помощи ядерного оружия. В основе позиций экономизма лежит стремление выдвигать в качестве научного доказательства такую идею, будто бы элемент, называемый пролетарием, создает ценности своим самостоятельным трудом, а далее владелец, являющийся своего рода хозяином этого пролетария, путем вложения денег и при помощи прочих средств извлекает прибыль из этой стоимости. Таково мировоззрение, включающееся в привязывании всего к экономике. Крайне проблематично даже описание стоимости, столь оторванного от истории, общества и политической жизни. Даже если «обожеествлять» индивидуум до уровня капиталиста и рабочего, с таким мировоззрением они все равно не смогут создать стоимость. Социально-исторический характер экономических ценностей совершенно очевиден. Впрочем, то, что меня изначально воспринималась как нечто постыдное, а излишек продукта просто передавался в дар, связано со священным смыслом, вкладываемым в стоимость. И по сей день ни один крестьянин не говорит: «Это произвел я». Он говорит так: «Я перерабатываю добро моих предков». Даже говоря: «Хвала Господу за дары», человек выражает то, как он понимает источник, своими простыми словами, но более осмысленно, нежели так называемая наука.

Как мы можем оплатить труд матери, которая девять месяцев вынашивала будущего пролетария, затем своим невероятным трудом вырастила его для превращения в рабочую силу? Как можно сейчас установить принадлежность и доли средств производства, изготовленных при помощи тысячелетних накоплений, расхищенных владельцами капитала? Не стоит забывать, что стоимость любого средства производства вовсе не такая, как на рынке. Технические изобретения, использованные на любом заводе, является продуктом труда тысяч изобретателей. Как же определить и кому выплатить стоимость этих продуктов? Может ли человек, не растерявший своих моральных принципов, не задуматься о доле общества в этих изобретениях? Разве справедливо распределять между двумя людьми эти общественно-исторические ценности? У этих двух человек есть свои семьи, социальное окружение. Разве их семьи и социальное окружение, защищающие и оберегающие их, не имеют никаких прав на них? Вопросы можно расширить, поставив их под более острым углом, но даже этих вопросов достаточно для того, чтобы показать, насколько проблемной является дилемма прибыль-оплата.

Рассмотрим взаимоотношения владельцев прибыли и зарплаты как взаимоотношения буржуазии и пролетариата. Насколько соответствует действительности характеристика этих классов как революционных, создавших на заре своего рождения новое общество против старого общества? В истории этот союз не имеет никаких аналогов. Примеров, подтверждающих их дальнейшее противостояние из-за фундаментальных противоречий, вплоть до серьезных стычек, настолько мало, что никакого определяющего характера они не имеют. Имеющиеся факты есть ничто иное, как продолжение традиций старых конфликтов. Определяющим примером, наблюдаемым в конкретной жизни, является то, что современный рабочий является таким же придатком к телу буржуа, как некогда раб считался придатком тела фараона. История не знает примеров удачной акции рабов против своего господина. Даже широко известный Спартак, как выясняется, был повстанцем, мечтающим о статусе господина. Мы знаем, что никаких иных планов у него не было.

Не следует нам забывать, что взаимоотношения работодателя и работника, получившие в наследство тысячелетние взаимоотношения господина и раба, укрепились тысячью и одной нитью, и за исключением единичных случаев, не было серьезных выступлений работников против своего работодателя с победным результатом. В подавляющем большинстве взаимоотношения развивались на почве преданности к работодателю. Известно, что случаи, называемые восстаниями рабочих, в большинстве своем были выступлениями наполовину крестьянских элементов и были мотивированы нежеланием потерять работу. Восстания связаны с общим социальным влиянием. Именно это влияние отражается на взаимоотношениях работодателя и работников. Что особенно важно, работник боролся со своим работодателем не за свои права (это, как уже говорилось, было проблематично), а боролся против пролетаризации, против угрозы потерять работу. Более осмысленной и этически полноценной борьбой было бы стремление уберечь себя от превращения в пролетария, рабочего, не соглашаться с явлением безработицы. Мы вовсе не должны возвышать образ раба, крепостного и работника только потому, что они относятся к угнетенным классам. Напротив, действия и позиции, достойные возвышения, можно сформулировать так: противостояние собственному превращению в раба, крепостного и батрака. Для оппортунистов всех мастей общей тенденцией является то, что они сначала признают класс господ, а уже затем предлагают их слугам подняться на борьбу против господ. Именно такое мышление на протяжении всей истории приводило к поражениям в борьбе за свои права и труд. Одним словом, с такими «научными» понятиями нельзя создать ни осмысленной социологии, ни развить общественную борьбу! Говоря обо всем этом, мы отмечаем, что новее не отрицаем гнида, стоимости, прибыли, классов, мы просто считаем неправильными методы, использованные при создании пауки. Хочу подчеркнуть, что была создана ошибочная социология.

Капитализм реализует свои функции в экономической жизни общества на самом высоком уровне. Вначале эта функция основываясь на накоплении купцом капитала, благодаря монополии цен на рынке. Капитал, по определению, это постоянно растущая стоимость, выраженная в денежном эквиваленте. В особенности, па географически удаленных рынках с большой разницей в цене происходит большое накопление стоимости. Второй путь расширения — это проценты и льготы в обмен на финансовые займы, предоставляемые государству. Накопление капитала происходило па рудниковых предприятиях, в периоды голода и войн, в других важных сферах и в другие периоды. Капитал утверждался не только

в сфере торговли, ной в индустрии, транспорте, то есть там, где были возможности для накопления. Промышленная революция диктует перемещение основных сфер извлечения прибыли в промышленный сектор. В оба периода, играя на соотношении спроса и предложения, капитал старается определить место производства и потребления. В определяющей степени увеличивается величина прибыли. Если крупная торговля и промышленность были сферами прибыли на заре рождения и на этапе зрелости капитализма, то сегодня преобладающим сектором является финансовый. Такие первостепенные финансовые орудия, как деньги, векселя, банки, кредитные средства способствуют тому, что с активизацией капиталистической экономики сокращается длительность оборотов, происходит увеличение плотности размещения и расширение сферы капитала. Таким образом, в сфере прибыли появляются большие спекулятивные возможности, поэтому периоды кризиса становятся неотъемлемой частью капиталистической экономики.

Другими методами непомерного роста прибыли являются увеличение числа безработных, снижение заработной платы и отток инвестиций в страны с дешевой рабочей силой. В итоге эта экономическая формация, которая нашла свой источник в древних культурах охоты и культуры, обрела силу, позволяющую ей играть с ценами, не упустила своего шанса на развитие, ушла из-под общественного контроля путем нивелирования зависимости от морали и религии, поставила государство в зависимость от себя путем выдачи ей займов и установила свою монополию на рынке, в конечном счете окажется просто-напросто экономикой грабежа. Индустриальная аннексия в целях извлечения прибыли, актуализация одного типа производства и сферы потребления в соответствии с уровнем прибыли, последовательная нагрузка общества и окружающей среды непомерной ношей, и, как следствие, кризисы, упадок и разложение стали спутниками этой экономики с момента ее зарождения. Несомненно, речь не идет обо всей экономике. Ни торговля, ни земледелие, ни промышленность, ни пути сообщения, ни техника и рынки не являются изобретениями капитализма, напротив, это фундаментальные социально-экономические структуры, ставшие объектами тяжелой эксплуатации и грабежа. Слившись с историей и цивилизацией, они существуют в тесном сочетании с политикой.

Таким образом, я постарался выявить то, что экономизм является мировоззрением в русле определения капиталистической экономики, такой линией мышления, которая самым серьезным образом искажает действительность. Я уверен, что хоть на йоту, но мне удалось в общих чертах, на почве данного критического подхода рассмотреть это явление в тесной связи с такими категориями, как история-общество, политика и цивилизация-культура.

1.3. Политическая власть и её взаимоотношения с Законом

Все наблюдения свидетельствуют о том, что пока капитализм находился в зародышевом состоянии, политическая власть и законность уже появились в виде ростков. Капитализм всегда использовал любую власть и любое право; когда ему было нужно, он становится их ревностным защитником, но, когда ущемлялись его права, свергал любую власть и менял законы какими угодно заговорщическими методами, включая участие в революционных акциях. Порой капитализм участвовал в самых чудовищных играх в революцию. Он вел войны за власть любыми путями от фашистского переворота до мнимого государственно-коммунистического переворота, особенно в периоды кризиса и хаоса. Капитализм развернул все самые страшные в истории колониальные, империалистические и имперские войны.

Надо особенно подчеркнуть, что ни одна экономическая формация не испытывает такой потребности в доспехах власти, как капитализм, и капитализм не может сформироваться без фактора власти. Так называемые ученые-политэкономисты утверждают, что основной особенностью капитализма является то, что впервые в истории формируются прибыль, излишек продукции и прибавочная стоимость без участия власти, сугубо экономическими методами, путем добровольного объединения капитала и труда. Это их главная версия, но здесь мы сталкиваемся с высказыванием, которое сродни, как минимум, искажению теории труда. По их утверждениям выходит, что капитализм сугубо мирными методами где-то сколотил капитал; опять-таки, в результате мирных взаимоотношений сельчане, крепостные, ремесленники, оторвавшись от своих средств производства, собрались в единое целое, чуть ли не слились в счастливом революционном браке, создали и выдвинули на историческую арену новую экономическую формацию, представляющую собой некий синтез факториальной стоимости. Повествование ведется где-то примерно таком духе. Во всех текстах, создаваемых в штаб-квартирах крупнейших политэкономистов, эта «идея» возведена до уровня кредо. Без нее не было бы политэкономии. Добавив к этому рыночную конкуренцию, считайте, что книга по политэкономии уже написана, причем в контексте основных принципов.

Я лично не ощущаю необходимости выдвигать какие-либо идеи. Социолог и историк Фернан Бродель в своем исследовании «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.» (потрясающее трехтомное произведение, ставшее итогом тридцатилетнего труда), с помощью очень содержательных наблюдений и спорных методов конкретно указывает на

лживость всех вышеуказанных идей. Первой идеей упомянутого труда Броделя является то, что капитализм по своей сути является антиподом рынка. Вторая идея заключается в том, что капитализм — это сила и власть. Третья идея сводится к тому, что капитализм изначально является монополией до- и постиндустриального периода. Четвертая идея заключается в том, что капитализм не обусловлен конкуренцией изнутри и снизу, а насажден монополией или грабежами снаружи и сверху. Таков лейтмотив книги. Несмотря на то, что в этом труде есть недостатки и мысли, с которыми я не согласен, но по силе повествования и сути считаю этот труд наиболее ценным историко-социологическим толкованием. Эта работа стала, пусть и в ограниченной форме, но попыткой исправления всяческих искажений социологии, допущенных английскими политэкономистами, французскими социалистами и немецкими историками и философами.

Нет такой экономической системы, которая была бы создана капиталистом и работником путем добровольного объединения ими трудовых накоплений и сил в обстановке свободной конкуренции. Даже сказки и легенды не столь далеко отошли от реальности. Все элементы, которые мы по отдельности или в составе групп, классов можем считать капиталистическими, а также экономические силы, которыми они владеют, не только не смогут удержать в руках влияние, но и не продержатся ни секунды без защиты власти. Более того, без мощного окружения власти ни на одном из городских рынков не было бы ни торговли и условиях свободной конкуренции, ни формы использования рабочей силы. Но важнее всего то, что без создания обстановки жестокого и несправедливого применения силы нельзя было бы оторвать крепостного крестьянина и земледельца от земли, а ремесленника — от его верстака. Масштабные волнения и мятежные настроения вызвал в Европе происходивший в XIV-XIX вв. процесс отрыва трудящихся от земли и от их верстаков, которые были их средствами существования и к которым они привязались чуть ли не как к матери. Тысячи людей были казнены, миллионы — убиты в ходе гражданских войн или закончили свои жизни в тюрьмах и больницах. Казалось, этого было мало, и вследствие межконфессиональных и межнациональных войн жизнь была превращена в море крови. Колониальные и империалистические войны «консолидировали баланс» статистики.

Совершенно очевидна связь всех этих силовых факторов с монополистически-грабительским характером, навязанным снаружи при рождении капитализма. Какая политэкономическая риторика может опровергнуть эти утверждения?!

Для того, чтобы более конкретно увидеть эти реалии, необходимо ближе рассмотреть войны XVI -го столетия, приведшие капитализм к победе. Главными факторами, характеризующими картину власти и войн указанного столетия, стали императоры испанской ветви Габсбургов, французские монархи Валуа, англо-саксонская династия Стюартов, заменившая монархов норманнского происхождения в Англии, и, что самое интересное, на исторической арене появилось еще не получившее своего названия княжество в местечке Оранж в Голландии, представленное молодым князем Вильгельмом «Оранским», которое, в принципе, могло стать началом цепной реакции.

Эти Габсбурги, короли и императоры германского происхождения, набравшие сил и активными темпами продвигавшиеся к императорским тронам после изгнания мусульман из Испании (к XVI в.), считали себя наследниками Рима. В частности, в 1453 году, после захвата

Константинополя османским султаном и войны между австрийскими Габсбургами и османцами эта идея уже используется как мотив. Во Франции монархическая ветвь Валуа также запыхала пламенем имперских амбиций. Они считали себя истинными наследниками Рима. Опасаясь поглощения этими двумя империями, английский королевский двор и Оранское голландское княжество развернули борьбу, которая в чем-то была сродни национально-освободительной. Впоследствии наблюдался рост аналогичных движений, а именно шведской, прусской монархий и даже объединение земель вокруг Московского княжества вплоть до утверждения царской власти. Английская монархия и Оранское голландское княжество в начале XVI столетия столкнулись с опасностью быть реально поглощенными испанской и французской монархиями. Если бы эти намерения имели успех, то, с большой долей вероятности, капиталистическое развитие западноевропейских городов, в первую очередь, английских и голландских, оказалось бы в таком же положении, как в итальянской Венеции, Генуе и Флоренции.

Основным фактором, не позволившим этим очень усилившимся итальянским капиталистическим городам обеспечить победу капитализма в масштабах всей Италии, стало их политическое бессилие. Точнее, захватнические войны, развернутые испанскими, французскими и австрийскими королями и императорами против Италии (богатств ее городов), завершилось покорением этих городов. Упомянутые города были вынуждены довольствоваться ограниченными экономическими и политическими возможностями. Так задержалось объединение Италии, а итальянский опыт капитализма остался половинчатым и не получил распространения во всей стране. Пусть и временно, но сила сыграла здесь определяющую роль. В ответ на это капиталисты итальянских городов, как и все капиталистические элементы, находящиеся в состоянии утери политического господства, привязав к себе эти государства финансовыми путями, сами превратились в орудие политики по формуле «ты мне — я тебе», потому что новая религия капитализма формировалась вокруг принципа «деньги-деньги (ДД)».

Английская монархия и Оранское княжество не были побеждены, и главную роль в их непобедимости сыграли как кредитование государства капиталистическими элементами, так и судостроительная промышленность, созданная ими вместе с государством. Концентрация усилий именно на морской, а не на сухопутной силе, открыла им путь к победе. В этом периоде зародились две очень важные стратегические линии:

1. Английская монархия и голландские провинции сыграли преобладающую роль в капиталистической реорганизации и практическом оснащении государственной модели. Они стали первыми примерами систематического получения доходов на базе налогообложения, стабилизации бюджета, ориентации на рациональную бюрократию и профессиональную армию. Используя превосходящие морские силы, они положили конец преимуществу испанцев и французов на морских просторах. Их господство в Атлантическом океане и позднее на Средиземном море предрешили судьбу колониальных войн. Так началось падение испанского и французского владычества. Успехи Испании и Франции на суше по причине займов на поправку обернулись для них очень дорогой пирровой победой. В целом является общепринятым мнение о том, что именно новшества во властной структуре Англии и Голландии предопределили судьбу капиталистической экономики. В очередной раз можно увидеть, что в кризисные периоды политическая сила может играть

определяющую роль в отношении экономических формаций. То, чего не смогли добиться итальянские города, добились Лондон и Амстердам.

2. Процесс, противоречащий политической воле Англии и Голландии, в указанном столетии имел место в имперских государствах Испании, Франции и Австрии. Эти три государства больше всего мечтали о создании империй, похожих на римскую модель. Между ними были и близкое родство, и противоречия. Английская монархия довольно рано освободилась от этой эйфории. Так, вместо создания империи европейского масштаба претендовала на мировое имперское господство. Что касается Испании, Франции и Австрии, как государственных режимов, основанных на победе капиталистической системы, то, несмотря на многочисленные реформы в целях формирования облика со временных монархий, по своей сути они оставались политическими орудиями, сформировавшимися в соответствии с нормами старого общества. Они были далеки от современной налоговой системы, бюрократии и профессиональной армии. Бюджеты этих стран не были стабильными —они постоянно залезали в долги. Их умения оказалось недостаточно для преодоления нестабильности, к которой привело капиталистическое развитие. Оставим в стороне вопрос полной поддержки этих государств своими же капиталистами, но факт в том, что из-за долгов между ними регулярно возникали серьезные противоречия. Централизация с феодальной аристократией приводила к обострению противоречий в силу монархического характера власти. Все общество лихорадило из-за противоречий между городом и деревней. Достаточно было просто восстаний, чтобы полностью задушить эти монархии. Поддержка, оказываемая оппозиционерам властями Англии и Голландии, способствовало поражению многих революционных акций. Естественно, что цели и результаты порой были совершенно разными: едва ли не так же, как в Великой Французской революции.

Французская, испанская и австрийская монархии, являвшиеся той самой силой, которая предотвратила социально-политическую победу капиталистической экономики Италии, в свою очередь, не смогли избежать многократных поражений от эффективных государственных моделей Англии и Голландии, финансируемых городскими капиталистами. В рождении стратегических результатов в очередной раз очень четко наблюдается определяющая роль взаимоотношений между экономической формацией и силовыми системами. С точки зрения осознания отношений, сложившихся между силой, властью и экономикой, Европа XVI столетия была своего рода лабораторией. История цивилизации как будто восстает из могилы и повествует о себе, говоря: «Ты поймешь меня настолько, насколько поймешь самого себя». В данном случае речь идет о Европе XVI-го столетия.

Краткое изложение социально-политического развития взаимоотношений между силой и экономикой поможет лучшему раскрытию темы.

А. Первая организация «сильного человека» в эпоху до цивилизации бросила в капканы не только зверей. Именно эта организация «положила глаз» на семейно-клановое имущество, являющееся продуктом эмоциональной деятельности женщины и охранявшееся ею, как зеница ока. Это было первой серьезной организацией силы. Аннексии подвергалось все: сама женщина, ее дети и другие кровные родственники, их материальные и культурные ценности. Это было первой грабительской акцией в отношении домашней экономики. На примере всех обществ, пребывающих на схожих стадиях развития, можно наблюдать, как на

почве этой аннексии силовая организация, представленная протожрецом — шаманом, умудренным опытом шейхом — правителем и сильным человеком способствует формированию первой в истории и продолжавшейся наиболее длительное время силы, коей является патриархальная иерархия (священное правление). Ясно, что вплоть до периода классового расслоения, урбанизации и становления государственности именно эта иерархия играла определяющую роль в социально-экономической жизнедеятельности человека.

Б. Экономическая формация, возникшая в процессе цивилизации, озаглавленной образованием классов и городов, очаг силы, олицетворенный присутствием жреца-короля-военачальника, называется государством. Структура, объединившая в тесном взаимодействии религию, политику и армию, формирует власть. Основной особенностью этой силовой системы является организация собственной экономики в форме государственного коммунизма. Применительно к этой форме экономики я употребил термин «фараонов социализма», даже не зная о том, что этот термин уже использовался Максом Вебером. Атавистическая патриархальная экономика продолжает существовать уже в рамках патриархально-феодальной родоплеменной экономики. В условиях фараонова социализма люди существовали в виде безымянных и бессловесных рабов. Все их права сводились к глиняной миске похлебки для поддержания жизни. Тысячи мисок, обнаруженные в руинах храмов и дворцов, подтверждают эти взаимоотношения.

Сила, воплощенная в форме государства, считает своим правом грабить все, что видит в экономике на любой стадии, которой она достигает. Грабеж представляется некоей формой насилия. Сила становится для них божественным и священным понятием. Все, что ни сделает сильный человек, является справедливым и заслуженным. В частности, на Ближнем и Среднем Востоке, в Китае и Индии, ставшими главными центрами формирования цивилизации, верхняя надстройка или каста, назвав базис «экономикой», видела в самой себе силу, необходимую для управления. Еще не формировались рынок и конкуренция, не сформировалось также такое понятие, как «экономический сектор». Если и существовала торговля, то она представляла собой одну из главных межгосударственных функций. Торговля является далеко не частным делом: монополия государства распространяется и на нее. Города-рынки в исключительных случаях формировались иногда в буферных зонах государств. В краткие сроки они превращались в города-государства. Поскольку в этот период торговля проходило при помощи караванов, то грабежи, осуществлявшиеся «сильным человеком» в образах «сорока разбойников», «пиратов» и «бандитов», стали столь же действенными, сколь грабежи, устраиваемые государством.

В. В греко-римской цивилизации мы видим широко распространенное и развитое состояние автономных городов, рынка и торговли. Вавилонская и Ассирийская деспотии, принявшие наследие Урука и Ура, открыв, возможно впервые, агентства для экономики, внесли новый вклад в цивилизацию (речь идет о тесном переплетении таких понятий, как рынок, структура, прибыль). Впрочем, торговые колонии доходят своими корнями до Урука и даже глубже. Рост изменений и формирование рынка подготовили выход на историческую арену ассирийской государственности как первой величайшей империи. В основе своей все империи — это ответ на потребность в безопасности, необходимой для экономической жизни. Поскольку стержнем экономики Ассирии была торговля, то структура торговли потребовала политической организации в имперском стиле. История считает Ассирийскую

империю самой жестокой империей, примером деспотизма, но это — зародышевая форма капитализма, которую можно назвать фундаментальным торговым монополизмом. Ассирийский торгово-монополистический капитализм обусловил формирование надстройки в виде мрачного императорского правления.

Греко-римское политическое влияние и, помимо этого, наследие в виде городских торговых колоний, оставшееся от финикийцев и добавленное к ассирийскому наследию, способствовали формированию экономического базиса с более развитой политической надстройкой. Пусть и в ограниченной форме, но перемены получили широкое распространение и вступили в действие такие понятия, как автономные города, рынок, торговля и конкуренция. Мы видим процесс урбанизации, способный сбалансировать сельскую местность. Теперь уже село, стремясь к достижению перемен, производит больше продукции для городов. Получила развитие торговля тканью, продуктами питания, ископаемым сырьем. В частности, сеть дорог покрыла огромное пространство от Китая до Атлантического океана. Политическая мощь, присутствующая в Иране, благодаря торговле между Востоком и Западом, превращается в стойкую торговую империю. Иранцы серьезно притеснили Грецию и Рим вплоть до угрозы установления над ними гегемонии. Это стало фундаментальной преградой на пути аннексии китайских, индийских и среднеазиатских племен и политических факторов в направлении Запада. Аналогичные функции он выполнял на пути аннексионистского продвижения на Восток. Только Александр Македонский и его последователи в кратчайший исторический период (330—250 г.г. до н. э.) смогли преодолеть данную преграду и распахнуть все двери на своем пути.

Греко-римская цивилизация представляет собой также территорию, на которой чаще всего встречаются первые примеры капиталистической экономики. Степень автономности городов, установление обмена и ценообразования на рынке, существование богатых торговцев — все это является свидетельством роста и мощи, достигнутых капитализмом. Преимущество сельской местности перед городом и организация империи (в основном базируется на сельской экономике) препятствуют становлению капитализма в виде господствующей общественной системы. Капиталисты остаются на максимально высоком купеческом уровне. Их вмешательство в производство и индустрию имеет крайне ограниченный характер. Более того, они часто наталкиваются на препятствия, чинимые политической властью. Рабовладение еще сохраняет сильные позиции, и шансы рабочей силы на свободную жизнедеятельность ничтожно малы. Женщины и мужчины продаются и покупаются, причем одни — как наложницы, другие — как рабы. Безусловно, единственной определяющей силой капиталистической экономики является насилие. Существование рабов как экономической стоимости, разумеется, приводит к взаимоотношениям «насилие-экономика» (экономика, основанная на захвате излишка продукта). И военно-политическая каста древних систем Китая и Индии, и капиталисты-колонизаторы видели в низшем обществе своего рода экономический сектор, эксплуатировали его, считая при этом управление своей основной и естественной функцией, точнее, своим божественным правом.

Экономика как термин относится к античному греко-эллиническому миру. С одной стороны, привязка к смыслу понятия «семейный уклад» свидетельствует о связи с женщиной, с другой же стороны, — подчеркивает позиции традиционной политической силы. По отношению к экономике торговцы играют роль монополий точно так же, как монополии в

эпоху капитализма, но теперь уже в роли политических монополий. Они выполняют в политике ту же роль, что и монополия в эпоху капитализма. Должен особенно отметить то, что между политической и экономической монополиями существует тесная корреляция (связь); в целом они обуславливают существование друг друга. Политическая сила Афин и Рима парадоксальным образом, в силу своего величия, не воспринимала капитализм. С другой стороны, эта сила серьезно уступала сельскому укладу жизни, по-тому не смогла способствовать возникновению экономической формации городского типа. Этот период цивилизации признает капиталистов, но пока еще не допускает превращения в систему.

Г. В средневековой исламской цивилизации торговля играла преимущественную роль. С экономической точки зрения пророк Мухаммед и исламская религия тесно связаны с торговлей. Развитие на базе торговли аристократии арабского происхождения, оказавшейся в стесненном положении между Византией и Сасанидами. является основным социально-экономическим фактором исламского подъема. Известно, что ислам с момента своего зарождения основывался на силе меча. Главенствующее положение в сфере торговли и финансов, занимаемое евреями и потомками ассирийцев, выявило противоречие, в которое внедрился ислам, оказывая сильное давление и на две политические монополии, коими были Византия и Сасаниды. На этой стадии истории в старинном регионе ислам придал яркий характер взаимоотношениям силы и экономики. Средние века явились своего рода «эпохой ислама». Идеологи ислама понимали, что идея безопасности торговли мотивирует необходимость имперского стиля государственного устройства, но в то же время, по тем же соображениям безопасности препятствует этому процессу. В частности, возникает постоянное препятствие перед превращением торгового капитала в капиталистическую форму производства. Структура сельской общины находится под неусыпным контролем религии и морали. Он не может превратить в политическую силу ограниченную степень свободы, обретенную в городах. Несмотря на распространенную сеть городов и рынков, а также значительный рост городов, они не обладали силой, необходимой для преодоления стадии, на которой находились итальянские города. Это — проблема совершенно не технологического характера, она имеет религиозное и политикомонопольное происхождение. Постоянная аннексия имущества торговца является потребностью системы. Ислам не смог породить капитализм, и это является тем обстоятельством, которое можно трактовать в пользу ислама. Положительная трактовка того факта, что ислам по сей день является самой масштабной преградой на пути капитализма, может стать серьезным вкладом в проекты социального освобождения (речь идет об общинном мировоззрении в исламе, интернационализме племен, неприятию ростовщичества, помощи неимущим и пр. обстоятельствах). Но необходимо также хорошо осознавать, что современный исламский радикализм несет в себе неоисламский капитализм, полный правого и левого национализма.

Исламскую цивилизацию в Европу перенесли арабы и берберы под предводительством Эмевитов. Что касается торгово-экономической экспансии этой цивилизации, то главными действующими лицами тут были торговцы из итальянских городов. Османцы в ограниченной степени способствовали переносу исламской цивилизации только в смысле политической монополии. Их влияние осуществлялось лишь в следующем отношении: для успешного противодействия османцам политические и религиозные силы Европы вынужденно обратили свои взоры в сторону капитализма. Не будь османцев, вероятно, политическим и религиозным монополиям Европы не пришлось бы в такой степени окунуться в

экономическую и военно-политическую организацию капитализма. Мы в очередной раз видим, как сила порождает силу, а та, в свою очередь, ускоряет поиски экономической формы.

Определяющий вклад Ближнего Среднего Востока в зарождение европейского капитализма связан с христианством. Подчеркивая свои надежды на то, что в «Социологии Свободы» я постараюсь более широко раскрыть эту тему, в данном случае я ограничусь напоминанием о труде Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Можно добавить, что к десятому столетию Ближний и Средний Восток уже завершил формирование европейской этики, сыграл фундаментальную роль в зарождении европейского феодализма (как в политическом, так и религиозном смыслах), а крестовые походы способствовали переносу ближневосточной культуры в Европу. Так или иначе, но все эти факторы, носят определяющий характер.

Если к этому краткому историко-социальному экскурсу добавить наш анализ XVI столетия, станет гораздо яснее сущность сияния политической диспозиции на рождение капитализма. Можно совершенно спокойно говорить о том, что это влияние порой задерживало и препятствовало, а порой ускоряло развитие капитализма, вплоть до того, что приумножало успех. В капиталистической системе происходит максимальное приближение к формуле «государственная монополия — это капиталистическая монополия».

Имеет смысл коснуться вопроса взаимоотношений права и новой системы с нескольких позиций. Право — это структура, формирующаяся в целом по мере развития торговли, рынка и города. Общества, где наиболее велика потребность в правовом урегулировании, — это, как правило, общества, в рамках которых нравственность изрядно устарела, роль силы непомерно возросла и способствует возникновению хаоса, а проблемы равенства обретают крайне актуальный характер. Поскольку самые серьезные проблемы, касающиеся нравственности и равенства, формируются вокруг образовавшихся в городах классов и рынка, право становится неизбежным в государственном строительстве. Без права государственное управление если и не становится невозможным, но в крайней степени затрудняется. Определить право можно как постоянное, урегулированное и структурное состояние политической силы государства. Это своего рода замороженное, спокойное, стабилизированное государство. Право — это структура, теснее всего связанная с государством. Связка «торговля-государство» с момента зарождения до капитализации постоянно находилась в развитии и постоянно становилась все более запутанной. От Вавилона до Рима все время создавались тексты законов, которые в совокупности можно было бы назвать правом. В большинстве своем право регулирует вопросы потери имущества и смерти человека. Право служит идее облегчения политических проблем, но порой оно, напротив, умножает эти проблемы. Его функция сводится не к обеспечению равенства всех граждан, как принято, но, как это ни парадоксально, к узаконению реально существующего неравенства, его утверждению и превращению в некий неизменный постулат. Короче говоря, было бы точнее всего характеризовать право как увековечение монополии политической мощи.

Еще большее значение имеет связь права с этикой. Этика — это своего рода цементирующий элемент любого общества. Нет ни одного общества без этики. Этика —

первый организационный принцип человеческого общества. Основная функция этики связана с тем, какими должны быть аналитическое и чувственное мышление, к каким принципам и позициям они должны быть приведены во благо общества. Этика равно относится ко всему обществу, но, тем не менее, отслеживает роль и права всех различий. Изначально этика представляет собой совесть общества. Первым ударом по нравственному обществу становится структуризация иерархии и политической силы в форме государства. Классовое расслоение подготавливает почву для нравственного деления общества — так начинается этическая проблема. Если политическая элита старается решить эту проблемы при помощи правового урегулирования, жрецы пытаются найти ответ путем облачения проблемы в религиозную форму. И право, и религия в этом смысле берут за основу этику. Подобно тому, как постоянные, регулярные и структурные механизмы политики представляют правовую сферу, создатели религии хотят выполнить эти функции при помощи других постоянных, регулярных и структурных механизмов нравственного происхождения, то есть урегулировать нравственный кризис при помощи религии. Разница между ними заключается в конструктивной силе права; что касается религии, то она, не обладая этими качествами, берет за основу критерии совести и страха перед Богом.

Поскольку этика связана с умением человека выбирать, она также тесно связана со свободой. Этика требует свободы. Любое общество, как правило, предопределяет свою свободу степенью нравственности. Стало быть, лишенные нравственности человек или общество не могут быть свободны. Наиболее эффективным доведения общества до упадка является разрыв его связей с нравственностью. Ослабление влияния религии не может привести к такому упадку, как ослабление нравственной составляющей. Религиозный вакуум могут заполнить различные идеологии и политические философии, ставшие своеобразной религией, и экономическая практика. Что же касается отсутствия нравственности, то ее место могут занять обреченность и ущемленная свобода. Функцией этики как теории нравственности является исследование и возвращение к своей основной роли. В первую очередь, это основные вопросы философии и проблема возрождения нравственного начала. До тех пор, пока этика не осознает и не реализует полностью свои функции и не превратится в Фундаментальный жизненный принцип, она будет актуальной и обществе как проблема, не утратившая своего значения.

Эти краткие характеристики, касающиеся права и нравственности в контексте их связи с политической властью, имеют серьезное значение в части, затрагивающей рождение капиталистической экономики. Капиталистическая экономика вряд ли может укорениться в обществе до тех пор, пока не разрушит до основания религию, нравственность и даже феодальное право. Я не хотел бы, чтобы в моем лице видели защитников религии и морали ушедшей в историю социальной элиты. Я всего лишь говорю о том, что великими религиями и масштабными этическими учениями и теориями крайне тяжело удержать в связке со своими принципами такую систему, такой режим, как капитализм. Даже влияние политической силы в этих вопросах крайне ограничено. Упадок религии и нравственности приводит к упадку политической мощи.

Вполне очевидно, что эти споры, касающиеся Реформации XVI века, права и этической философии, связаны с рождением капитализма. Поскольку мы, охарактеризовав суть политических баталий и роль силы, избежим повторения.

Протестантское реформаторство, а также итоги великих конфликтов и войн, которым оно способствовало, стали важнейшими факторами, предопределившими судьбу Европы Нового времени. Оценивая роль протестантской этики, Макс Вебер, на мой взгляд, не указал самый важный пункт. Протестантизм облегчил рождение капитализма. Но он нанес сильный удар в целом по религии морали и, в частности, по католицизму. Протестантизм несет немалую ответственность за все грехи капитализма. Я говорю это не ради защиты религии и католицизма; я утверждаю, что протестантизм сделал общество более беззащитным. Где бы ни развился протестантизм, там неминуемо наблюдался скачок капитализма. Он стал своего рода «Троянским конем» капитализма.

Некоторые мыслители эпохи сразу же предупреждали по поводу отрицательного влияния протестантского реформаторства, и против нового Левиафана, которого оно породило. В действительности стоило бы назвать Ницше первым, кто занял резкую позицию против современного капитализма. Труды этих мыслителей, носителей антикапиталистического мировоззрения адептов свободного общества и свободной личности, и по сей день не потеряли своего значения.

Т. Гоббс и Х. Гроциус, поднаторевшие в правовых дискуссиях, теоретизировали право для того, чтобы способствовать рождению нового Левиафана (капиталистического государства). Передача государству всей монополии на применение силы означает обезоруживание общества. Результатом становится скачок к фашизму, совершаемый силой централизованного национального государства, возрастающего в степени, несравнимой ни с одним историческим периодом. Правило неделимости господства является теорией лишения мощи всех общественных сил, не являющимися государственными. Это — беспрецедентное лишение общества средств защиты перед угрозой, исходящей от капиталистического чудовища. То, что эти два мыслителя, по сути, объявили, что «человек человеку волк», вместе с тем декларировали монопольную силу монарха, означает то, что они со всех фронтов открыли дорогу перед капиталистической монополией. Если повторить, то выходит так; политическая монополия — это монополия экономическая. Еще один крупный мыслитель XVI столетия, Макиавелли, совершенно ничего не скрывая, подчеркнул, что для достижения политической победы не стоит останавливаться ни перед какими-либо моральными узами. Получается, что еще столетия назад он озвучил принцип, впоследствии приведший к фашизму.

Отнюдь не следует считать, что я обвиняю или подвергаю критике все усилия, приложенные для реформаторства. Я считаю, что реформы религии не должны ограничиваться несколькими разовыми мероприятиями, а должны осуществляться очень часто и регулярно. Я считаю, что на протяжении многих лет ощущается потребность в исламском реформаторском движении, которое должно быть гораздо глубже христианского реформаторства и иметь более постоянный характер. Ясно, что эти усилия требуют объема и личностного подхода. Но это — необходимая функция сточки зрения преодоления засилья ближневосточной деспотии. И труде под названием «Демократическая Конфедерация Ближнего и Среднего Востока», который я задумал как отдельный том, и постараюсь рассмотреть этот и аналогичные вопросы.

Целью этих строк не является раскрытие характера таких эпох, как Возрождение и Просвещение, поскольку это движения, имевшие место в различные столетия. Даже если попытаться усмотреть связь с капитализмом, то это может быть только опосредованная связь. Более того, обобщение было бы неверным. Среди этих движений есть и те, кто хотел расчистить дорогу капитализму, побыли и такие, которые хотели эту дорогу закрыть. Ассимиляция оппонентов силой денег, проводимая капиталистическими элементами, является совершенно понятным обстоятельством, равно как и стремление привязать к себе власть. Но великие философы свободы, реформаторы (Джордано Бруно, Эразм Роттердамский), не боясь участи быть сожженными заживо, выступали как утописты и проповедники коммун и служили всему человечеству. Еще раз стоит повторяться по поводу того, что в эпоху Возрождения, Реформации и Просвещения все народы буквально переродились, обретая новую жизнь, язык, образ, мелодичность. Они обожествлялись, поработались, воевали, мирились, побеждали и терпели поражения. Но в итоге капиталистические элементы, столетиями скрывавшиеся в расщелинах общественной структуры и ее потаенных уголках, стали наиболее подготовленной и мощной организацией в неясной картине этих смутных столетий. Общество было ассимилировано при помощи силы, денег и идеологии, при необходимости его завоевывали силой, приводя капиталистическую систему к победному воцарению на троне. Этот свой победный поход продолжает и по сей день.

1.4. Пространство капитализма

Вопрос о месте происхождения общества является предметом исследований. В рамках этого вопроса прилагаются усилия к тому, чтобы разобраться, с каким географическим регионом связано происхождение и развитие человеческого общества. Тема очень широкая. Здесь можно начать повествование с формирования Солнечной системы. Более того, в предмет изучения географии входит обширный список вопросов, включая вопросы об эволюции планеты Земля, представляющей собой третий пояс вокруг Солнечной системы. Тут можно говорить об атмосферных слоях, морях, океанах, водных потоках и осадках, сформировании скальных пород, о слое земли, живой природе в океанах и первых живых клетках, растительном мире, начавшемся с водорослей, мире животных, зародившихся с примитивных бактерий, взаимоотношениях между фауной и флорой. В общем смысле можно говорить об эволюции флоры и фауны, в частности, о том, на какой стадии эволюционного процесса началось формирование человека как вида, отошедшего от приматов, которых предположительно считают предками человека.

Ясно, что в наиболее общих чертах есть тесная корреляция во взаимоотношениях человека с географическим регионом в виде звеньев спирали. Например, если хотя бы на один день прекратят свое существование такие явления, как атмосфера, растения, животные, земля и источники питьевой воды, то и человек, как вид, прекратит свое существование. Даже мгновенное нарушение баланса между этими сферами может положить конец жизнедеятельности человека, как будто это является величественным произведением разума. Таким образом, всегда надо иметь в виду взаимоотношения в целом между человеком и географией. Без этого не может быть нормального изучения социологии. Но до последнего времени создавались наука, философия, религия, были написаны тысячи произведений, и все без учета этого фактора, точнее, полностью игнорируя эти взаимоотношения. Странно, но мифы, которые мы больше всего считаем не соответствующими действительности, в реальности гораздо больше интересовались характером взаимоотношений, которые мы можем назвать отношениями человека и географии. Такое положение вещей, по всей видимости, является следствием отрыва аналитического мышления от чувственного.

Гораздо более определенным является влияние места, то есть географических условий, на «длительную продолжительность» раннего родоплеменного периода в развитии человеческого общества. То, что до конца четвертого ледникового периода первобытное общество не смогло совершить серьезный скачок, можно было бы, помимо недостаточного уровня внутренней эволюции, объяснить неблагоприятными географическими условиями.

Несколько миллионов лет, в течение которых, как предполагается, существовало родоплеменное общество, являются достаточным сроком для внутренних эволюционных процессов. Значит, именно внешняя среда не давала возможности для развития. Все географы едины во мнении, что в конце четвертого ледникового периода (с XX тысячелетия до н. э. по настоящее время) сформировалась географическая среда, в общих чертах схожая с современной. Человек, прошедший до этого периода несколько этапов своего развития (возможно, за исключением Америки и большей части Океанических островов) в географических регионах, гораздо позже называемых Азией, Европой и Америкой, к концу четвертого ледникового периода перешел на новую стадию своего развития уже в виде *homo sapiens* (человека разумного).

Можно видеть, как с XXI тысячелетия до н. э. конкретизировались три культурные группы — все это представляется в сравнительном антрополого-археологическом аспекте. Первая — это семитская группа, близкая к негроидной расе, скорее всего, представляющая собой последнюю волну постоянного исхода с Африканского континента. Семиты смогли расселиться Северной Африке, Аравийской пустыне и местами у подножий горной системы Тавра и Загроса. До стадии приобщения к цивилизации они расселялись очень активно, в дальнейшем же — по мере возможностей. Вторую группу составляют племена, которые, покинув подножья Сибирских гор, через Берингов пролив оказались на североамериканском континенте; другая ветвь этой группы расселилась на Западном побережье, островах Тихого океана и внутренней материковой зоне вплоть до Средней Азии и местами до Восточной Европы (финно-угорские племена). Их порой называют желтолицыми и краснокожими. Но самую большую группу формируют современные китайцы, японцы и турки. Остается индоевропейская группа, которую мы называем «белой» расой, и которая расселилась на более благоприятном и широком пространстве. Именно эти группы в основном положили начало цивилизации и ее предшествующей стадии — неолиту. Гораздо позже желтолицые и чернокожие, являвшиеся северными и южными видами, перешли на стадию неолита и цивилизации, но, на мой взгляд, это было бы крайне затруднительно без влияния белых.

Все ведущие антропологи, археологи, геологи и биологи едины во мнении, что подножья Тавра и Загроса обладали наиболее благоприятными условиями для развития в рамках индоевропейской группы сначала эпохи неолита, а затем уже — перехода к последующим стадиям цивилизации. Наряду с основными определяющими факторами, коими являются флора и фауна, достаточное количество осадков и наличие водных потоков, климат и геология, данный ареал, будучи основным транзитным регионом между Африкой, Азией и Европой, обладал идеальным географическим положением. Родоначальники индоевропейской группы, называемые первопроходцами мировой цивилизации арийской группой (вероятно, шумеры были первыми, кто использовал слово Ариан — современный Иран — ассоциирующееся с растительной культурой на холмах и подножьях), положив начало эпохе неолитического земледелия, позднее начали эпоху городов, государств и в целом цивилизации. При этом они сыграли главную роль в распространении цивилизации по всему миру. Не буду повторяться, поскольку первая книга моей Защитной речи пыла посвящена именно этой теме.

Обстоятельство, являющееся основным предметом нашего исследования, заключается в рассмотрении роли, сыгранной географией в победе капитализма не где-нибудь, а на территории современной Голландии, о которой в истории нет особых упоминаний, и островной Англии.

Современные социологи зачастую сужают роль географии в рамках таких понятий, как «геополитика» и «геостратегия» и стараются дать свои толкования, игнорируя основную суть географии. Но дело в том, что взаимоотношения между нею и историко-социальным фактором требуют более фундаментального и первостепенного изучения. В данном случае надо не просто наблюдать за ветвями, а смотреть в корень вопроса. В целом географическое исследование эпох и цивилизаций является условием осмысленной антропологии и исторической науки. Не бывает истории без места возникновения. Впрочем, существующая во Вселенной дилемма места и времени постоянно является предметом внимания как средоточие фундаментальных масштабов. Взаимосвязь между этими двумя категориями, даже их взаимное превращение и объединение, является предметом постоянного обсуждения и оценки в рамках различных наук.

Вернемся к нашему рассказу о «коварном и сильном человеке». Действительно, я должен обратить ваше внимание на то, что я верю в необходимость связей между повествованием и тандемом «знание-наука». Я не уверен, что наука может обрести полный смысл без повествовательной составляющей. С этой точки зрения, повествование о «хитром и сильном человеке» является одним из тех понятий, которые должны стать краеугольными камнями в фундаменте социальных наук. Это необходимо для лучшего толкования некоторых общественных отношений. В сфере бесчисленных явлений и отношений повествование, как средство, вносит в науку наиболее ценный вклад. Поскольку религиозность, называемая позитивизмом, не в состоянии определить количество явлений и взаимоотношений, подтверждение которых попросту невозможно пол маркой позитивизма, наиболее правильным было бы развитие науки путем обращения к религии, нравственности, другим видам искусства, в основе которых лежит форма повествования. «Коварный и сильный человек», начав с воплощения в властвующем мужском образе, прошел долгий и извилистый, полный лабиринтов и ловушек, путь до апогея силы в современном мире. Очень важно исследовать обстоятельства деятельности этих людей, временами открытые, но порой тщательно скрываемые. Их возвеличивание как постоянной стратегической силы в рамках постоянных акций (экономических, политических, военных) и тактических действий позволило бы нам овладеть этими знаниями.

«Коварный и сильный человек», подобно грабителю, ворвался в домашний быт женщины. Но одного грабежа ему оказалось мало, и, что более страшно, держа женщину под страхом постоянного насилия, он превратил священный семейный очаг в логово сорока разбойников. Его никогда не покидало состояние души предателя, осознающего, что он совершает это преступление. Семена первого накопления капитала проросли именно в этих двух местах: первое — это захват дома непосредственно у тех, кто занимался домашним бытом, и второе — это расположение в «базовом центре», или близлежащих логовах сорока разбойников, превращенном в монополию в противовес официальной, узаконенной монополии государства. Поскольку «он» избегал контроля общества и государства, с самого начала блуждая между районами своего местопребывания в маске, скрывающей его коварное лицо.

Он укрывался, но по возможности, выследив жертву, превращался в жестокого льва и набрасывался на нее. Порой же он ловил свою жертву с помощью обычной хитрости. Не преминул он превратиться в хамелеона, меняющего окраску в зависимости от обстановки, а также стал докой по части торговли в пограничных точках. Город и сельская местность, до которой еще не могли добраться цивилизации, оказались под его четким контролем. Он стал специалистом по проникновению в те щели, которые образовывались на теле общества. Балансируя, сумел разграбить обе стороны. Он прекрасно понял, что мелкая торговля на местах не даст той максимальной прибыли, которую можно извлечь из длительной караванной торговли. Одним из основных правил его профессии стало то, что он буквально нюхом чувствовал прибыльные сферы. Было бы поучительно охарактеризовать его акции как стратегическое пиратство в прибыльных сферах. Когда говорят о том, что у капитала нет родины, подчеркивают вышеуказанные реалии.

Можно сказать, что, если город-рынок-торговля предвосхитили капиталиста, почему он не объявил о своей победе в этих местах гораздо раньше? Тут необходимо особенно пояснить, что у капитализма как системы нет прямой связи с развитой наукой и технологией. Подобно тому, как успешное рождение капитализма олицетворяется с городом Амстердамом, столь же успешное рождение капитализма могло бы состояться и в городе Урук. Торговцу или владельцу торгового прилавка, вступившим в сговор с властью, гораздо удобнее было бы оставаться владельцами своего хозяйства, а не вступать в игры со всей системой. Однако основная причина может заключаться в том, что жреческая, военная и политическая монополии не давали ему возможности установить собственную власть. Эти испытанные временем и узаконившиеся в обществе очаги силы могли видеть и лице четвертого очага силы в лице капитализма какую-то опасность, грозящую их существованию, вероятно даже в силу структуры капитализма.

Мы видим, как местами проверялась способность «коварного и сильного человека» играть с системой в качестве четвертой монополии. Но он всегда испытывает при этом поражение. Думаю, что неожиданное исчезновение ряда городов и превращение их в мусор на плодородной географической территории стало возможным именно вследствие такого развития событий. Превращение многих богатых купеческих городов, как ранней Шюхи, так и Средневековья, в руины может быть обусловлено военно-политическим сопротивлением четвертой монополии (раннего капитализма). Столь раннее исчезновение из истории города Хараппа в индийско-пакистанском регионе (в середине III тысячелетия до н. э. это был очень развитый, богатый, обладающий собственной письменностью город с гармоничной архитектурой) могло стать следствием неравной конкуренции и мятежа против тройной жреческо-военно-политической монополии. Будучи прежде торговой колонией в рамках шумерской цивилизации, вероятно, Хараппа встал на путь мятежа в поисках независимости. Если бы он смог обрести независимость, может быть, ему удалось построить систему амстердамского типа (первый опыт капитализма), поскольку у него не было таких условий, как у жрецов.

Еще более захватывающим является пример Карфагена. Этот город, построенный финикийцами на самом дальнем побережье Средиземного моря в VIII тысячелетии до н. э., полностью специализировался на торговле. Город Карфаген представлял культуру Западного Средиземноморья и Северной Африки и имел промежуточно-транзитное

положение географическое расположение. Очевидно, этот город был очень развитым, но у него не оказалось потенциала, позволяющего создать империю, что и стало его слабостью. Помимо того, он оказался препятствием на пути тех, кто хотел создать империю. Не исключено, что именно в этом и заключался его конфликт с Римом. Расположение на Апеннинском полуострове подвигало его на выход за пределы города-государства, и Рим обладал способностью к установлению республиканского или имперского режима на довольно обширной территории. Единственным условием освобождения Карфагена было создание в противовес испанской и французских монархий той же модели, что позднее создал Амстердам. Иными словами, Карфаген должен был объединить развитый торгово-монополистический характер города с механизмом капиталистического государства на постепенно расширяющемся географическом пространстве, как это было сделано Эмевидами на обширной территории от Испании до Северной Африки. Кроме этого, никаких шансов на освобождение от Римской Республики не было. И у Рима не было никаких шансов, кроме покорения Карфагена, поскольку у него под носом возникла и альтернатива, которая могла бы положить конец его собственному существованию. Как же это напоминает взаимоотношения между Кубой и США! Даже существует знаменитое предание о том, что римские сенаторы перед каждым своим заседанием поднимались и спрашивали друг друга: «Как же решить вопрос Карфагена?»»

Пальмира — знаменитый город на востоке Сирии, переживший первый кризис упадка империи во второй половине III столетия н. э., испытал участь аналогичной жертвы Рима. Находясь в Сирии, я часто бывал в этом городе и ощущал волшебную магию и их руин. Крепость, расположенная на окраине хурмового сада, разбитого вокруг источника, бьющего в пустыне, крепостные стены, площадь, храм (знаменитый храм Дельф), здание сената, захоронения на равнине, длинные базарные ряды, многочисленные дворцы — все это осталось от величественной Пальмиры. Этот город обладал всеми качествами, позволившими ему стать чудом искусства камнерезов. Это был город, способный заполнить разум человека.

Значение Пальмиры было обусловлено ее расположением в центре сети торговых путей между Западом и Востоком, Севером и Югом, а также тем, что Пальмира играла роль буферного юрода-государства между Римом и Сасанидской империей. На протяжении многих лет Пальмира разрасталась и обогащалась на почве торговых монополий. Сравнение Пальмиры даже с Амстердамом периода капитализма и современным Нью-Йорком может показаться недостаточным. Речь идет о глобальном характере! Пальмира являлась таким же объектом беспокойности Римской империи, как и Карфаген. История свидетельствует о том, что Пальмира в последние периоды своего существования (270-е гг. н. э.) уже не хотела довольствоваться ролью политической силы, основанной на статусе королевства, являющегося сюзереном Рима, и решила стать альтернативой собственно Риму.

Удастся ли Пальмире добиться того, чего не добились Карфаген? Проблема в этом, и совершенно очевидно, что ситуация чревата опасностью. Говорят, что римский император Аврелиан, завоевавший Пальмиру после длительных столкновений, передал город властной царице того периода, Зиновии, в таком виде, в каком он был. Фактически утвердив зависимость Пальмиры от Рима, он отдал город Зиновии в качестве зависимой провинции. Но на обратном пути Аврелиан узнал о том, что завоеванная им Пальмира вновь восстала и

требует независимости, и тогда он с большой силой напал на город. В этот раз он оставил на месте Пальмиры одни лишь руины и, не давая городу шансов на возрождение, вернулся в Рим. При этом он взял с собой царицу Зиновию, схваченную на берегу Евфрата при попытке бегства к Сасанидам. История свидетельствует о том, что скованная Зиновия в роскошных царских одеждах была проведена за колесницей триумфатора Аврелиана на потеху римскому плебсу, как пленница.

Женский язык Рима всегда имел на меня серьезное влияние. После того, как я услышал повествование о царице Зиновии, мне кажется, я понял секрет этого языка. Рим — не просто город на перекрестке всех дорог; это город, в который стекались все цари и царицы, обладавшие мощью. Естественно, то, что со мной произошло (мой наполовину комический и наполовину трагический отъезд в Рим), можно объяснить этим эпизодом истории Рима. Если бы я хорошо усвоил уроки Спартака, святого апостола Павла и Джордано Бруно, ясно, что я был бы гораздо внимательнее. И еще, я должен был лучше прочесть А. Грамши. Эх, социалисты!

Единственным путем освобождения Пальмиры был путь, который позднее прошли Амстердам и Лондон. Пальмира восстала, но не смогла ничего добиться.

Было бы правильно привести в пример Афины античной эпохи. Этот город, ставший детищем морской торговли (500-350 гг. до н. э.), был своеобразной звездой цивилизации своей эпохи. Можно утверждать, что Афины были наиболее развитым городом примитивного капитализма. Крупные частные торговые монополии (негосударственные) решали вопросы на расстоянии сотен миль и километров. Все богатства стекались в Афины. С Восточного Средиземноморья — в Марсель, из Северной Африки — в Македонию, далее через сеть торговых путей Анатолия — Черное море в Афины стекались излишки продукции и деньги. В Афинах была создана философия, ремесло дошло до зародышевой стадии фабрик, на высоте оказалось искусство кораблестроения, присутствовал активный оборот денег. Везде у Афин были свои колонии. Сюда со всех сторон приезжали богатые люди, обладавшие большими деньгами. Впервые Афины обретают космополитический характер. Мое личное мнение заключается в том, что единственным препятствием перед победой капитализма была невозможность сохранения единства в условиях полуостровного положения. Не было проблем с рабочей силой, ведь на рынке рабы стоили дешевле кувшина воды. На той стадии, на которой оказались Афины, у них было два пути: или, выйдя за рамки прежней рабовладельческой структуры, создать национальное государство в масштабе полуострова, становясь, таким образом, прототипом Голландии, или же, будучи побежденной жрецами, полностью утратить свое значение. Спартанское царство, как сухопутная сила, и Персидская империя, распространившая свое влияние из-за моря, более ста лет подряд постоянно наносили удары по Афинам. Но, благодаря своей демократии, этот город постоянно сохранял свое значение. Македонские цари — Филипп и его сын Александр — буквально растерзали когтями Афины и довели до поражения в стратегическом смысле. После 300 г. до н. э. у Афин, оказавшихся перед фактом укрепления Рима и (эллинистических царств Анатолии, не осталось никаких шансов.

Демонстрация примеров протокапитализма в средневековой исламской цивилизации и примеров, созданных на полуострове Индостан, была бы попыткой грубого повторения.

Наиболее зачитываемыми явлениями этого периода становятся знаменитые капиталистические города на Апеннинском полуострове. Венеция, Генуя и Флоренция утратили свои шансы на историческое опережение Амстердама и Лондона после того, как государственные образования испанского, французского и австрийского происхождения, охваченные имперскими амбициями старого стиля, как и в целом на полуострове, лишили каждый из этих городов их господствующего положения.

Итальянские города сделали все необходимое для современного капитализма. Апеннинский полуостров с весомыми финансовыми накоплениями, банками, компаниями, системой кредитования, финансовыми средствами в виде векселей, внутренней и внешней торговлей, мануфактурами, ремесленниками и мастерами во всех сферах, комплексом всей индустриальной продукции того периода, республиканским и имперским опытом, религией и всевозможными течениями в период XIV-XVII вв. представляла собой лабораторию и прототип будущей Европы. Более того, Апеннинский полуостров стал родиной Ренессанса. Это, несомненно, связано передовыми отношениями и историческим наследием с другими географическими регионами Востока. Говорить об Италии той эпохи — все равно, что говорить об исламском Ближнем и Среднем Востоке, о Китае, Индии и даже набравшей обороты Руси. Все капиталы этого географического региона с ненасытным аппетитом переносились на полуостров усилиями торговых монополий всех городов, в первую очередь Венеции, Флоренции и Генуи. Что более важно, процессы урбанизации, проходившие под предводительством итальянских городов впервые в истории Европы в масштабе всей ее географии, способствовали формированию поразительного «центра земли» для накопления капитала. В любом европейском городе можно было увидеть руку итальянского купца. Впрочем, католическая церковь давно уже проложила почву для цивилизации. Ренессанс стал последним конкретным словом в плане завоевания господства.

Единственной причиной того, что Италии не удалось стать Англией и Голландией, оказалось ее географическое положение. Парадоксально, но один и тот же географический фактор способствовал превращению Италии в лидера в сфере городского капитализма, привел страну к колыбели победы капитализма в масштабе полуострова, но так и не дал ей совершить победный шаг. Попытка же привела к невиданным последствиям. Причина предельно ясна. Если бы Италия стала Англией более раннего периода, то, сокрушив короны испанской, французской и австрийской монархий, пытавшихся захватить ее, она оказалась бы второй мировой империей — точь-в-точь как это происходило «следствие второго выступления Рима, но на капиталистической социально-экономической почве. Устремления коронованных особ в отношении итальянских городов предельно ясны. Союз итальянских городов на капиталистической социально-экономической почве стал бы концом империй, и тенденция эта распространилась сначала в масштабе Европы, затем уже по всему миру. Для этого были все возможности, в первую очередь — капитал. Неудача действительно стала синонимом крупного поражения и трехсотлетнего национального отставания.

На мой взгляд, географические причины буквально на волосок отделили Италию от шанса стать вторым Римом. Первому Риму тоже буквально кое-как удалось спастись от уничтожения Войсками Ганнибала, напавшего на него с севера в результате плательного похода. В этот раз с севера нападала сила, равная не одному, а целым сорока Ганнибалам. Стало быть, у Италии никаких шансов не было. Единственным выходом было превращение

арабского ислама в религию, утверждаемую мечом, как это было на всем Ближнем и Среднем Востоке. Если бы вместо римского христианства был ислам, или же утверждение католического христианства происходило наряду с его политическим распространением при помощи меча, ход мировой истории оказался бы совершенно иным. Человек не может не спросить о том, каким бы был финал Рима, не будь христианства, и к чему бы это привело? Что более интересно: какими были бы последствия, если бы султан Мехмет Завоеватель, согласившись на предложение Папы, принял христианство и утверждал его огнем и мечом? История — это не сфера спекуляций, но нельзя отрицать и то, что история постоянно предлагает всевозможные альтернативные варианты. То, чего не могли достичь итальянские города, достигли Амстердам и Лондон в XVI столетии. Причины и следствия этого процесса являются объектом наибольших исследований историков и предметом диссертаций. Эта тема предельно освещена. Причины можно вкратце изложить так:

1. Наиболее слабые сферы всех старых цивилизаций, позже всех дошедшие до Атлантического океана, расположены на окраине северо-западной Европы.
2. Три наиболее мощные силы Европы, коими были французская, австрийская и испанская монархии, вели друг с другом войны за право господствовать на всем континенте.
3. Они не представлялись столь опасными, как итальянские города, и поэтому против них не выставлялась достаточная, объединенная сила.
4. Они препятствовали распространению Реформации в Европе.
5. Географическое расположение на Атлантическом побережье давало им серьезные преимущества во внутренней и внешней торговле.
6. Они переняли всю материальную и духовную культуру итальянских городов.
7. Это были наиболее слабые, с точки зрения материальной и духовной культуры, сферы феодализма.
8. Поскольку не был сформирован феодализм, способный воспрепятствовать капитализации транспорта, земледелия и индустрии, процесс цивилизации, возможно впервые, во многих регионах имел капиталистические черты.

Эти причинные факторы, которых мы могли бы назвать еще больше, тесно связаны с географическим положением. Геостратегия и геополитика действительно требуют наиболее благоприятного положения. Успех стал возможным при объединении географического положения с общественными условиями.

Европа, Азия и даже Африка — это три объединенных континента. Одним из наиболее серьезных утверждений антропологов является то, что до конца последнего ледникового периода Африка была в авангарде цепи «приключений» человечества. Но позднее этот передовой характер географического положения перешел к очень притягательным подножьям Тавра и Загроса, ставшим колыбелью неолитической революции. С 15000 лет до н. э. эти горные подножья подготовили все необходимое для процесса, который

позднее станет цивилизацией. Речь идет о материальной и духовной культурной почве. Уместно было бы утверждать, что неолитическая революция является величайшей революцией во всей истории. Воды Тигра и Евфрата не просто способствовали формированию наиболее плодородной почвы только лишь в дельте реки Халидж, но, благодаря судам и искусству судостроения привнесли в этот регион все культурные ценности. Начав свои первые приключения в мире цивилизации, такие города, как Эриду и Урук, собственно говоря, синтезировали все ценности чудовищного путешествия. Рост продолжался, подобно вбирающему в себя притоки водному потоку, вплоть до священных рек и впадения океан. Происходило это непрерывно, с нарастающей силой.

Урук не был обычным очагом человеческой культуры — он олицетворял рождения нового чуда. Голос урукской богини Инанны и по сей день является источником легенд, стихов, Песен, и этот голос является голосом величественной культуры. Имеете с тем, это голос женщины, красота которой еще не была запятнана лапами уродливого мужчины. Культура Урука буквально расцвела на данной географической территории. Один за другим, подобно снежному кому, выростали города. Образовался целый пояс городов. «Коварный и сильный человек» на этот раз увидел истинный источник накопления в возрастающем торговом потенциале города. Начался обратный культурный поток и сторону горных подножий. Это оказалось началом процесса сужения и поглощения неолитического пространства городом. Постепенно угасающий голос Инанны — это голос женщины, теряющей свое влияние. Но, в отличие от этого, голос «коварного и сильного человека» уже раздавался все громче и громче. Префиксы шумерского языка относятся к женскому роду, и это обстоятельство свидетельствует о роли женщины в процессе формировании языка.

В данном случае нет необходимости раскрывать суть географических приключений цивилизации, основанной на силе. Но (ныло бы неплохо, если бы об этом написали. Мы ограничимся символическим обозначением того, что этот процесс протекал в форме главного русла и, пройдя тысячи километров среди скал и проблемных территорий, в конце концов, создал новую культуру в Амстердаме и Лондоне, после чего влился в Атлантический океан.

Ясно, что материальная и духовная культура, сформированная в этом географическом регионе в течение всего описываемого времени, под предводительством этих двух городов вынесла капиталистическую экономику и нацию на историческую арену. Эти регионы были среди тех, кто в числе последних достиг стадии неолитической культуры. Мы постоянно видим между географией и культурой наличие следующих отношений: в тех сферах, где старая культура имеет коренной характер, крайне тяжело формируется новая культура. Старая культура не может легко принять новую. Она защищает свои позиции, и это вполне понятно. Единственным пространством, которое не смогла завоевать старая цивилизация, оказались внутренние районы Аравийского полуострова. Эта географическая пустота сформировала социальную географию ислама. Без этого географического фактора не было бы ислама.

Северная Европа и две-три страны (понятие страны в смысле национальных границ в этот период только возникло), Англия и Голландия, с точки зрения старых цивилизаций, были девственными и пустыми землями. Именно с данными особенностями связано то, что любое

семя, брошенное в эти земли, способно было озеленить эти вышеупомянутые пространства. Высоки были шансы на глубокое и постоянное укоренение.

Это самое семя капитализма было хорошо посеяно. Оно стало последним наследием урукской культуры, переносимым с одного берега на другой. Проводниками данного наследия всегда были торговцы. Говорят, что торговцы были именно теми людьми, которые лучше всех ощущали наиболее прибыльные сферы. Хочу особо подчеркнуть, что положительной реализации их шансов способствовали своего рода «пограничные» регионы, не нашедшие своего места на заре становления силовых позиций, а также преимущества долгого исторического пути. Протокапитализм укрепил свои шансы на господство, аннексировав все капиталистические открытия итальянских городов и занимаясь пиратскими захватами на путях, открытых силами Испании и Португалии. Они ассимилировали собственный язык. Таких факторов, как междоусобные войны между значительными европейскими силами, предотвращающие внешние угрозы, а также однозначно эффективная экономика как еще один внутренний фактор (дешевая рабочая сила и сырье), было достаточно для того, чтобы к концу XVI века рождение новых элементов на этом географическом пространстве оказалось успешным и вечным.

Эти две силы, различные лишь по форме, создав союз, достигли тех возможностей, позволявших им представлять новую экономику в мировом масштабе. Обновление экономики способствовало обновлению государства, его эволюции в направлении плодотворного и успешного государственного образования. Экономическое превосходство внесло свой вклад в укрепление поенного и политического превосходства. Купеческие монополии, впервые вступив в союз с государственными монополиями (Западно-Индийская и Восточно-Индийская компании), достигли уровня полуофициальных сил. Захватчики цивилизации, всегда прятаясь в углах и за монастырскими стенами, превратились в господ, законное положение которых впервые не вызывало никаких споров. Руками королей и королев они нацепили на себя все атрибуты аристократии. Подобно тому, как в свое время у урукского льва не было сил противостоять Гильгамешу, последние наследники этого льва, коими стали Амстердам и Лондон (не будем называть их львами), похоже, тоже не в состоянии противостоять натиску хищников. Если даже им удастся как-то выстоять, то их нетрудно задушить так, как в свое время Гильгамеш задушил льва.

Эпос, озвучивающий войну, в которую вступила богиня Инанна с первым богом в образе хитрого и жестокого мужчины, коим был страж города Эриду Энки, в целях возврата украденных коварным Энки ее 99 женских изобретений «ме» в виде произведений искусства, по существу, стал первым и наиболее значительным эпосом. Что касается английских и нидерландских королей, которые считаются наследницами культа Инанны, то их формирование в качестве символических фигур, олицетворяющих отражение на женской судьбе чуть ли не всех уродливых черт характера «коварного и сильного мужчины», становится кратким изложением всех приключений цивилизации.

1.5. Общественно-исторические цивилизации и капитализм

Рассуждая о встречной роли капиталистического сектора в формировании общества, мы фактически демонстрируем более конкретный подход к проблеме общественных формаций. Я хочу ответить на следующий вопрос: является ли капиталистическая общественно-экономическая формация общественно-исторической необходимостью? В качестве ответа скажу, что данная часть моей Защитной речи свидетельствует об отсутствии подобного рода общественно-исторической необходимости. Глубокой ошибкой и заблуждением марксистского толкования исторического материализма заключается в утверждении о наличии такой необходимости. Более ужасающим является то, что поочередное выстраивание общественных формаций, представление идеализма Гегеля под маркой материализма не содержат в себе ничего иного, кроме второстепенной производной. Э. Кант смущенно пытался выделить роль субъекта против такого рода мировоззрения, касающегося объективного развития, следовательно, утверждает нравственность в роли свободы выбора. С точки зрения этики свободы марксизм отстает от философии Канга. Говорить о каких-либо других правых либеральных мировоззрениях вообще бессмысленно. Они считают капитализм не просто необходимостью, а чуть ли не последним словом истории.

До тех пор, пока не будет раскрыта и разоблачена внутренняя суть капиталистических определений, которые гораздо опаснее религии и основаны на являющемся самой консервативной религией позитивизме, свобода выбора не получит никаких шансов. Впрочем, двухсотлетняя история утопического социализма и социалистического строя свидетельствует о том, что социализм оказался главной поддержкой капитализма слева и так и не смог выйти за пределы этих функций. Вопрос намного сложнее выяснений, где совершена ошибка. Ошибочна сама парадигма. Даже наличие двух-трех дифференцирующих ошибок или верных предположений не меняет результата этой точки зрения. Прямолинейный подход к истории приводит к тому, что все последовательные формы воспринимаются как нечто, написанное и Махфузе (давно уже predetermined на уровне Господа), и осуществляется в свой черед. Даже тривиальные дискуссии общего характера о воле, распространенные в эпоху Средневековья, выше подобного рода позитивистско-материалистических подходов. Определяющим фактором поражений, понесенных борьбой за социализм, стал этот парадигматический подход к обществу.

Ясно, что все определения, данные мной в предыдущих планах, совершенно не имеют никакого отношения к этим принципам. Что уж говорить о представлении капитализма как обязательной социальной стадии! Проблема в том, что такой подход, умышленно или неумышленно, находится под воздействием этой системы, являясь орудием его пропаганды. Скажу сначала то, что я должен был сказать в финале. Капитализм не может являться общественной формацией. Он пытается влиять на общество, ему это удается, но формацией быть он не может. Тем не менее, кто-то может возразить, что капитализм уже четыре столетия господствует как единственная формация. Но господствовать — это одно, а быть формацией — это совершенно другое. История знает общественные формации или стили: это первобытнообщинный строй, классовое государство или цивилизованное общество и демократическое плюралистическое общество. Такие схематические авангардистские термины, как «первобытное», «рабовладельческое», «феодалное», «капиталистическое» и «социалистическое» общества, в большинстве своем носят догматический характер. Иными словами, это проявление идеализма и фатализма. Что очень важно понять: в моем определении три типа общества не могут следовать один за другим по прямой линии. Это, скорее, ближе к углубляющейся и расширяющейся системе, развивающейся по спирали. Принимая ее диалектическую цепь развития, я, тем не менее, хочу открыто заявить, что считаю крайне неверным утверждение о том, что прогресс происходит путем ликвидации одной формации другой. Методы, построенные на принципе «тезис-антитезис-синтез», могут стать удобным логическим средством для раскрытия действий в основе мироздания. Но очень богатый диалектический стиль и понимание связи, допускающие разнообразие, признающие взаимный рост (симбиотическая связь), гораздо ближе к диалектической функциональности природы или имеют пояснительный характер.

Необходимо не забывать и осознавать, что основное и Вселенское значение имеют дилеммы, допускающие образование во вселенной целой системы, от мельчайших частиц до целых образований на космическом уровне, а также стиль зарождения, основанный на взаимоотношениях и взаимовлиянии этих уровней, несущий в себе оба уровня, но осознающий разницу между ними. В основе всех различий и развития можно видеть образования такого типа.

Общество не стоит особняком, вдали от этого стиля образования. Оно обладает языком формирования того же стиля. Собственно говоря, оно постоянно создает дилеммы. Общество способствует возникновению новых различий, два из которых таит в себе. Именно такое восприятие диалектики в различиях и развитии обществ поможет нам лучше освоить конкретику. Вооружившись этим диалектическим мировоззрением в отношении самых мелких социальных ячеек и слившихся воедино образованиях, мы поймем, что наши возможности восприятия и толкования стимулируют развитие наших человеческих особенностей (потенциал свободного человека). Мы можем развивать ответственную свободную личность, конкретизируя общество в личности, но более того, мы можем сделать свободным общество, испытавшее влияние свободной личности. Возможности освобождения обладают наилучшим потенциалом равенства и демократизации.

Должен еще раз подчеркнуть, что, выявляя тройную динамику социальной действительности, я совсем не ищу никаких открытий. Я всего лишь стараюсь адаптировать на общество динамику вселенских образований. На вопрос почему тройная динамика я

ответу, что основой всего является БЫТИЕ. Если существование, как проблема, требует ответа, отчего тогда надо перейти к утверждению о существовании. Однако бытие, на мой взгляд, несомненно. Не будь жизни, не было бы необходимости в этих вопросах и ответах, ибо несуществующее не может иметь в ней места. Там, где ничего нет, речь идет только о невозможности образования чего-либо, стало быть, ни о чем, а это и есть то, что можно назвать глупостью.

Если принять факт бытия, то имеет смысл говорить о форме возникновения. Смысл жизни, полное развитие сознания дают ощущение того, что различия и развитие основаны на процессе возникновения. На этой основе в таких категориях мышления, как мифы, религия, философия и наука, был сформирован величественный свод правил. Во всяком случае, нельзя отрицать существование этого свода правил. Все они в основе хотели дать ответ на процесс возникновения. В этих условиях одни обратили свои взоры на мифологические, другие на религиозные методы, но этого оказалось недостаточно: для спасения хватало философской и научной категорий. Их дееспособность схожа, но ответы разные. Задавались вопросы о причинах, способах и целях возникновения, и выяснилось, что каждая категория старается дать ответ в рамках своей дисциплины. Наука, как самая претенциозная дисциплина, в значительной степени осветила тройную динамику возникновения. При перенесении механики «материя-энергия» и «частица-волна» на квантовый уровень (и теоретически, и экспериментально) было установлено, что дилемма способствует всем формам возникновения, финал является продолжением следов порожденной им дилеммы (поток «материя-энергия» и «частица-волна» обладают вселенским характером) по формуле «два и третьем», и так обнаруживает дифференциацию, а преобразования осуществляются в форме прогресса или регресса. Тем самым подтверждается, что основная характеристика динамики бытия является именно такой. Нет никакой необходимости в повторных доказательствах.

Обратим внимание на самих себя. Ребенок обнаруживает большое сходство с матерью и отцом, продолжая наследственную линию обоих родителей, но, вместе с тем, является новым образованием, представляющим этот генетический уклад в развитии (эта дифференциация развивается очень медленно; в принципе, такой характер дифференциации обнаруживается во всех явлениях природы). Можно считать это частицей возникновения. Зарождение только в такой форме, по сути, завоевывает победу в борьбе за бытие. Что такое борьба за существование? Как можно продолжать жизнедеятельность? Бытие является продолжением жизнедеятельности путем изменений. Почему? Может быть, для того чтобы доказать свое существование. Для того, чтобы, меняясь, созерцать божественный и величественный характер бытия!

Глупость заключается в следующем: отчего мы так отдалились или были отдалены от реальной истины, когда надо было продемонстрировать здоровую логику, наблюдая наиболее близкие нам образования?

Только пролив свет на эту чушь, придем к решению основной задачи. Я говорю о сетях и вуалях, которые с момента зарождения накрывают собой функциональный характер социального явления. Отчего же общественный характер бытия испытал потребность в каком-то прикрытие? Почему в результате этих процессов мышление разделилось на

чувственное и аналитическое? В чем заключаются их функции? Ответы, которые мы дадим, помогут нам разобраться в нашем обществе и изменить ее так, как мы того захотим. Человек как субъект — это субстанция, ценность которой заключается в том, что его можно РАСТОЛКОВАТЬ И ИЗМЕНИТЬ В ЛЮБОЙ ФОРМЕ. Насколько толкование и желание (другими словами, размышление и ощущение, желание) совпадут с динамикой возникновения, настолько высокими будут шансы на успех нового явления. Чем дальше это окажется от баланса, тем больше консервативности и отставания будет наблюдаться в общественной картине. Развитие чувственного и аналитического мышления происходит вокруг этих проблем.

На этом завершим эту часть рассуждений, тяготеющих к философии. Я постараюсь глубже раскрыть эту тему в «Социологии Свободы».

Социум, называемый нами кланом, безусловно, не являлся стабильным образованием. Развитие отличий вида (от других человекообразных приматов) означает развитие кланового сообщества. Основная задача клана заключается в сохранении собственной жизнедеятельности. В целом проблема любого общества (сообщества миллионов обществ) — это, прежде всего, продлить свое существование, остаться в живых. Задача заключается в защите от сил, стремящихся разрушить его общественный уклад. У всех обществ всегда и везде существуют такие проблемы. Эта защита сводится к сохранению жизни в форме защиты против различных опасностей, порой — в рискованной ситуации. Иногда формируется благоприятная, симбиотическая обстановка, дающая возможность взаимного развития. Тогда в данном конкретном месте набирает обороты позитивный процесс, вид обогащается материальной и духовной культурой общины или племени. Если в спиралевидной форме отобразить дилемму «я и прочие», относящуюся к социологическим понятиям последнего времени, то окажется, что «я» переходит на позиции защиты от «прочих», являющихся источником опасности и риска. Или «я» побеждает противника и продолжает свое развитие, или останется в подвешенном состоянии, сохраняет свою жизнь, но развитие его задерживается. Однако возможно и такое развитие событий: «я» терпит поражение и, в зависимости от степени своего поражения, полностью или частично теряет существование. В таком случае «я» перестает быть самим собой, становясь объектом другой субстанции, или же, будучи ассимилированным, «я» продолжает свое существование уже как совершенно другой человек. Так формируются категории, называемые извращенными или деградированными субстанциями.

Говоря конкретно, борьба общества за выживание происходит на более примитивной стадии образования. При этом, с одной стороны, общество оберегает себя оттого, чтобы не стать жертвой хищных зверей, с другой стороны, имеет место борьба против естественных условий в целях спасения в условиях неблагоприятных климатических условий, недостатка пищи и болезней. Если опасность угрожает жизни, то благоприятные условия способствуют ее положительному развитию. Пусть и в ограниченной форме, но нами освещены основные звенья этого приключения, (большая часть которого прошла в Африке, а последние — примерно миллион лет в Европе и Азии. Эти сообщества, похожие друг на друга, еще не развившие символический стиль общения, численностью не более ста человек, формировались вокруг личности матери-женщины, что происходило преимущественно под воздействием биологических особенностей, но не без влияния общественной практики.

Даже окончания женского рода, характерные для первых языков, подтверждают эту истину. Нельзя игнорировать материнскую ориентацию общества. Важно видеть в лице матери-женщины не только вождя, властную личность, но, прежде всего, естественную руководящую силу, обладающую жизненным опытом и воспитывающую детей. В условиях поселений, похожих на ранние домашние очаги, еще больше возростала притягательность матери-женщины как хранительницы этого очага.

Понятие «отцовство» — это комплекс социальных взаимоотношений, возникший намного позднее, и на протяжении длительных периодов общество не знало этого понятия. Только с развитием таких понятий, как «институт наследства» и «система собственности», понятие «отцовство» стало развиваться в связи с патриархатом. Принадлежность детей и статус брата матери, то есть дяди, являются более ранними понятиями. Формами удовлетворения материальных потребностей были собирательство и, в ограниченной степени, охота. Наиболее значительным жизненным аргументом стал статус члена клана. С большой долей вероятности можно предполагать, что изгнание из клана или изоляция чаще всего оборачивались смертью. Стоило бы рассматривать клан как ядро здорового общества — это истинная форма социума.

Мы часто говорили о том, что после долгих этапов развития, а также в силу благоприятного географического положения был осуществлен переход к неолитическому обществу, причем главное русло этого прогрессивного течения пролегалo в благоприятных условиях подножий Тавро-Загросской горной системы. Мы много говорили о том, что этот этап можно считать вершиной матриархального общества, а также то, что он породил возможность производства излишков продукта. На этой стадии, зачастую называемой социальными науками первобытным обществом, ранним и поздним каменным веком, первобытнообщинным строем, имела место серия этапов, которые, на мой взгляд, имело смысл называть матриархальным обществом. Это и есть та самая стадия, которая занимает почти девяносто девять процентов всего срока жизнедеятельности человеческого общества. Нельзя преуменьшать значение этого фактора. Нетрудно понять, что на фоне накопления излишков продукта и других культурных ценностей и недрах матриархального общества вокруг женщины бездарно болтался «коварный и сильный мужчина», набиравший влияние в общине благодаря случаям удачной охоты и последовательно искавший пути установления господства над этой общественной системой. Многие антропологические данные и археологические находки, наблюдения, споры и взгляды считают это вероятным.

Мы также много говорили о формировании патриархального общества главным образом в результате установления власти в форме симбиоза жреца, правителя и военачальника. Правильнее всего было бы искать прототип новой формы общества именно и этом процессе. Говоря о новом социуме, мы подразумеваем формирование внутри клана иной иерархической структуры. Это расслоение приняло конкретные формы благодаря тому, что иерархия способствовала стойкому процессу классового расслоения и организации типа государственности. Ясно, что общество, познавшее классы и государство, стало качественно иным. Основопологающей динамикой этих перемен является то, что излишки продукта перестали дарить другим и, превратив в обменный товар, вынесли на рынок, где товар стал предметом торговли. Классовое расслоение и стремление к огосударствлению обретает более четкий характер тогда, когда в качестве стойкого элемента общество

укореняется тройственная сила «рынок-город-торговля». Не буду повторяться, поскольку мы часто разрабатывали вопрос о том, как протекал этот процесс в рамках категорий времени и места. Различные социологические школы, в силу разнообразного понимания, стараются наделить это общество такими эпитетами, как «классовое общество», «городское общество», «эстатическое общество», «рабовладельческое», «феодалное», «капиталистическое» общество. Но поскольку классовость, урбанизация и государственность обладают более конкретными и устойчивыми особенностями, на мой взгляд, правильнее было бы называть общество, соответствующее содержанию процессов «цивилизации» и «культурного становления», не иначе как «цивилизованное общество», или просто кратко «цивилизация».

Но не следует забывать, что под словом «цивилизация» мы, с точки зрения общественной этики, имеем в виду отнюдь не возвышение или развитие, а главным образом упадок и давление. Цивилизованный социум, согласно суждениям в рамках старых общинно-матриархальных ценностей, то есть в рамках понимания нравственности, считается ужасающим упадком. В наиболее древнем из известных нам языков — в шумерском языке — эта связь передается очень ярко и значительно. Так, слово «амарги» в шумерском языке означало одновременно «мать», «свобода» и «природа». Синонимия, выстроенная в языке между такими понятиями, как мать, свобода и природа, является очень ярким показателем правильного понимания сути. Шумерское общество, первым познавшее смысл цивилизации, этим самым словом «амарги» выражало свою ностальгию по не очень далекому прошлому, когда процветал культ старого или общинно-матриархального социума. Этот общественный хаос можно проследить на оригинальном примере Шумера — это очень захватывающе и поучительно.

Отражение во взаимоотношениях между женщиной и мужчиной дисбаланса, обернувшегося против женщины, можно наблюдать на примере первого эпического опыта, поостренного на диалогах Инанны и Энки (богиня Урука и бог Эриду, охранявшие, по преданию, свои города). Этот эпос, предшествовавший эпосу о Гильгамеше, раскрывает спор между общинно-матриархальной системой или обществом, с одной стороны, и иерархически-патриархальным обществом (переходным к цивилизации), с другой стороны. Здесь конкретно осознается то, что процесс протекал в крайне несправедливой форме, в условиях ожесточенной борьбы. Исторические данные предоставляют нам касающиеся процесса аргументы, причем сам процесс мы могли бы назвать примитивной демократией на ранних этапах шумерского общества. Совет старейшин тогда еще не был превращен в патриархальную систему. Оживленные споры являются своего рода признаками демократии. Пока еще не были сформированы понятия из области божественных заповедей типа приказа (по сути, это можно назвать принципом односторонней военно-деспотической системы, исходящей от «коварного и сильного человека», надевшего на себя маску). Кстати, стиль повествования в эпосе об Инанне очень живой и раскрывает сущность явлений, имевших место в обществе, а точнее — несправедливости, бедствий, выпавших на долю женщины, ее достижений и ею рожденных детей. Если бы было достаточное количество письменных документов, то с большой долей вероятности можно было бы увидеть и понять, что шумерское общество того периода находилось на переходной стадии, которая по своим характерным признакам опережала даже афинскую демократию (в сущности, демократию рабовладельческого класса).

Теоретически можно установить, что переход к цивилизованному обществу был тесно сопряжен с переходом к демократическому обществу. Резкая полемика, имевшая место в первых советах старейшин, стала, собственно говоря, первыми шагами, начальным отражением демократического социума. На этой стадии всех обществ можно наблюдать аналогичную дилемму: это дилемма между демократичным обществом и обществом цивилизованным. В более понятной и конкретной форме речь идет о дилемме между государством и демократией. Проблема демократии стоит везде, где есть государство. Вместе с тем, во всех сферах, где есть демократия, присутствует риск этатизации. Подобно тому, как демократия не является формой государственности, неверным является представление о демократическом государстве. Нужно очень внимательно отнестись к характеру связей между этими двумя институтами.

Именно это стало той самой дилеммой, которая на протяжении всей истории была объектом различных манипуляций. Вопрос о том, что именно развивается (в недрах старого общества), демократия, или государство, способствовал возникновению массы заблуждений и споров. Это свидетельствует о том, что оба процесса протекали в тесном переплетении, с полемикой, противоречиями и в воинственной форме. Например, очень захватывающий и конкретный характер носили дискуссии и конфликты, касающиеся демократии-республики и султаната в исламской действительности, которую мы знаем лучше всего. Договор пророка Мухаммеда с Мединой кажется похожим на теорию общественного договора Ж.Ж. Руссо. Это можно ясно видеть как в самом Коране, так и в хадисах. Но крайне усилившаяся родоплеменная аристократия, в частности, иерархическая система племени курейшиты, откровенно стремилась к созданию султаната по типу Византии и Сасанидов. Этот спор шел еще во времена пророка Мухаммеда. Кстати, еще один смысловой аспект спора между Меккой и Мединой сводился к вопросу, какой быть новой системе — джамахирией (в переводе с арабского означает «демократия народа») или султанатом (монархией, наследуемой сыном от отца). Этот конфликтный процесс, начавшийся с бегства пророка Мухаммеда из Мекки (610 г. н. э.), закончился убийством в 661 г. пророка Али в Куфе, где и по сей день имеет место аналогичное по агрессивности противостояние. В итоге этого пятидесятилетнего спора победила племя муавитов. Очень сильная в те времена родовая иерархическая система не признавала никаких шансов за республикой, точнее, за ранней демократией. Социологическое исследование ислама с этой точки зрения дало бы очень интересные и захватывающие результаты!

Другим захватывающим историческим примером является создание Персидской империи в Иране. После длительных стычек и конфликтов персы смогли превратить наследие Мидийской конфедерации в империю. Определяющую роль в этом сыграла монархия Ахеменидов. Существует много показателей грозного периода, прошедшего под предводительством мидийских жрецов с 560 по 520 гг. до н. э.. Ярким примером тому является лживый Камбис. Дело в том, что структура предшествовавшей Мидийской конфедерации является примером ранней демократии. «История» Геродота дает интересные пояснения по этой теме.

Еще одним хорошо известным примером является Афинская демократия. Что же это были за войны, которые она вела с царством Спарта или с персами и македонянами — войны за демократию, империю или царство? Пусть в примитивной форме и на классовой почве, но

там уже имели место дискуссии и споры на тему, демократическое ли общество в Афинах, или цивилизованное общество. Споры по поводу республики и империи, не утихавшие в Риме, свидетельствуют о том, что эти распри могли стать причиной гибели ряда знаменитых личностей, в первую очередь, Цезаря. Следовательно, в Риме уже существовала грозное, воинствующее противоборство. Эти примеры можно было бы продолжить. Более того, чтобы удержать на высоте наш интерес к теме и развить глубину понимания, можно охарактеризовать с этой точки зрения Великую Французскую революцию и Великую Октябрьскую революцию в России.

Французская революция 1789 года была развернута против абсолютной монархии и завершилась созданием республики (радикальной общественной демократии). Эта революция прошла очень тяжелый этап революционного террора, после Триумvirата найдя продолжение уже в империи Наполеона. После различных переходных этапов было объявлено пять республик. Шестая находится на стадии дискуссий.

В Великой Октябрьской революции 1917 года прорыв был совершен путем создания более радикальной демократии (период Советской власти). В Гражданскую войну страна познала революционную диктатуру, в сталинский период диктатура укоренилась. В 1989 году, в год двухсотлетия Великой Французской революции Россия вернулась к демократии, которую стремится развить и по сей день. В период современного капитализма на арену почти ежегодно выходят сотни аналогичных примеров.

Эти пояснения с подробными примерами я привел в целях отражения противоречивой, напряженной и конфликтной сферы между двумя клубками взаимоотношений, коими являются цивилизация и демократия.

Важнейшим обстоятельством, требующим особого внимания, становятся то, что оба новых образования стремятся обустроить свое существование на почве коммуны. Как мы уже выяснили, коммуна — это та «материнская клетка», которая продолжает свое существование и по сей день, присутствует в тканевых структурах всех обществ и, несомненно, будет иметь фундаментальное значение до последних дней человечества, без которого жизнь просто немыслима. Подобно тому, как материнские клетки проводят корректировку, а при необходимости и реставрацию различных тканей организма, так и матриархальная община-коммуна в аналогичном стиле продолжает свое существование во всех обществах, где присутствует дилемма. Я часто подчеркиваю, что коммуна, пусть и в состоянии противоречия, напряженности, порой в согласии, присутствует в жизнедеятельности демократического и цивилизованного обществ, родившихся из его плоти, оно никогда не исчезало и не исчезнет, и настойчивое акцентирование мной внимания на этом вопросе имеет под собой серьезную основу, причины и следствия. По мере необходимости и уместности я буду регулярно освещать эту тему.

Мои рассуждения о противостоянии между демократическим и цивилизованным обществами совсем не исключает возможности достижения ими взаимного согласия. Напротив, согласие между этими двумя обществами важнее всего. Точнее, так должно было быть. Основная причина здесь заключается в том, что демократическое и цивилизованное общества не могут существовать друг без друга — как следствие диалектического

понимания того, что формации не уничтожают друг друга. Существование одной формации возможно благодаря существованию другой. Как я уже подчеркивал, исход демократии и цивилизации обусловлен единой матриархальной общиной-коммуной. Если демократия полагается на подавленное большинство населения, ставшее жертвой предательства, гнета и эксплуатации высших иерархических слоев, то цивилизация берет за основу, скорее всего, те слои общества, которые продолжают политику гнета и эксплуатации, идеологическую гегемонию высших слоев общества. Естественно, эти слои не так легко оторвать друг от друга и от их материнского лона — коммуны. Они развиваются в тесной связи, но различия между ними сильно развиты.

Здесь стоило бы рассмотреть в целом понятие общества. Более того, это надо сделать путем частых напоминаний и доведения до сведений. Сообщества должны восприниматься как единство тысячи типов переплетенных между собой отношений и противоречий, напряженности, религиозности, противостояния и солидарности, характерных для классового расслоения, тысяч групп внутри каждого класса, миллионов семей, всех видов сообществ, не дошедших до уровня классов, сопротивляющихся классовому расслоению, единиц, вместо глобализации стремящихся, напротив, к локализации, религий, языков, политики, экономики, родоплеменных сообществ, наций, международных связей, хаоса и систематичности. По мере того, как демократия и государство дополняют друг друга в условиях этого невероятного хаоса, формируется общественная система, близкая к миру. Состояние полнейшего мира возможно только при отсутствии государственности, но если теоретически это возможно, то практически мы еще очень далеки от возможности осуществить это.

Длительный период демократической жизнедеятельности, охватывающий все общество, даже государственное, может принести только к всеобщему миру. Можно говорить о мире, как о процессе без какого-либо противостояния, основанном на балансе сил (государственных и демократических сил), действующих на конкретный исторический момент. Если демократия захочет полностью проглотить государство, то в данный исторический момент, скорее всего, могут выявиться хаотические особенности. Об этом свидетельствует опыт многих стран. Если государство постоянно игнорирует демократию, то формируются деспотические, диктаторские системы, но на данный исторический момент их следствием является хаос. Цивилизация, называемая также историческим процессом, продолжается примерно пять тысячелетий. Демократия имела шанс на более ограниченный срок жизнедеятельности, но общество, подавляюще большинство и многие социальные группы ждали только демократии. Они поролись за демократию. Не исключено, что даже по истечении тысячелетий, пусть даже не в этой форме, государства и демократии продолжат свою жизнедеятельность в тесном переплетении, как единый вид.

Проблема заключается в том, что необходимо не только отделять друг от друга государство и демократию, но и привязывать их к систематическим правилам по принципу эффективности, или хотя бы, по меньшей мере, с точки зрения их связи, не предусматривающей взаимного отрицания. Не исключено, что возникнет необходимость в принятии конституций совершенно новой формы. Утверждения о тесной связи между существующим государством и демократией являются полным обманом. Тут уместен следующий пример: пытаюсь скрыть недостатки друг друга, они прикрывают проблемные

места фиговыми листочками. До тех пор, пока не будет преодолена такая ситуация, не может быть никакой конкретной дискуссии по поводу государства и демократии. Самые современные революции, коими являются Великая Французская и Великая Октябрьская революция, не только не достигли развития и конкретики в этом вопросе, но и попросту усугубили хаос. Крайне необходимо, чтобы политическая теория полностью определила содержание и формы демократии, не отрицающей необходимости государства (иными словами, не стремящейся влиться в струю государственности, но и не считающей государство препятствием, которое следует немедленно устранить). Только в связи с государством, готовым, по меньшей мере, к демократическим преобразованиям (не подменяет собой демократию и не запрещает ее). Действительно, есть необходимость в теории, но именно в такой теории, которая могла бы ответить на вопросы, возникающие в хаосе практической действительности. Я верю в то, что возможно сосуществование государства и демократии в обстановке минимальных взаимных противоречий и стремления к взаимному обогащению, более того, я верю в необходимость развития на этой основе самой сильной политической версии. Существующие государства, в сущности, не признают демократии. В принципе, государства — это ленивые и чудовищно громоздкие образования. Что касается демократий, то они, как карикатуры на государства, искажены в своей сути и недееспособны. Не вызывает никаких сомнений то, что именно этот вопрос является главным в политической философии и практике.

Повторюсь, эти обстоятельства, содержащие в себе массу нового, я в более широкой форме раскрою в книге «Социология Свободы».

Я понимаю, что изложил парадигму, отличную от традиционных либеральных и социалистических парадигм, выстроил главные теоретические рамки проблемы. В дальнейшем постараюсь обогатить ее содержание. Эти схематические рамки прочерчены для того, чтобы объяснить, куда и как я готов «разместить» капитализм, как «общественную формацию». Ясно, что я не считаю капитализм чисто экономической формацией, но я также не считаю его и общественной формацией.

В первую очередь, постараемся рассмотреть взаимоотношения, называемые капиталистической экономикой, в ракурсе единого цивилизованного общества. Необходимо хорошо осознать и усвоить то, что капиталистическая экономика зиждется на рыночных взаимоотношениях и конкуренции, порождаемой процессом превращения в товар, который иногда называют экономикой обмена, на монополистической прибыли, извлекаемой путем манипуляции разницей цен в различных регионах. И рамках этого определения надо также понять, что капиталистическая экономика, по существу, не является тем сектором, который создает обменную стоимость. Она связана с очень незначительной частью общей экономической жизнедеятельности. Но в силу стратегического положения это — незначительность, способствующая определению конкретности, совокупность обменной стоимости, накапливаемой в огромном количестве в руках узкой группы людей. Одним словом, у капиталистической экономики есть стратегическое превосходство, выраженное в ее умении манипулировать и спросом, и потребностью. Не стоит забывать, что этого преимущества не было даже у государств, существовавших на тот момент. Интерес представляет рождение этого преимущества и стиль его использования. Так или иначе, мы понимаем причину его рождения. Но поскольку использование основывается на постоянном

накоплении капитала, оно более чем поразительно и способно перевернуть общество. Называть его революционным означает совершить предательство по отношению к обществу, в особенности, если речь идет об исторически-демократическом обществе!

Когда же политэкономия признает тот факт, что использование капитала путем его увеличения (знаменитый закон о прибыли, который супермены от экономики продвигают вперед, воспользовавшись «священным» именем закона) — это ничто иное, как грабеж, совершаемый в утонченной форме? Почему я не называю «коварного и сильного человека» капиталистом? Потому что он берет прибыль силой и войной. Естественно, мы не забываем того, что война — это капкан. Она не испытывает потребности в праве, ей не надо вводить кого-то в заблуждение путем навязывания религиозных догм, облачать в различные одеяния. Достаточно передать право капиталистическом экономики: предшествовавшие капитализму взаимоотношения между государством и экономикой основывались на применении силы. Право иерархии на существующие традиции допускали возможность открытого захвата и присвоения чужого имущества, поскольку вера, к которой они были причастны, считала, что имущество иноверца может быть захвачено, и в этом нет никакого греха. Это означает «коварный и сильный человек» уже становился государством. Капиталистическая экономика в этом пункте отличается от классического государства. Я не говорю, что она вступает с ним в противоречия. Когда же на развитой стадии цивилизованного общества грабительство в виде трофеев перестает быть эффективным, над этим сектором, образно говоря, «всходит солнце». Впрочем, это различие выявляется тогда, когда оно вступает в действие именно в тот момент и в рамках тех процессов, при которых рабовладельческое и феодальное государство перестают быть эффективными (когда перестает оказывать воздействие право на открытую аннексию, право на трофеи, что можно назвать грабежом; все соки общества буквально выжимаются, и оно оказывается на грани невозможности производства излишков продукта). Тогда она прибегает ко всем атрибутам новой экономической системы.

Монополия рабовладельческого государства на первых порах Пыла очень плодотворной. Это видно, если обратить взоры на пирамиды фараонов, руины греко-римских городов. Капиталистический сектор в тот период уже существовал, но был очень ограничен. Эффективность государственного сектора не давало шансов на развитие или предоставляла мизерные шансы. По мере того, как рабовладельческая система теряла свою эффективность, наблюдалось распространение феодальной системы труда. Рассмотрение вопроса о том, почему рабовладельческая цивилизация перестала быть эффективной, не входит в предмет нашего данного исследования. Остановимся на том, что эта цивилизация в силу своих взглядов на труд и жизнь, просуществовавших очень долгое время (4000-500 г.г. до н. э.), распространения на широких территориях, огромных расходов, истощения запасов, территорий и людских ресурсов, которые рабовладельческая цивилизация присваивала силой и порабощением, распалась вследствие тысячи внутренних и внешних выступлений и восстаний демократического и освободительного характера.

Построенное на его месте цивилизованное общество, представленное преимущественно в лице исламского Ближнего и Среднего Востока и христианской Европы, в сравнении с греко-римской, а также шумерской и египетской цивилизациями, чьим наследником оно стало, основывалось на совершенно другом стиле узаконения и эксплуатации. На фоне серьезных

легальных возможностей, предоставленных двумя упомянутыми религиями, а также благодаря более свободному положению крепостного крестьянина в сравнении с рабом, цивилизованное общество сумело обновиться. Несомненно, христианство, служившее надеждой неимущих слоев на протяжении трехсот лет, борьба за равенство и свободу, проходившие в недрах ислама под прикрытием различных сект и течений и, следовательно, усилия и поиски демократического общества сыграли главную роль в том, что цивилизация стала обновленной и мобильной. Это состояние отнюдь не связано с величиной или широким развитием цивилизации, как пытаются утверждать идеологи цивилизации. Даже если и есть определенные достижения, то этой стадии цивилизация достигла их благодаря остаточному влиянию прежней общинной системы, структуры родов, бегству рабов от своих хозяев и тысячам выступлений и восстаний неимущих слоев.

Обновление традиции гнета и эксплуатации в цивилизованном обществе, осуществленное при помощи новых средств узаконения, привело к обновлению его основных средств, коими являлись классы, города и государства. В новой обстановке, где фигурировали такие социальные пары, как крепостной крестьянин и сеньор, город и рынок, государство и раб, значительно облегчилось обновление капиталистических элементов. Города, развивающиеся вокруг рынков на всем протяжении от Китая до Атлантического побережья, принесли с собой ускорение процесса производства товара, а также углубление и расширение их обмена. Разница в ценах между рынками обеспечил невиданный рост прибыли торговцев-монополистов. Впервые города смогли сохранить баланс в отношении сельской местности. Исламская цивилизация, сформировавшаяся между Дальним Востоком и Европой, была в определенном смысле торговой цивилизацией. В этом смысле она смогла дать Европе все, что было необходимо. Прочие фундаментальные средства цивилизации, например, материальная и духовная культура, были представлены еще с древних времен. Трансферт урбанизации, классовой культуры и государственности завершился с приходом ислама. Ставную роль в этом, несомненно, сыграли арабы и евреи. Все те дела, которые в античную эпоху оставили незавершенными греки и римляне, завершили арабские и еврейские мудрецы, ремесленники и торговцы.

Единственным значительным недостатком цивилизации Ближнего и Среднего Востока стало то, что капиталистический сектор не смог сыграть главную роль в масштабе всей страны, преодолев влияние городов. Ближнему и Среднему Востоку не удалось сделать того, что позднее сделали Амстердам и Лондон, и главную роль в этом сыграла централизованная деспотическая авторитарная власть, оказавшаяся гораздо жестче абсолютистских режимов Европы. Политические образования в Китае и Индии обладали еще более жестким эксплуататорским характером, нежели ближневосточные султанаты. Япония частично осталась в рамках феодального политического образования европейского стиля.

К XVI столетию у древних азиатских цивилизаций уже не осталось и пяди земли, не подвергшейся натиску захватчиков. Доходы Чингисхана и Тимура и последующие переселения тюркских племен всего лишь освежили кровь в регионе и предоставили им новые возможности. Все, что могло произойти, происходило и Европе, которая больше напоминала полуостров на западной окраине Азии. Именно Европа стала лабораторией, где формировалась новая цивилизация.

Когда вместе с цивилизацией торговля и капиталистический сектор были перенесены в Европу, там перед ними открылись нетронутые земли. Формировались новые городские структуры и совершенно неопытный «юный» европейский феодализм. Все это нельзя было назвать цивилизацией. То, чего они добились к концу десятого столетия существования христианства, это образование морального и духовного иммунитета. Если бы такая древняя цивилизация, как ближневосточная, сумела выстоять, шансы на развитие капиталистической цивилизации оказались бы в высшей степени спорными. Новые цивилизации зарождаются на нетронутых землях. С позиций развития самих цивилизаций было бы поучительным принять во внимание и эту сторону. Обратив внимание на становление цивилизационного потенциала Европы, замечаем довольно занятную ситуацию вакуума. Так, трудности в продолжении прежнего образа жизни, с одной стороны, и «игрушечная» новизна в лице феодализма, с другой стороны, способствовали просачиванию между ними третьей силы. Например, как бы развивалась история, если бы одна из ветвей арабов, ворвавшихся в Европу через Испанию, османцев, пробравшихся туда через Балканы, или агрессивных племен с юга Сибири, и, наконец, монгольских потоков, создала в Европе империю старого типа? Стало быть, и для Европы шанс является значительным фактором.

Все эти «спекуляции» в отношении цивилизации мы осуществляем для того, чтобы внести ясность в процесс зарождения капиталистического сектора и обретения им характера гегемона. Как видим, нет никакого неизбежного звена в развитии цивилизации. Речь идет о том, что под объединенным влиянием тысячи случайностей группа крупных торговцев-спекулянтов, которых смогли многого добиться в укромных уголках и на окраинных регионах старых цивилизаций, играли в денежные игры с рынком и его антиподами, с лихвой захватывали свои доли прибыли на бесконечных торговых путях и эксплуататорских грабежах, а в итоге, благодаря двум беспринципным городам Европы, смогли установить свою гегемонию сначала на европейском континенте, а затем уже во всем мире.

Все исследования свидетельствуют о том, что эти спекулянтские группы были в высшей степени консервативными, не обладали никакой творческой мыслью, не принимали никаких новшеств. Сильно преуспели они лишь в одном — в «делании денег на деньгах». Единственная социальная сфера, где они смогли добиться успеха, — это извлечение прибыли в периоды голода и войн, увеличение своей прибыли на почве разницы цен в целом на мировом рынке. Интересной особенностью Европы начала XVI столетия стало то, что деньги обрели такую силу, которая позволяла им повелевать всем и вся. Деньги стали реально управлять и командовать. Сила была на стороне того, у кого были деньги. Несомненно, основным фактором стали чудовищные масштабы превращения всего окружающего в товар, установившееся господство рынка и глобальная урбанизация.

Ни у одной древней азиатской власти, султана или императора, даже ни у одного римского императора не было таких проблем, как превращение продукта в деньги, осуществление власти при помощи денег. Если и были такие вопросы, только и ограниченной форме. Мировые кладовые уже давно были перенесены во дворцы монархов. Но по мере того, как капиталистический сектор одерживал одну победу за другой, европейские короли оказывались в роли просящих денежные займы. Речь идет о совершенно другой стадии развития тандема денег и силы. Политическая власть впервые могла быть поставлена на колени перед деньгами. Эти реалии свидетельствуют о том, что власть денег усилилась

настолько, что они могли возложить на себя роль командующего жизнью. Эту истину озвучил Наполеон, говоря о своей армии: «Деньги! Деньги! Деньги!».

Преобладающая роль денежного фактора, лежащего в основе всех новшеств в истории мировых цивилизаций, способствует возникновению новизны в недрах цивилизации (речь идет не об истории того мира, который против цивилизации!). Но в основных качествах цивилизации никаким новшествам способствовать это не может. Действительно, ведь цивилизация и раньше была знакома с такими явлениями, как деньги, рынок, город, торговля, даже банки и векселя. Все эти орудия цивилизации были изобретены тысячелетия назад.

Другим важным моментом является то, что капиталистический сектор изначально не имел никакого отношения к производству. У капиталистического сектора не было никаких связей даже с мелкой торговлей. Для основных связей экономики не характерны никакие поиски и новшества. Он не является создателем товара и обмена, поскольку эти категории развивались на протяжении многих тысячелетий. Если и говорить о каких-либо способностях капиталистической экономики, то речь может идти только о том, что она очень хорошо познала силу денег, использует ее, превращает деньги в капитал, иными словами, извлекает прибыль из денег. Несомненным является ее мастерство в изучении городов и стран, дорог и рынков, где можно заработать денег. Капиталисты были мастерами плетения сетей, в которых обращаются деньги и товар. Говорить о том, что в начале XVI столетия Европа попала в эти сети, благодаря мастерству этой группы, значит согрешить против истины. Все приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что роль этой группы в цивилизационном развитии была в высшей степени проблемной. Порождение капиталистической экономики на почве денег и рынка отнюдь не является необходимостью. В азиатской цивилизации имелось гораздо больше денег и рыночных возможностей. Если бы между этими факторами была прямая связь, то раньше всего капитализм возник бы в Азии. Общепринятым является мнение о том, что зарождение капитализма не связано с наукой, искусством, религией и философией. Напротив, с моральной точки зрения эти дисциплины воспринимали появление капитализма с сомнением, противились этому.

Я всегда стараюсь напоминать об одной теме: почему такая мощная сила, как женщина, оказалась в столь бедственном положении, обреченной на участь служанки в доме мужчины, ж отличающегося особым умением и творчеством? Ответ, разумеется, кроется в той роли, которую играет сила. Когда у женщины отнимают ее хозяйство, неизбежным становится ужасающее заточение. Если еще прибавить к этому контроль со стороны сына, то можно будет увидеть, насколько женщина обезличена и вынуждена смириться со своей ролью униженной и оскорбленной. Что касается «сильного мужчины», то его падение на дно вызывает гораздо более серьезную тревогу.

Я уверен, что этим примером можно показать, насколько глубокое влияние на общество имеют деньги, превратившиеся в капитал. Речь идет о признании того факта, что деньги, обретая силу власти, перестали быть просто экономическим явлением. Профессиональный историк Фернан Бродель, говоря о том, что капитализм — это антипод рынка, следовательно, экономики, более того, находится вне экономики, фактически озвучил очень важную истину. Его суждение очень ценно, поскольку связывает экономику с такими

понятиями, как «мена» и «стоимость». Я согласен с тем, что капитализм, удушающий экономику, никакого отношения к ней фактически не имеет, более того, он является врагом экономики. Я УТВЕРЖДАЮ, ЧТО КАПИТАЛИЗМ ЭТО НЕ ЭКОНОМИКА, А ВРАГ ЭКОНОМИКИ. В будущих главах я подробно изложу эту тему. Являются ли финансы экономикой? Являются ли экономикой мировые финансы? Имеют ли отношение к экономике те бедствия, которые охватили окружающую среду? Является ли безработица экономической проблемой? Имеют ли какое-нибудь отношение к экономике такие явления, как банки, векселя, курсы валют, проценты? Какое отношение к экономике имеет слепое производство товара во имя прибыли, ставшей раковой опухолью на теле общества? Список вопросом можно продолжить. Но единственным ответом на все эти вопросы является категоричное «НЕТ!». Формула такова: «Деньги, капитал — это повод для власти!». Деньги, превратившиеся в капитал, своими хитроумными играми не создали ни новую экономическую формацию, ни капиталистическое общество, ни новую капиталистическую цивилизацию. В реальности существует невиданная в истории игра, начатая с целью установления власти над обществом, причем не только над экономикой, а также над политикой, армией, религией, нравственностью, наукой, искусством, историей, материальной и духовной культурой. КАПИТАЛИЗМ — ЭТО НАИБОЛЕЕ РАЗВИТАЯ ФОРМА ГОСПОДСТВА, ЭТО ВЛАСТЬ!

Рассмотрим последние четыре столетия истории человечества, называемые эпохой капитализма. Осталась ли хоть одна метка, ткань в теле общества, над которой капитализм не установил бы свое абсолютное господство и власть?

Хитрый английский социолог Энтони Гидденс говорит о трех факторах непостоянства современности: это капиталистическая форма производства, национальное государство и индустрия. Действительно, он прав, характеризуя современность такими краеугольными камнями. Но, полагаю, он понимает, что своей парадигмой создает теорию новой стадии войны за спасение капитализма на его родине. Теория бесконечного развития капитализма путем его видоизменений, вместе с праволиберальной Теорией конца истории и леволиберальной теорией бесконечности активно внедряются в сознание общества вместе с утверждениями о последнем вселенском подъеме капитализма.

Свои рассуждения о капитализме я продолжу далее на базе последующего анализа современности. В частности, это будет осуществлено в ракурсе таких понятий, как «национальное государство» «и индустриализм». Я постараюсь отследить современность именно в кулуарах власти. Я буду анализировать не в ракурсе вдохновившего меня названия «домашний капитализм», придуманного Ф. Броделем, но оказавшегося недостаточным, а постараюсь рассмотреть современную ситуацию на примере хитрого шумерского божества Энки или в подземных дворцах наподобие эллинистического Гадеса, то есть именно в тех местах, где ведутся невидимые глазу игры за власть. Стало быть, раз умнее будет назвать главу «Во дворце голого короля и божества без маски». Синтезируя все стили пояснений, я продолжу свои рассуждения о том, как капитализм, изначально охваченный идеей вселенской власти, реализует свои идеи, опираясь на такие краеугольные камни, как национальное государство и индустриализм. Потому что дробление серьезных стилей пояснения также является одним из первых дел, которое совершил этот новый Левиафан. Пояснение без объединения стилей является крайне недостаточным. Объединение помогает критике добиться своей цели. Мой метод может быть предан забвению, но я верю в то, что

он неминуемо приведет к эффективному толкованию общественных отношений, и, тем самым, к их осознанию. Я постараюсь изложить последнюю часть своих рассуждений под названием «Капитализм как враг экономики». Моя следующая книга под названием «Социология Свободы» будет посвящена анализу демократического, свободного общества, в котором торжествуем равноправие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Капитализм - не

экономика, а власть

«Божество без маски, голый король и власть денег в собственном дворце»

Есть народная поговорка о том, что если хочешь узнать правду, спроси об этом ребенка. В очередной раз, отдавая дань уважения всем детям и желая дойти до истинного источника информации, н должен вновь вернуться к своим детским воспоминаниям.

Услышав о том, что сын наших соседей Эмин начал читать книгу «Катехизис», я ощутил в себе рост интереса к исламу и мечети. Выучив наизусть несколько молитв, я смог занять свое место в рядах, выстраивавшихся в мечети сразу же за имамом Муслимом. Я не забыл услышанные позднее слова Муслима: «Если Абдулла будет идти с такой скоростью, то ему обеспечен излет». Значит, вступление мое было правильным. Помню еще, сидя под оливковым деревом, я спрашивал у Азиза, с которым позднее учился в начальной школе (позднее я услышал, что Азиз Стал слабым кадастровым инженером и работал в должности начальника отдела купчих), какими бывают школа и учитель, я спорил с ним на эту тему. Мне больше всего нравилось символическое сравнение с чудовищем (современным Левиафаном). Я и здесь не ошибся, потому что школа — это утверждение путем толковывания догматов образа Бога и национального государства. Много позже я узнал из философии Гегеля о том, что новый Бог сошел на землю в виде национального государства и начал свой поход в образе Наполеона. Я начал рассуждать о том, что это «сошествие» толковывается в память ребенка усилиями жреца-учителя еще в начальной школе, и тогда понял, что информация была мной правильно усвоена еще в раннем детстве. По мере того, как образ Бога в мечети имама Муслима стирался, имело место возвышение божественной идеи, насаждаемой учителем Мехметом из Чорумлу в стенах начальной школы. Помню еще впечатления, охватывавшие меня несколько раз в год: я сижу м беседке в полудреме, и тут на рассвете мне в глаза бьет свет фар грузовика, управляемого Хайдаром из соседнего села Аргыл Волшебство машины прочно вошло в мое создание в виде полу бога. Речь идет о машине нового бога. Опять же, много лет спустя, когда я постарался сравнить машину с самой сильной опорой или одним из образов нового индустриального Левиафана, я и очередной раз поверил в то, что правильную информацию я по черпнул из своих детских мечтаний.

Хочу здесь и сейчас определить, что никакая религия не обрела столь чудовищный образ, как индустриализм. Наше село располагалось в пятидесяти километрах от границы с Сирией. Когда прожекторы периодически освещали приграничные местности, их свет отражался в моих глазах как вспышка молнии, создавая ощущения государства и божества, слившихся в единое целое. Я всегда стараюсь вспоминать эту третью восточку *m* моего детства.

Турецкая Республика является одним из первых примером развития в полуколониальных странах модели современного капитализма, превращаемой далее в национальное государство. На стадии своего образования Турецкая Республика напоминала Французскую Республику, где также в тесном переплетении развивались два института — государства и демократии — точно так же, как в Исламской Республике Иран, первой исламской республике Медина, даже в бывшем СССР. Со временем, по мере становления капиталистической власти, демократические элементы купировались и превращались в национальные государства. Эти вопросы я постараюсь глубже раскрыть в соответствующих главах. Может быть, это первично. Первые примеры всегда требуют внимательного анализа. Свои воспоминания о республике я бы хотел изложить в отдельном труде в форме длинного романа-повести. Но сейчас одной фразой я хотел бы подчеркнуть тот факт, что в начале выпускного года моего обучения на факультете социальных наук (Гражданско-государственная школа), который считался наиболее сильным учебным заведением Республики, я уже был в состоянии оловянного солдатика, созданного новым Левиафаном, но неспособным произнести даже его имя. Более того, у меня были полностью парализованы аналитическое и чувственное мышление, и я был не в состоянии что — либо прочувствовать и осмыслить. Могу сказать, что это все я осознал позднее.

Спустя много лет, путем зубрежки, которая была принята в сектантской школе социализма, я смог преодолеть влияние старой религии, которое некогда испытывал в селе. Должен подчеркнуть, что все эти годы я был в страшном состоянии скепсиса (сомнений). Размышляя о чем-то, я как бы задыхался. И стал приходить в себя гораздо позже, когда понял, что современный Левиафан выходит на историческую арену то в облике Турецкой Республики, то в облике советского социализма. Осознав, что оказался лицом к лицу с божеством современной религии, оказавшимся страшнее богов всех существующих религий (своими бесчисленными символами и идолами, окружившими меня всего), понимая, что эта религия родилась и уже заняла господствующее положение, но она мне не подходит, я начал чувствовать и осознавать, что мой выбор свободной жизни может осуществиться по мере того, насколько мне удастся дистанцироваться от влияния этой религии и не позволить ей ввести меня в заблуждение. Впервые чувственное и аналитическое мышления, объединившись, способствовало «отрезвлению» моего разума. Этими строчками я стараюсь прокомментировать данный процесс.

Комментируя «научный социализм», то есть свою социологию, К. Маркс и Ф. Энгельс заявляют, что «создали синтез английской политэкономии, немецкой философии и французского социализма». Три вышеуказанные школы старались развить теоретический анализ современности, стремящейся установить господство над жизнью и деятельностью всей Европы. Если индийская политэкономическая школа старается доказать, что нее происходящее является ничем иным как победой новой экономики (или убеждает в качестве

новой религии), то немецкая философия считает своей основной задачей создание теоретической базы — утверждения, что ведущим актером (новой формой бога-царя) является национальное государство. Французский социализм от имени всего общества (единство цивилизации и демократии) теоретизирует утверждение о победе светски-позитивистского общества, отодвинувшего на задний план старое религиозное мировоззрение.

В основе революции мышления, происходившей в Европе, начиная с XVI века, лежало поразительно сокрушительное влияние капиталистической монополии. Приступая к характеристике этого переворота в мышлении, мы частенько будем останавливаться на нескольких аналогичных исторических примерах. Первый пример касается зарождения шумерского государства жрецов в лоне храма (зиккурата). Условия организации государственности на базе излишка продукта оцениваются вкуче с переворотом в мышлении. Какой надзорный механизм может контролировать излишек продукта? Как должны развиваться и выстраиваться основные средства его легализации (прививание доверия к новому обществу)? Было найдено средство в виде создания нового пантеона богов, ставшего первым примером организации государства и всех цивилизационных религий. Ответ оказался довольно радикальным: государство впервые было организовано в виде жреца-царя. Экономика, н первый раз воплотившаяся в форме государственного социализма, была организована в тесном переплетении с государством, и эта экономика была взята под полный контроль государства. Традиционные иерархические силы, натянув на себя новые маски, уже воплощались в виде новых богов неба, земли, воздуха, воды, города и пр. В эпосе, где впервые повествуется о порабощении человека, он сравнивается с экскрементами богов. Местом всех этих изобретений является зиккурат. На верхнем ярусе зиккурата, являющегося, в сущности, гигантским пристанищем, располагается пантеон богов (союз богов, представители высшего слоя иерархии), ярусом ниже — жрец-царь (первый правитель-гегемон, создавший систему), и на самом нижнем ярусе находят свое пристанище рабы и ремесленники, создающие прибавочную стоимость-продукт. Рассматривая это пристанище как первый прототип, своего рода эмбрион торопи, государства, классов, мы, тем самым, определяем формулу систематики всей цивилизации. Все вышеперечисленные институты, вплоть до последних европейских моделей, несут на юбе следы этого раннего примера. Именно поэтому считаю правильным называть Шумер величественным оригинальным образцом. Считаю, что ни одна версия или производная не смогли стать столь же притягательными и эффективными, как сам шумерский оригинал.

Ионическая греческая версия стала третьей. Второй же вершей стала цивилизация хурритов, происходивших из Верхней Месопотамии, и хеттов, поддерживавших с ними тесные связи. Отличие греков заключалось в том, что они вышли за рамки классических мифов и смогли создать философию. Основной Причиной создания греками философии природы и общества является то, что мифы не могли достаточно убедительно объяснить начавшийся и набиравший обороты процесс формирования государственности на базе городов. Если в низших слоях Населения еще оставалось влияние мифического мышления, то для тех, кто ежедневно сталкивался с конкретными проблемами управления, более убедительное сказание постепенно обретало характер острой потребности. Практика социальной жизнедеятельности в силу проблем, обусловленных урбанизацией, требовала философского стиля объяснения. Но пантеон богов Олимпа, во главе которого стоял Зевс,

все еще сохранял свое глубокое влияние. Если Сократ ценой своей жизни оплатил свои первые пессимистические воззрения, то его ученики смогли развить его схематически изложенное учение до состояния фундаментального источника философии. В частности, не будет ошибкой назвать Платона и Аристотеля отцами философии.

Евреев можно считать первым племенем, перешедшим из сферы шумерского и египетского мифического мышления на уровень религиозного мировоззрения единобожия. Это своего рода периферийная версия старого оригинала. Добавив к этому многие периферийные ветви (в первую очередь, зороастризм, древнегреческую философию), получаем иудаистскую, христианскую и исламскую производные.

Достижения новой материальной и духовной культуры, обеспечившие колоссальный культурный подъем в Европе XVI столетия. в основе своей базируются на этих оригиналах и версиях. Представить себе упомянутый культурный подъем без них можно только путем изобретения новых мифов и религий, неубедительность которых будет изначально ясна. Деятельность по формированию мышления под маркой таких понятий, как «позитивизм», «лаицизм», «либерализм» и даже «социализм», может нести в себе элементы новизны, но, тем не менее, сама она осуществляется под глубоким влиянием исторического источника. И осмысление, и суть этой деятельности в подавляющем большинстве развивались в лоне прежних версий. Невозможно пролить свет на эпохи европейского Возрождения, Реформации и Просвещения, основываясь только на греко-римской философии, науке, искусства и праве, игнорируя при этом наследие Египта и Шумера.

Не вызывает сомнения вклад Европы, что начало приносить свои плоды с XVI столетия. Пояснения, основанные на базе науки, философии и религии, воплотившиеся во многих именах, в первую очередь, таких как Ф. Бэкон, М.Монтень, Н. Макиавелли, Н. Коперник, определяют сущность новой версии. Цивилизация дала миру не только города, государства, классы, торговлю, деньги и рынки; она способствовала расцвету философии, религии, науки и искусства. Европа доказала, что ее древняя история способна изучить и синтезировать свою материальную и духовную культуру в собственной лаборатории, чего не смогли добиться индийская и китайская цивилизации. Ближневосточные цивилизации тоже не смогли продемонстрировать способность к последнему решающему шагу. Я неоднократно касался причин этого явления.

Говоря о том, что это третий крупный вклад Европы в историю цивилизации, было бы полезно вкратце напомнить эти исторические истины.

Энтони Гидденс характеризует вклад Европы как «отсутствие постоянства». Тем самым он старается определить оригинал. Несомненно, у европейской цивилизации есть свои оригинальные ценности. Но отсутствие постоянства, определенное Гидденсом (капитализм, национальное государство, индустриализм), в определенной степени достоверно. В последующих частях своего труда я постараюсь оценить социологию Гидденса, смысл которой сводится к стремлению спасти современный капитализм. Но эти фундаментальные темы, раскрытые им, требуют глубокого изучения, именно поэтому очень важно установить между ними связь.

Вернемся к трем важным источникам марксизма. С точки зрения объединения европейских источников мышления, установленные марксизмом три различия имеют смысл, но ему не удалось ощутить сходство между этими тремя столпами. Ибо если марксизм увидел бы это сходство, то он выявил бы себя. Идеология Просвещения соединила в себе английскую политическую экономию, немецкую философию и французский социализм, и ей нашлось место и для марксизма. Именно эту идеологию необходимо проанализировать в первую очередь. Она и по сей день очень влиятельна и занимает господствующее положение, но всем мире. Как бы ни считали социологию наукой, она не приносит с собой ничего нового, что вышло бы за рамки этой идеологии. Если не ошибаюсь, известный современный американский социолог Э.Валленштейн рассуждая о европейском мышлении, включая марксизм, сделал примерно следующее признание: «Я боюсь, рассуждая о свободе и социализме, мы навлечем на себя гнев богов, ибо мы испили из того же ядовитого источника». Мышление, о котором говорится, это идеология Просвещения. Сильный представитель франкфуртской философской школы Т.Адорно высказался так: «Неправильную жизнь правильно не проживешь».

Ницше и аналогичные последователи более откровенно критиковали идеологию Просвещения. Ницше говорил о том, что весь понятийный аппарат эпохи Просвещения вышел из недр религии. Карл Шмидт пролил свет на религиозные корни всех понятий и версий политической философии. Есть очень богатая литература и ряд выдающихся людей, что свидетельствует о том, насколько глубоко сомнение Европы в собственном стиле мышления.

Состояние цивилизации в Европе было весьма запутанным и вызывающим опасения, причем речь идет не только об ужасающих колониальных, империалистических, религиозных и национальных войнах, но и о том, каких невиданных в истории высот достигла цивилизация, взявшая в свои руки контроль над экономикой, создавшая власть и государственность. В этом смысле невозможно отрицать многие факты «непостоянства». Даже со многих точек зрения капитализм, индустриализм и национальное государство, несомненно, выражают значительное количество «непостоянств».

Но все эти пояснения, касающиеся, в первую очередь, идеологии Просвещения, не раскрывают сути «непостоянства» европейской цивилизации. Подобно тому, как приверженец любой религии, пусть и неосознанно, вынужден пропагандировать свою религию, так и главные идеологи оказывались в аналогичном положении, подчеркивая свою приверженность идеологии, усвоенной в качестве религии. Хочу напомнить, что исключения из правил не опровергают общих суждений, а подтверждают их. Ни в коем случае нельзя игнорировать религиозно-метафизический характер структуры европейского мышления, сформировавшегося в крайне запутанной обстановке материальной цивилизации, запустившего корни в глубины истории и прошедшего несколько версий. Как и любая религия, это мышление обязано защищать и увековечивать условия выраженной им материальной цивилизации. Стратегической обязанностью является распространение мышления по всему миру. От первых уроков жрецов до школ, академий и официальных университетов, от начальной школы до казарм, фабрики, заводы, крупные торговые центры, средства массовой информации, музеи, руины древних религий, больницы, тюрьмы, кладбища — все вокруг заковано в доспехи при помощи техники власти и военной мощи,

подобно тому, как происходила интеллектуальная экспансия общества в глобальном, локальном и, в частности, национальном масштабе. Все общество заперто в «железной клетке».

Все религии и типы мышления, несущие в себе их следы, по мере обретения официального характера превращаются в идеологию. Сами идеологии являются программными принципами, вставшими на защиту конкретных групп людей и их интересов. Европейское мышление или религия, получившие официальный статус во всем мире, уже превратились в идеологию. Европейская цивилизация вынуждена всеми силами защищать высшие слои общества, увековечивать их роль и позволить в ранг господствующей группы. Чтобы не быть неправильно понятым, в частности, подчеркну, что эта критика направлена не только в адрес европейцев, но и против меня Самого, моего региона, моего мира, против всего человечества с рабским мышлением. Очень уместным является вопрос: почему идеология Просвещения оказалась столь эффективной? Она удивительно космополитична, ориентирована на приверженцев всех предшествующих религий. Вместе с тем, эта идеология национальна. Немыслимым кажется ее национальный, социальный характер, не пытающийся натянуть на себя формы национального государства. Человек без национального государства был доведен до состояния особи, не имеющей религии. Идеология Просвещения была аналогична самой слабой религии — оказалось не так трудно воспринять ее как старые религии. Она постоянно подпитывается сциентизмом. Материальный стиль жизни возведен чуть ли не до ранга религиозного ритуала. Инструменты материальной культуры, в первую очередь медиа -органы, постоянно осуществляют свою пропаганду. Политическая и экономическая жизнедеятельность полностью находятся под их контролем. Эта идеология обрела вселенский характер.

Я понимаю, что, делая данные обобщения, я обрисовал некий тупиковый имидж мироустройства. Должен сразу же добавить, что любая цивилизация, представляющая себя именно в таком виде, будет напоминать последние периоды существования Римской империи, полностью потерявшей уверенность в себе. Какая бы ни была видимость величия и силы, большинство общества, обреченного ею на упадок, находится в состоянии конфликта с идеей экологической защиты окружающей среды. Продолжается процесс превращения цивилизации в империю, и столь же активно демократия становится конфедеративной.

2.1. Капитализм: не экономика, а власть

Размышления о том, что капитализм — это не экономика, должны иметь такие же результаты, как, по меньшей мере, «Капитал» Маркса. Должен сразу же пояснить, что эти мои рассуждения не имеют никакого отношения к попыткам редукционизма власти. Более того, я не стану критиковать капитализм с позиций, связывающих экономику с государством. Я говорю об образовании капитализма, капиталиста, капиталистической экономики, политической силы, клики, взявшей под свой контроль экономику. Эта сила впервые обрела влияние в Европе XVI столетия. Она стала господствующей политической силой в Голландии и Англии. Эксплуатация экономики совсем не означает саму экономику. Фернан Бродель, можно сказать, был первым достойным социологом-историком, первым осознавшим эту истину. Но ему не удалось систематизировать собственные мысли. Может быть, он и понял, что разрушил кредо мышления всей Европы, но не особо озвучил это. Вероятно, он не смог развить свои размышления в этом направлении. Он открыто говорит о том, что капитализм является противником рынка, монопольным грабителем и вообще насажден извне. В таком случае может возникнуть вопрос: что же это такое — насажденное извне, являющееся противником рынка и не являющееся экономикой? Ответ на этот вопрос очень недостаточен. Является ли это политической силой, религией, школой мышления?

Изучение и исследование практического развития в сфере взаимоотношений, где произошел раскол теоретического мышления, может дать очень полезные результаты. Начнем свое исследование с Венеции, где в XIII веке существовала большая группа торговцев. Но эта группа одновременно управляла городской администрацией. Упомянутая группа купцов воевала со своими конкурентами, имела морские армады, иными словами, у Венеции была своя армия. Более того, речь идет о протекции Ренессансу. Ими же осуществлялся серьезный контроль над экономикой и обществом. Можно с уверенностью говорить о тесном переплетении всех этих отношений и о том, что цементирующую роль в этом сыграли деньги. В таком случае какое определение может соответствовать этому комплексу взаимоотношений? Вот о чем можно сказать: крупные торговцы. Входящие в состав упомянутой группы контролировали: экономику и присваивали значительную часть прибавочной стоимости. Для этого они прибрали к рукам или всю политическую власть, или инструмент контроля. При необходимости применения силы они могли использовать мощь армии.

Если обратить внимание, можно увидеть, что примерно та же группа совершает комплексное движение. Даже если меняются конкретные люди из числа ее участников, все же продолжает свою жизнедеятельность группа купцов, занимающая определенное

положение в масштабах Венеции. Вернемся к ее характеристике. Монополия купцов, ее государство, армия, бюрократия. Это своего рода протектор главенствующей церкви и сообщества искусств. Если эту группу, не имеющую экономического характера, вышедшую за рамки государства, позиционирующую себя против экономики как монополия извне, навязывающую обществу свою гегемонию, причем намного превышающую государственную, назвать концентрацией власти и конкретно властью, то в этом будет значительная доля истины. Если бы упомянутая нами группа имела эффект в масштабе всей Италии, то мы назвали бы ее национальной властью. Если бы она распространила свое влияние во всех ячейках общества, то мы назвали бы ее моделью национального государства. Если бы она установила контроль над экономикой всей страны, мы назвали бы ее экономической властью. Если бы группа распространила свою мощь во всей Европе, а оттуда на весь мир, то группу венецианских купцов можно было бы назвать европейской и всемирной империей.

Рассмотрим в рамках этих версий географические аспекты Голландии и Англии XVI века. Определяющим фактором было постоянное притеснение этих стран со стороны французской и испанской монархий. Эти монархии, объявив себя империями, стремились превратить Англию и Голландию в свои провинции. Дело в том, что короли и принцы этих двух стран хотели сохрнить и развить свою политическую независимость, в связи с чем у них возникла потребность в грозной силе — в противном случае в мгновение ока их могли проглотить противники. Мощь, в которой они испытывали потребность, имела политический, военный, финансовый и интеллектуальный характер. Они приглашали мыслителей и деятелей искусства. Там творили Декарт, Спиноза, Эразм Роттердамский. В эти страны устремляется поток еврейских ростовщиков, владевших большими деньгами. Там закидываются основы новой армии. Профессионально обученной, дисциплинированной и оснащенной новой техникой армии. С целью достижения социальной солидарности и поддержки англичане и голландцы придают серьезное значение свободе. Они сумели преодолеть внутривнутриполитические противоречия. Но важнее всего то, что им удалось достичь экономического успеха, заметного в масштабе всей Европы. Рассмотрев все эти факторы в совокупности, увидим, что Голландия и Англия достаточно серьезно защищались от своих конкурентов. Более того, к концу столетия им даже удалось превратиться в гегемонов. Те, кто более или менее обладает знаниями, согласятся с тем, что именно такой была основная линия развития событий на практике.

В таком случае зададим наши вопросы вновь. Как назвать сеть взаимоотношений, тесно переплетенных между собой? Какой системой назовем это? Сумел ли добиться этого развития новый экономический созидательный класс? Речь идет об экономике, доведенной до эффективного уровня. Кто ее создал? Тысячи ремесленников, крестьян, рабочих, мелких торговцев, лавочников, деньги и векселя, ускоряющие развитие рынка и оборот. Очень важно то, что эта экономическая плодотворность увеличивает прибавочную стоимость. Кому же достается львиная доля? Во всяком случае, это те, кто контролирует экономику при помощи денег и военно-политической силы, ибо без денег не может быть торговли. Без последней не может быть прибыли. Без армии и политической силы есть опасность превратиться в мишень агрессии, но и тогда резко падает прибыль. Стало быть, по определению, не это они осуществляют чтобы не только сохранить влияние денег и их производных, но и установить полный контроль над экономикой и захватить все возрастающую прибавочную стоимость. Делают это, предположительно, прослойки,

находящиеся и тесных взаимоотношениях с военно-политической мощью государства. С большой долей вероятности можно говорить и о том, что принц и король, стоящие во главе армии, испытывают острую потребность в деньгах, следовательно, они или принадлежит к одной группе с теми, кто собирает прибавочную стоимость, ИЛИ находятся с ними в тесных взаимоотношениях. Между тем, они сохраняют между собой хорошие отношения при помощи и искусства, и интеллектуальных связей. Слава как королей и принцев, придающих большое значение свободе в Европе, вполне их устраивает. Они не преминут поддержать оппозиционное снижение в стане своих противников. Спрошу еще раз: как можно Назвать это комплексное движение? Если назовем его экономическим, увидим, что в этом движении нет ни одного человека, который занимался бы настоящей экономикой — есть только те, кто присваивает прибавочную стоимость. Кто же они? Это те, кто извне навязывает себя экономике. Это те, кто, ускоряя оборот денег-стоимости, наращивает свой капитал, дает деньги в долг государству. Взамен они получают долю участия в государстве.

Мы видим, что те, кого мы называем капитализмом, капиталистами и капиталистической экономикой, косвенным образом контролируют экономику, но в действительности не принимают и ней никакого участия. Чем же они занимаются на самом деле? Их интерес сводится к монополии власти. Они объединяют экономические монополии с монополией власти. Они ведут войны, и по мере успехов во внутренних войнах возрастает их сила внутри страны. Прежде всего именно это и называется прибавочной стоимостью. Их успехи во внешних войнах означают колониальные победы и гегемонию. Сам по себе процесс называется монопольным грабежом.

Рассматривая примеры Англии и Голландии в контексте времени и места, видим, что результаты обретают более конкретный характер. Свой союз они использовали, прежде всего, в целях установления гегемонии в Европе. В конце XVI столетия хребет испанской империи был сломлен, и имперской практике в масштабе всей Европы был нанесен смертельный удар. В конце XVII века потерпела крах и французская монархия, и это стало еще одним тяжелым ударом по монархическому строю Европы. Поддержка, оказанная Пруссии в противовес Австрии, способствовала смертельному удару по европейской монархии в лице династии Габсбургов. Последняя Тридцатилетняя война положила конец эпохе религиозных войн. Вестфальский договор 1649 года заложил основы баланса национальных государств. Ответ, данный Францией на этот процесс в виде революции 1789 года, увенчался утерей стратегической гегемонии Наполеона. В этот же период были достигнуты успехи в колониальных войнах, и к XIX столетию началась промышленная революция, фактически утвердившая гегемонию англичан, открыв им путь к мировой империи. Поздно проснувшийся немецкий монстр в лице Пруссии одержал в 1870 году победу в войне с Францией, после чего, стремясь добиться гегемонии в масштабе Европы и всего мира, потерпел серьезные поражения в двух мировых войнах. США как вторая Англия вышли победителем в двух мировых войнах и после Второй мировой войны по настоящее время сохраняют свою мощь мирового гегемона. Советская империя, стремившаяся повторить роль Германии, проиграла в борьбе за мировую гегемонию. В настоящее время в мире есть только США, играющие в мировую империю, но и они вынуждены продлевать себе жизнь оборонительной борьбой, дабы предотвратить свой распад.

Таково основное направление развития института власти. Поток власти, начавшийся в Уруке, присоединив по мере своего течения тысячи притоков, теперь уже теряется на берегу океана близ американского Нью-Йорка. Есть мнение о том, что еще одним берегом, куда может устремиться поток мировой власти, является океаническое побережье Китая, и в настоящее время строятся определенные версии по этому поводу. На мой взгляд, версия устремления потока власти том направлении кажется слабой, скорее, наоборот, гораздо выше вероятность полного разложения цивилизованного общества. Социальные и экологические проблемы, достигшие чудовищных мировых масштабов, привели к тому, что одной из первостепенных стала вероятность усиления демократических сообществ, которые должны выйти на историческую арену и построить свою цивилизацию. Высока вероятность того, что вместо имперского культа, оставшегося от старых государственных систем, глобальные мировые проблемы отныне будут решаться на базе демократических конфедеративных союзов.

Все эти версии строятся для того, чтобы указать точное место капитализма. Речь идет о заре капитализма. Главный поток этой цивилизации продолжил свое движение, сделав глубокий вираж на берегах Англии и Голландии, причем этот поток обогащается новыми красками, набирает новые обороты. Можно открыто говорить о том, что фактор непостоянства, зародившийся вместе с этим поворотом, придавал новую скорость и новый колорит последующему течению цивилизации. Двумя мощными потоками являются новая версия традиционного государства в виде новой модели национального государства и великий промышленный переворот, ставший самым значительным после неолитической революции. Именно эти два фактора ускоряют традиционную цивилизацию и придают ей новые колориты.

Вновь наступает время задать вопрос, который я постоянно задаю: где же здесь капитализм? Где место капитализма в структуре национального государства и промышленности? Я задаю эти вопросы с точки зрения исследования экономической сути. Несмотря на мои усиленные поиски ответа на эти вопросы, я вновь и вновь вынужден повторять их, поскольку не вижу места и роли капитализма в структуре экономики.

Может быть, кому-то покажется странным, но, на мой взгляд, истинным владельцем экономики является женщина, несмотря на все усилия, направленные на подавление и эксплуатацию ее личности. Если мы хотим дать экономике осмысленную социологическую оценку, то наиболее верным подходом, надеюсь, будет признание женщины фундаментальной силой, поскольку именно она вынашивает ребенка в своей утробе, терпит родовые муки, затем в тяжелейших условиях воспитывает рожденного ею ребенка до того момента, когда он становится самостоятельным. Более того, именно женщина владеет умением хранить домашний очаг и быт. Мой ответ является тем самым социологическим ответом, который питает большее уважение к истине, причем здесь не игнорируется связь с биологией. Женщина, сыгравшая ключевую роль в земледельческой революции, занимавшаяся собирательством на протяжении миллионов лет, и сегодня не только играет роль в ведении домашнего хозяйства, но и вращает колесо успеха во многих сферах экономической жизни. Эта истина была подтверждена тысячелетия назад, когда античные греки, утвердившие свое достоинство в том, что заложили фундамент наук, создали термин «экономика», что означает свод бытовых законов, иными словами, женских законов.

На втором месте, несомненно, находятся рабы, крепостные и батраки, постоянно работавшие под контролем, осуществлявшимися жесточайшими и бесчеловечными методами, во имя одной лишь цели — создания прибавочной стоимости, которую силы цивилизации считали высшим искусством, а потом отбирали из рук непосредственных производителей этой прибавочной стоимости. На третьем месте находятся несколько более свободные ремесленники, мелкие торговцы, лавочники и крестьяне, имевшие небольшие земельные участки. Картина будет полностью завершена, если прибавить к ним еще людей, занимающихся искусством, архитекторов, инженеров, врачей и других представителей свободных профессиональных групп. Не вызывает никаких сомнений то, что именно эти социальные группы и классы на протяжении всей жизни неустанно вращают колесо экономики. Как видим, среди них нет капиталиста, сеньора, хозяина и господина, поскольку очевидно, что эти люди являются движущей силой экономики, а не теми агрессорами, эксплуататорами, которые в виде монополистов навязывают извне эксплуатацию, агрессию, колониальное господство и ассимиляцию, порабощая тем самым труд человека. Не только капиталисты навязывают свою власть извне, не являясь при этом экономической силой. Помимо капиталистов, эту политику осуществляют такие неэкономические силы, как крупные торговцы, промышленники и банкиры, сеньоры, хозяева, политики, армейские чины и интеллектуалы цивилизации.

Данные о том, что капитализм не является экономикой

Производят сильное впечатление имеющиеся данные о том, что капитализм не просто не является экономикой, а напротив, представляет собой ужасающий ее антипод.

1. Экономические кризисы. Группа «позитивистски-научно» настроенных «жрецов» в своем стремлении доказать, что капитализм является экономической системой, неправильно воспринимают и отражают проблему кризисов. Экономические кризисы имеют одно-единственное объяснение, кроющееся, в сущности, и структуре кровного врага экономики, его антипода. Порой развивают такое определение как кризис перепроизводства. Как же так, с одной стороны большая часть населения мира умирает с голоду, с другой стороны — говорят о кризисе перепроизводства?! Тот факт, что капитализм является антиподом экономики, больше всего подтверждается именно в периоды таких умышленно созданных кризисов. Причина очевидна: прибыль монополии. Когда необходимая доля, выделенная производительным силам, оказывается ничтожно малой, возникают так называемые кризисы. Точнее, их попросту провоцируют. Какой же лже-жрец, точнее, так называемый экономист, может помочь? Это Кейнс! Что же он говорит? Пусть государство увеличит расходы. Как? Путем повышения покупательной способности трудящихся! Как же выявляется игра во всей ее беззгливой омерзительной сущности?! Одной рукой надо опустошать карманы трудящихся, другой рукой наполнять их деньгами?! Это — политика уговоров, применяемая ко всем трудящимся и всему обществу, стоящему за рамками цивилизации, в стремлении согласиться со своим плачевным состоянием голода. Ясно, что мы имеем дело с политическими отношениями. Для того, чтобы потопить в крови действия

демократичных сил против цивилизации, прежде надо замучить их голодом. Потом они должны вволю наесться, но так, чтобы они мольбами выпрашивали эту еду. Это ведь не что иное как самая древняя тактика войны. Если хочешь капитуляции какого-нибудь народа, или города, прежде возьми их в кольцо блокады, обреки их на голод, затем уже предложи им обильную еду в обмен на капитуляцию?!

Я могу при помощи сотен примеров доказать, что именно такова настоящая суть лживой теории кризисов, выдвигаемой капитализмом. Достаточно обратиться к известной депрессии 30-х годов прошлого века, и станет ясна вся логика этих утверждений. Что же происходило в этот период? Советский Союз, не принявший гегемонии англичан, превращался в прочный и стабильный режим. Более того, он угрожал миру, названному капиталистическим. В самой Европе Германия, вынужденная под натиском тяжелейших условий подписать договор капитуляции, тем не менее, собрав вокруг единой оси всех левых и правых, определенно испытывала мятежное состояние. В Китае под предводительством Мао вспыхнуло мощное крестьянское восстание. Колониальные и полуколониальные страны и регионы, в первую очередь, Анатолия, разворачивают по всему миру повстанческую деятельность против английской гегемонии. И ответом мирового гегемона — англичан — на все эти действия и процессы становится умышленно спровоцированный кризис 1929—30 гг. Результат таков: с одной стороны, огромное скопление товаров, с другой — умирающие с голоду народы, трудящиеся. Свет на все происходящее проливает англичанин Д. Кейнс, предлагающий свое «лекарство» в борьбе с кризисом. Он предлагает дать трудящимся и все народам мира шанс продержаться, восстать из пепла и руин — так называемая социально-государственная политика. Но каковы были последствия этой капиталистической «социально-государственной политики»? Это было отступление, заблуждение и ассимиляция демократического общества, демократической цивилизации, зародившейся с победой Октябрьской социалистической революции, перед возрастающей силой в лице нового гегемона. В итоге в начале 90-х годов прошлого века официально было объявлено о распаде советской системы, что стало следствием политики, разъедающей систему изнутри. (Во второй четверти XX века, имело место антидемократическая, иными словами, диктаторская политика Сталина. Отчего это произошло? Он стремился нейтрализовать влияние кризиса 1929—30 гг. Кто же в результате был нейтрализован? Сталин и его команда, т. е. советская экономика). Происходило выхолащивание социальной сути государств, находившихся на стадии национально-освободительной борьбы, и их интегрирование в систему капиталистического гегемона. Очевидно, что основная цель всех кризисов заключается именно в том. Мы видим стремление продолжить существование системы гегемона путем осуществления умышленной государственной политики, направленной на достижение им своей цели, как минимум, преодоление критического этапа.

2. В той же категории можно оценить и кризисы, основанные на дефиците. Умышленный отказ от производства товаров или болезни и бедствия заставляют людей ждать манны небесной. Но дело в том, что на существующей стадии развития техники и оснащенности и речи не должно быть о голоде или массовых тидемиях. Цель заключается в том, чтобы обращаться к таким Искусственным кризисам в те моменты, когда актуальной становится проблема существования действующей системы-гегемона, и использовать в таких случаях болезни и бедствия в качестве козырей. В очередной раз можно конкретно увидеть и

оценить связь механизма, называемого «капиталистической экономикой и обществом», с официальной силой-гегемоном. Метод тот же: обреки на голод и используй бедственное состояние, и тогда станешь и ангелом-хранителем и божеством в одном лице! Тогда твои рабы будут неустанно восхвалять тебя!

3. Необходимо хорошо осознать тот факт, что капитализм является антиподом не только экономики, но и всего общества. Еще Роза Люксембург пыталась доказать, что теоретически невозможна капитализация всего общества, поскольку это попросту невозможно. На мой взгляд, нет никакой необходимости в тонких теориях. Если все общества разделятся на две части по принципу «рабочие и капиталисты», то невозможно будет производить товар на продажу. Грубый пример: представим себе фабрику, или завод, где работают сто рабочих. Предположим, они могут произвести сто автомобилей. Общество же пусть состоит из 1 + 100 человек, где наряду со ста рабочими имеется один капиталист (Поскольку общество состоит только из рабочих и капиталистов. Вот тот случай, который называют чисто капиталистическим обществом. Естественно, в этом кроется серьезная ошибка определенной части марксистов). Попробуем сбыть сто автомобилей, чтобы получить прибыль. Сто рабочих приобрели автомобили на свою зарплату. Что же осталось владельцу предприятия? Ноль. Стало быть, чтобы могло существовать цивилизованное общество, должно существовать то общество, которое я в своем анализе системы назвал «демократичным обществом, противостоящим цивилизации», которое никогда не подвергается капитализации. «Капиталистическая цивилизация», как новая сила-гегемон, как и прочие силы, может существовать только на базе противостояния и вражды с демократическим обществом, вплоть до самого яростного неприятия в периоды практических акций; эта сила-гегемон может сосуществовать с демократическим обществом или в форме войны, или мирным путем. Как и истории всей цивилизации, так и в истории капиталистическом цивилизации известно бесчисленное количество фактов и войн, доказывающих это утверждение.

4. Безработица. Капитализм, как система, должен постоянно держать в готовности армию безработных, чтобы обеспечить превосходство своей прибыли над прибавочной стоимостью. Даже если такой армии безработных нет, капитализм обязан создать ее. Безработица — это умышленно создаваемое явление. Действительно, если самые примитивные представители флоры и фауны обнаруживают свою пригодность к выполнению каких-то функций, как может человек быть оставлен без работы, непригодным ни к чему? Например, можно ли представить себе безработного муравья? Но ведь если даже муравей не может оставаться без каких-либо дел, как можно человека на его стадии развития оставить не у дел? Вселенная не предполагает такого понятия, как безработица. Это явление создается искусственно и поддерживается как извращенный плод аналитического мышления, как наиболее дикая акция в жизнедеятельности общества. Ни одно явление не может так конкретно, как безработица, выявить безжалостную враждебность капитализма по отношению к экономической жизни. Даже во времена египетских фараонов, который мы так жестко критиковали, нет места такому явлению, как «безработный раб». Как невозможно представить себе безработного фараона, так и невозможно представить себе безработного раба. У каждого раба всегда была своя цена и своя работа. Только при капитализме существует такое понятие, как безработица, то есть безжалостная враждебность капитализма по отношению к экономике.

5. Капитализм является врагом экономической техники. Существующий уровень развития науки и техники таков, что может позволить любому обществу, как бы его ни называли, «обществом благоденствия» или «райским обществом», продолжать свою жизнедеятельность в форме демократичного общества в рамках любой системы, более того, может решить любые экономические проблемы общества. Оптимальному (наиболее эффективному) применению науки и техники в направлении потребностей человека препятствует «закон прибыли» капиталистической системы. Если бы не пресловутый закон прибыли, научно-технический прогресс, благодаря своим современным возможностям, мог бы предоставить решение любых проблем экономики, построенной на принципе удовлетворения потребностей человека в питании. Данные возможности науки и техники никогда в полном объеме не использовались. Вместо этого наблюдается постоянное стремление к продлению жизнеспособности капиталистической цивилизации посредством постоянного провоцирования кризисов, безработицы, социальных катаклизмов. Иными словами, капитализм является врагом не только экономики, но и научно-технического потенциала, способствующего развитию экономики на оптимальном уровне.

6. Капитализм — враг этики и моральных ценностей, являющихся фундаментальными принципами экономики. Экономические потребности человека выстраиваются только на основе этических принципов. В противном случае человечество может размножаться подобно муравьям, и тогда не хватит и десяти таких планет Земля. Без этики человечество может превратиться в «прайд львов», и тогда вокруг не останется ни одной живой твари. В таком случае и самому льву не останется места на земле. Иными словами, если не ограничить и не остановить капитализм, то он, превратит общество в «муравьиный социум», подтолкнет его к краю пропасти (например, сегодняшнее состояние Китая и Японии), или доведет общество до состояния «львиного прайда» (например положение США). Ясно, что если все общества станут такими, как Китай, Япония и США, то шансы человечества на выживание постепенно будут уменьшаться. В данном случае капитализм принес этический принцип в жертву так называемой капиталистической экономике. Когда-то приносили в жертву детей, особенно девочек, мотивируя это тем, что детей в семье много, не убудет. Следуя этой этике, выживание общества возможно только в том случае, если человек будет в таком же стиле принесен в жертву. Наконец если рассмотреть все войны с капиталистическим ярлыком сквозь призму «литургии по поводу принесения человека в жертву», то поймем, какому «принципу капиталистической экономики» или безнравственности нам надо противостоять. Эта безнравственность разрушает не только внутренние ткани на теле обществе. Она впервые подчиняет себе окружающий мир, природу и, про должая глобальное уничтожение всех и вся, угрожает тем самым не только жизни человека, но и всему живому. Разве может быть. большая безнравственность и враждебность ко всему живому?!

7. Капитализм — это враг женщины, являющейся созидающей и движущей силой экономики. Наш анализ подтверждает, что место и роль женщины в общественной жизни и экономике имеют первостепенное значение и находятся на высоком уровне, как это было на протяжении всей истории цивилизации. Наиболее жестокие и безжалостные этапы истории женщины пришлись на стадию капиталистической цивилизации, когда происходило уничтожение созданного ее собственным трудом хозяйства. На протяжении всей истории цивилизации женщина превращалась и наиболее глубоко ужасающее социальное

противоречие. В подавляющем большинстве женщины — безработные. Но, несмотря на то, что ведение домашнего хозяйства — это самое что ни на есть тяжелое занятие, оно не имеет никакой ценности для общества. Рождение и воспитание детей являются самым трудным в жизни мелом, но это не только не оценивается обществом, но и постепенно становится для женщины сущим наказанием. Женщина рассматривается господствующим обществом как дешевый безработный агрегат для рождения и воспитания детей. Мало того, что она не требует за это никакой платы, да еще и она виновата! На протяжении всей цивилизации женщине всегда указывали на место в самых низших слоях общества. Однако ни одно общество не смогло так развить и систематизировать эксплуатацию, как это сделал капитализм. В данном случае женщина не просто оказывается на низшей ступени общества, но и превращается в объект неравенства, закрепощенности, недемократичности и таким именно образом используется представителями всех слоев общества. Еще более ужасающим является то, что общество, основанное на принципе полового насилия, с ни с чем не сравнимой жестокостью и силой распространяет свою власть везде, вплоть до самых интимных органов женщины, и превращает ее в часть секс-индустрии. Распространяя практику пыток и истязаний во всех сферах своей жизни и деятельности, общество с преобладающим влиянием мужчин в эпоху капиталистической; цивилизации возвысило мужчину до невиданных высот, откуда он стал мстить созидательному субъекту экономики в образе женщины, что и подтверждает его враждебное отношение к женщине и экономике, проявляемое, всегда и везде.

8. Капитализм, превратив экономику в игру денег и акций, которую называют «биржа, курс и процент» и которую он на глобальной стадии возвел до апогея, теперь уже фактически во всеуслышание, чуть ли не в виде пощечины обществу, заявил и подчеркнул, что является врагом экономики и не имеет ничего общего с настоящей экономикой. Ни на одной из стадий исторического развития экономика не была столь цинично превращена в некую виртуальную систему, игру денег и акций. Экономика всегда считалась самой чувствительной частью всех обществ и ей всегда придавалось значение на уровне святости (кстати само понятие «святость» зародилось в шумерском обществе и ассоциировалось с нишей). Добывание пищи всегда считалось первостепенной задачей, и люди всегда старались решить эту задачу. Во всех религиях есть какое-либо объяснение, основанное на экономической уверенности. Праздники появились в память о периодах экономического обилия или, как минимум, о периодах выхода общества из тяжелого кризиса. Подчеркну один аспект, где К. Маркс был несомненно прав: экономика, олицетворяющая собой все особенности, способные влиять на все сферы жизнедеятельности общества, и потому, безусловно, важная для самого общества, лишена своей роли сферы концентрации чувственного и аналитического мышления, привязана к игре денег и ценных бумаг, превращена в наиболее безответственную, оторванную от жизни сферу аналитически-спекулятивного мышления. В такой ипостаси предстает перед нами суть экономики. Без каких бы то ни было трудов, попросту в результате игры с курсами, процентами и ценами векселей, в современном мире в течение считанных часов миллиарды долларов (мировой валюты) переходят из одних рук в другие. Тяжело представить себе какую-либо другую систему, где на фоне голодающей половины человечества имени место столь противные истинной экономике явления, как перекачивание и бессмысленные трансферты денежных средств. В своей последней стадии, называемой также «финансовым капитализмом», система очень четко продемонстрировала то, насколько она бессмысленна и насколько

далеко отстоит от экономики.

9. Взяв под свой контроль две основные сферы экономики, коими являются производство и потребление, придавая преимущественное значение политическим коллизиям, преследующим цель максимизации собственной прибыли и не имеющим ничего общего с такими существенными потребностями человека, как пища, одежда, жилье и транспорт, капитализм, как мы ранее уже говорили, умудряясь провоцировать кризисы производства и потребления, в корне нарушает всю структуру экономики. Вооружение, в первую очередь, эскалация ядерного оружия, достигшее ужасающих масштабов, инвестиции в углеводородные носители энергии, толкающие окружающую среду к гибели, но приносящие огромные доходы, генно-модифицированная сельхозпродукция, космическая технология, огромные инвестиции в сухопутные, Морские и воздушные пути сообщения, которые столь же вредоносны для экологии, сколь дороги в обслуживании, бесчисленные вложения и создание сотен версий одной и той же одежды в угоду модным всплескам, все эти, не имеющие никаких связей с реальными структурами производства и потребления примеры являются лишь частью тревожной палитры. С одной стороны, горы товаров, обреченных на уничтожение только лишь потому, что потеряли свои качества и актуальность в силу того, что не удалось их сбыть, с другой стороны, болезни и голод из-за отсутствия элементарных потребительских возможностей. Армии безработных! Экономическая формация, называемая капитализмом, оказалась неспособна нанести такой вред человечеству, который не мог нанести ни один враг за всю историю человечества, и вражда, испытываемая капитализмом по отношению к обществу, реализуется им путем самого циничного давления на кровеносные сосуды экономики, подавление, отрыв от общества, путем внедрения искусственных жил, по которым течет прибыль капиталистов.

Все эти девять глав, которые мы отвели капитализму как стадии цивилизации, несомненно, требуют многотомного аргументированного анализа. Но в силу того, что в рамках Защитной речи, которую я стараюсь написать, все должно быть освещено на уровне тезисов, я предпочел ограничиться такими краткими пояснениями. Две последующие главы и финальная часть будут продолжены в других направлениях.

2.2. Где и когда происходило развитие капитализма в реалиях общества и цивилизации?

Как, в таком случае, определить место и время развития данной системы, не только не являющейся экономикой, но очевидно противостоящей экономике, в категориях места и времени общественных и цивилизационных реалий?

Осмысленного результата в рассуждениях о капитализме можно достичь только в том случае, если рассматривать развитие сил и систем цивилизации на протяжении всей ее истории, с одной стороны, в ракурсе всех действий и столкновений, имевших место в их взаимоотношениях, и с другой стороны, в ракурсе всех акций и войн, проводившихся против сил, противостоящих цивилизации.

Я понимаю, что делаю чрезмерный акцент на этом вопросе и много повторяюсь. Высказывая свои сожаления, я должен еще раз в наиболее общ их чертах и комплексе всех вопросов окинуть взглядом эту очень интересную тему.

1. Первобытно-общинный строй

(От первобытного человека до конца четвертого ледникового периода, около 20 тыс. лет назад): на основной стадии первобытно-общинного строя была заложена база экономической культуры. Пища, добываемая при помощи собирательства и охоты тут же употреблялась, люди использовали шкуры животных. Организующей властью племени и рода, как правило, являлась женщина-мать. Это была своего рода первая матриархальная гегемония. Взаимоотношения и противоречия, складывавшиеся вокруг личности матроны племени, сводились к защите от условий окружающей среды, в особенности, от тех, что представляли собой риск, и использованию факторов, связанных с удобствами и пищей. Родовая идентичность в этих условиях становится жизненно важной и незаменимой. Еще не сформировалась концепция взаимоотношений мужчины и женщины. В племени царит культ матери, рожаящей детей, но не было культа мужчины, стремящегося к половому партнерству, совокуплению. Человеческое общество прожило 98,5% своей истории именно в такой форме, оказавшейся наиболее долговечной. Поскольку слабо обработанный камень

стал одним из первых орудий труда, данную эпоху называют также «каменным веком». Иногда этот период истории называют также периодом «первобытной дикости». В социологическом смысле уместно было бы назвать его первобытно-общинным строем. Использовался язык знаков. Люди жили в хижинах, выстроенных высоко и в пещерах по берегам рек и озер. Предполагается, что эта система примерно два миллиона лет существовала в Африке, около миллиона лет — в Азии и Европе. Еще не были развиты такие понятия, как «родина», «граница», «собственность». Принадлежность ограничивалась только рамками рода и племени. Символизация принадлежности воплощалась в каком-либо объекте, тотеме, который становился его представителем. Внутри племени имелась градация стадий, существовали определенные признаки развития. Как бы то ни было, именно в таком виде человечество подошло к концу четвертого ледникового периода.

2. Неолитическая эпоха (примерно 15000 - 4000 лет до н. э.)

По окончании четвертого ледникового периода, примерно 17 тысяч лет назад, после короткого мезолита (середина каменного века), у подножия Тавро-Загросской горной системы началась исторически очень важная эпоха, получившая название неолита (нового каменного века), поскольку в эту эпоху человек научился шлифовать камень и использовал обсидиан. Но на самом деле, по сути своей неолит был эпохой земледельческой революции. Это общество, существование которого примерно 10 тысячелетий назад доказано сегодня археологическими данными, осуществило значительный скачок в своем развитии, поскольку для упомянутой горной системы характерны благоприятный климат, богатая растительность и животный мир. Увеличиваются возможности добывания пищи. Человек учится ткать. Из пещеры переходит к сельскому поселению. Происходит формирование растительных культур и одомашнивание животных. Начиная с 6000 до н. э., человек изобретает и осваивает гончарный круг. И частности, в серповидном регионе, растянувшимся от подножий Восточного Средиземноморья до Загроса, осуществляется переход к тесно переплетенным между собой элементам культуры (тель-каалафской культуры).

Основным центром становится Верхняя Месопотамия. В обществе наблюдается заметный прогресс в плане новых изобретений и создания орудий производства. Начался своего рода неолитический индустриальный период. Эта культура возносит женщину — мать на уровень матери-богини. С большой долей вероятности можно говорить о ее определяющей роли в формировании нового общества. Матриархальная система оставила глубокий отпечаток на родоплеменной системе. Только начинают раскрываться противоречия между женщиной и мужчиной. Осуществлен переход к языку символов. Теперь уже не так легко, как раньше, идет с юга по основной линии в Азию и Европу миграционный поток темнокожих племен, получивших название семитов. Этот фактор играет, казалось бы, серьезную роль в формировании семитической культуры. Желтолицым и краснокожим племенам с севера также нелегко войти в регион и закрепиться в нем. Одна ветвь этой миграции перешла в Америку (через Берингов пролив, примерно 12000—7000 гг. до н. э.), другая ветвь сконцентрировалась в Китае, Средней Азии и Восточной Европе. Белокожая индоевропейская группа, оказавшаяся между этими потоками, в силу благоприятных

климатических условий и обилия пищи получает главенствующую роль гегемона в регионе. Роль гегемона играла, в частности, группа, сформировавшаяся в регионе Плодородного Полумесяца. На протяжении длительного периода, вплоть до начала цивилизации, индоевропейская этническая группа сохраняла этот статус.

Культура Плодородного Полумесяца, зародившаяся впервые в истории и утвердившая свою состоятельность, примерно в 6000 гг. до н. э. была перенесена в Нижнюю Месопотамию, в 5000 гг. до н. э. — в долину Нила в Египте, на Балканы, в Иран и Северное Средиземноморье, в 4000 гг. до н. э. — в Европу и Китай. Как бы ни говорили о китайском неолите с его внутренней динамикой, на мой взгляд, китайский неолит преимущественно основывался на привнесённой культуре. Этот тезис усиливают такие доводы, как импорт культуры выращивания буйволов и обработки обсидиана. Естественно, на протяжении длительного времени каждый основной регион имел шанс развивать свой собственный неолит, но все известные признаки указывают на то, что первый культурный росток произрос именно в Плодородном Полумесяце. Не может быть речи о колониальном или агрессивном характере распространения этой культуры. Широта и простор пустых территорий не позволяли бы сформироваться такого рода отношениям. Общепринятым историческим мнением и социологическим фактом считается то, что первое глобальное движение, оставившее вечный след в мировой истории и не утратившее своего влияния по сей день, развивалось именно на данной почве.

3. Эпоха шумерской цивилизации (4000—2000 гг. до н. э.)

В середине VI тысячелетия до н. э. в Нижней Месопотамии формируется новый исторический виток, прозванный культурой "Эль-Убейд", и продлившийся предположительно до 3800 гг. до н. э. Этот период и его культура имеют большое историческое значение с точки зрения своего базирования на фундаменте достижений Плодородного Полумесяца (в частности, культуры Тель-Халафа), а также перехода к патриархату, или развития техники изготовления гончарных изделий, упрочнения позиций торговли, начала эпохи первых завоевательных походов и эпохи колонизации. Эту культуру можно назвать также протоурукской. В частности, данное предположение актуально с точки зрения формирования патриархального общества, наступления кануна цивилизации. Культ матери-богини теряет свое значение. Женщину буквально вынуждают признать неоспоримое преимущество мужчины. Серьезного развития достигает иерархическая власть. Тройственная структура традиционной власти в эпоху цивилизации впервые демонстрирует свою актуальность именно в данной культуре. В этот период твердой поступью возвышают свои позиции шаман, являющийся своего рода жрецом, опытный предводитель общества в лице шейха, а также сильная военная знать. Религия, политика и военная культура Ближнего и Среднего Востока носят на себе глубокие следы этого периода.

Это была культура, утвердившая саму себя. В середине V тысячелетия до н. э. она распространила свое влияние в Верхней Месопотамии, взяв под контроль культуру Тель-Халафа. Происходит своего рода колонизация. Кстати, археологические данные свидетельствуют о том, что первые колонии распространились в 4000 гг. до н. э. до

территории современных провинций Малатья и Элязыг. Династический принцип определяется теснейшими семейными узами, чего не было в предыдущую эпоху. Этих элементов в предшествующих культурах не было. Можно отметить следы этой разрушительной деятельности. Культурный слой многих разрушенных сел свидетельствует об умышленном разрушении и аннексии. Конкретные черты обретает торговая культура. Возможно, именно вместе с торговлей начинается формироваться первая в истории значительная гегемония.

Уже стало традицией называть период 4000-3000 гг. до н. э. периодом «урукской культуры», развивавшейся по следам культуры Эль-Убейда. Но, в отличие от последней, культура Урука впервые совершила скачок в плане урбанизации, класса, государства, иными словами, оставила за собой привилегию первой начать письменную историю, то есть цивилизацию. Естественно, огромным вкладом в историю стало то, что патриархат был превращен в культуру цивилизации, и в данном случае ключевую роль сыграла традиция искусственного орошения, обусловленная климатическими особенностями Нижней Месопотамии. Действительно такой тип орошения требовал большого количества людей, приспособлений и инструментов, что и становилось предусловием урбанизации. Более того, одновременная работа большого числа людей требовала решения вопросов питания, а изготовление инструментов для полива предполагало наличие целой прослойки ремесленников. В таких условиях размещение определенно должно было иметь городской характер, что порождало вопросы управления городом, средств легитимизации городской власти. Более того, городской образ жизни нуждался в системе защиты от грабительских племен, регулярно совершавших набеги извне. Объединение всех этих факторов порождало, таким образом, тройственную власть величественного жреца, правящего царя и военачальника. Эпос о Гильгамеше, посвященный первому царю Урука, очень эмоционально отражает эту действительность.

Город — это такая инфраструктура, которая, становясь причиной множества проблем, побуждала к самостоятельному развитию логики. Наличие проблем способствовало развитию логики, следовательно, мышления, что, в свою очередь, развивало «родства производства. Следом происходило развитие механизма управления экономикой, повлекшее за собой зарождение военно-политической власти. Классовое расслоение можно считать продуктом урбанизации. Город — это сообщество, вышедшее за пределы родоплеменных структур и династий. Более того, можно предположить, что в силу своей противоречивой природы иерархическая, патриархальная власть выдворяла за пределы своего влияния большое количество населения. Город, давая тем самым возможность хотя бы просто прокормить себя, становился центром притяжения больших пластов населения, вынужденных покинуть места своего постоянного проживания. Поскольку люди, оставшиеся в силу различных причин за пределами рода и племени, начинали формировать трудящуюся прослойку, управляемую городской властью, неизбежным становился процесс зарождения классов. Классовость, как комплекс социологических отношений, явилась значительным фактором культуры Урука. Государство возникло как естественное продолжение и развитие сети взаимоотношений, складывающихся в городе.

Городская власть не признает присутствия родоплеменной или династической власти. Она требует профессиональной власти, выходящей за рамки кровнородственных связей. Более

того, для легализации самой себя власти требуется механизм убеждения. С этим делом справляется жрец, создавший, вероятно, первый проект государства, и храм, являющийся своего рода макетом юрода. Формирование мышления, являющееся идеологической составляющей структурного строительства города, государства и классов, воплотилось в создании мифов и религии. Влияние материальной культуры на духовную культуру в Уруке обрело очень яркий характер. Очень впечатляющим был и обратный процесс. Более того, восприятие материальной культуры, находившейся и под глубоким воздействием культуры духовной, в какой-то степени становилось просто невозможным. Глобальное идеологическое строительство сделало это невидимым. Важнейшая функция новой государственной идеологии заключалась в том, чтобы сделать незаметными материальные условия посредством внедрения в сознание людей процесса этого строительства, охватывающего язык и содержание и длящегося на протяжении тысячелетий. Этот процесс особенно поразительно виден в шумерском обществе. Государство представлялось как божественная структура, а класс трудящихся, соответственно, считался рабами, созданными богами. Посредническое звено между государством и управляемыми слоями нашло свое отражение в появлении ангелов. Если верховная власть олицетворялась с образом верховного божества, то его помощники, коими являлись божества «второго порядка», воплощались в пантеоне, то есть в высшем звене государственной власти, системе собраний. Все еще напоминает о себе древняя плеяда богинь — отблески женского влияния догородского этапа истории. Если перевести весь комплекс социальных отношений на наполовину мифический, наполовину религиозный язык, увидим, что они находят и узаконивают свое место в совершенно ином метафизическом мире, в рамках дилеммы «единица-население». Комплекс «город-государство-класс» создается вновь, уже как идеология.

Идеологическое перерождение, как дееспособная духовная культура, станет толкованием любого рода материальной культуры, даже самой природы. Опираясь на это, в частности, принимая за основу отражающие способности языка, сформируются понятия, люди обретут веру, начнут жить, благословляя жизнь и условия нового законного мира. На фоне перерождения даже вопросы о существовании реального рождения в какой-то степени потеряют свой смысл, обретут мнимый характер. Урукская революция была настолько же значительной городской, насколько и земледельческой революцией. Она стала источником выхода и обретения силы рукава главные реки. Все последующие вливания — это источники наподобие мелких речушек и прудов, и их активизация происходит благодаря основному потоку. Действительно, в Китае тоже происходила городская революция. Такое имело место и в Центральной Америке. Но это были локальные культуры, неспособные сформировать главный поток, высохавшие на месте своего рождения или просто превращавшиеся в застойные омуты. Для того, чтобы стать цивилизацией, надо быть главным потоком или присоединиться к нему, и это главное условие. Нет цивилизации в чистом виде.

Что касается культуры Урука, то за ее спиной — находится неолитическое наследие, насчитывающее десять тысяч лет. Это не было манной небесной, посыпавшейся на пустыню. Эта новая культура называется также цивилизацией (культурой). Данное понятие можно интерпретировать и как урбанизацию, что тоже верно. Характеризуя в таком виде ее материальное и духовное выражение, мы, собственно говоря, характеризуем, чуть ли не всю цивилизацию.

По своей структуре культура Урука имела распространяющийся характер. Всестороннее расширение города, начавшееся благодаря увеличению урожайности, приводило к возникновению новых соседних городов, так как за ростом населения начинались миграционные движения. Сельская культура Плодородного Полумесяца, так же расширяясь, способствовала формированию целой цепи сельских поселений. Первые пояса сельских поселений начинались с Невали Чор (побережье Евфрата в районе Урфа-Сиверек) до Чайоню (на берегу одного из рукавов Тигра в районе Диярбакыр-Эргани), а оттуда распространение пошло в направлении Чеме Халлан (побережье реки Батман), и так вниз, до Керкука, подобно снежному кому (начиная с 10 тысячелетия до н. э.), имело место распространение сельской культуры. Это не есть то, что мы называем расцветом культур. Расцвет культуры Урука тоже прошел аналогичный путь. Увеличение количества городов приводит к возрастанию конкуренции. Поскольку город одновременно означает и рынок, он таит в себе элемент новой конкуренции культур. Торговля уже тогда превратилась в важную профессию. Возникли целые поселения ремесленников, обеспечивавшие потребности земледелия и транспорта. Столкновения между городами естественно способствовали актуализации проблемы гегемонии. Процесс перехода от города-государства к первобытной империи уже был не за горами (в таком случае все города переходили под власть одного человека или династии).

Потребности Урука в торговле привели изначально неолитическую территорию к стадии цивилизации и колонизации. Многие имеющиеся данные свидетельствуют о том, что вслед за колониальными образованиями, основанными на эль-убейдской культуре, сформировалась более широкая сфера распространения и колонизации, коей стал Урук. В частности, на берегах Евфрата можно было встретить очень развитые урукские колонии. Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о том, что и противовес колонизаторскому движению Урука, расширяющегося с середины 4 тысячелетия до н. э., существовала тенденция отражавшая и мятежный дух культуры Верхней Месопотамии, впрочем, начиная с эпохи Тель-Халафа, не прекращавшую свой рост и расширение. Вместе с тем, здесь отражается и процесс взаимной торговли. Многочисленные раскопки курганов достоверно подтверждают то, что регион, благодаря своей сильной внутренней динамике, начиная с 3000 гг. до н. э., перешел к урбанизации. Данные, число которых возрастает с каждым днем, наводят на размышление о том, что городская культура со своего основного источника была перенесена в Верхнюю Месопотамию точно так же, как в Египет, Элам и Хараппа. В частности, относительно недавние раскопки поселения в Гёбеклитепе, что недалеко от Урфы, преподнесли такие данные, которые буквально поменяли все существующие взгляды (считается, что это поселение уходит корнями 11-му тысячелетию до н. э.). Доказано существование культуры, как полагают, - храмовой, в свое время, то есть до эпохи сельских поселений, имевшей просто гигантский характер. Даже несмотря на то, что смысл вкопанных камней полностью не раскрыт, ясно, что они являются отражением очень развитой культуры. Новые исследования могут способствовать «сползанию» центров культуры.

Этот параграф я написал для того, чтобы пояснить следующее: экспансии Урука могла противостоять только другая сильная культура. Культура, развивавшаяся в регионе, сопротивлялась ранее начатой культурной экспансии (речь идет о культуре Эль-Убейд, начавшей свой отсчет предположительно с VI тысячелетия до н. э.) и настаивала на

собственных культурных ценностях. Кроме того, прочность культурного строя региона свидетельствует о настрое и движении сопротивления, начатом против миграционных потоков, волнообразно прибывающих с юга и севера в течение всего мезолита и неолита.

Эти реалии подтверждают, что урукская культура растворилась в местной культуре, говоря о силе противостоящей культуры. Этот процесс, собственно говоря, продолжается и по настоящее время. Преимущество Урука поддерживалось государством, опирающимся на силу производства и населении. Такое впечатление, что мы видим первый прототип примера Голландии и Англии.

Мое личное мнение таково: Египет, Элам (юго-запад современного Ирана) и Верхняя Месопотамия, успешно ответив на первую волну расширения и распространения Эль-Убейда и Урука, создали собственные городские культуры. Наконец, с каждым днем растет число археологических данных, подтверждающих то, что, начиная с 4-го тысячелетия до н. э., ускорились процессы урбанизации в трех исторических центрах, которые притоками вливались в общий поток цивилизации.

Гораздо важнее то, что происходило в близлежащих к Уруку городских и сельских регионах. История свидетельствует о том, что культурная эпоха Урука завершилась к 4-му тысячелетию до н. э., и новый период начался с правления династии Ур. Вероятно, такое развитие событий стало результатом ожесточенных конфликтов в городе. Впрочем, изучение клинописных текстов проливает свет на эти процессы. «Элегия Ниппуру» и «Проклятие Агады» повествуют о судьбах сожженных и разрушенных городов. Как же сильно это напоминает события, происходящие в современном Багдаде и его окрестностях! Правление I и II династий Ур продлилось до 2350 г. до н. э. Период 2350—2150 гг. до н. э. ознаменован правлением знаменитой династии Саргона. И результате многих кровопролитных войн Саргон, которого можно назвать первым императором, установил свою власть над всем регионом Плодородного Полумесяца, то есть сформировал реальную империю, о чем он сообщает с самовосхвалением. Дело в том, что поразительную дикость он пытается представить как череду достойных деяний. По данным письменных источников можно проследить следующее: он превратил Агаду в столицу, был аморейского происхождения («пыльные, грязные люди» — так называли шумеры представителей племен, нападавших на страну со стороны Аравийской пустыни). В 2150 г. до н. э. автохтонное население Загроса под предводительством Гудеа сравняло с землей город Агаду и создало свою династию, которая пала примерно к 2050 г. до н. э. Третья династия Ур, пришедшая ей на смену, про существовала всего одно столетие.

История свидетельствует о начале величайшей вавилонской эпохи в 1050 г. до н. э. В результате споров, складывающихся и этом городе, перед нами предстает очень интересная картина Шумеры стали основным обществом, создавшим эту цивилизацию. Говоря «основное», я делаю акцент на источнике. Это на род, общество, корни которого уходят глубоко в эпоху расцвета Плодородного Полумесяца, но давно уже перешедший к оседлому образу жизни. Язык отличался от языка двух ближайших соседей, амореев и гутиев. Есть много совпадающих фраз. В частности, сходство обнаруживается с языками арийской семьи. Отличие от семитской языковой семьи очевидно. Город подвергался очень активным нападениям со стороны семитских и аморейских племен. Наконец, город Агада,

правлящая династия и правитель Саргон имели семито-аморейское происхождение. Даже высока вероятность того, что он рос в шумерских городских дворцах, был полководцем, который состоял в управлении. Эпосы отражают это. Гутии относились к шумерам скорее как к союзникам. Они имели загросско-арийское происхождение. Очень интересный момент, а ведь в современном Ираке наблюдается очень схожая картина.

Резюмируя, хочу сказать, что рождение и развитие цивилизации как системы к началу 2000 гг. до н. э. ознаменовалось кровопролитием, эксплуатацией, строительством городов и их разрушением, союзами, колониями, гегемониями. На плодородных поливных землях рабы в буквальном смысле работали за хлеб насущный, по соседству с ними, в городских и неолитических регионах развивались ремесло и торговля, и все это и совокупности создавало большой излишек продукта. Система цивилизации, построенная на базе этого излишка продукта, то есть материальной культуры, воздвигла величественную духовную культуру, обожествляла своих правителей, а рабов, не разгибавших своих спин, унижала, считая их экскрементами богов. Надо хорошо понять, что в эпосах о создании цивилизации очень четко прослеживается такое отражение материальной жизни. Что касается матери-богини, то она, судя по эпическим преданиям, создана из правого ребра мужчины. Легенды очень интересны, они очень ярко отражают зависимое положение матери-женщины. Жизнь теперь уже будет восприниматься, и отражаться при помощи языка этих легенд.

Реальная материальная жизнь, не создав по сегодняшний день собственного языка и комментариев, пытается порой говорить о старых истинах эзоповым языком, но поскольку и этот язык не был никому понятен, жизнь по-прежнему остается без языка, с утерянным смыслом. Давайте не забывать того, что еще не созданы язык истины и ее способность к пояснениям!

4. Эпоха цивилизации Вавилона и Ассирии (2000—300 гг. до н. э.)

Эти две цивилизационные эпохи, создавшие самобытные различия, несмотря на существующую между ними разницу во времени и месте, с точки зрения выхода на историческую арену и отрыва от шумерских династий, все же обнаруживают большую синхронность и культурные сходства. Высока вероятность того, что обе указанные цивилизации происходили от амориго-семитических корней и делили общее цивилизационное пространство с аккадской династией. Свидетельством тому являются культурно-языковые сходства и многочисленные письменные памятники.

Последняя величайшая эпоха шумерской цивилизации приходится на центр ее культуры — город Ниппур. Его можно назвать городом, где впервые люди получали академическое образование. После разрушения города Ниппур, вероятнее всего, аккадскими династиями, недалеко от него стал возвышаться город Вавилон с преобладающими аккадскими культурно-языковыми факторами, что можно рассматривать как начало новой эпохи цивилизации. Впрочем, по окончании периода правления последней шумерской III династии Ур, с начала 2000 гг. до н. э. новые династии под главенством Вавилона друг за другом устанавливали свое господство в городах, что и стало определяющим фактором начала

новой эпохи. Аккадский язык обрел широкое значение как язык новой эпохи цивилизации. Как язык политического господства и торговли, аккадский язык дает о себе знать на всем цивилизационном пространстве. Позднее, уже под названием «арамейский язык», став общим средством общения всех цивилизованных народов, аккадский язык сыграет роль, аналогичную той, которую играет сегодня английский. Аккадская культура развилась на базе культурного наследия Шумера, что с точки зрения цивилизации было явлением внутренне цельным. Преобразования, осуществленные в мифологии, обнаруживают себя в процессе возвышения Мардука в образе божества. Наиболее значительным эпическим произведением указанного периода стал «Эннума Элиш». Мардук становится верховным богом, снискавшим некогда гнев матери-богини, но символизировавшим и обожествившим культ мужского главенства. Представителями аналогичной когорты богов являются Зевс в древнегреческой культуре, Юпитер в древнеримской, Гудеа арийского происхождения в индоевропейской культуре (германские готы и бог Гот происходят от этого же корня, подобно Xwede в курдском языке), Аллах в арабской культуре, Брахма у индусов, «Дао» у китайцев.

Общая цивилизационная стадия и культурное сходство больше всего обнаруживают себя в этот период в эпитетах и названиях богов, представляющих общество как фундаментальный символ. Предполагается, что названия и эпитеты богов стали возникать примерно в 2000 гг. до н. э. В основе своей они базируются на общей глубокой культуре. В символизированной форме они обожествляют культ властвующего мужчины (захват домашнего имущества женщины-матери коварным мужчиной-насильником). Постепенно стало угасать основное имя матери-богини, которое на арийском праязыке звучало — Стар, на шумерском — Инанна, на хеттском — Кибела, на семитских — Иштар, на индусском - Кали, и вместо этого стали возвеличиваться упомянутые имена мужчин-богов. В том, что женщина оказалась на самом дне общества, выразилась самое страшное поражение и унижение с точки зрения языка и культуры 2000 гг. до н. э. В процессе сексуального порабощения женщины, начавшегося задолго до порабощения мужчины и племени в традициях материальной и духовной культуры цивилизации, женщина действительно была втиснута в клещи самого глубокого унижительного порабощения, лишена голоса, проклята и наделена убийственным статусом. На этой культурной почве укоренился образ униженной женщины-бабы и мужчины-мужа, установившего над ней безграничную власть. Эти рассуждения подтверждаются статусом, в котором и по сей день живут женщины в арабских странах в сообществах Ближнего и Среднего Востока, делящих с ними аналогичное культурное пространство. Преступления на почве так называемой «защиты чести» являются самыми незначительными элементами упомянутой традиции.

Вавилонская эпоха была более приоритетной, нежели ассирийская. Ключевую роль в этом сыграл последовательный, шаг за шагом, отход в географический регион Северной Месопотамии. Если Вавилон располагался южнее современного Багдада, то ассирийский город, получивший свое название от имени бога, располагался в окрестностях современного Мосула. Позднее он уже стал называться Ниневией.

Заметно, что город-государство Вавилон в силу некоторых своих особенностей привлекал к себе внимание на протяжении всей истории. Вавилон, прежде всего, освоил всю культуру Ниппура, являвшегося последним культурным центром Шумера. Ясно, что на имперской

стадии в Вавилон были перемещены все культурные накопления современных обществ вместе с их предводителями. Видимо, сказание о знаменитой вавилонской башне и семидесяти двух языках не легенда, а скорее, отражение реальных событий, точнее — эпическое отображение действительности. Период 1900-1600 гг. до н. э. является самым величественным периодом вавилонской эпохи мировой цивилизации. Вавилон реализовывал свое имперское господство во всех цивилизованных регионах. Самый знаменитый вавилонский правитель Хаммурапи во всех регионах цивилизации стал вторым после Саргона великим правителем в истории. «Законы Хаммурапи», которые он назвал своим именем, несмотря на то, что они являются продолжением предыдущих правовых традиций, все же имеют первостепенное значение с точки зрения эффективности и тех следов, которые оставили в истории. Очевидно, что культура цивилизации несет в себе следы периода Хаммурапи, независимо от того, в чем они выражены, в божественной ипостаси или в форме законности. После всех кровопролитных войн этот правитель установил свое господство над всеми городами. Источники сообщают, что он безжалостно покорил всех соседей и те родоплеменные сообщества, которые находились в пределах его границ. Из истории региона известно, что египетские боги-цари называли себя фараонами, а вавилоно-ассирийские боги-цари носили титул «нимвроды».

Исход, или побег пророка Авраама из города Ур (современная Урфа), отображенный в Исходе (самая древняя священная книга иудеев), напрямую связан с жестокостью вавилонских нимвродов. История свидетельствует о владычестве Хаммурапи в период 1700-1650 гг. до н. э.. Если обратить внимание на то, что исход пророка Авраама приходится на этот же период, то предельно ясными станут противоречия между Авраамом и Нимвродом. Авраам был предводителем одной из многочисленных родовых общин, занимавшихся земледелием, скотоводством и торговлей в окрестностях Урфы. Как и сегодня, в те времена в регионе проживало много родоплеменных сообществ переходного типа, причем как арийского, так и семитского происхождения.

Известно символическое значение частью религиозного, мифического повествования об Аврааме и его племени. В данном случае выявляется значение того факта, что пророк Авраам считается отцом трех монотеистических религий, и в мире, казалось бы, нет религии, которая не испытала бы на себе влияние его личности. Можно предположить, что многие племена и города восставали против вавилонских нимвродов, в лице Хаммурапи находившихся на пике власти (термин «нимврод» охватывал центральный аппарат и региональных лидеров вавилонской бюрократии. Видимо, «нимвродами» называли городских и региональных предводителей). Ясно, что навязывание, под каким бы божественным именем оно не происходило (в частности, именем Аллаха), имперских законов и традиций родоплеменным сообществам и даже селам и городам с сильным влиянием общины, неминуемо вызовет волну мятежей и сопротивления. Общества, не признающие рабства, не могут быть поработаны. Они порой предпочитают массовую гибель своего сообщества массовому поработанию. История знает бесчисленные тому примеры.

Религия или предания пророка Авраама, в сущности, олицетворяют анти-нимвродовское движение. Первым его источником являются категории места и времени Вавилонской империи в 1700 гг. до н. э. Вторым источником и ответвлением стали предания о выступлениях против египетских фараонов, начиная с 1300 гг. до н. э., проходивших под

предводительством пророка Моисея. Иными словами, речь идет о сопротивлении сообществ, последовавших за пророком Авраамом, и, будучи наполовину поработченными, но мечтая об освобождении, восстали против образа жизни, представлявшего власть египетских фараонов. Их движение проходило по тем же самым или схожим путям. В совокупности эти повествования составляют традицию Священного Писания. Эта традиция, насчитывающая длительный путь и последовательно формирующаяся в новую культуру, фактически родилась на волне сопротивления власти двух правящих институтов того периода, коими были нимроды и фараоны, считавшие, что являются богами-царями. После пророка Моисея эта традиция была представлена более сильными монархами (например, это многие пророки, жившие в традициях, начатых братом Моисея Аароном, а именно Самуил I и Самуил II, Исая и др.), усилиями Давида и Соломона в 1020-900 гг. до н. э. создали мощное царство, располагавшееся на современных территориях Израиля и Палестины. Без внимательной оценки исторического развития и влияния этой традиции и ее представителя, коим было племя Авраама, мы не сможем понять и оценить ни историю цивилизации, ни различного рода восстания и сопротивления против нее. (Говоря «различного рода», мы имеем в виду идеологическое, мифическое, философское, религиозное, политическое, физическое, экономическое, правовое, родоплеменное и национальное движения).

Мы видим, как первому этапу Вавилонского царства бы положен конец в 1596 г. до н. э. в результате наступления сил, имевших хетто-хурритское происхождение и получивших название касситов. Интереснее и важнее в данном случае то, что существовал союз, сторонами которого были хетты и касситы. Эта тема, еще не особенно раскрыта историками, имеет большое значение для изучения истории народов региона. В любом случае победу над таким сильным культурным и военно-политическим явлением, как Вавилон, нельзя назвать легким делом — это требует мощной противостоящей культуры.

Наконец, следует подчеркнуть факт постоянных исходов, точнее, побегов, которые были вынуждены совершать носители религиозной культуры Авраама. Политическая активизация возможна только там, где возникает вакуум.

Ключевое значение имеет анализ традиции, зародившейся в регионе Загроса и Тавра; значительным представителем этой традиции был гутийский царь Гудеа, сплотивший вокруг своей монархии конфедерацию племен Загроса в период процветания городов Урук и Ур. Последним примером деяний этого царя стал удар по Аккаду в 2150 г. до н. э., что и положило конец это му государству. (Интересно, что этот монарх носил имя самого великого арийского божества Гудеа. Ясно, что начался своего рода антицивилизационный процесс). Скудость исторических данных или полное умалчивание этой традиции вызывает острый интерес, ибо сфера, в которой происходили эти события, имеет большое значение и требует глубоких исследований.

С большой долей вероятности можно предположить, что широкая сеть родоплеменных сообществ вела повстанческую деятельность и организовала конфедерацию против общей угрозы, создала устойчивую земледельческую культуру и частую сеть сельских поселений в противовес культурным колониям Эль-Убейда и торгово-полигической колонизации Урука и Ура, более того, вплотную приблизилась к порогу цивилизации, совместно используя горные подножья и долины, возможно, дошедшие до порога урбанизации гораздо раньше других.

Эти результаты деятельности способствовали образованию более устойчивых политических объединений (Об этом напоминает холм больших храмов в Гёбеклитепе, вилайет Урфа. Сотворившие эту культуру и 10 000 гг. до н. э. могли создать городскую культуру гораздо раньше Урука и Ура. Архитектура и мифология дают возможность это почувствовать).

Из истории видно, что данные сообщества, оказавшиеся в 3000 гг. до н. э. во власти Шумера под общим названием «хурриты», в середине 17 века до н. э. создали два мощных политических союза, один из которых был на севере с центром в Каниш и Хаттушас и носил название хеттского, а другим был союз митанни с центром в Важукани (Хвешкани, красивый, приятный родник, современный Джейларпынар и расположенный напротив, в Сирии город Серекани). Многочисленные документы подтверждают тот факт, что митанни расширили сферу своего присутствия от Керкук и Загроса до Тель-Алала и Аманосов, а 1400 гг. до н. э. вместе с египтянами и хеттами составляли третью крупную культурно-политическую силу. У них были общие с хеттами язык и культура. Между ними существовала тесная кровная связь, и они практиковали династические браки на высоком политическом уровне. (Хеттский правитель Шупилулиум заявил митаннийскому наследнику престола Матизаве следующее: «Я выдал за тебя свою дочь, так давай же, как нам подобает, будем вместе править регионом»). В египетских иероглифических письменах нашла свое отражение мощь митанни. Во дворце было много невест митаннийского происхождения. Одной из них являлась известная Нифертити.

Знаменитая хеттская богиня Пудухепа тоже имела хурритское происхождение и оказалась последней представительницей следов женского влияния в регионе. Прежние гутии и касситы, теперь уже под новым названием «митанни», стали одной из нижних ветвей хурритов. Слово «хуррит», означавшее в шумерском языке «горцы», является названием, которое время от времени используется и по сей день. Интересно, что все серьезные признаки указывают на то, что цари и принцы страны, названной Хеттской, имели самоназвание хурриты, и их жены тоже назывались хурритскими принцессами. Мое личное мнение таково: если митанни представляли собой образование, напоминающее политический союз или конфедерацию, образовавшуюся преимущественно в регионе Плодородного Полумесяца в южном дугообразном предгорье Тавро-Загросской горной гряды, то одна из ветвей конгломерата хурритских племен распространилась до горных районов Черноморского побережья, а на всем Северном Тавре хетты создали второе ответвление, представлявшее собой более сильное образование, даже можно сказать, первобытную империю. Культурная база, родственные связи, дипломатические отношения, и, что важнее всего, хетто-касситский союз — список подтверждающих факторов можно продолжить.

Первый вавилонский период можно спокойно охарактеризовать сквозь призму этой культурной борьбы на севере и политического союза, образовавшегося в итоге этого сопротивления. На втором этапе своего существования (1600-1300 гг. до н. э.) Вавилон находился под господством этого политического союза или управлялся вместе с ним, входя в своеобразный альянс. Но, так или иначе, он был крупнейшим торгово-культурным центром своей эпохи. Тогдашний Вавилон был таким же, каким является сегодняшний Париж.

Вавилонская цивилизация оказала серьезное влияние на все три Священных Писания, оставив после себя множество следов. Вавилон можно считать торговой базой, региональным рынком и университетским городом той эпохи. Можно также уверенно говорить о том, что Вавилон сыграл роль своеобразного международного центра своей эпохи (точнее, не международного, а межплеменного и межконфессионального центра). Все политические, торговые, разведывательные игры проходили в Вавилоне. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Вавилон мог быть центром заговоров. В Священном Писании это описано чрезвычайно ярко. В сущности, Вавилон достойно сыграл свою роль центра цивилизации — в этом смысле его можно поставить в один ряд с современным Лондоном.

Третий этап истории Вавилона (610-630 гг. до н. э.) начался с образования союза с Мидией (очень напоминает сегодняшний союз шиитов с курдами). В это же время, в 612 г. до н. э., была стерта с лица земли Ниневия. Конец империи наступил во время завоевательного похода Александра Македонского в 330 г. до н. э., и она вспоминается теперь как империя знаменитого Навуходоносора. Это была последняя великая империя Месопотамии, которая, начиная с этой даты, постепенно теряла свою роль основного центра. В долинах междуречья Тигра и Евфрата, на берегах рукавов этих рек, в горных и равнинных районах междуречья, бывших на протяжении около 15 тысячелетий основным центром истории, империя перемалывала культуру человечества и распространяла ее по всему миру, после этого, утомившись, но не теряя надежд, готовилась к новому этапу своей истории.

Ассирийскую эпоху также можно разделить на три этапа. Ассирия была одной из сильнейших военно-политических и торговых сил древней истории и играла промежуточную роль между шумерской и греко-римской цивилизациями. В истории она ассоциируется с кровопролитиями, насилием и торговой созидательностью. Падение Ассирии праздновалось всеми народами Ближнего и Среднего Востока (в том числе и ассирийским народом). Определяющим в этом «празднике региона» являлось то, что деспотиям нимвродов и фараонов наступил конец.

Первым был этап усиления торговой аристократии (2000—1600 гг. до н. э.). Впечатляющим образом торговая и политическая знать находит свое монополистское воплощение в одном лице. Можно говорить о том, что торгово-политическая монополия впервые была создана ассирийскими сообществами. Мы можем уверенно констатировать тот факт, что Ассирия базировалась на широком историческом наследии, использовала торговые накопления и традиции Эль-Убейда, Урука, Ура, Вавилона, буквально развивалась по их следам, начиная с 2000 гг. до н. э., расширяла торговлю со всеми цивилизованными регионами, с соседними неолитическими селами и кочевыми сообществами, создавала торговые колонии в прилегающих центрах, впервые осуществляла деятельность в качестве независимого капитулянта, владела развитой караванной сетью, была цивилизацией с высоким коммерческим сознанием, безжалостно применяла силу для уверенного развития всех этих стратегических связей. Ниневия буквально утопала в богатстве, золоте и серебре, как сегодняшний голландский Амстердам. Центр торговли самой качественной тканью, строительства самых знаменитых дворцов уже формировался в самой Ниневии и ее окрестностях. Подобно тому, как Амстердам конкурирует с Парижем, так и Ниневия (Ассирия) конкурировала с Вавилоном. Эти государства прилагали большие усилия для оказания влияния друг на друга и установления собственного господства. Не прекращались

экономические, торговые, политические и военные столкновения и конфликты, вызванные противоречивостью интересов. Несмотря на то, что обе эти государства периодически устанавливали господство друг над другом, ни одной из них не удалось окончательно утвердить свое превосходство.

Второй этап (1600—1300 гг. до н. э.) характеризуется тем, что Ассирия попала под влияние союза митанни и вавилонян. На этом этапе Ассирия продолжала свою торговую роль.

Третий этап (1300-600 гг. до н. э.) ознаменован созданием настоящей военно-политической мощи, что способствовало превращению государства в наиболее устрашающую силу эпохи. Ассирийцы не оставили ни одного не оккупированного ими района, за исключением Урарту, но включая Египет. Все родоплеменные сообщества переживали наиболее болезненный период своей истории. Можно сказать, что ассирийский период стал самым кровавым во всей цивилизации. Правители этой страны, восхищаясь собственной «удалью», считали, что стены и башни, выстроенные ими из человеческих черепов, являются мерилем их величия. Уничтожались все представители родоплеменных сообществ, кроме тех, кого порабощали. Даже такая цивилизация, как Египет, не избежала оккупации со стороны Ассирии (670 г. до н. э.). Иерусалимское царство было стерто с лица земли. Ассирия превратилась в мировую силу, подобную США сегодня. Кроме того, в самом развернутом виде торжествовало чувство, которое сродни имперскому эгоизму. Ассирийские власти не признавали таких понятий как мирное сосуществование и культура взаимопонимания. Нельзя преуменьшить вклад, внесенный ими в формирование императорской традиции.

Определяющую роль в упадке Ассирии опять сыграли племена хурритского происхождения. Известно, что на протяжении длительного срока (1600—1300 гг. до н. э.) митанни не давали им покоя. Даже смертельный удар по ним не положил конец сопротивлению хурритов. Родоплеменные сообщества, называвшиеся «наирянами» (на ассирийском языке означает «люди, живущие рядом с водой»), осуществляли повстанческую деятельность (1200—900 гг. до н. э.) вместе с объединениями конфедеративного типа, проживавшими на территориях современного Ботана. Начиная с IX века до н. э. на историческую арену выходит политический союз, известный под названием Урарту. Восстания против Ассирии продолжались с 870 г. до н. э. до полного упадка вышеупомянутого государства в 610 г. до н. э. Центр этого повстанческого движения, длившегося примерно три столетия, находился в районе современного Вана. Движение способствовало формированию сильного централизованного политического образования, оставившего глубокий след в истории. Предположительно речь может идти о смешанной политической надстройке. Изначально преобладало влияние ассирийского языка. Можно предположить, что далее использовался смешанный язык, испытавший влияние хурритского, армянского и кавказских языков. Такая структура языка отражает всю мозаику, имевшую место на повстанческом этапе. Ясно, что народы региона отстаивали свое существование, сформировав сильное политическое образование посредством объединения перед лицом общей угрозы. Упомянутый период можно считать временем впечатляющего выхода на историческую арену скифских племен кавказского происхождения. Учитывая мастерство жителей Урарту в кузнечном деле, изготовлении оружия и посуды из меди, преимущество перед соседями в архитектуре, в первую очередь, в строительстве крепостей, а также пристальное изучение причин поражения ассирийцев, способствовавшее развитию военного искусства, понимаем, как

возрастало значение урартов. Даже если царство Урарту и не нанесло окончательного смертельного удара по Ассирии, наибольшее участие в ее раздроблении приняли именно урарты. Угасание цивилизации Урарту стадо глубоким следом в истории, оставленным самими урартами.

Окончательное поражение Ассирии в 612 г. до н. э. стало итогом скрытых длительных дипломатических усилий Вавилона, а также союза города-государства Вавилон с Мидийской конфедерацией, установленного в результате многолетней деятельности жрецов Мидии (Маг по-курдски означает «очаг огня»). В регионе начался период возвышения Мидии и третьего вавилонского периода.

Самый серьезный вывод, который можно сделать из практики ассирийской цивилизации, — это тесное взаимодействие политической и торговой монополий и их связь с войнами. Ассирия стала важнейшим этапом развития торгово-политической монополии в истории цивилизации. Можно сказать, именно ассирийские торговые монополии гораздо раньше Персидской империи сформировали центральное звено между египетской, китайской и индийской цивилизациями. Они создали целый мир торговли. Речь идет о глобальном характере этого периода. Опять же, становится ясно, что торговая монополия — это совсем не экономика, а то, что путем установления против экономики беспрецедентного режима террора происходит экспроприация всех ценностей, созданных трудами многих народов и племен. Совершенно очевидно, что без государственной машины невозможно было развитие торговой монополии. Если предыдущие монополии полностью были связаны с рабовладельческим характером земледельческого производства, то торговля впервые обрела вес, соответствующий земледелию. Если назвать торговую монополию капитализмом, то политическая монополия занимает свое место и истории цивилизации как эксплуататорская сила, достигшая большего эффекта в аннексии излишка продуктов земледелия. Империя — это форма управления, развитию которой гораздо больше способствовала торговля, нежели земледелие. Торговля на дальних расстояниях нуждается в безопасности передвижения, но это может обеспечить только империя. Что касается эскалации силы, то ясно, что она напрямую связана с сопротивлением общества, не принимающего навязанные ему новые экономические реалии.

Вполне очевидно, что для экономики могут быть очень полезны земледелие, рынок, мелкая торговля, ремесла, наличие многочисленных независимых прослоек. Труд человека, присутствующий во всех этих сферах, подтвердил свою ценность как средства повышения производительности. Нетрудно доказать отсутствие потребности в политических, военных и торгово-экономических монополиях. Разве экономика перестала бы развиваться, если бы не было Ассирии? Напротив, ясно, что именно мирная обстановка делает возможной разнообразную и позитивную экономическую жизнь. Государство как антидемократическая форма управления не только бесполезно; это сила, своим бюрократическим аппаратом, войнами, развернутыми войнами, аннексионистской политикой компрометирующая экономику и общество. Здесь я отнюдь не оспариваю значения и необходимости таких явлений, как урбанизация и классовое расслоение, я просто призываю к ответственности тот тип связи, который существует между цивилизацией и насилием, облаченным в религиозные идеологические одежды и возводящим вокруг себя плотный военно-политический частокороль. Если и существует цивилизация в смысле положительных сторон

урбанизации, то я неустанно спрашиваю себя о том, почему все это так испоганено, и повторяю, что поразительно регрессивные и консервативные препятствия выявляют негативные стороны урбанизации. Координация управления — это одно, а монополии, творящие насилие и экспроприацию, — это совершенно другое.

Я подчеркиваю, что тесная сопряженность политической, торговой и экономической монополий свойственна не только капитализму; формируя вместе с урбанизацией и династией аналогичные особенности с самых первых этапов цивилизации, она по сей день продолжает подавлять положительные стороны и демократичное влияние цивилизации, существующие в виде неразрывной цепи. Продолжим изучение всех звеньев этой цепи.

5. Цивилизации Египта, Индии, Китая, хеттов и финикийцев

Рассуждения о вкладе Египта, Индии и Китая в основной поток цивилизации требуют серьезного труда; Здесь не место для глубокого анализа данной проблемы. Но поучительным мог бы быть вопрос о том, почему эти цивилизации были преимущественно земледельческими, не проявили никакой воли и силы для того, чтобы выйти за рамки устоявшегося в своих регионах уклада. Я убежден в том, что достаточно развитый характер этих цивилизаций в масштабах своих регионов, а также длительность существования обусловлены тем, что на их территориях не создавались экономические монополии, в частности, они не обращались к торговле на больших расстояниях. Во всех трех упомянутых государствах, казалось, вообще не было внешней торговли. Заметно, что в структуре земледельческой деятельности и внутренней торговли также особенно не было никаких шансов на формирование монополий. Действующие политические монополии были относительно долговечны, потому что не связывали свою судьбу с экономическим монополизмом. Военно-политический фактор, задействованный только на предотвращении внешних угроз, вызывает в обществе гораздо меньше противостояния и протестов. Следовательно, у него появляется больше шансов на долговечное существование. В конечном счете, и они становятся экономическими монополиями ростовщиков. Но очевидно и то, что они не были затянуты по самое горло в болоте экономических монополий.

Вклад Египта в развитие культуры и цивилизации Европы со измерен со степенью его влияния на греко-римскую культуру. Что касается Африки, то египетская культура как бы прошла мимо нее. Египет не вел торговлю. Он абстрагировался и от Ближнего и Среднего Востока. Может быть, Египет являлся одним из первых примеров государственного социализма. Ни один из схожих примеров не был столь эффективен, как египетский. Египет дошел до цивилизации, полностью пройдя путь Ближнего и Среднего Востока, а Индия и Китай сделали это частично. Присоединим эти потоки к своему течению, ислам сыграл значительную роль в направлении этих культур в общее русло европейской цивилизации.

Не стоит создавать новое заглавие для хеттов. В форме хуррито-миттаннийского союза они донесли цивилизацию до Анатолии. С учетом их влияния на Эгейском побережье можно говорить о том, что они не меньше, чем египтяне и финикийцы, внесли свой вклад в развитие новых цивилизационных процессов на Балканском полуострове. Хурриты

остановили распространение влияния Египта на территории Сирии. Они также проявили эффективные действия, способствуя остановке экспансии Ассирии и, гораздо раньше, Вавилона.

Торговлю на дальних расстояниях, которую не развили египтяне, активно развивали финикийцы, обосновавшиеся в Восточном Средиземноморье. Финикийцы добились больших успехов в создании первых торговых колоний на всем побережье Средиземного моря. Они были первыми, кто донес до Европы культуру Ближнего и Среднего Востока и Египта. Достижения финикийцев в создании алфавита и судостроении достигли впечатляющих результатов с точки зрения цивилизации. Именно они обучили греков азбуке. Они построили первые порты. Значительную роль сыграли финикийцы в распространении духовной культуры. След, оставленный ими в истории, оказался, как минимум, таким же результативным, как и след, оставленный государством Урарту.

Влияние Иудейского царства больше всего распространялось на духовную сферу. Важнее всего то, что монотеизм был создан в рамках иудейской традиции. Такое ощущение, что в противовес материальным основам египетского и шумерского государств у них сформировалась историческая потребность в создании института духовности. Иудейскую традицию нельзя рассматривать в узком контексте еврейства. Если евреи укрепились скорее на материально-финансовом крыле иудейской традиции, то духовное крыло этой традиции составляли пророки, писатели, интеллигенция и интеллектуалы. Влияние, сформировавшееся в обоих указанных станах, в свою очередь, стало решающим для всей истории цивилизации. Для того, чтобы в полном объеме охарактеризовать цивилизацию, необходимо всесторонне проанализировать шумерскую, египетскую и иудейскую традиции. В этом отношении крайне пустыми могут выглядеть рассуждения о европейской культуре на базе средневековой и частично греко-римской культурных традиций. Подобный стиль рассуждений, надо сказать, недостаточный и неверный. Позднее я постараюсь раскрыть то, к каким ужасающим последствиям привели эти недостатки.

6. Мидийско-персидская эпоха (700 -330 гг. до н. э.)

Мидийцы оказали на цивилизацию влияние, масштабы которого еще не полностью изучены по сей день. Наиболее серьезные из известных истории особенностей заключаются в том, что мидийцы произошли от хурритов, проживавших в районе Загроса, имели родственные связи с персами и представляли собой одно крыло конгломерата арийских племен Мидийцы прославились своей повстанческой деятельностью против жестокого гнета Ассирии. Основными учителями и руководителями мидийцев были жрецы, которых называли магами. Можно говорить о длительной протяженности роли, сыгранной жрецами в управлении мидийским сообществом. Однозначно можно утверждать, что к 700 гг. до н. э. мидийцы образовали конфедерацию и под топонимом «Мидия» проживали на западе современного Ирана и в районе, прилегающем к стыку трех границ современных Ирана, Ирака и Турции. Со скифами, выходцами из Кавказа, мидийцы порой находились в дружеских отношениях, а порой имели место стычки. Победа над Ассирией в 612 г. до н. э. способствовала укреплению авторитета мидийцев и открыла перед ними все пути. Известно, что в 585 г. до н. э. они разгромили фригийцев у реки Кызылырмак. В этот период обретает известность один из магов по имени Зороастр. Формируется религиозная традиция с преимущественной

этической направленностью — это не было ни религией, ни философией в полном смысле слова. Зороастризм отличался от иудейской традиции, но имело место взаимопроникновение. Влияние зороастризма особенно актуализировалось в тот период, когда вавилонский император Навуходоносор в 595 г. до п. э. пленил сынов израилевых. Греческая цивилизация считала мидийцев выше и важнее персов. Это был народ, о котором больше всего упоминается в «Истории» Геродота. В 559 г. до н. э. в результате предательства персидские Ахемениды встали во главе мидийского политического образования. Основоположник ахеменидской державы Кир вырос в мидийских дворцах. Персы и мидийцы были элементами, совместно создавшими эту империю. Называть эту державу просто персидской империей недостаточно правдиво.

Персидско-мидийская империя на протяжении трехсотлетнего исторического отрезка создала самый широкий в истории политический союз, распространив свое влияние на всем протяжении от Египта до внутренних областей Индии (ликвидировано н 515 г. до н. э.), и от границ Китая до Балканского полуострова. Разделенная на двадцать две провинции, она создала своего рода полу-государство. Вкладом в историю стало создание бюрократии, хороших дорог, почтовой системы, величественной армии, являвшейся самой большой армией своего времени. Они придавали серьезное значение нравственной традиции.

Греческая цивилизация именно у мидийцев и персов переняла многие свои культурные факторы. Водораздел между Востоком и Западом сформировался именно в этот период. Между ними имело место активное взаимовлияние. Многие греки занимали определенные посты при персидском дворе, тысячи греков были наемными воинами. Факт накопления ими больших богатств, двухсотлетнее господство в Эгейском регионе развило в них противостояние по отношению к персам. Отражение гнета персов и овладение их богатствами стало чуть ли не национальной целью греков. Отнюдь не случайно появление Александра Македонского в качестве нового Геркулеса. Он вынес свою долю из этой дилеммы и получил специальное образование у самого Аристотеля. Даже греческая философия несет на себе влияние глубокой поглощенности проблемами выступления против персидского гнета. Впрочем, гораздо большее отражение этот процесс нашел в древнегреческих мифах. Создала своего рода культуру сопротивления. Опыт мидийцев в борьбе против Ассирии греки использовали в борьбе против персов. Сила, стоявшая за Александром, который был родом из Македонии, но сыном греческой культуры, он словно как бумагу изорвал на мелкие кусочки Персидскую империю, — это сила многовековой повстанческой культуры, в частности, синтез философского просвещения и свободолюбивого родоплеменного духа Македонии.

7. Греко-римская культура и цивилизация

Греко-римскую культуру и цивилизацию ошибочно считают началом западной культуры. На Западе, то есть в Европе, не родилась такая культура и цивилизация, которую можно было бы назвать западной культурой и цивилизацией. Все, что имело место, в том числе христианское Средневековье, можно считать переносом культур и цивилизаций средневосточного (месопотамского и египетского) происхождения в Европу с логическим задержкой вплоть до 15-го столетия н. э. Эти самые 15 тысячелетий «длительного периода», о которых я старался говорить, цепь событий, исходящая из определенного

места,— это ответ на вопрос о том, как эта культура в виде звеньев цепи входила и общее русло Европы.

Несмотря на то, что греко-римское звено сформировалось в географическом пространстве Европы, все, что имеет, она черпала из полученного наследия. В этом процессе не было никаком серьезной новизны и «непостоянства», способных сформироваться как элементы материальной и духовной культуры после XVI века. Зарождение философии, которую можно было бы назвать новацией, тем не менее, невозможно представить без культуры, унаследованной от Вавилона, Египта, хеттов, Урарту, Мидии и Персии. Даже Платон признавал, что греческие мудрецы, в первую очередь, Солон, Пифагор, Фалес, годами путешествовали по философским центрам Востока, в первую очередь, в Вавилоне, где и формировались их философские взгляды. Что касается греческой и римской философии, то, кроме названий, все эти мифы являются, в сущности, четвертой и пятой версиями шумерской и частично египетской мифологии (Шумер, Вавилон, хурриты-хетты-миттани, Греция, Рим). Неолитическая эпоха как материальная культура в 4000 гг. до н. э. достигла всех сфер жизни Европы. Шумерская и египетская культура достигла Европы в 2000-1000 гг. до н. э. Синтез, начавшийся на Балканском полуострове в конце 2000 гг. до н. э., после первых проб в 1600-1200 гг. до н. э. начал давать свои плоды только с 1000 гг. до н. э., с началом антиэпохи. Первыми, кто упомянул об этом, были Гомер и Гесиод. Аккумуляция процессов, начавшаяся на Апеннинском полуострове в 1000 гг. до н. э., в эпоху этрусков, завершилась в 700 гг. до н. э. с созданием царства, а в середине 1-го тысячелетия до н. э. — республиканского строя.

Тысячелетний период, длившийся с середины 1-го тысячелетия до н. э. до середины 1-го тысячелетия н. э., богат многими особенностями. Сформировалась цепь городов, достойная называться после Урука вторым поясом. Безусловно, греко-римская урбанизация — это стадия развития с высокой эстетической ценностью. Если даже классовое расслоение и формы управления не достигли одинакового уровня зрелости, то в комплексе со своими особенностями они существовали уже тысячелетия назад. Также тысячелетия назад уже сформировались торговля, рынок, деньги и такие культурные факторы, как алфавит, наука, философия (мудрость), мораль, мифология. Можно говорить о том, что все эти факторы прошли сквозь призму очень серьезной второй версии. Но без наследия была бы бессмысленной производная с двух островов, как будто из ничего произрастает зеленая трава. Западная историография долгое время крайне недостаточно и ошибочно понимала вопрос о корнях. Только в постмодернистский период стали появляться более правильные толкования.

Одной из особенностей греко-римской культуры является последовательное и сопряженное друг с другом развитие таких государственных режимов, как монархия, республика, демократия и империя. Если изначально демократии и монархии были тесно связаны друг с другом, то на последних этапах развития в тесном переплетении развивались республиканские и императорские режимы: так, накануне распада особое значение обрела империя, как форма власти. Она воплотила собой последнюю и самую содержательную культурную и цивилизованную систему рабовладельческого строя. Данная особенность очень важна. Этот строй должен был или распасться, или измениться. Поэтому Римская империя претерпела изменения, фактически распавшись. Пережив в рамках греко-римской

цивилизации наиболее содержательный и исторически долгосрочный этап, она вступила в полосу глубокого кризиса. Производство, основанное в сельской местности на земледелии, а в городских условиях — на ремеслах, способствовало накоплению значительного прибавочного продукта. Обилие прибавочного продукта стало основой организации государственного типа. Прибавочный продукт по своей сути связан с людьми, работающими ради хлеба насущного. Главенствующим является использование рабовладельческой формы труда, на основе которой формируется государственная монополия, состоящая из триады — идеологии, политики и армии. Эта система, развивавшаяся в тесной связи с урбанизацией, углубляя вместе с развитием процесса разделения труда, обеспечивала формирование цепи таких явлений, как превращение труда в товар, далее рынок и деньги. Торговая монополия, вступившая в действие на этой стадии, дает возможность аннексии части прибавочного продукта. В плане аннексии прибавочного продукта, формирующегося в земледелии и ремеслах, по сути, рождаются две монополии внутри государства или между государствами, и эти монополии соревнуются и противоречат друг с другом. Несмотря на отсутствие четкого водораздела между ними, точки зрения урегулирования многих военных и политических взаимоотношений и возникающих противоречий, ключевую роль играет понятие двух монополий.

Общественную систему (формацию), формирующуюся из материальных и духовных культурных цельностей, составляющих, в свою очередь, стержень сплотившихся вокруг города идеологических, политических и военных механизмов, представленных силами, грубо называемыми нами сельскими и торговыми монополистическими кланами, можно назвать цивилизацией. Поскольку контроль над господствующей формой эксплуатируемого труда устанавливается в форме рабовладения, имело бы смысл называть эти системы «рабовладельческими цивилизациями». На протяжении всей истории цивилизации можно четко разграничить развитие конкуренции и противостояния по двум каналам: первый поток развивается внутри самой цивилизации в целом в форме монополий и, в частности, сельских и торговых монополий; второй поток — между всеми общественными силами, находящимися в состоянии конфликта с цивилизационными системами (классы, племена, родовые сообщества, народы, ремесленники). Источниками всех войн являются эти два канала, и во имя побед материальная и духовная культура и отой же причине постоянно развиваются в обстановке жесткой конкуренции и противоречий. В истории цивилизации начинаются процессы, которые мы называем «цепной реакцией».

Эта цепная реакция, вкратце рассмотренная нами вплоть до греко-римского периода, является кризисным процессом. Упадок, ослабление земледелия и торговли в силу различных причин, в различных сферах, способствует постоянным кризисам. Причинами кризисов являются такие явления, как климат, перепроизводство, внутренние и внешние конфликты, внутренняя и внешняя миграция, эффективные средства производства, в аналитическом смысле более развитые системы (философии) и организации в военной, политической и идеологической сферах. В роли средств производства используются прослойки, не желающие освободиться от монополистических клик и требующие увеличения своей доли, а также всевозможные конфликты и войны. Так происходит потому, что они являются монополиями, основанными на экономике. В частности, в силу частоты торговых кризисов, активнее всего способствуют войнам те государства и цивилизации, которые больше всего базируются на торговле. То, что государства и цивилизации, в

которых господствуют земельные монополии, регулярно функционирующие в благоприятных климатических и оросительных условиях, развиваются в более стабильной и мирной обстановке, происходит потому, что нет частых кризисов. Если смотреть на проблему с точки зрения этой перспективы, то станет ясно, почему Египет, Индия и Китай так мало воевали, за исключением некоторых городских, региональных и сельских восстаний. Ясно и то, что аннексионистский и постоянно агрессивный характер цивилизаций, имеющих в целом месопотамское происхождение, также имел место в силу чрезмерной привязанности к торговле. С незаменимой ролью торговли в процессе производства тесно связано то, что цивилизации Эль-Убейд, Урук, Ур, Вавилон, Ассирия и Персия постоянно жили в условиях колонизации, экспансии и войн.

То, что греко-римская цивилизация, как в афинский, так и римский периоды постоянно осуществляла походы и вела войны как в море, так и на суше, преимущественно связано с типом торговли в бассейне Средиземного моря. С самых истоков цивилизации Месопотамия была колыбелью земледелия и торговли. В целом именно по этим причинам, начиная с 600 гг. до н. э. персы с востока, греки и римляне с запада вели свои «тысячелетние войны» как на своих основных территориях торговли и производства, так и на территории Месопотамии в силу своих связей с торговлей и земледелием Месопотамского региона.

Без торговли в Месопотамии и торговли в целом нельзя пред ставить себе цивилизацию. Должны были потерпеть фиаско или оба вместе, или одно из них, или же они должны были гармонично дополнять друг друга. Были и победители, и побежденные. Гораздо более длительный характер имели такие периоды, когда существовало равновесие, и не было победителей. Если прибегнуть к примерам, то можно увидеть, что для взаимоотношений между Эль-Убейдом и Уруком были характерны и конфликты, и определенная стабильность. Прежде они оба находились в состоянии конфликта и равновесия с обществом Верхней Месопотамии. Между Уром и династиями Аккада имело место ужасающее противостояние. Бывали и мирные времена, бывали и времена, когда и Ур и Аккад стирались с лица земли. В свою очередь, аккады и гуттии переживали периоды истории, когда между ними были столкновения не на жизнь, а на смерть, но было и равновесие сил и взаимоотношений. Аналогичные конфликтные и вместе с тем сбалансированные отношения были между Вавилоном и Ассирией. Хурриты как конгломерат племен (включая хеттов, миттанни, кассидов, мидийцев, урартов), с одной стороны, и Вавилон и Ассирия, с другой, регулярно переживали исторические периоды кровавых войн и спокойные годы. В сочетании конфликтов и баланса сил находились также хетты и египтяне. Наконец, в истории имели место «тысячелетние» (550 г. до н. э. — 650 г. н. э.) греко-римские и персо-сасанидские войны. Такова картина войны и мира между различными кликами внутри одной цивилизации и между разными цивилизациями.

Более того, еще одной фундаментальной и неисчерпаемой категорией является восстание и мятежный дух народов, племен, рабов и городов (ремесленников), которых силой хотят принизить к цивилизации, то есть к рабству и торговой экспансии. Цивилизация является системой не только прибавочной стоимости капитализма (капитала), но и рабовладельческой системой кровопролитных, жестоких и колониальных войн, лежащих в основе излишка продукта (капитала), насчитывающего пять-шесть тысячелетий.

8. Ислам и христианство

Ислам и христианство, несомненно, являются отдельными цивилизациями. Сходства и различия между ними очень интересны и значительны. Несмотря на то, что многое сказано и написано о положении обеих религий в истории цивилизации, и о влиянии, оказанном ими на саму историю цивилизации, рассуждений научного характера крайне мало. Определенная доля в этом принадлежит факту формирования личностей под влиянием двух религий. Еще одной обязанностью, с которой надо справиться и в будущем, является развитие некоей парадигмы за рамками христианства и ислама. Толкования светски-позитивистского типа сами по себе превратились в религию сродни грубому идолопоклонничеству, которая не в состоянии подвергнуться анализу конфессии в целом и, в частности, иудаизм, христианство и мусульманство.

Реформация и Просвещение олицетворяются со стремлением приспособить христианство к капитализму. Известно, что Ренессанс не имел столкновений с христианством. Эпоха Просвещения, не принявшая религию и конкретно христианство, не только не смогла выйти за рамки самой религии, но и не вынесла никакой конструктивной критики и толкования.

Что же касается ислама, то он не только подвергался критике со стороны собственных приверженцев, но и изначально не грузился в межконфессиональные распри. Ислам, в отличие от христианства, не был подвергнут философскому толкованию. Он не знает собственного Ренессанса, Реформации и Просвещения. Течения «неоисламизма» не продемонстрировали никакого иного смысла, кроме националистических и фашистских тенденций в условиях капитализма.

Ислам и христианство можно рассматривать как вторую стадию истории цивилизации. Кризис, постигший Римскую империю в IV—V вв. новой эры, в целом можно считать кризисом цивилизации. Общий распад рабовладельческой цивилизации насчитывавшей 4000 лет, подготавливался именно в эти столетия. Историки называют эти два века «темными столетиями». Человечество, жившее под игом цивилизованного общества, испытывало острую потребность в полном освобождении, а так же интеллектуальных и материально-структурных достижений. Повсюду шли поиски цели и средств. Имело место состояние духа, выходящего из кошмара. Ощущался восход солнца, но было неясно, каким оно будет, и какой день принесет с собой. Старые верования и символы-истуканы уже не стоили и ломаного гроша. Даже императоры Рима уже не стремились к святилищу Юпитера. Рождение христианства, маниизма и ислама воспринимается в полном соответствии с духом этой эпохи, наложившей глубокий отпечаток на совершенствование мышления и поиск веры.

Возникает один крайне острый вопрос: почему христианство и ислам, будучи политическими движениями, настойчиво представляют себя теологическими движениями, то есть религиями. Ответ на этот важный вопрос было бы правильно искать не только в обстановке, о которой мы говорили, но и в освободительных моделях и интеллектуальных поисках той эпохи. Мышление, споры, программа и организация развиваются на базе ранее сформировавшихся образцов.

Наиболее значительная традиция в данном случае — это пророческая традиция в духе Авраама. Именно пророк первым извещает об освобождении. Если нет пророка, никто не поверит боевому командиру или интеллигенции, громко объявляющих себя освободителями. Поскольку традиция Авраама была очень сильной, какой-либо иной выбор практически был невозможен. Несколько иную традицию представляли апологеты маниизма. Но даже несмотря на то, что суть этого учения имеет просвещенческий характер, в силу старых традиций он о не могло добиться полного успеха. Именно с этой исторической традиционностью связано то, что и по сей день все движения, возникающие на Ближнем и Среднем Востоке, облачаются в религиозные одеяния.

Таким образом, рассуждая о христианстве и исламе, надо понять, что обе религии фактически являются чистой воды политическими движениями в религиозной оболочке. Несомненно, и них есть и идеологическая составляющая. Как нам удалось отразить в своей краткой оценке, преимущественной стороной Авраамовой религиозной традиции, уходящей своими корнями и древнюю эпоху, в частности, в мифически-религиозные мистерии в шумерских и египетских жреческих храмах, является богословие. Это связано с представлением о боге и ритуалах. Выли приложены огромные усилия для того, чтобы развить учение, отличающееся от шумерских и египетских богов и ритуалов (молебна). Постоянно развивалась «лепта толкования», приписываемая очень известным пророкам, к которым относятся Моисей, Самуил, Давид, Соломон, Иезекииль, Исайя и многие другие. Но мы знаем о великих освободительных миссиях этих личностей во имя освобождения от современных им деспотических режимов.

Причина бесследного исчезновения маниизма заключается в том, что за его спиной не было такой прочной традиции. Но традиция Авраама, несмотря на полторы тысячелетия своей истории, на момент появления Мессии Иисуса добилась лишь ограниченных успехов. Она не смогла победить ни одну цивилизацию египетского и месопотамского происхождения. Созданное им крохотное Иерусалимское царство просуществовало недолго и не имело особого влияния. Тем не менее, наиболее значительной победой этой традиции является то, что она стала голосом надежды всех угнетенных людей и тех, кто ищет пути свободы. Традиция Авраама стала совестью и центром притяжения для всех угнетенных, бедных людей, познавших тяжесть власти нимвродов и фараонов (всех деспотичных правителей) и находившихся в поисках идеалов.

История Мессии Иисуса станет намного понятнее, если рассматривать ее в этом смысле. Римская империя к этому времени давно уже завоевала Иерусалимское царство. На фоне того, как соглашатели (оракулы) действовали на стороне Рима, обстановка способствовала появлению нового пророка. Более того, из недр ближневосточных обществ, разрушенных рабовладельческим строем Рима, вытекала масса «безработных рабов», пролетариев. Эпоха родила много сект и пророков. Вероятно, Спаситель Иисус был одним из распятых пророков. В сущности многие были обречены на такую смерть. Прозвище "Спаситель" всего лишь является символическим именем. Оно становится наименованием движения бедняков, его символом. Можно назвать это движение также первобытным социалистическим движением. Однозначно то, что изначально оно было движением бедняков и беглых рабов. Последним деянием Иисуса стал завоевательный поход на Иерусалим. Он хотел основать новое царство — царство бедняков, и был своего рода римским Спартаком. Отличие в том, что он не был

воинственным. Вслед за 12 апостолами, в частности, после появления первых Евангелии (идеологического материала) и возникновения первых групп, движение обрело массовый характер.

Очень активную деятельность осуществляли святой Павел и некоторые другие апостолы. Они направились в Рим и Сасанидскую империю. Массовое участие в принятии новой веры продемонстрировали следующие народы в виде двух-трех групп: греки внутренней и западной Анатолии, ассирийцы на востоке, в Сасанидских регионах, армяне в северо-восточной Анатолии. Активную деятельность предпринимала еврейская интеллигенция, в первую очередь, святой Павел. Все это буквально сотрясало устои Рима и Сасанидской империи. Движение стало обретать полностью политический характер. Отделение Византии (Константинополя) в виде Восточного Рима впоследствии привело к принятию христианства в качестве государственной религии. Противоречие заключается в следующем: учение, возникшее в противовес Риму, в итоге становится официальной религией и идеологией большей части Рима. Такое положение вещей и ускоряет раздробление Рима, и, преобразуя империю, фактически продлевает ее существование.

Известна история Восточного и Западного Рима. Ясно, что этот процесс приводит к серьезной полемике и расслоению в среде апологетов христианства. Возникает множество течений. Дискуссии формально теологические (о монофизитстве и диофизитстве), но, в сущности, они носят политический характер. Если одна часть христиан вновь скрывается в катакомбах, то представители другой значительной части становятся наиболее сильными политическими и экономическими партнерами обеих частей Рима. Идеологические маски так и светятся политическими и экономическими красками. Христианство уже выходит за рамки религии и превращается в цивилизацию. Полный переход на рельсы цивилизации, впервые осуществленный в европейской истории под маской религии, стал возможен вследствие теологической и политической акции христианства, суть которой мы вкратце изложили.

Распространившись в X веке н. э. в Северной и Северо-Восточной Европе, христианство действительно успешно завершило свою первую историческую миссию. Позднее, особенно вместе с процессом, называемым капитализацией, начнется новый этап всемирного распространения христианства. Что касается христианства в Анатолии и Месопотамии, то есть христианства греков, армян и ассирийцев, то, будучи принятым изначально на базе Византийской цивилизации, позднее оно консолидировалось вокруг независимых церквей и ступило в цивилизационный процесс с преобладанием духовной стороны. Статус христианских народов в стратегическом смысле определил их судьбы. В частности, превращение в мишень ислама способствовало очень трагическим последствиям.

Повествование о рождении исламской цивилизации начинается на основании схожей традиции. Мекка находится в основном на пути пересечения основных торговых путей Кызылден-Халидж, Йемен, Эфиопия — Дамаск. Образовалась иерархическая аристократическая верхушка арабского племени курейш. Племя курейш занималось торговлей, поклонялось идолам. У них сформировался определенный торговый капитал. Наряду с иудаизмом, зороастризмом и христианством возникло множество различных верований. На том месте, куда прибыл Измаил, сын пророка Авраама от Хаджер (те, кто

уходили из своих родных иудейских племен), вокруг колодца Земзем была построена хижина. Это и было первым святилищем. Но позднее в ней были размещены идола. В период жизни пророка Мухаммеда было три важных идола: Лаат, Менаат и Узза. В аятах сказано про сатану. Пророк Мухаммед рождается в бедной семье бедного племени курейш.

В странах, считающих себя исламскими, остерегаются заниматься социологическими исследованиями ислама в целом и, в частности, личности пророка Мухаммеда. Такое ощущение, что они чего-то боятся. До тех пор, пока религия, являющаяся формой мышления и жизнедеятельности, не станет предметом социологического исследования, настоящего просвещения не будет. Пока это не осуществится, Ближний и Средний Восток так и останется испытательным полигоном для США и союзников. Опять же, наиболее правильный путь наилучшего познания личности пророка Мухаммеда проходит через социологические исследования. Ведь такая позиция не скажется отрицательно на обществе. Европа взяла за основу именно такую социологическую позицию, поэтому ей удалось утвердить Просвещение. До тех пор, пока Ближний и Средний Восток не реализует свое собственное Просвещение, ему не удастся осуществить революцию в мышлении. Анализ личности пророка Мухаммеда может стать одним из первых шагов в этой революции мышления. Время, в котором он жил, его личность и деятельность полностью соответствуют этому (Племя Абдулменаф — Хашими, отец Абдулла). За определенную долю он гнал в Сирию караваны, принадлежавшие занимавшейся торговле женщине по имени Хатидже. Мухаммед испытывал влияние ассирийских жрецов. Господствующую роль в торговле играли евреи. Противоречия существовали изначально.

Брак с Хатиджей изменил ситуацию. Вокруг пошли разговоры о «последнем пророке». У него появилось много учеников, среди них были и женщины. По моим предположениям, пророк Мухаммед многому научился у Хатиджи, ведь ее положение богатой женщины, занимавшейся торговлей, требовало компетентности. Велика вероятность того, что именно она могла быть первой, кто шепнул Мухаммеду на ухо слова о том, что он является пророком. Союз этих двух людей однозначно можно считать поиском власти в зародышевом состоянии. Курейшитская аристократия в силу своих консервативных традиций (идолопоклонничества) категорически была не в состоянии перейти на рельсы государственного строительства. Евреи и христиане не имели на них влияния, и их фактически не признавали. Были и материальные противоречия. Повествование о Хаджер и Исмаиле является типично арабским сказанием, оно вдохновляет. Он признает все существующие вокруг верования и секты. Но понимает, что не одно из них не в состоянии реализоваться, то есть не сможет создать политического единства в рамках Аравийского полуострова. Вдохновленный Хатиджой, Мухаммед становится кандидатом на эту роль. В качестве идеологической составляющей постоянно присутствует арабская ветвь традиции Авраама, а всему остальному нетрудно было научиться у талантливых ассирийских монахов.

Первая весть о том, что Мухаммед является пророком, пришла к нему в 610 г. н. э. Это был наиболее яростный период противостояния между Византией и Сасанидами. Такая ситуация считается шансом для Аравийского полуострова. На пути Мухаммеда находились два препятствия — это курейшитские и еврейские колонии. Статус пророка изначально имел смысл политического лидерства. Иного не могло быть в принципе. Воззвания пророка свойственны политическим деятелям. Это было становлением новой империи на Ближнем и

Среднем Востоке. Жизненно обновленная и актуализированная еврейская идеология открывается перед всеми народами во главе с арабами, по следовательно расширяются существующие узкие рамки. Новый стиль жизни обставляется религиозными ритуалами и, благодаря хорошей стратегии и тактике, распространяется по всему миру. Ислам можно назвать первым содержательным интернациональным движением. По сути, образцовое политическое движение имеющее собственную идеологию, политическую программу, лидерские позиции, стратегию и тактику, начало путь, оставляя след на каждой странице истории.

Очень интересен тот факт, что название «ислам» означает «мир». Вероятно, предвидя очень конфликтный и противоречивый процесс, родоначальники ислама придавали миру очень серьезное значение. Существовали три основные цели, которые следовало достичь: Византия, Сасанидская империя и аристократия курейшитов. Стремление к достижению первой цели и Мекке оборачивается бегством (хиджретом) в 622 г. н. э. В Медине Мухаммед подготовил первый общественный договор. Этот новый договор не нравился только малочисленной родоплеменной аристократии, но подавляющему большинству племён он пришелся по душе. Обещанный рай — это имущество Византии и Сасанидов, ад — это прежний стиль жизни. Жизнь в пустыне в принципе во многом напоминает адские мучения. После отпора первым нападением агрессии курейшитского племени (Беда, Ухид, Хендек) результат обрел определенные черты. Рождение первой арабской республики (демократии) стало вопросом одного мгновения. Имели место активные дискуссии и собрания (мечеть ассоциировалась с обществом). В противоположность общепринятому мнению первые мечети все же были местами не молитв, а проведения собраний и дискуссий.

После смерти Мухаммеда 632 г. предводитель недавно утратившей власть аристократии Муавия с помощью интриг (естественно, что он был мастером своего дела), вновь постепенно взял власть в свои руки. Убийство истинно верующего и принципиального человека, коим был пророк Али, открыло Муавии и его знати дорогу к султанату (монархии). Династия пророком утратило свое политическое значение после трагического убийства пророка Хусейна в Кербеле. Но новая торговая клика арабов не довольствовалась властью только на полуострове, она стремилась к имуществу и богатствам Византии и Сасанидов. Великие завоевания одно за другим увенчивались победами. Огромные потери понесли евреи и христиане Аравийского полуострова. В середине VII века уже полностью завоевана Сасанидская империя, частично — Византия и Северная Африка, и халифат уже стоял у ворот Константинополя.

Этот быстрый завоевательный стиль можно сравнить с материально-культурными последствиями молниеносных походов, осуществлявшихся Александром, вдохновленным духом македонян в соединении с греческой философией. Мужество арабских племен, усиленное духом новой религии, основанной на фундаментальном наследии, обеспечило победы в завоевательных войнах в стиле Александра Македонского. Это сформировало еще одну масштабную ветвь второй волны цивилизации. Был достигнут успех в последнем крупном цивилизационном скачке Востока.

Интересный момент в истории ислама заключается в том, что он оказался в тесном переплетении с властью не через три столетия после своего рождения, как это происходило

в христианстве, и непосредственно с момента своего провозглашения: ислам фактически зародился как политическая власть. Угнетенные, подавленные и беднейшие слои, истинные трудящиеся будут быстро отстранены от власти, и, вооружившись свежим, изголодавшимся духом племен, вокруг райских дворцов и мечетей начнется образование нового мощного государства. Научно-социологическое исследование факта превращения маленького городского торгового клана в империю в течение короткого промежутка времени (640-650 гг. н. э.) может иметь глубоко поучительный характер, и это исследование не должно игнорировать религиозных целей, которые ставили перед собой родоначальники упомянутой империи.

Мое личное мнение таково: историю столь быстрого становления власти могут объяснить многолетний вакуум власти на Аравийском полуострове, социальный хаос (межплеменные распри), устаревшие особенности, свойственные Византийской и Сасанидской империям, личные качества пророка Мухаммеда. Ислам завоевал не только традиционные сферы цивилизации Ближнего и Среднего Востока, но дошел до середины Индии, до Средней Азии, и внутренних районов Кавказа, до юго-восточных окраин Азии (Индонезия, Малайзия), до двух важнейших полуостровов юго-западной и юго-восточной Европы, коими являются Иберийский и Балканский полуострова.

Несмотря на то, что ислам был столь крупным военно-политическим движением, как религия он не раскрывает действительности, а скорее вуалирует истину. Ислам — это символическое название. Такие понятия, как «Аллах и пророк» уже давно были развиты евреями. Думаю, что пророка Мухаммеда сильно рассердили критические высказывания евреев Медины о том, что «украли нашу религию, теперь используете ее против нас». Возвеличивание монарха и его помощников в социологическом смысле корнями может уходить к шумерским и египетским мифам. Но содержание, которым обогатил пророк Мухаммед такое понятие, как «Аллах», сильно отличается от этого. Аллах — это своего рода энергия Вселенной. Но исламские социологи не дали никакого социологического объяснения этой теме. Условия веры — это своего рода теоретические принципы. Молитвы созданы для того, чтобы постоянно поддерживать живую связь с практикой. Большая часть молитв появилась для удовлетворения нравственных и правовых потребностей периода. Торговля и земледелие были рентабельны, и для этого были созданы правовые нормы. Жизненная идеология, оставшаяся от первого рабовладельческого этапа цивилизации, подверглась жестким изменениям. Иноверие стало синоним чужого, подлежащего немедленному уничтожению. Идеологическое большинство признавалось только в отношении последователей Авраамовой традиции.

Ислам более открыт для светского образа жизни, нежели христианство. Объективно это так. Но война против старого стиля жизни чревата очень негативными последствиями. Исторические культуры народов под предлогом религий (вместе с христианством) или уничтожались, или подвергались ассимиляции, например, как зороастризм и маниизм. Ясно, что новая жизнь, привнесенная исламом, способствовала формированию феодальной аристократии. Вместо тандема «бог-царь» появился тандем «бог — его тень султан». В итоге неизбежным стало появление деспотических султанских режимов. Как религия ислам не обладает способностью, необходимой для предотвращения деспотизма. Что касается христианства, то здесь можно сказать даже больше. Оно не только оказалось открытым для

монархии, но сделало институт монашества чуть ли не партнером власти. Обе религии проявили немало усердия для перевода порабощенных слоев населения, поставленных вне государства и цивилизации, в более мягкий статус крепостных крестьян и слуг, что в некотором смысле еще хуже рабства. Обе религии не отрицали рабства как такового. Их особенностью стало стремление еще сильнее защитить и иерархию, и государственную власть. Обе религии поощряли развитие народностей и способствовали этому.

Несмотря на то, что с точки зрения времени и места две религии (включая иудаизм) стали только вторым притоком в основную реку цивилизации, им не удалось решить ни проблемы между господствующими монополистскими кликами, ни проблем свободы и справедливости демократических общественных сил, выдворенных за пределы цивилизации. Напротив, война, имевшая место на второй стадии цивилизации, усугубила проблемы свободы и справедливости.

А. К монополистским структурам власти прибавились новые, но на фоне этого не было качественного подъема эффективности в ремеслах и земледелии. Увеличилось количество сторон, борющихся за излишек продукта. Эмиры (принцы) превратились в таких же монополистов, как султаны (монархи). Увеличилось число династий. В сравнении с прежними этапами теоретически разрослось количество прослоек, претендующих на свой «кусочек в пироге» власти. Как некий средний класс, они воевали до тех пор, пока не получали свою долю. В Европе и России имела место ожесточенная борьба между феодалами-помещиками. Монархи, раздув бюрократический аппарат, расширили число проблем, связанных с доходами.

Б. Те, кто в целях поиска освобождения, свободы и справедливости приняли ту или иную религию, не найдя того, что надеялись найти, постоянно демонстративно оказывали сопротивление и в виде различных сект и течений.

В. В духовной культуре происходило следующее: старая культура, называемая «средневековой тьмой», была полностью уничтожена, но новая культура не развивалась, а вместо этого нескончаемые теологические дискуссии и межконфессиональные стычки довели людей до состояния теней, безвольных, полностью оторванных от мира сего и от истории, которая была принижена до уровня религиозных повествований. Люди, попавшие в плен представлений о рае и аде, оказались не в состоянии осознавать этот мир и были полностью непригодны для жизни. Монопольные клики тем временем возводили для себя райские дворцы и крепости. Городская культура и философия отставали от старого влияния.

Г. Самое ужасающее заключалось в том, что в раннюю эпоху не прекращались экспансивные войны во имя распространения своей власти, которые велись под лозунгом «на небе один бог, на земле один султан». Эти войны были кровопролитными, как войны за завоевание всего мира. В войне во имя Бога пролито больше крови, нежели некогда в битвах между богами. Вслед за первой стадией развивались процессы распространения и колонизации. В сравнении с ранней эпохой конфликты внутри общин стали более постоянными и систематическими. Межконфессиональные распри обрели затяжной характер.

2.3. Положение Европы на заре рождения капитализма

Ни христианство, ни ислам не смогли найти путей урегулирования окончательного кризиса, который последовательно углублялся параллельно процессу распада Римской империи в период рабовладельчества. Развернутая ими система, называемая «феодальной системой» или «средневековой цивилизацией», не имела никаких отличий от рецептов шумерских и египетских жрецов. Более того, своими труднодоступными метафизическими рецептами, при помощи политических программ и практических акций столкнула общество в полосу, называемую «средневековой тьмой». Многие культурные ценности, существовавшие в раннюю эпоху, уничтожались. Кризис Рима еще больше усугублен его наследниками. Все общества в сфере этой цивилизации ожидали своей очереди в виде рая и ада, они были превращены в некие призраки, которые последовательными шагами вливаются в военные ряды, и, казалось, уже выдворены за пределы всего живого на планете.

Что же конкретно мы видим на этой таблице, представленной нами теоретически, в виде основных пунктов?

А. Греки, армяне, ассирийцы, первыми принявшие и осознавшие христианство, по итогам исламских завоеваний потеряли большую часть своих культурно-исторических пространств. Греки стремились сохранить свою идентичность под натиском Рима, армяне и ассирийцы — под натиском Византии и Сасанидов, но, утратив большую часть после завоевательных походов ислама, фактически оказались в самой трагической ситуации. Они потеряли сферы своих материальной и духовной культур, насчитывавших несколько тысячелетий. Больше всего в этот период обрели и значительно расширили свои жизненные пространства тюркские и арабские племена. Курды и персы смогли лишь сохранить имеющееся. В сравнении с этим только русские, благодаря христианству, обрели больше всех. Тюрки, татары, монголы, даже китайцы многое потеряли в сравнении с русскими.

Б. Племена, населявшие Европу, приняв христианство, стабилизировали свои достижения и победы. Если в родоплеменной сфере в силу общей веры имело место частичное развитие, то жреческая аристократия и следом за ней землевладельцы потеряли значительную часть своих владений и накоплений. Превосходящие стороны неолита были поставлены под угрозу ассимиляции. Но то, что в этот период утвердились первые национальные факторы, является исторической истиной.

В. Аборигены Африки, Америки и Австралии не смогли сохранить родную культуру, потеряв на долгое время свою идентичность под напором христианства и частично мусульманства. Индусы остались в стороне. Китай не нашел в себе смелости противопоставить этим религиям собственную экспансию.

Поскольку средневековая цивилизация, по моему выражению, «вторая стадия цивилизации», вместо выхода из кризиса завершилась еще большим его усугублением, позиция Европы обрела некий стратегический характер. Проигрывая борьбу за цивилизацию, Европа проиграла бы все, а побеждая, утвердила бы свое стратегическое превосходство. Война за цивилизацию, несомненно, была войной двух стратегических сил: Средневековья, то есть европейского христианства и приближавшегося к Европе мусульманства. Положение было гораздо более спутанным, нежели это принято считать.

К XV столетию христианство уже закончило процесс распространения по всей Европе, перейдя на уровень священных монархий и княжеств. Священная Римская империя считала, что может развить наследие Рима. Но у нее были противники, возражавшие против этого. Во главе этих противников шла французская монархия. Набирала силу и выдвигала аналогичные претензии также Габсбургская династия в Австрии. Русские цари давно уже (после падения Константинополя) объявили Москву «третьим Римом». Польша, как культура, обретшая себя в лоне христианства, уже не собиралась уступать кому-либо свои передовые позиции. Англия и Франция в это время вели Столетнюю войну. Христиане Испании и Балканского полуострова были вынуждены защищаться. Итальянские города находились на стадии капитализации, с другой же стороны, предводительствовали Ренессансу. Ожидалось, что такой город, как Рим, укрепившись и сохранив свое единство, фактически станет примером для всей Европы. Они по горло увязли в торговой конкуренции, и столкновения между ними имели ожесточенный характер. Единственным вкладом стала главенствующая, на протяжении последних двух столетий, роль в урбанизации Европы расширение торгового капитализма до Европы и подготовка стратегических возможностей. С большой долей вероятности можно сказать, что эта стратегическая возможность станет важнейшим шансом Европы, XVI век это подтвердит. Крестовые походы завершились не так, как этого ожидали. Будущее Европы было неопределенным.

Именно в этот период арабы-мусульмане продолжали осуществлять стратегические атаки через Иберийский регион Испании. Однажды им удалось войти на территорию Франции, откуда они были с трудом вытеснены. Если бы французы уступили арабам этот фронт, вся христианская Европа была бы колонизирована и уничтожена. Через Балканский полуостров османские императоры молниеносно достигли Австро-Венгрии. Они оказались у ворот Польши. Если бы их не остановили, то также как и Рим, Европа тоже потеряла бы свое культурно-политическое существование. И османские турки, и андалузские арабы в Испании знали, что если не одержать окончательной победы над Европой, один за другим они однозначно окажутся в полосе потерь. Золотая Орда, унаследовавшая власть монголов, в любой миг могла напасть на Европу через Северное Причерноморье.

У Европы есть несколько особенностей, имеющих достаточно глубокие корни. Еще были свежи традиции родоплеменной демократии. Народы еще не осознали всей глубины цивилизованной рабовладельческой системы. Они воспринимают христианство в высшей

степени поверхностно. Их сознание в полном смысле еще не было завоевано. В особенности, это имело место на северной линии. Сохранилась сильная связь с естественной природной жизнью. Они находились на самой быстрой, и свежей стадии урбанизации. Поскольку города еще не познали власти царей и императоров, в них преобладали демократические особенности. Во всех городах было полудемократическое управление, и между ними устанавливалась конфедерация. Они не признавали никакого господства, навязанного помимо их воли. Все царства и латифундии возникли недавно и еще свежи. Их способности, связанные с представлением интересов Европы, и представительская практика ограничены. В крестовых походах многие из них просто выпали из строя, как листочки осенью.

В сравнении с христианской цивилизацией исламская оказалась более опытной. За ее спиной стоял мир древней цивилизации. Ислам лучше был знаком с проблемами власти. Высоки была уверенность мусульман в своих силах. Наконец, поскольку свою религию и пророков они представляли сами, они оказались гораздо догматичней. Мусульмане не только не потерпели поражения в первых крестовых войнах, более того, они и по сей день контролируют торговые пути. В торговле мусульмане по настоящее время превосходят всех остальных.

Если смотреть из глубины этих реалий, можно с легкостью обнаружить, что Европа пережила кризис цивилизации во всем его глубине. Постоянно росла угроза, исходящая от ислама, то есть тюрок и арабов. Пал Константинополь, султан Мехмет Завоеватель направил свою армию на юг Италии, в Отранто. Ислам как религия завоеваний, из-за массового изгнания племен стал просто кошмаром для Европы. Христианство оказалось не той цивилизацией, которая могла бы противостоять этому ужасу. Оно постоянно проигрывало и несло потери. Осталась единственная линия противостояния — это Вена. Если бы пала Вена, очень тяжело было бы сдержать ислам и тюрок.

В такой ситуации гораздо больший смысл имело чрезвычайное усердие итальянских городов в их стремлении к торговому капитализму и зарождение Ренессанса. Оба движения, кстати, были для Европы одновременно проблемой жизни и смерти. То, что происходило на Апеннинском полуострове, с этой точки зрения имело судьбоносное значение.

Христианство и ислам, как две антикризисные силы, возникшие на исторической арене с претензиями на освобождение человечества из тьмы, охватившей распадающийся Рим, и просвещения человечества, усугубили кризис в собственных структурах и взаимоотношениях, тем самым способствовали повторному возникновению проблем освобождения и просвещения. Европа должна урегулировать кризис, развитый и усиленный двумя представительскими силами второй стадии цивилизации, или же ей грозит участь Рима, погрязшего в глубинах мутных вод.

Именно здесь стоит вопрос о том, может ли капитализм, рождение которого установлено в XVI столетии, стать средством решения проблемы, возникает со всей актуальностью. Особенности рождения капитализма, может быть, предоставят шанс урегулирования кризисов, порожденных исламом и христианством позднего средневековья (XIV - XV вв. н. э.). Действительно, опыт Голландии и Англии XVI века проливает свет на методы

урегулирования кризисов. Но, исследуя подробно эти особенности, мы постарались обратить внимание на риск того, что кризис третьей стадии цивилизации углубится и распространиться по всему миру гораздо быстрее кризисов двух предыдущих стадий. Существование капитализма в форме войн, политики и экономических монополий является основным фактором кризиса всей истории цивилизации. Это и продукт, и колыбель кризиса одновременно. Кризисы могут быть классифицированы по месту и времени. Но и это не будет решением проблемы. Все, что происходило с XVI века вплоть до кануна XXI века, с лихвой подтверждают мои слова.

Две последующие главы будут называться «Национальное государство» и «Индустриализм». Исследовав эти два средства, которые капитализм впервые в истории использовал как основные пути решения социальных проблем, в итоговой части я постараюсь резюмировать свои мнения и суждения о капитализме как непосредственно кризисном режиме, как цивилизации кризиса.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Современный Левиафан:

Национальное государство

Образ Бога, спустившегося на землю

Если в попытках разобраться в концепции современного капитализма брать за основу экономику, этого будет не только недостаточно, но с методологической точки зрения приведет к определенным искажениям, отдалит от осознания взаимоотношений и сути, приведет к негативным последствиям и суждениям. Определения и рассуждения, которые до настоящего времени мы пытались применить к капитализму, подтвердили тот факт, что эта система способна только навязывать экономике свои условия извне, и не является ничем, как монополистической силой. Следовательно, по сути, поиск следов капитализма в других местах в методологическом смысле может способствовать получению более позитивных результатов. Мы продолжим его поиски именно там, где его хотят спрятать и завуалировать, то есть в государственной сфере.

Все методологические, философские, исторические разработки К. Маркса, искавшего капитализм в экономической сфере, сигнализируют о монополистической сути капитализма, охарактеризовавшего себя как кризисную систему, о положительных последствиях которой говорит Маркс. Властвовать над экономикой отнюдь не означает быть экономикой. Так же ничего общего с экономикой не имеют попытки возведения экономики в рамки определенной структуры. Не будучи политической властью, невозможно использовать такой инструмент, как деньги, в накоплении прибавочной стоимости, играя ценами на рынке. Не разобравшись в политической власти и ее трудном характере со всеми последствиями, невозможно будет очертить концепцию капитала при помощи абстрактного политэкономического анализа, постоянно наполнять его смыслом. Это станет умышленным увязанием в ошибках или допущение этих ошибок с самыми благими намерениями, и, более того, в подобной ситуации легко стать жертвами капиталистической парадигмы.

Я знаю, какими последствиями может обернуться критика Маркса при помощи дешевых и поверхностных тезисов, без содержательного анализа. В частности, догматически-позитивистские подходы тех, кто ошибочно называет себя марксистами, так и останутся на уровне надоедливых рассуждений повторяющихся идеалов до тех пор, пока не будут преодолены сектантские тенденции. Однако теоретически-практический опыт длиною в полтора века сотни раз подтвердил то, что «Капитал» играет роль нового тотема и не оказывает никакого содействия рабочим. Основную причину этого явления я вижу в ошибочном поиске следов капитализма в других, неэкономических сферах, а также в том, что к неэкономическим категориям проявляется такой подход, как будто речь идет о фундаментальных экономических вопросах. Все попытки поставить монополистическую государственную политику во главу угла, несмотря на все неэкономические особенности, я

считаю «просвещенческим» извращением, способным самым серьезным образом затуманить сознание, завуалировать суть капитализма и в политико-идеологическом смысле чревато трагическими последствиями.

Я не считаю себя специалистом по Гегелю и Марксу. Я не особо много читал их произведения. Кроме общеизвестных основных знаний у меня нет других сведений об этих людях. Я в принципе и не считаю это серьезной необходимостью. Но я придаю значение их деятельности и считаю право на собственное мнение задачей, которую должна решить свобода. Может быть, я связываю это с задачами свободы и равноправия именно из-за наибольшего влияния, которое классики оказывают на современное общество. Определив в качестве одного из источников научного социализма немецкую философию, Маркс и Энгельс, по всяком случае, имели в виду Гегеля, который оказал на них наибольшее влияние. Этот вывод можно сделать из их критики.

В идеологическом смысле Гегель является вершиной метафизики и величайшим из современных представителей диалектики. Он был истинно немецким философом. Говоря об этом, я имею в виду то, что он был интеллектуальным «отцом» немецкого национализма. Пытаясь исследовать немецкую буржуазию на отсталом уровне немецкого капитализма, а также статуса буржуазии в немецкой философии, Маркс и Энгельс были на правильном пути. Критика «Философии права» Гегеля в самом начале профессионального пути отражает эту их позицию. Появившиеся вслед за этим «Принципы коммунизма» и «Манифест коммунистической партии» стали практическим шагом на пути утверждения их позиций. Но тот факт, что Французская революция 1848 года не оправдала их надежд, по моему убеждению, способствует одному из серьезных трещин в их теории, и именно в это время формируются признаки сползания в сторону экономизма. Я не обсуждаю то, что главенствующее место они уделяли экономике. Я также не говорю о ненужности исследования экономики. Я критикую исследование Маркса «Капитал» не потому, что оно неверное. Основная причина моей критики марксизма лежит в той плоскости, в которой они критикуют Гегеля, а именно в том, что, почему он отводил главенствующую роль государству и праву. На мой взгляд, Гегель развивает свою мысль с самой нужной точки. Именно оттуда, где должно быть начало. Историческую ошибку совершили именно Маркс и Энгельс, и этой ошибкой стала их тенденция экономизма. Данная тенденция стала основной причиной того, что социализм, насчитывающий полтора века своей истории, то есть борьба за равенство и свободу, следовательно, и за демократию, несмотря на связываемые с ними надежды, не увенчалась успехом.

Говоря о том, что Гегель был прав, я совсем не хочу сказать, что принял теоретическую и практическую линии его философии. Правота в данном случае связана с тем, где должна быть точка отсчета. Я повторяю это для того, чтобы не оказаться неправильно понятым.

Проблема имеет глобальный характер для всей Европы. Это связано с вопросами власти, с которыми сталкивается Европа, ставшая на путь огосударствления. Как будет формироваться образ современного Левиафана? Т. Гоббс и Г. Гроциус определили это как абсолютную необходимость и централизованный характер государства. Все, что они сделали, это теоретизация абсолютизма. Современный абсолютизм как модель государства при переходе из феодальной эпохи в капиталистическую, они считают основным средством

решения проблемы. Но это средство не может в полной мере решить проблему. Проблема государства продолжает существовать во всей своей тяжести. То, что капитализм стал играть главную роль в Голландии и Англии, способствует формированию гегемонии этих государств и сильно повлияло на Францию и Германию, буквально потрясло их. Франция проиграла в борьбе за роль гегемона. Германия все еще не победила в борьбе за идею, называемую «национальным единством». Впрочем, все остальные кандидаты на власть в Европе, ожидавшие своего признания, шли бок о бок с проблемой государства. Монархия и абсолютизм не могут в полной мере решить эту проблему. Пример Франции подтверждает это открыто. Абсолютизм «короля-солнце», величественного Луи XIV, не мог противостоять успешному союзу Голландии и Англии, постоянно росли внутренние проблемы государства. Что же могли сделать остальные? Следовать примеру государственной модели Голландии и Англии не позволяют их материальная и духовная культура и противоречия интересов.

В этой обстановке со всеми ее проблемами буквально стало взрывом явление, называемое Французской революцией, а результатом оказалось то, что дополнительно к проблемам государства появились еще и проблемы революции. Не зря Ленин говорил о государстве и революции. Проблема власти полностью находилась в состоянии кризиса.

Капиталистическая гегемония, развивавшаяся с целью выхода из кризиса феодализма, напротив, углубляла этот кризис, придавая ему глобальный характер. Произошел распад абсолютизма, была провозглашена республика, начинался страшный период террора, после чего проект создания империи и сама империя, будто спущенные с небес на землю, сотрясли всю Европу. Самым неожиданным образом, словом и делом, а если говорить более изысканно, то теорией и войнами, французы буквально поглотили все пространство. Гильотина расставит все по своим местам?!

Гегель дал фантастический комментарий происходящего. Государство в лице Наполеона он охарактеризовал так: «Сошествие Бога на землю». Самого Наполеона Гегель назвал «Богом, ходящим по земле». Эти слова очаровали меня стилем изложения, во многом ставшим полезным для меня. Очень трудно найти другие слова, способные лучше выразить суть и старых, и новых государств. Этой фразой Гегель смог выразить то, что хотели изложить тысячи религиозных и светских книг. Он действительно создал философию. Могу сказать следующее: англичане успешно справляются с экономическими вопросами, французы с социальными, немцы с философскими вопросами. Но я должен отметить, что попытки создания некоего синтеза всех их чреваты серьезными опасностями.

Думаю, что Наполеон, желая разрушить европейский абсолютизм, в 1802 году озвучил модель, которую мы можем назвать «национальное государство». Он хотел глобального огосударствления французов, хотел усилить Францию и поставить на колени всю Европу. Ему это в принципе удалось. Наполеон не был сторонником феодальной цивилизации. Впрочем, он стремился задушить феодализм в революционном вихре. Он стремился создать вторую Римскую империю, хотел быть похожим на Цезаря и Александра Македонского. Но время не благоприятствовало этому. Не было материально-культурной сферы, на базе которой он мог бы стать таким же императором. Англия на глазах у него мастерски реализовывала искусство гегемонии коварной, тонкой и соответствующей «политэкономическому» учению. Наполеон оказался на грани сумасшествия. Он не извлек никаких уроков из ссылки на остров Эльба. Даже если и извлек, то все равно остался тем же

Наполеоном. Это была великая война, но после поражения в Ватерлоо был жалок. Умирая в 1821 г., после пяти лет ссылки на острове Святой Елены в Атлантическом океане он произнес следующие слова: «Франция! Армии! Жозефина!». Это были слова, великолепно и лаконично характеризующие активного ревностного поборника модели национального государства.

Его теорию взяли на вооружение немцы и, от их имени, — Гегель. Формировался величайший массовый идеологический механизм. Неслучайно его называют немецкой идеологией. Практически шаг за шагом создавалось и достигло расцвета государство Пруссия. Англия, желая отбросить назад Францию и Австрию (в первую очередь, императорскую власть), поддерживала Пруссию. Победа в Седане в 1870 году и создание германского союза привели к тому, что Пруссия стала вторым после Англии гегемоном, противостоящим Лондону. Германия, обеспокоенная несправедливым разделом мира, требовала своей доли. Оказавшись побежденной по итогам Первой и Второй мировой войн, она, подобно Франции, утратила свои идеи гегемона.

Уже доказано, насколько глубоким оказался кризис капитализма (не периодический, а постоянный), продолжавшийся со времен Французской революции вплоть до 1945 года. Германским фюрером во время Второй мировой войны был Гитлер. Символом его власти была свастика. Анализ фашизма проводился неоднократно. Изучали все — сначала марксисты, далее либералы, консерваторы и анархисты, но никому не удалось отразить действительного положения вещей. Ни у кого не оказалось достаточно сил для того, чтобы честно и всеобъемлюще отразить все происходящее. Поразительный интеллект евреев, ставших жертвами геноцида, тоже способствовал отвлечению от истины, в сущности, Гитлер оказался, если так можно выразиться, «интеллектуальными нечистотами, блевотиной» их общей политической практики. Говорят, что ворона считает своего птенца чуть ли не изумрудным фениксом. Разве кто-нибудь из них идеологически и практически скажет откровенно, что изрыгал нечистоты?

Считаю очень разумным одно суждение немецкого философа еврейского происхождения Т. Адорно, соответствующее этому по существу. Первое его суждение я уже цитировал. Применительно к современному капитализму он сказал глубокую фразу: «Неправильную жизнь правильно не проживешь». Второе высказывание этого философа относится к лагерям, где осуществлялось уничтожение евреев. Распознав смысл, он говорит: «Во имя всего божественного и священного человек лишен права голоса». Я могу ошибаться, но суть этого высказывания я понял именно так. Речь идет о том, что ни один геноцид не имеет объяснения. Маска слетела с лица нашей цивилизации. Не осталось права голоса. Франкфуртская философская школа буквально идет по следам этой действительности. Но ощущение подавленности, идущее от чувства вины за соучастие в преступлении, признание этого факта глубоко смутило последователей этой школы, выработало в них чувство обиды. Бенжамин и Адорно в значительной степени осознали ответственность, которую несет еврейская идеология и признают это (обиды на все, меланхолии). Евросоюз в его нынешнем положении является образованием, прикрывающим уже упоминавшиеся нечистоты. Я не думаю, что ЕС убрал эти нечистоты. Глубина кризиса остается неизменной.

Третья большая волна глобализации (глобализация финансовой эпохи), распространяя кризис во времени и пространстве, стала практикой осуществления контроля. Официальный распад советской системы в 1991 году продемонстрировал и ее характер и роль в постоянных кризисах. Новая сила-гегемон, оказавшаяся на исторической арене после 1945 года и ставшая победителем и «холодной войне», США, объявили зоной стратегической войны Ближний и Средний Восток, всегда являвшийся регионом продолжительных кризисов системы. Что символически выражала казнь президента Ирака Саддама Хусейна, ставшего своеобразным Луи XVI на Ближнем и Среднем Востоке? Данный вопрос требует тщательного обсуждения.

3.1. Развитие нации, явление Нация

Деление на первобытно-общинное, государственное и демократическое общества связано с проблемами классового расслоения и управления. Что касается дифференциации на национальной почве, то она больше обусловлена такими факторами, как язык, культура, право и политическое развитие. Более правильно было бы говорить не об одном национальном типе, а о различных национальных формах. Можно говорить о нациях, сформировавшихся не на одной, а на различных почвах.

Осмысливая категорию нации, следовало бы постоянно иметь в виду общее социальное явление. У всех обществ, в первую очередь, родоплеменных, существует проблема идентичности. Что я представляю собой как общество или сообщество? Это своего рода вопросы идентичности. Подобно тому, как у каждого человека есть собственное имя и национальность, так и общество должно иметь свое название и идентичность, о чем необходимо говорить открыто. Если есть общественные явления, возникшие из различных качеств, бросающихся в глаза, то естественными являются их идентичность и выразительные средства. В противном случае это окажется равносильно связям между членами одной семьи, где нет ни имен, ни общности, но такое невозможно представить даже в клановом сообществе. Даже когда кто-то кому-то говорит простейшее «иди сюда», и тут не обойтись без имени. Без упоминания специфических особенностей обществ, включающих в себя тысячи дифференцирующих признаков, без их названий невозможны ни упоминание, ни установление отношений, ни создание науки, ни осуществление социальных действий, ни какое-либо развитие попросту невозможны. В такой ситуации сложно представить общество без языка, что трудно встретить даже в фауне, где и животные общаются друг с другом на языке символов. Возможно общество, говорящее на многих языках, состоящее из ряда культур, политических линий, правовых учений. Но во всей этой сети взаимоотношений тоже важнейшим условием является наличие имени и идентичности. Может существовать общество, говорящее на двух языках, включающее в себя две культуры, две политические линии и два правовых учения, но это совершенно не отменяет необходимости имени и идентичности. Данная ситуация требует правильного выбора методов совместного существования полиидентичности и различий. Впрочем, общества не могут образоваться и управляться иначе.

Таким образом, выражение родом или племенем своей идентичности в образе собственных тотемов показывает, насколько глубоко в историю уходит своими корнями эта действительность Тотем в обычном смысле означает собственную идентичность рода. И по сей день это можно наблюдать на примере некоторых кланов и племен.

Выражая себя в храмовой идентичности, шумерское общество отражает связь между именовани­ем и верованиями. Зиккурат — эти сеть мнимых отношений. Самоназвание общества оказалось на более аналитическом уровне. Взгляд на весь комплекс взаимоотношений внутри зиккурата, то есть на идентичность, в значительном степени означает признание этого общества. Даже современные абстрактные, символические имена и фамилии очень содержательны и в значительной степени отражают факт жизнедеятельности общества. Городской храм, городской бог и богиня — это кончики нити, разматывающие клубок вопросов, касающихся концепции и силы, на которые опирается общество. Внимание уделяемое священным местам и по сей день, основано на идентифицирующей ценности, коими они обладают. Они определяют себя таким образом. Это и есть то, что мы называем самосознанием. Идентичность — это явление, находящееся в сфере сознания, выражение наиболее эффективного сознания собственного существования.

В монотеистических религиях идентичность общества — это религия и Бог. В данном случае невозможно представить себе общество без религии и религию без общества. Религия и Бог как следствие этой связи, могут быть охарактеризованы как осознание обществом собственного существования. Характеристика исламского общества в большей степени происходит в рамках его религиозного самосознания. Есть и другие инструменты идентификации, например, половая принадлежность, социальная, родоплеменная идентичность, классовая принадлежность, интеллектуальный уровень. Но все эти признаки в целом несут и себе следы влияния религиозной идентичности.

Сами по себе Афины и Рим — это уже идентичность. Я имею в виду античную эпоху. Афинское и римское гражданство было уделом избранных, не каждый мог его получить. Это признак личностного характера и достоинства города. Греческая и итальянская идентичности пока что носят очень расплывчатый характер.

Идентичность в Средние века развивалась в границах народностей. Религия в этом смысле играла очень важную роль. Например, ислам одновременно является выражением арабского самосознания и величия. Иудаизм синонимичен с еврейством. Христианство стало национальным признаком для армян, ассирийцев и греков, принявших эту веру на самых ранних этапах. Религиозный и этнический факторы взаимно питают друг друга. Еще одной очень важной функцией монотеистических религий является преодоление влияния родоплеменной идентичности. Если даже сознание народности не дошло до уровня национального самосознания и идентичности, в Средние века на Ближнем и Среднем Востоке оно в значительной степени стало социологическим образованием с важной ролью монотеистических религий. Связывая религию с чертами народности, можно назвать ее прото — (ранним) национализмом. В тюркском этносе религия является очень серьезным моментом идентификации. Без ислама тюркский и арабский этносы на Ближнем и Среднем Востоке, вероятно, имели бы очень бледные черты. Эти реалии можно наблюдать на примере хазарских тюрок, исповедовавших иудаизм, и арабов-христиан. Связь с религией играла свою конкретную роль для каждой нации и народности.

Распространение христианства в средневековой Европе в значительной степени тесно переплетено с этническим развитием. В предыдущих родоплеменных сообществах общее этническое сознание было столь же слабым, как в арабских и тюркских племенах.

Христианство выполняло роль объективного фактора этнического сознания того периода. Иными словами, в тех обществах, куда устремлялось христианство, оно не делило будущую паству на французов и немцев. Но, способствуя формированию у германских к французских племен общего религиозного сознания, христианство дало им возможность сделать огромный шаг в этническом развитии в смысле совместной идентичности. Вторым шагом стало Политическое развитие в форме монархий. Появление в родоплеменных структурах отдельных от религии общих монархических образований явилось последним большим шагом на пути к образованию наций. Для Франции это стало типичным явлением.

Можно говорить о рождении нации в комплексе социальных взаимоотношений, возрастающих вместе с развитием рынка. Рождение первых европейских наций происходило именно по этой модели. В таком случае, нация является слиянием таких факторов, как родоплеменное сознание + религиозное сознание + общая политическая власть + социальное явление или взаимоотношения, развивающиеся вокруг рынка. Может быть, разумнее было бы назвать это «национальным обществом». Быть нацией и государством — это отнюдь не одно и то же. Например, падение французской монархии совершенно не влияло на дальнейшее существование французской нации. Полезно было бы говорить о нации в целом, в связи с языком и культурой. Но, вместе с тем утверждение, что только язык и культура определяют нацию может оказаться очень узким подходом. Существует много источников, обеспечивающих существование нации, и позволяющих ей оставаться таковой. В формировании нации большую роль играют такие факторы, как политика, право, революция, искусство, в частности, литература, музыка, экономический рынок. У нации нет прямой связи с экономическими и политическими системами. Они могут только оказывать друг на друга взаимное влияние.

Нация — это в высшей степени двусмысленное понятие. Большое значение имеет внимательный и сбалансированный подход к этому явлению. Современные общества — это в большей степени общества, сформировавшиеся как нация. Даже несмотря на наличие маргинальных групп, не ставших нациями, подавляющее большинство все же составляют нации. Казалось бы, нет личности вне нации. Принадлежность к той или иной нации должна восприниматься как естественное состояние общества. На протяжении истории цивилизаций нация имела большое значение в капиталистической системе только во время кризиса. Точнее, гигантские спекуляции, к которым прибегали от имени нации, подготавливали почву для глубоких трагедий.

Чрезмерное внимание, уделяемое факторам, образующим нацию, всегда становилось началом трагедий. Если прибегнуть к примерам, то можно сказать, что связь между нацией и политикой является важнейшим фактором формирования националистической идеологии. Последней остановкой национальной политики стала фашистская власть. Национализм, спровоцированный экономикой, религией, литературой, нашел свой выход из одной и той же двери. Капиталистическая монополия вместо урегулирования кризисов выбирает для себя наиболее легкий путь, выраженный в следующем: ускорив действие таких факторов, образующих нацию, как политика, экономика, религия, право, искусство, спорт, дипломатия, патриотизм. Таким образом, монополия приводит все в состояние систематической цельности, не оставив ничего за рамками процесса образования наций. Тем самым вне влияния власти не остается ни одно общество. Стало быть, монополия просчитывает

наиболее сильную власть (с точки зрения всех наций). Последствия этого процесса оказались устрашающими. Залив Европу реками крови и, способствуя развязыванию войн в масштабе всего мира, он привел к невиданным в истории последствиям. Это нельзя назвать превращением общества в нацию, скорее, превращением этого процесса в религию — это и есть религия национализма. В социологическом смысле национализм является религией. Данную тему я рассмотрю более подробно в соответствующем разделе.

Даже религии, зная об опасности, исходящей от этницизма, демонстрировали предельно последовательную и интернациональную идею коммуны. В этом смысле цивилизация пережила самый чудовищный период своей истории именно в эпоху капитализма.

Наиболее эффективной моделью для всех наций является демократическая нация. Надо с особой значимостью подчеркнуть, что демократичное общество является наиболее конструктивным типом общества, способствующим прогрессу. Нации могут формироваться и развиваться в самой лучшей демократической общественной системе. Они должны не становиться орудием споров и войн, а солидаризоваться в культурном богатстве, даже, более того, способны осуществить такую историческую эволюцию, которая сделает демократическую нацию нацией всех наций — высшей нацией. Только в демократической системе нации смогут перестать быть причинами конфликтов и стать факторами мира и братства, солидарности и культурного богатства. Эту тему, в силу ее важности, я надеюсь в свое время рассмотреть более подробно.

Конструктивным путем освобождения от проблем, связанных с нацией, является позиция, которая не отрицает факта существования нации, не доходит до чрезмерной национализации образующих ее факторов, не принижает нацию до уровня ее факторов, в частности, не политизирует и не превращает нацию в орудие крайне националистической власти. Напротив, необходимо развивать демократическое национальное сознание и практику.

3.2. Определение государства

Государство — понятие, которое чаще всего использовалось в истории и используется сейчас. В то же время это понятие, оставшееся в глубочайшей тьме, менее всего определенное и охарактеризованное. В отношении того, что же такое есть государство, имеет место поразительное невежество. Для анализа современности, равнозначного анализу истории, а также для выхода общества из состояния кризиса, в качестве фундаментальной задачи имеет большое значение правильное истолкование и определение государства. Эта задача продолжает оставаться актуальной и сегодня. Хуже всего то, что ни круги, считающие себя действующими в структуре государства, ни те, кто остался за его пределами (если таковые есть), толком не знают и не понимают характера того механизма, частью которого являются. Не верно определяется характер государства (в частности, трагедия социалистического лагеря). Эта ситуация напоминает не только диалог слепых и глухих, но и всеобщий хаос, возникший после столпотворения в Вавилоне, где, по преданию, заговорили на семидесяти двух языках. Государство воспринимается как сфера решения большинства проблем, а присутствие в его структуре — тождественным освобождению от всех проблем. Еще один шаг в сторону государства, и тогда наступит состояние восприятия государства в образе бога-государства.

Глубокий социологический анализ свидетельствует о том, что на протяжении всей истории цивилизации божественный фактор и образование государства развивались в тесной взаимосвязи. Вклад жрецов в становление государства является основной причиной такого тесного взаимосвязанного развития институтов государства и религии. Очевидно, что, создавая государство, в частности, в образе шумерского храма-зиккурага, использовали идеологическую маску политического лидера пантеона богов, идеологический фактор. Следующим после жреца-царя является формирование образа бога-царя. Вплоть до эпохи Римской империи использовалось зародившееся в шумерских зиккуратах понятие бога-царя или императора. Переместив данное понятие на бога-пророка или бога-посланника, религии Авраама хотели придать образу человеческие фигуры. Это им удалось с успехом.

Очень интересная ситуация заключается в отделении божественного от человеческого, имевшем место в древнегреческой мифологии (что является третьей версией мифологии, унаследованной от шумеров). Пантеон, созданный Гесиодом в соответствии с уровнем собственного понимания, ни в коем случае не мог быть связан с людьми — это было бы стыдно. Взаимоотношениям между богом и богиней настойчиво придается некий кастовый характер. Брахманская каста индусов, являющаяся бледной копией бога-царя, тем не менее, выглядит более жесткой. Они крайне тяжело воспринимают очеловечивание бога,

формирование вокруг него каких-либо отношений. Если перевести но на язык науки, то получится, что на идеологическом уровне (в мифологии и религиях — слабо, в философии — частично) они категорически не допускают того, что государство могло быть делом рук человеческих, стараясь сохранить в рамках глубочайшей веры многослойную завуалированность государства и его божественную суть. Такие характеристики, как величие государства, его священный характер, средство освобождения и прочее, своими корнями действительно уходят в мировоззрение шумерских жрецов, ставших первыми строителями государственности. Государство было создано в чреве храма, который я пытался ранее охарактеризовать.

Идея Гегеля, назвавшего тандем «нация-государство», начало которому было положено Наполеоном, «сошествием Бога на землю», а самого Наполеона от отождествившего с «Богом ходящим по земле», является в высшей степени поучительным в свете вышеприведенных пояснений. Национальное государство является самой последней формой тандема «бог-государство». Вместе с тем, это — наиболее опасная форма государства.

Социологический научный метод только пытается охарактеризовать этот клубок взаимоотношений (государство). Я считаю своей основной задачей обсудить и поделиться мнениями по этому вопросу, над которым я серьезно работал на протяжении длительного периода. Надеюсь, это прольет свет на многие вопросы. Характеристика государства в сочетании с властью может стать хорошим началом. Все формы власти, облаченные в закон, можно назвать государством. Власть, заключенная в границы, сконцентрированная в комплексе структур с установленными правилами, хорошо характеризует государство с правовой точки зрения. Но этого недостаточно. Это представляет более законченный взгляд, поскольку, раскрывая суть, объединяет ее с формой, в комплексе рассматривает содержание и форму. Объединив этот взгляд с общественно-историческим развитием, можно дать содержательное определение государства, имеющее серьезное пояснительное и смысловое значение.

Мне известно много определений государства. Нет никакого смысла повторять те клише, которые на протяжении многих лет вызубривались как в лагере либералов, так и в лагере социалистов. Прежде всего, надо установить, чем не является государство:

а) Оно не может ни примерить, ни удержать в сбалансированном состоянии равновесия классовые противоречия. Характер государства как инструмента классового угнетения, считающийся его преобладающей стороной, также не особенно способствует его развитию.

б) Государство совершенно не способствует урегулированию хаотической ситуации. Оно далеко от укрепления безопасности, выражения реальных идеалов системы;

в) Государство совершенно не является сферой решения проблем и достижения целей. Напротив, оно становится платформой, доводящей конфликтные ситуации до состояния гангрены на теле общества;

г) Связь государства с религией и святостью сводится лишь к мифологии и имеет идеологический характер;

д) Государство не выражает ничего в плане формирования и управления нацией, религией, культурой.

Каждый из этих примеров, череду которых можно продолжить, преимущественно является пропагандой. Государство стремится к упомянутым ситуациям. Но история показывает, что государство не сыграло никакой иной роли, кроме превращения жизни в кровавую бойню, ассимиляции, создания ленивого общества, превращения человека в глупую жертву спекулятивного мышления. Я не отрицаю роли государства в управлении обществом. Не думаю, что осмысленной и применимой является позиция анархистов, полностью отрицающих государство. Как и в случае с социалистами, история показала неудачный характер практики анархистов, длившейся полтора века. Многие правильные вещи, о которых говорят анархисты, тем не менее, не могут устранить серьезной ошибки, таящейся в их генеральной линии. Позиция либералов, говорящих «минимум государства», в каком-то смысле кажется осмысленной. Они поняли, что государство является навязанной обществу системой экономических монополий, но ревностная защита либералами тезиса о том, что капитализм является наиболее эффективной экономикой, покрывает грязью все их характеристики государства и делает их самыми большими лжецами.

Более реалистичным было бы в узком смысле слова назвать государство «экономической монополией, построенной на прибавочном продукте — стоимости». Для того, чтобы увести прибавочный продукт — стоимость из общества, государство применяет все, от идеологических средств до силовых инструментов, стремясь утвердиться в качестве надстройки над обществом, и, тем самым, организовать в форме монополии. Если смотреть на проблему сквозь призму узкого просвета данного определения, можно констатировать, что государство является искусством управления, координирующим политику, государственную политику, и, в конечном счете, реализацию прибавочного продукта и стоимости. Если привязать характеристику государства к грубой формулировке, то получится, что ГОСУДАРСТВО = ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ — СТОИМОСТЬ + ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА + СИЛОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ + ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ. Если же оценить роль и место государства в ракурсе всего исторического пути, то, говоря «государство», можно увидеть действие всех этих факторов. За пределами данных элементов и факторов невозможно охарактеризовать государство ни как единое целое, ни как отдельные средства, более того, это поможет раскрутить клубок взаимоотношений под названием «государство».

1. Определение «государство есть аннексия прибавочного продукта» верно, но недостаточно.

2. Идеологическая характеристика государства как некоей религиозной святости или тени бога, спустившейся на землю, конкретизировавшегося образа бога, не даст никаких результатов, кроме маскировки для различного рода насилия.

3. Характеристика государства как инструмента насилия является нравственным суждением с очень слабой научной базой, поскольку исключает все остальные элементы.

4. Мнения, согласно которым государство является искусством управления, администрированием, по меньшей мере, так же, как и нравственные суждения, таят в себе иную серьезную опасность, так как игнорируют другие элементы, которые нельзя не упоминать.

Несомненно, все указанные элементы играют незаменимую роль в жизнедеятельности государства, но сами по себе не могут считаться государством. Поскольку большинство приведенных определений выдвигает каждый конкретный элемент, требуя различий, они способствуют недостаточным оценкам.

Государство в ракурсе всей истории можно классифицировать в виде разнообразных разделений:

А. С точки зрения социальных классов, лишенных своего прибавочного продукта и стоимости, существуют такие типы государства:

1. Рабовладельческое государство — это форма государства, в котором человек за хлеб насущный не только своим трудом, но всем своим существованием принадлежит государству и отдельным господам, находящимся в структуре государства. Это — главная форма эксплуатации древней цивилизации. Рабы в этой формации являются основным средством производства.

2. Феодальное государство — это ограниченно смягченная форма рабовладения. Отличие крепостного крестьянина от бывших рабов заключается в том, что крепостной имеет право создать семью. Несмотря на то, что крепостной крестьянин привязан к условиям, практическая реализация которых крайне затруднена, данная формация имела место в средневековой цивилизации, поскольку давала больше возможностей для создания прибавочного продукта и стоимости.

3. Капиталистическое государство — это форма государства, берущая за основу социальный класс, продающий свой труд как товар на рынке труда. Гораздо правильнее было бы говорить не о форме, а о разделении или структуре. Это государство эпохи капиталистической цивилизации.

Б. Еще один из стилей разделения — это то, что делается в отношении этнического существования правящих слоев:

1. Государство жрецов получило свое наименование по той причине, что несет на себе отпечатки деятельности группы жрецов, ставших первыми строителями государства. Такие понятия, как «храм», «священное государство» или «бог-государство», относятся именно к этой категории.

2. Династическое государство. Определяется по династии, находящейся у власти. Можно также назвать потомственным государством. Это правящий стиль государства, который

имел распространенное влияние во все периоды цивилизации, даже в современных государствах. Речь идет о государстве, основная правящая группа которой сформирована на базе семьи или династии.

3. Родоплеменное государство — это форма государства, находящегося под влиянием одного племени или рода. В частности, такой тип государства дал о себе знать в эпоху Средневековья, когда было сильно развито родоплеменное сознание. Состояние государства в христианстве, исламе, иудаизме, в Индии, Китае и многих других родоплеменных структурах позволяет дать такое определение государства. Религия в данном случае играет роль в образовании народности.

4. Народное государство — это форма государства, охватывающего общества, ставшие на путь консолидации в нации. Это форма государства новой эпохи (в узком смысле капиталистической эпохи). Она получает свою роль в управлении не только в капиталистическую эпоху, но и в эпоху демократии, точнее, добиваясь согласия с ней (государство + демократия). Когда оба института действуют вместе, то есть когда действует режим государство + демократия, эту ситуацию можно назвать народным государством. Оно отличается от модели национального государства, поскольку в рамках одного народного государства могут сосуществовать многие нации.

5. Национальное государство. Эта модель государства, в рамках которой существует только одна нация, все представители которой на базе религии, называемой национализмом, олицетворяют себя с государством. Нация и государство в этой модели едва ли не сливаются воедино. Это основная форма государства в условиях капиталистической цивилизации. Невозможно отделить ее от формы государства, называемой фашистской, поскольку последняя является разновидностью модели национального государства, возникающей в условиях контрреволюции или постоянных кризисов в рамках капитализма.

В. Этот стиль разделения может быть реализован по принципу выборности или назначения, перехода власти от отца к сыну или путем силового захвата власти.

1. Монархическое государство. Это государство, символизируемое одной правящей персоной. В данном случае имеет место слияние государства и правителя. Эта персона может быть монархом, точнее, королем или императором. К престолу монарха можно прийти или путем перехода власти от отца к сыну, или путем его силового захвата. Это существовало на всех стадиях цивилизации. Оно отражает слабость государственной структуризации.

2. Республика. Это форма прихода к власти основной группы управляющих путем выборов. Во власть может быть избран один человек, или тысяча людей, особой разницы ощущаться не будет. Если и будет ощущаться какая-либо разница, она не изменит сути. Порой смешивают республику и демократию. Это очень грубая ошибка. Республика — это форма государства. Выборы проводятся для управления очень сильными государственными структурами. Выборы для демократии, как власти народа, не проводятся. Демократия — это совершенно другая система. Это форма управления, не соответствующая государственному стилю. Естественно, у демократии тоже есть собственные структуры, и для управления ими

проводятся выборы, но демократия и государство по своей сути отличаются друг от друга. Все интеллектуалы-просветители, включая марксистов, полностью запутались в этой ситуации. Даже Ленин запутался в этой ситуации. Факт в том, что между демократией и официальными цивилизациями, составляющими ядро государственной власти, есть серьезные качественные отличия.

Таким образом, не следует путать демократическое управление с государственным (независимо от того, выборное ли государственное управление, или нет), и это имеет большое значение. Что касается государства, то это, в основном, традиция управления - структурное управление, уходящее корнями в глубину тысячелетий. Функция выборов в управлении имеет крайне ограниченный характер. Что касается выборов, то они, прежде всего, обеспечивают желаемое превосходство друг перед другом. Превосходство **МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ КЛИК ВНУТРИ ОДНОГО ГОСУДАРСТВА** (земледельческая, торговая, индустриальная или финансовая монополистические клики) в зависимости от своих силовых позиций. Избирается более сильная клика. Иными словами, речи не может быть о демократии или победе демократии.

Ни в какой демократии нет такой ситуации, когда человека назначают на пост только путем выборов. В демократических структурах могут участвовать в управлении даже те, кто не победил на выборах. Но основное условие заключается в том, что путем выборов демократическому обществу предоставляется шанс реализовать, с краткими перерывами, свое управление на почве различных форм прогресса и плодотворности, созидательности, закона, свободы и равенства.

Г. Еще одна форма разделения осуществляется в отношении групп, которые отнимают прибавочную стоимость:

1. Сельскохозяйственное государство: на заре своего рождения государство как таковое организовано как руководство процессом аннексии прибавочного земледельческого продукта, поэтому именно такая характеристика данного типа государства может иметь наиболее пояснительный характер. Можно говорить об аграрном государстве, на протяжении истории, функционирующем в пропорциональном отношении с мощностью аграрной клики, существующей в структуре многих государств.

2. Торговое государство (меркантилистское государство) Это форма государства, руками торговых организаций уводящая прибавочную стоимость и прибавочный продукт. Например, историческими примерами такого типа государства являются Ассирия и Финикия. И в наше время существуют государства, в структуре которых функционируют очень сильные клики торговцев.

3. Финансовое государство. Это форма государства, основанная на силе денег. В качестве примера можно привести Швейцарию. Но гораздо важнее то, что сегодня можно говорить о серьезном усилении финансовых клик и монополий в структуре всех государств, более того, об определенном влиянии на власть, поскольку последней, глобальной стадией капитализма является эпоха финансового капитализма.

4. Индустриальное государство. Существует множество государств, которых называют индустриальными, поскольку они по причине индустриальной формы производства играют господствующую роль в экономике, благодаря индустриальной революции. В XIX веке главным идеалом было становление в форме индустриального государства. Индустриализация была тождественна обогащению. Целью всех созданных государств являлась индустриализация. Тем самым наиболее сильная государственная клика формировалась на базе промышленников. Основными монополистическими кликами, укоренившимися в структуре государства, были крупные торговцы в XVIII веке (меркантилизм), промышленники — в XIX веке (индустриализм) и финансисты — с XX века по наши дни. В основном они и управляют клубком взаимоотношений, который называется государством.

Д. Еще одной, более интересной формой разделения является форма фальшивой государственности, которая возникает в качестве идеологического механизма, прикрывающего монополию капиталистического государства. Было бы полезно рассмотреть так называемые модели этого государства, которые довели данное понятие до неузнаваемого состояния и состоят из идеологических образований, потому что повседневная жизнь находится во власти этих понятий.

1. *Либеральное государство.* Это так называемое идеологическое понятие политэкономистов. В переводе это название означает «свободное государство», но в реальности между свободой и государством существует не модель взаимного перекрывания, а противоречие. Государство по своей сути является ограничением свобод. На протяжении всей истории одной из крупнейших проблем была защита свободы личности и групп от государства; эта борьба была наиболее важной в ряду всех политических и правовых войн. В частности, можно сказать, что этот тип государства меньше всего вмешивается в экономику, хотя сам факт существования государства возможен только в рамках экономической монополии. Следовательно, разговоры о государстве, которое «меньше всего вмешивается в экономику», — это просто чушь, противоречащая сущности такого понятия, как государство. Не исключено, что при помощи таких представлений хотят расширить возможности и увеличить долю монополий, царящих в капиталистической экономике.

2. *Социалистическое государство.* В частности, это понятие очень часто используемое в социалистическом лагере, — такая же чушь, как и понятие «либеральное государство». Истинный социализм не имеет никакого отношения к государству. Государство находится в состоянии противостояния с социализмом, по меньшей мере, так же, как и с демократией. Смешивание государства, исторически являющегося совокупностью крупных экономических монополистических кликов, с социализмом — системой равенства, оказалось самым большим грехом оппортунизма. Социалистическое государство, в некоторых случаях ставшее современным аналогом явления, охарактеризованного как «социализм фараонов» обнаруживает тесную связь с протофашизмом, поскольку иногда является наиболее открытой государственной формой капитализма, аналогом мононационального государства (фашизма). Модель национального государства отражает истинный характер и либерализма, и реального социализма (государственного социализма), поэтому большое значение имеет оценка его связи с фашизмом (в форме авторитаризма и тоталитаризма).

Достаточно полезно было бы охарактеризовать либеральное и социалистическое государства, находящиеся на пути к фашизму, как прото-фашизм.

Сторонникам социализма следовало бы очень хорошо знать о том, что если строительство социализма руками государства, являющегося фундаментальной структурой аннексии прибавочного продукта и прибавочной стоимости в рамках не только четырехсотлетней капиталистической традиции, но и пятитысячелетней традиции цивилизации, и защита такого типа государства осуществляется умышленно, то это фашизм, если же социализм неумышленно становится орудием такого преступления, то это предательство по неосведомленности. Эти вопросы я надеюсь детально раскрыть в рамках «Социологии Свободы».

3. *Фашистское государство* — это понятие, лишенное какого-либо серьезного смысла. По своей национал-государственной сути это тождественно с фашизмом. Характеристика фашизма как некой вакцины, при помощи которой извне, безучастия капитализма, заражается система, — это самое большое несчастье интеллектуалов, называющих себя либералами и социалистами. Капитализм, как цивилизация и государство, является систематическим выражением стремления постоянно держать на короткой привязи такие механизмы, как мононациональное государство и, следовательно, фашистские режимы. Фашизм — это правило, а исключением из него является то, что он вынужден идти на соглашение с демократической структурой!

4. *Демократическое государство*. Мы неоднократно говорили о том, почему государство не может быть демократическим. Государство не может иметь демократичный характер потому, что между государством и демократией, по сути, имеется огромная разница в мышлении, структуре общества и стиле функционирования. Однако, в качестве основательного фактора можно указать то, что на протяжении всей истории, а большей частью в наши дни, в силу своего постоянно углубляющегося кризисного характера капиталистическая цивилизация вынуждена искать пути соглашения с демократической цивилизацией. Иными словами, государство не может управлять обществом самостоятельно. Оно оказалось в таком состоянии, когда вынуждено идти на управление совместно с демократическими силами. Таким образом, соглашения возможны. И они подтверждаются множеством исторических примеров. Если государство (независимо от своей формы) ищет сближения с демократическими принципами и структурами и строит сотрудничество, то в плане открытости для демократических преобразований такой термин, как «демократическое государство», может иметь определенный смысл. На мой взгляд, наиболее верное определение — это «государство + демократия». Ранее я подчеркивал, что наиболее актуальной (неотложной) функцией политической философии является ее базирование на государственных формах, поскольку современными обществами уже невозможно управлять при помощи логики классических государств. Именно по этой причине приведены в движение организации гражданского общества. Но этого попросту недостаточно. В существующем состоянии не представляется возможным заполнение административного вакуума и распределение всех функций при помощи этих организаций.

Единственным путем выхода из данной ситуации мне кажется соглашение между более радикально организованными структурами демократического общества с государственными

структурами, чьей деятельности придан импульс эффективного функционирования. Существующие практики показали несостоятельность утверждений на данном историческом этапе (продолжительность которого никто не может предположить) о возможности самостоятельного существования капиталистической или демократической цивилизации, или социалистической системы, более того, такие утверждения чреватые катастрофическими и трагическими последствиями. Социум становится обществом потерянных людей. Продлеваются боль, кровопролитие и эксплуатация. (Эти вопросы будут широко раскрыты в «Социологии Свободы»).

Есть некоторые другие понятия. Например, в первую очередь это понятие «правовое государство». Поскольку государство как экономическая монополия существует благодаря экспроприации прибавочного продукта, по своей сути оно не может быть справедливым или правовым. Но оно носит такое название по тому, что оно требует от своих граждан следования созданным им правилам, справедливым и заранее установленным законам. Несомненно, такое возможно в сравнении с деспотическими государственными режимами, где ежедневно создаются новые законы, или падишахскими монархиями, где каждое слово монарха — это уже приказ. Однако, в сущности, такого понятия, как «правовое государство», просто не может быть. Точно также не имеет большого смысла и такое понятие, как теократическое государство. В силу того, что государство как таковое было создано жрецами, на протяжении всей истории оно преподносилось обществу в священных одеяниях. Такие идеологические механизмы государства, как религия, мифология, философия и даже «научность», скорее, относятся к категории пропаганды. Светское государство подразумевалось как антипод религиозного государства, но по смыслу они аналогичны. Слова о светском или религиозном, теократическом государстве (созданные в идеологических целях) имеют не более чем пропагандистский характер.

В итоге можно констатировать, что государство, как стержень цивилизации и истории цивилизации дошло до наших дней с помощью постоянного расширения сфер своего влияния. Путем постоянных стыковок с бесчисленными формациями государство тщательно камуфлирует свою деятельность. Впервые в рамках капиталистической цивилизации появилась возможность, несмотря на всевозможные идеологические искажения, дать определение государства в ракурсе его реальной деятельности. Это определение стало наиболее осмысленным завоеванием в борьбе против капитализма, являющейся результатом гигантских интеллектуальных и практических усилий. Горячей точкой остается упрочнение процесса развития и успехов демократической цивилизации в свете этого определения посредством обогащения его осмысленного содержания и соответствующих формаций (то есть как в организационной, так и практической сферах).

3.3. Идеология капиталистической цивилизации (модернизм) и ее превращение в религию

Цивилизация формируется на основе длительного строительства идеологии. Вопросы типа «Что важнее, материальная или идеологическая культура?» ни к чему, кроме путаницы не приводят. Все станет гораздо яснее, если приведу пример, имеющий глобальное значение в физическом мире. Долгое время оживленные споры вызывал вопрос о том, что важнее, частица или волна. В результате пришли к общепринятому выводу о том, что дилемма «волна-частица», лежащая в основе Вселенной, развивается в рамках фундаментального диалектического формирования (не разрушающей, а развивающей диалектики). Дилемма «материальная культура — идеологическая культура играет сходную роль, хотя и в другом характерном ракурсе. Данные факторы не противоречат один другому, а подпитывают друг друга. Взаимно преобразуясь, эти факторы рождаются заново. Подобно тому, как волна, зарождающаяся благодаря любой частице или материи, формируется в фактор духовной культуры, так и волна, и факторы духовной культуры формируют частицы материального фактора. В системе цивилизации имеет место общее искажение аналитического ума, и причина того — системы, построенные ради собственной выгоды. Выстраивая такие дилеммы, как неизменные правила, абсолютные законы, которые должны всеми исполняться, приоритетность богов, священный характер государства, его вечность, великолепие идеалов, временный характер явлений, неизменная суть, изменчивость формы, они хотят утвердить и систематизировать свои интересы. Это подход, противоречащий диалектике образования Вселенной.

Споры о базисе и надстройке общества тесно связаны с этими искажениями в строительстве цивилизации. Гегель начинает строить свою систему преимущественно с надстройки, то есть с государства и права. Точно так же, как всемирная система начинается с абсолютного разума (Духа). Что касается Маркса, он уделяет преимущественную роль производительным силам и производственным отношениям, называемым «базисом». Как бы он ни говорил о

том, что поставил все с головы на ноги, но, по сути, разделяет логику Гегеля. Что же это такое? Один говорит о том, что основным является этот элемент, другой — важнее иной элемент или тот, который определен. Все это означает попадание в ловушки грубой логики субъектно-объектной дифференциации. Как бы они не утверждали о противоположном, речь идет о продолжающемся мышлении старых цивилизаций. Именно в этой логике кроется неудача, постигшая теорию социализма Маркса. Его определение экономики очень запутанно, и он строит свое учение на основе всех смысловых средств классического цивилизации. Какие бы героические действия ни совершались, какие бы правильные слова ни произносились, итог оказывается отнюдь не таким, как толковались реалии.

Возникая, капиталистическая цивилизация (современность), превосходящая шумерских жрецов, мастерски осуществляет деятельность по идеологическому строительству, приводя все в систематическое состояние — можно даже сказать, что в стиле государства, прежде всего, вооружившись идеологией, пройдет долгий путь. Ни одна цивилизация не была создана единственным творцом, но сама цивилизация пытается изобразить все именно таким образом. Этот тезис очень важен. Достаточно обратиться даже к пророку Мухаммеду. Содержание первых и последних аятов Корана очень отличается друг от друга. Имеет место постоянное развитие образа Бога. Сначала пророк говорил о Боге, дающем ему священную книгу и буквально велящем: «Читай». Затем пророк Мухаммед начинает развивать систему. По частицам он создает систему аятов, точнее — создает основу этой системы. Позднее был сформирован мощный, как скала, свод идеологических правил. Строительство системы стало делом столетий.

Мы не сможем разобраться в средствах мышления современного капитализма до тех пор, пока не познаем все стороны его систематики. Современный капитализм не сам создан все свои понятия, версии и практическую линию; он просто переложил их на почву тысячелетнего наследия, при помощи которого его «дом» обрел новую архитектурную систему и содержание. С перва, современный капитализм завершает путем строительства идеологии образ собственного класса, затем один или несколько государственных классов, построенных подобно ему. Он завершает свое строительство во всех сферах, от моды до философии, от контроля производства до потребления и контроля политики. Позднее современный капитализм делает это в масштабе континента и далее уже в мировом масштабе. Если прибегнуть к перечислению, то получится следующее:

1. Создатели этой идеологии во главе с Р. Декартом и Ф. Бэконом строили новые логические принципы и утопии, необходимость в которых продиктована образованиями, давшими о себе знать в XVI столетии. Несмотря на то, что это выглядит очень просто, но, актуализируя дилемму «дух-тело», можно увидеть, как субъектно-объектная дилемма, цепная реакция и позднее сформулированные мысли обостряются вплоть до господства «капитализма, буржуазии». Не только происходит отрыв от феодальной логики, но для возникновения нового класса и стимулировании его всевозможных акций создается новая логика. Более того, что особенно важно, в соответствии с интересами новых и старых классов, которыми он должен управлять, преимущество достигается при помощи этих идеологических созданий. Это старая игра, но в нее играют в предельно обновленной форме. Классом новых жрецов стали философы и ученые. Из идеологической коробки феодализма, даже рабовладельческой формации постоянно вытаскиваются новые понятия и

теории. В зависимости от ситуации они или латаются, или создается совершенно новая модель (но принципы те же).

Если идти по следам рассуждений Декарта, то увидим, что невозможно не распознать поразительные элементы идеологического строительства. Декарт сначала во всем сомневается. Расшифровка его шифра показывает, что он хочет сказать следующее: феодальный класс вынужден раскрыть свой идеологический панцирь, следовательно, свою власть. Он не мог высказаться откровенно, ведь иначе ему угрожала инквизиция. Значит, он вынужден строить свою философию на крайне абстрактном уровне. Позднее он сказал: «Я мыслю, следовательно, я существую». Тем самым дается знак о готовности идеологической почвы и грядущем последовательном действии всех элементов. Фактически он говорит всем: «Сомневайтесь во всем, лишь глубокая мысль подтвердить ваше существование». Не очень трудно расшифровать его именно таким образом. Стиль жизни, выдвигаемый феодальной формацией, не имеет никаких ценностей. Новую жизнь вы можете построить силой своей мысли. Говоря о Боге и иных мирах, при помощи дилеммы «дух-тело» напоминая о значении этого мира, он считает, что после того, как бог сделал первый толчок, Вселенная перешла в постоянное, самостоятельное движение. Если расшифровать это высказывание, увидим что, на важность создателей старой цивилизации, существует новая цивилизация, которая может самостоятельно создать новую цивилизацию. Если же говорить на «классовом» языке, то можно сказать, что рождается новый класс, способный мыслить и построить собственный мир на базе собственных законов движения и деятельности.

Попробовав дать краткий анализ суждений Ф. Бэкона, увидим, что основным в его логике является опыт. Все, что подтверждается опытным путем, обобщается. Он считает, что мысль, не подтвержденная опытом, не достойна стать наукой. Можно расшифровать и его тайнопись: все изучается на практике, в действии; не доверяйте устаревшим глупостям, наука это сила; наш опыт и все то, чего вы достигаете своими действиями, мысли, до которых вы вынуждены доходить, только могут сделать вас сильными. Поддается расшифровке и классовый шифр. Новым силам, формирующимся на базе прибавочной стоимости с помощью его капиталистических монополистических методов, он хочет сказать следующее: «Лично испытывайте все в направлении собственных достижений, а не в рамках старого догматического мышления, расширяйте и обобщайте результаты; вы обретете силу при помощи знаний и постройте свой дом и свой мир».

Безусловно, неправильно считать передовой силой капиталистического монополизма армию ученых и философов, постоянно расширяющую свои ряды с XVI века по настоящее время. Более того, известно, что количественно и качественно большинство из тех, кто участвовал в трех исторических движениях (Ренессанс, Реформация и Просвещение), обладали свободолюбивым мышлением и были моралистами, и в день, когда родились последствия в форме капитализма, они испытывали ненависть к системе, правящей клике и стилю жизни. Не может быть сомнений и в том, что вспыхнувшая в Европе революция в мышлении является ценностью, принадлежащей всему мировому человечеству. Большинство вождей этой революции - гуманисты. Они были очень далеки от религии и национализма. Что касается научной и философской деятельности, то это само по себе является революцией. Если это все и будет принадлежать какой-либо социальной прослойке, то, несомненно, что вышеупомянутые люди окажутся на стороне тех, кто более всего нуждается в свободе,

равенстве, демократии, а не с теми, кто находился бок о бок с ценностями классической цивилизации.

Мы испытываем благодарность им, когда пишем эти строки. Проблема не в этом. Подобно тому, как прибавочный продукт, отнятый у его истинных владельцев, был использован в строительстве нового социального класса в качестве правящей силы, таким же образом аннексируются интеллектуальный прибавочный продукт и ценности, которые используются в строительстве собственного интеллекта. Эти действия мы спокойно могли бы назвать кражей мышления. Им удалось построить новый модернизм, который во всех отношениях соответствовал интересам их класса. Следует хорошо знать о следующей особенности государственных монополистических клик. «Там, где можно получить гуся, курицу не жалеют», — считают они. Мастерски используя существующие трудности (экономические, социальные, политические трудности), притянув на свою сторону, они смогли эксплуатировать интеллигенцию точно так же, как эксплуатировали социальные слои, создавшие экономику. Сколько творческих личностей, ученых и философов монополисты взяли под свой контроль и, даже вовлекая их в работу механизмов власти, осуществляли эту эксплуатацию! Им удалось экономическими социальными и политическими методами нейтрализовать тех кто восставал против них. Известно, чему они подвергли Эразма Роттердамского, Галилео Галилея, Джордано Бруно.

Подобно тому, как руками государственной монополии вновь была установлена власть над экономикой, столь же влиятельным оказалось движение идеологической монополии. Восстания подавлялись очень действенными методами в политической, идеологической и экономической сферах. В конце XVIII века монополисты одержали победы не только на фронте экономических монополий (в промышленности), но и на политическом (Великая Французская революция) и идеологическом фронтах (национализм и национальное государство). Проигравшими оказались христиане-католики, монархии старого типа, империи и гуманисты. Подобно тому, как экономика была поглощена монополистами, являющимися ее противниками, также начался процесс поглощения демократических движений и наций со стороны национальных государств и национализма. Что касается аристократии, католической церкви и всего христианства, то им мало было, если и без прежней доверительности, но все же пойти на соглашение с новыми господами в рамках своих интересов. Следовательно, речь идет о том, что до XIX века победили не только новые экономические монополии (торговые, промышленные и финансовые). Столь же важными оказались победы, одержанные на идеологическом фронте.

2. В феодальную эпоху разложилась традиция создания религии. Последствием стало возникновение протестантизма. Католическая церковь утратила свой величественный статус. Пришедшее на смену ей протестантство, как это прекрасно представлено Максом Вебером, продемонстрировало всем свое полное соответствие требованиям капитализма. Светский стиль мышления, как явление, требующее своего анализа, стал одним из успешных итогов этого периода. Христианство своим чрезмерным догматизмом буквально подавило мышление народов Европы, большинство которых представляли собой свободные родоплеменные сообщества. Противоречия с миром оказались четко ясны. Когда были утрачены политические и экономические позиции, нетрудно было ожидать скорого ослабления идеологического влияния религии. Более важным стало возникновение

чудовища под названием «светский стиль мышления». Хотя семантически это понятие означает «вне религии», крайне расплывчатым остается вопрос о том, насколько это вне религии, или внутри религии. Буржуазия бросилась в объятия такого явления, как позитивизм. Позитивизм объявил себя новой мировой религией, и можно ли представить себе, чтобы лаицизм оставался вне религии? Что вообще мог означать термин «новая религия»?

Религиозный характер позитивизма зиждется на явлениях. В сущности, для позитивизма явление — это фундаментальная Истина. Нет реальности, которая не была бы явлением, хотя исследования и философия (как единое целое) свидетельствуют о том, что явление и восприятие тождественны по своей сути (явление=восприятие). Что касается восприятия, то оно — наиболее простое мыслительное действие. Это — метод грубой информированности (ненаучный и ошибочный тип знаний) ставший следствием самого поверхностного наблюдения за объектом. Доведение явления до состояния позитивизма означает придание объекту роли основных реалий. В основе язычества (идолопоклонничества) лежит тот же метод: превращение объекта в предмет поклонения. В этом положении, несмотря на все нападки позитивизма на метафизику, в первую очередь религию, позитивизм и сам по причине объективной истины превратился и самую грубую материалистическую религию, то есть стал метафизическим учением, являющимся новой производной объектного идолопоклонничества модернизма, его представителем. В то же время это его наиболее поверхностная разновидность. Такого же мнения Ницше. Эту тему я широко рассмотрю в «Социологии Свободы».

Разрушительное воздействие позитивизма на мышление людей сравнимо, по меньшей мере, с теологиями Средневековья. Он даже не понял великих духовных миров человечества. Утверждая, что пришел конец метафизического мира, позитивисты выбросили на свалку ценности гуманизма, достигнутые за миллионы лет. Это было движением невежества. Слова или название, использованные пророком Мухаммедом в отношении Абу Джахила (невежественность), полностью могут быть адресованы позитивистам. С точки зрения социологии они современные "абу джахилы". Надо хорошо понимать о том, что учение вне религии (лаицизм) и позитивизм (позитивистская философия или религия) вместе с грубым материализмом (сознание человека подобно религии, оно только отражает) являются идеологическим покровом, тесно связанным с капиталистическими монополиями. Уже более четырехсот лет при помощи этих трех версий осуществляется разрушительная деятельность и террор в отношении нового общества, в отношении духовного мира общества.

Без разрушения общества, тысячелетиями существовавшего под влиянием духовной культуры, то есть нравственности невозможна была бы победа материальной культуры капитализма. Именно по этой причине было необходимо идеологическое завоевание. Антагонизм с религией был обусловлен этими нравственными параметрами. Эти три философии оказались очень эффективными в разрушении нравственности общества. Нравственно опустошенные общества или становятся извращенными, или предельно легко сдают свои позиции. Именно это и имело место. Своей позицией вне религии лаицизм разрушил нравственную составляющую религии. Позитивизм открыл путь новому идолопоклонничеству. Ярый потребительский характер общества, его стремление к

обладанию вещами можно было бы назвать современным идолопоклонничеством. Огромный нравственный упадок наступил именно по этой причине.

Антиметафизический характер является одним из невежественных выпадов позитивизма. С момента своего зарождения метафизика была необходима человечеству. Причем это является потребностью не только цивилизаций, сотканных вокруг государства, а всего человечества, даже животных с развитым интеллектом. Ни в прошлом, ни сегодня, ни один человек не может быть полностью вооружен знаниями, наукой, скажем, даже языком позитивистов, научностью. Если подобное и является возможным, то сознания для этого недостаточно. Если у человека отобрать его метафизический мир, он не сможет сделать ничего. Или могут появиться сумасшедшие, не признающие никаких правил (западное общество неоднократно было свидетелем такого рода явлений). Так оно и случилось. Что касается явлений, то они отражают не все данные истины, а только его общепринятые качества.

Квант и космология еще не сказали своего последнего слова. Жизнь еще не проанализирована, её тайна не раскрыта. Именно по этой причине позитивизм заслуживает такого названия, как современное невежество. Грубый материализм ничем от него не отличается. Проблемы жизни и сознания — это те вселенные, которые невозможно изучить при помощи теории отражения, и которые по сей день ежедневно выдвигают перед наукой все новые и новые чудеса. Общественная жизнь имеет еще более смешанный характер, нежели вышеуказанные проблемы. Осознав, что это во многом проистекает из ранних, не обладающих достаточно высоким уровнем форм и не может стать серьезным центром притяжения, в ход пустили два более замаскированных синтеза трех философий. Это буржуазный интернационализм и национализм, которые, на первый взгляд, казалось бы, противостоят друг другу, но в сущности, дополняют друг друга.

3. Буржуазный интернационализм или глобализм. Создатели идеологии в истории цивилизации обращали внимание на два момента — тех, кто находится в верхнем ярусе, и общие символические ценности, являющиеся выражением общих интересов. Во все времена идеологии имели символическое значение. Важно то, чьи интересы они символизируют. Пантеон богов, восседавший на самом верхнем ярусе зиккурата, очень символичен. Эн Энлиль, Мардук отражали верхнюю ступень находившейся на подъеме иерархии. Мы не можем знать, насколько осознанно или спонтанно была эта символичность. Но традиция древняя и несет в себе общие особенности. Эта символичность дошла и до наших дней в преобразованном и запутанном виде. Что касается тех, кто находился на самом нижнем ярусе зиккурата, то они символизировали рабство. Между ярусами были прочерчены очень тонкие, но точные линии, чтобы небожители пантеона не имели с низшим ярусом никаких контактов. Слуга должен прислуживать и ни в коем случае не вмешиваться в дела богов. Хочется спросить себя: что потеряло и что обрело человечество этими сказками?

Современный пантеон открыто или тайно, но систематически собирается в Давосе. Но ясно одно: сегодняшние небожители - это копии обитателей верхних ярусов зиккуратов, но голые и с сорванными масками, и время от времени они появляются среди людей (даже если это представители различных разновидностей верхнего яруса). На саммитах профессиональные жрецы современности тщательно разъясняют то, что люди не должны их бояться, ситуация

находится под постоянным контролем, имеется достаточная подготовка на случай войны и в наличии все запасы, и ни в коей мере не стоит задумываться о поражениях, более того, эти установки разрабатываются и делаются полезные всем выводы. Во многих местах «избранные жрецы» невиданными темпами, через каналы СМИ буквально впихивают в сознание и мысли людей эту интернациональную идеологию. При этом далеко позади оставлены университеты, мечеть и церковь. Эпоха коммуникаций — это эпоха глобализма. Потребительские функции и развлечения продолжают оставаться актуальными, как и были в последние периоды всех цивилизаций. Даже когда экология впервые действительно уничтожается, они не хотят видеть даже пыль на созданных ими мирах. Несмотря на то, что общество, города, села, демографическая ситуация постоянно бьют во все колокола, монополисты, как представители интернационалистских идеологий, остаются слепы и глухи к этим бедствиям. Казалось, не осталось ни одного очага общества, внутренне не опустошенного, не доведенного до сумасшествия влиянием секса, спорта и искусства.

4. Национализм. Средство, при помощи которого интернационалисты из высшего яруса готовы обеими руками, лишь бы только одурманить умы нижних слоев, национализм, является стратегическим орудием новой религии, называемой «разделяй и властвуй». Это наиболее эффективное идеологическое средство, без которого современный капитализм не может обойтись при устранении таких проблем и недостатков, порожденных такими идеологическими средствами, как позитивизм, лаицизм, грубый материализм и научность. Прежде всего, это единственная влиятельная религия модели национального государства. У каждой эпохи цивилизации есть свойственные ей эффективные верования. Без них они и шага не сделают. Национализм является наиболее результативным шаблоном веры в современную эпоху. Он создан предельно легко, следует просто любой фактор, формирующий нацию, привести в состояние священного элемента веры. Надо добросовестно сделать их аналогами в школах, гарнизонах, мечетях, церквях, семьях и других сферах жизнедеятельности, и тогда, взволновав даже самых бесчувственных людей, можно будет использовать их вплоть до превращения в агрессоров. Тогда уже допустимо считать, что создана самая влиятельная религия. В противоположность устоявшемуся мнению следует отметить, что религии все же были созданы не для такой деятельности, не для утверждения веры и подготовки к переходу в иные миры. Это — политические программы и стратегии. Религии — это средства ежедневного обучения в форме молитв.

Основной задачей социологии является развитие анализа религии именно таким образом, несмотря на предельно глубокую маскировку. В противном случае социологии не избежать превращения в самое последнее крыло псевдонаучности. Что касается религии, то в ней есть много священных факторов, и они очень значимы. Еще одной задачей является освещение этой серьезной темы. Если религия действительно поставлена на грань предательства собственной святости (вполне очевидно, что так и было) и превращена в самое грубое идеологическое орудие, это означает, что религии указано её новое место, только проповедники продолжают играть в лицемерные игры. Вкратце: религия тоже стала тем инструментом, к которому чаще всего прибегает современный национализм. Это "инструмент инструментов". Поскольку в рамках двух последующих тем мы ближе познакомимся с путями формирования и использования религии, и данном случае я ограничиваюсь такой краткой характеристикой.

Крайне тяжело освободить мышление, сознание, следовательно, свободу действий от воздействия идеологических инструментов современного капитализма, не менее эффективных на протяжении столетий, чем экономические монополии. Освобождение тем не менее, — это основная задача современной демократии. Причиной моей столь активной критики в адрес Маркса и марксистов, анархистов, утопистов, различных конфессиональных братств, даже социал-демократической и национально-освободительной борьбы является то, что им не удалось осуществить эффективное идеологическое строительство демократического модернизма. Ясно, что Маркс и его последователи хотели продемонстрировать принципиальную позицию и развернуть сопротивление против нарастающей волны монополистического капитализма. Нельзя забывать о демократических тенденциях всех остальных, перечисленных мной движений. Но, сравнивая все это с современной ситуацией, видим, насколько недостаточно, ошибочно и бездейственно это было. Это заметно на примере того, что, несмотря на постоянные и глубокие кризисы, экологические бедствия, безработицу и бедность, которым способствует современный капитализм, несмотря на свой асоциальный характер, он продолжает спокойно восседать на собственном троне.

Сегодня у фронта демократической цивилизации не может быть более срочной и священной задачи, нежели тщательный анализ собственной истории в целях обнаружения в ней наследия всех прошедших эпох, пополнение знаний и потребностей, дополнение недостающего путем анализа актуальной объективности и успешного исполнения своей идеологической деятельности.

3.4. В память о геноциде евреев

Предание о племени Авраама

Написание мной такой главы может показаться более, чем странным. Но я убежден, что это вполне уместно и необходимо. Мой ИСХОД за границу, арест и связь Холокоста с национализмом, представляющим собой современную религию капитализма, являются мотивацией значимости данной темы, сделавшей ее предметом отдельного обсуждения. Кроме того, недостаточно щепетильный подход интеллектуалов, в частности, отсутствие искренней самокритики по данному вопросу со стороны еврейских идеологов; вполне возможно, они это сделали, но у меня не было возможности увидеть и прочесть, одним словом, все это продиктовало необходимость рассмотрения данного вопроса в качестве одной из части моей Защитной речи. Подробные пояснения по данной теме я надеюсь изложить в своих оценках и рассуждениях, которые я планирую осуществить в виде 4-й и 5-й книг моей Защитной речи, под соответствующими названиями "Демократизация культуры Ближнего и Среднего Востока" и "Построение демократической культуры в Курдистане".

1. Евреи и цивилизация

Любой интеллектуал, интересующийся историей цивилизации, поймет, что не сможет изложить достаточно эффективное суждение о цивилизации, не подчеркнув роли евреев в ее истории. Поскольку в предыдущих частях своей Защитной речи, в силу ограниченности информации по данной теме, я местами схематически коснулся данного вопроса, сейчас должен довольствоваться очень кратким обзором.

Все данные свидетельствуют о том, что человек, которого в истории называют Авраамом, вступил в парадигматические противоречия с историческим правителем современной Урфы (своего рода губернатором), который был из рода вавилонских немвродов. Хотя, вероятно, были и другие причины, но история отражает события именно так. (Кстати, сведения о личности пророка Авраама, являющегося отцом монотеизма, так же, как о личностях пророка Иисуса и пророка Моисея, покрыты паутиной мифических преданий. Более точное изложение истины требует глубоких социологических исследований.). Для того чтобы продемонстрировать, что идола, воздвигнутые в пантеоне, не могут быть богами, Авраам стал крушить их. Мифы также гласят о том, что позднее, когда в крепости Урфа, хотели его бросить в огонь, водные массы вдруг потушили этот огонь, и таким образом образовалось

озеро, коим является современный Балыкли-гол.

С большой долей вероятности можно утверждать, что линия Урфа — Иерусалим играла роль буферной зоны между двумя величественными силами той эпохи, коими были новая династия Египта и вавилонская династия Хаммурапи в Шумере. Впервые в истории торговля становится стремящимся вверх экономическим сектором. Торговля между двумя цивилизациями, возможно, играла определенную роль в политике. Активизировалась деятельность купцов. Выдающийся торговый период в истории Ассирии совпадает с этим этапом. Более того, линия Урфа Иерусалим — Дамаск — Алеппо с древних времен (со времен рождения неолита и начала возникновения городов) не только являлась очень важной линией миграции, торговли, агрессии и аннексии, но, что важнее всего прочего, она оказалась линией религиозного обмена. Неслучайно эти регионы являются местами исхода и миграции пророка Авраама. История неоспоримо свидетельствует о том, что данный регион также стал линией зарождения и первичного распространения христианства и ислама. Авраам прежде всего хотел остаться в предместьях Иерусалима, сегодня расположенного на территориях Израиля и Палестины. (Имя Авраама, предположительно, присвоено ему египтянами. Всех, кто вступал к ним через Синайскую пустыню, египтяне называли «апиру», потому что на одеждах этих людей были следы грязи и пыли. То, что название "иудей" и имя Авраам стали производными от «апиру», является весьма серьезным предположением). Местные власти, однако, не так-то легко дали ему возможность постоянного проживания в Иерусалиме. Тем не менее, известно, что он приобрел мизерную собственность и умер там. Желающие прочесть это предание, начинающееся с рассказов о Саре, Хаджер, Самуиле, Исааке, Якове, продолжающемся рассказами о пророках Моисее, Иисусе, Мухаммеде и сотнях пророков, живших в этом промежутке времени, могут подробно обо всем узнать из Священных Писаний (Ветхий завет, Новый завет и Коран). Поучительными могут быть и исторические книги с тысячью сопутствующих повествований и романов. С точки зрения результата было бы достаточно общего описания нескольких периодов.

А. Первый период: предания об Аврааме в Урфе и во время исхода. Предположительно, 1700-1600 гг. до н. э. Вождь племени и торговец.

Б. Период пленения в Египте. 1600-1300 гг. до н. э. и.

В. Исход под предводительством пророка Моисея. 1300—1250 гг. до н. э.

Г. Оседание на обещанных землях. 1250-1200 гг. до н. э. (Период военачальника и пророка св. Иешуа).

Д. Период вождей и судей. 1200—1000 гг. до н. э. Период светских и религиозных предводителей (оракулов), дошедший до первого царя Саула, но все еще не ставших ни царями, ни пророками.

Е. Период иудейских и израильских царей. 1000-700 гг. до н. э. Период, начатый Саулом, Давидом, Соломоном, и завершившийся при Иезекииле (ассирийская агрессия).

Ж. Оккупация, вторжение, господство, сопротивление и исход и диаспору. 700 г. до н. э. — 70 г. н. э. (Период вторжения и господства ассирийцев, вавилонян, Александра Македонского и римлян).

Именно на этот период приходится падение Иудейского или Израильского царства. На его место приходят две группы, завоевавшие репутацию мятежников и соглашателей. Соглашатели, в свою очередь, делились, в основном, на сторонников греком и римлян. Третьим после Урфы и Египта изгнанием стало известное сорокалетнее вавилонское изгнание в период правления вавилонского царя Навуходоносора (535-495 гг. до н. э.). Заветы, изложенные в Священном Писании, и, что очевидно, вдохновленные зороастризмом, были переданы именно в этот период. Сформировалась обстановка восхищения персами, потому что был положен конец сорокалетнему изгнанию. Первые рукописные экземпляры Торы были составлены в этот период, то есть после 700 г. до н. э. Иными словами, на протяжении примерно шести столетий (1300—700 гг. до н. э.) не было ни одной рукописи Священного Писания. Выходит, содержание трех священных книг построено на устных преданиях, письменно зафиксированных с перерывом в шесть столетий. Это — запись повествований, сходных с «Илиадой» Гомера и «Теогонией» Гесиода, что имело место в тот же период. Дважды совершённая римлянами акция разрушения храма Соломона в период 70 до н. э. — 70 г. н. э. способствовала массовому сопротивлению. Христианство — это традиция мятежа наиболее неимущих слоев. Известно и сопротивление представителей высших слоев, например, братьев Маккавеев.

Исход рода или племени в изгнание, то есть диаспора, обрела более активный характер после 70 г. новой эры. Это рассеивать евреев происходило по двум направлениям: одна часть выжила в ассирийской, греческой, армянской культурных сферах, другая же часть нашла свое обиталище в римской и иранской сферах. Этот длительный период также называют периодом Писаний, то есть постоянно составляются новые экземпляры и толкования Торы. Тогда же появляются новые пророки, но писательская деятельность находится на более весомом уровне. Следовательно, можно говорить о том, что высокий интеллектуальный уровень еврейской культуры объясняется очень важной исторической традицией. Другой важной профессией евреев стали деньги и торговля. В связи с отсутствием возможностей развития земледельческой деятельности все свои силы евреи сконцентрировали на торговле и ее эффективном орудии — деньгах. Именно поэтому можно утверждать, что им удалось занять место ассирийцев и перехватить торгово-финансовую монополию Ближнего и Среднего Востока. Эти позиции евреев свидетельствуют о том, что их очень эффективная и прибыльная роль в средневековых городах, а также в таких колыбелях капитализма, как Лондон и Амстердам, и, вместе с тем, обретение ими статуса крупных капиталистов основаны на длительной исторической традиции. Предположительно, евреев оставалось мало в Иерусалиме и его окрестностях, большинство рассеялось в изгнании. В повести о распылении еврейского рода утвердятся две крупные традиции — Восточной и Западной диаспор.

3. Поскольку евреям удалось вместе с диаспорой сконцентрироваться в культурных группах и во многом выйти за рамки племени, более правильно было бы называть евреев «народностью». В частности, на примере Аравии, Ирана, Курдистана, Египта и Древней Греции можно видеть, как евреи, сконцентрировавшиеся в этих регионах, достигли

состояния еврейских групп, основных на культуре того или иного региона. Они стали народом двух культур; точнее, речь идет об иудейской культуре и культуре того общества, в котором они проживают. Такая ситуация оказала очень серьезное и позитивное влияние на их интеллектуальные способности, потому что еврейская культура находилась в контакте со всеми древними культурами истории.

С возникновением ислама начинается новый трагический период в истории евреев. Арабы, приняв ислам, совершают переход к новой торговой цивилизации, но торгово-финансовая монополия, включая многие регионы Аравийской пустыни, во многом находится в руках еврейских торговцев и ростовщиков. Следовательно, приписываемый пророку Мухаммеду хадис о том что «евреи не должны оставаться в Аравии», хоть и выглядит сомнительно, но с точки зрения арабов не лишен смысла. Вражда между арабами и евреями корнями уходит в глубины истории. Даже тот факт, что Хаджер и её сын Измаил были отправлены в Мекку как нежелательная двойня, связан с существовавшими в ту эпоху противоречиями между еврейским и арабским племенами. Постоянные столкновения интересов евреев с арабскими шейхами и торговцами трансформировались в современный арабо-израильский и палестино-израильский конфликты. Существование этого противоречия, уходящего своими корнями и историю глубиной 3500 лет, в наши дни превратилось в конфликт цивилизаций.

Рождение серьезной конкуренции между монополиями региона в принципе было нормальным явлением. В этом ракурсе становится более понятным значение, которое ислам уделял торговле, и взаимоотношения между Хадиджой и пророком Мухаммедом. В итоге евреи должны были или ассимилироваться и пойти на полезное сотрудничество с арабами (преобразоваться), или рассеяться по разным регионам. Имели место обе ситуации. Если значительная часть евреев отделилась и ушла с потоком, устремившимся в сторону Европы еще в период Римской империи, то другая часть, переняв арабскую культуру, продолжала оставаться на местах в наполовину плененном состоянии. Развивая свои исторические роли в средневековой исламской цивилизации (то есть секретарские функции, купечество и ростовщичество), евреи приобрели заметную значимость, в частности, в Иране и Андалузии (Испания). Они получили возможности сотрудничества со многими политическими силами. За ними окончательно закрепился статус народа мыслителей и торговцев-ростовщиков. Именно поэтому они становятся объектом нападков со стороны большей части интеллигентов и торговцев во всех обществах региона, в котором они обитали. Следовательно, исторически враждебное отношение к евреям имеет очень значительные материальные, культурные и исторические причины.

И. В силу этих причин к началу новой эпохи волна ненависти, угроз и изгнания евреев набрала активные обороты, потому что капитализм — это цивилизация, рождающаяся в материнском лоне торгово-финансового монополизма. Все, кто выиграл и проиграл в этом процессе, тем не менее, в качестве препятствия перед собой указали еврейских мыслителей, торговцев и ростовщиков. Евреи оказались лицом к лицу с опасным парадоксом. Торгово-ростовщические монополии, чьи интересы шли нога в ногу с капиталистическим развитием, считали главным препятствием еврейский элемент. Что касается древних земледельцев и ремесленников, принадлежавших к тем слоям, чьи интересы противоречили интересам капиталистических монополий, то они с легкостью довели евреев до состояния мистической опасности. В связи с зависимостью мыслителей от

системы, все, кому не лень, считали еврейство ящиком Пандоры во всех негативных случаях. Под воздействием этих факторов, как это уже происходило в истории в отношении евреев, XV-XVI вв. стали началом новой волны цивилизации, усугубившей изгнания и погромы (геноцид) евреев.

Интересно то, что интеллектуальная и торгово-ростовщическая сила евреев, будучи самым значительным фактором в строительстве этой новой цивилизации, тем не менее, вызвала наибольший гнев этой же цивилизации. Парадокс заключается в том, что в 1492 году из Испании были в массовом порядке изгнаны не только мусульмане, но и евреи. Как бы то ни было, это — соотечественники тех, кто некогда распял Христа, поэтому повод для изгнания был уже готов и очень действенен. Но основные причины сводились к тем, что уже нами изложены. Аналогичное положение было у евреев в Польше и царской России. В сравнении со всеми этими государствами благополучными странами были, в первую очередь, Голландия и Англия. Все состоятельные еврейские мыслители, ростовщики и торговцы волнами устремились именно в эти страны. Часть евреев направилась в Османскую империю, находившуюся в состоянии войны с европейскими монархиями. В частности, евреи были приглашены османцами для того, чтобы сыграть эффективную роль в торговых и ростовщических монополиях султана. Потихоньку евреи стали мигрировать на американский континент. С каждым днем усиливалось положение евреев в торгово-ростовщических монополиях немецких городов. В этой стране имело место значительное оседание и гибридизация евреев.

Несмотря на то, что некоторые интеллектуалы приписывают развитие капитализма еврейству, это явно преувеличено. Влияние евреев, безусловно, имело место. Определяющий характер роли евреев, конечно же, обусловлен оседлым образом общественной жизни. Но при этом нельзя преуменьшать стимулирующую роль меньшинств. Очень велика роль еврейских банкиров, торговцев и философов как в формировании интеллектуальной обстановки в Голландии и Англии, так и в развитии капитализма и превращения в гегемона системы в указанных странах. Наиболее значительной личностью с точки зрения мышления новой эпохи является Спиноза. Он был одним из первых светских деятелей, вышедших из еврейской среды (под словом «светский» имеется в виду деятельность людей, отошедших или изгнанных из синагоги). Он был одним из великих философов свободы. Многим обязана Спинозе философская доктрина: «Понимание есть свобода». Денежные займы, переданные еврейскими банкирами и торговцами Голландскому и Английскому государствам, имели большое значение в их военных победах и становлении в качестве сильных государств. Евреи сыграли аналогичную роль и на американском континенте, в частности в освободительной борьбе находившихся под властью Великобритании штатов в Северной Америке. В числе важнейших сил, чей вклад в создании современного государства США оказался определяющим, были еврейские интеллектуалы, торговцы и банкиры. Это хорошо известно, и не знать об этом просто невозможно.

2. Еврейская идеология

Должен с самого начала категорически подчеркнуть, что идеологическое лидерство в мировом масштабе и по настоящее время находится в руках еврейских интеллектуалов. И

это верховенство имеет глубокие исторические корни:

а) в формировании еврейской культуры изначально видны глубокие следы двух великих культур — шумерской и египетской. Ветхий Завет и Тора являются отражением в языке и совести иудейского племени самого процесса усвоения упомянутых культур. Отражение очень четкое. Еврейская культура представляет собой одну из первых версий этих двух культур. С повествования об Адаме и Еве и до предания о создании мира за семь дней, от понятия «Аллах» и до понятия о пророках все происходило именно так. Не стоит забывать, что легенда о великом потопе и пророке Ное тоже является шумерской легендой. Легенда о многострадальном Иове и дьяволе тем более! Понятие монотеизма впервые хотели применить в качестве крупной религиозной реформы в Древнем Египте времен фараона Эхнатона. В частности, Урфа является важнейшим и древнейшим центром неолитической культуры. Следовательно, еще одним значительным источником идеологического лидерства евреев, который нельзя игнорировать, является преобразованное влияние неолитической идеологии. За спиной этой идеологии стоят две великие культурно-языковые группы, коими стали арийская и семитская. Нельзя забывать о большой роли, сыгранной этими двумя основными источниками в формировании иудейской культуры.

б) очень явно также влияние вавилонской и зороастрийской (персо-мидийской) культуры в период первого изгнания. Многие предания были составлены именно на базе этой культуры.

в) третьим крупным источником является греко-римская культура. В частности, определяющий характер имело влияние греко-римского периода в развитии религиозной философии. Иными словами, фундамент таких процессов, как воздействие философии на религию и обретение философией религиозных особенностей, что происходило в Средневековье с христианством и исламом, были заложены Аристотелем, Платоном и эллинистической школой философии, в первую очередь, стоиками;

г) ясно, что христианство и ислам являются двумя конфессиями иудаизма, приспособленными под потребности греко-римского и арабского общества. Ясно, что они происходят от одного и того же источника. Противоречия, существующие у этих конфессий с иудаизмом, объясняются глубокими родоплеменными особенностями иудаизма. Иудаизм изначально сформировался как национальная религия иудейского племени, а с начала эпохи Средневековья — и еврейской народности (вместе с диаспорой). Точнее, перед нами конкретная тождественное и иудейское племя = иудейская религия = иудейская или еврейская народность. Изначально еврейская идеология имела религиозное содержание, что, в свою очередь, носило родоплеменной или этнический характер. Что касается ислама и христианства, то они были созданы в соответствии с материальными и духовными культурными потребностями близких этнических сообществ, имевших врожденные связи и противоречия с еврейством. Таким образом, имело место и серьезное влияние, и частые стычки;

д) еврейская идеология, вместе с тем, является идеологией, сформировавшейся благодаря глубокой материальной культуре. Как эта материальная культура влияет на цивилизации, мы уже видели. Следовательно, еврейская идеология — это идеология цивилизации, сформировавшейся на арене тесных взаимоотношений всех цивилизаций, рожденных в

регионе Ближнего и Среднего Востока, начиная с Шумера. Полезной может оказаться следующая формула: еврейская идеология несет в себе сущность, синтезированную всеми цивилизациями. Она черпает свои силы именно в этой сути. При этом определяющую роль на протяжении всей истории играли еврейские пророки и переписчики священных книг. Опять же, насколько соответствующие общества по этой причине поддерживали связи с цивилизацией и вступали с ней в противоречия, настолько же они были связаны и конфликтовали с евреями. Еще один вывод, который можно сделать, таков: иудаизм — это не просто религия или этническое сообщество, его можно охарактеризовать как синтез цивилизаций. Если иметь в виду роль, сыгранную иудаизмом в усилении интеллектуальных структур еврейской идеологии, можно будет еще лучше понять, почему и по сей день евреи играют передовую роль в масштабе всего мира;

е) еврейская идеология была раздроблена с началом новой эпохи. Она была разделена на два основных канала с точки зрения религиозного и светского образа жизни. Спиноза (1632—1677) является вождем светского канала. Многие схожие с ним еврейские философы постоянно поддерживали светский канал. Вообще-то, довольно спорным является вопрос о том, насколько лаицизм стоит вне религии и насколько он создает новую религию. Должен сразу же подчеркнуть, что не считаю разумной общественной, идеологической работой эти попытки создания религий и учений вне религии. Необходимая дифференциация должна быть не такой. Просветительская и дидактическая ценность этих попыток не только крайне ограничена, но и таит в себе очень искаженные и извращающие особенности. У каждого вида знаний, будь то мифологическое, религиозное, философское и научное, есть свой социальный эквивалент. Их роль, взаимоотношения и противоречия вместе с их социально-политическими основами могут раскрыться только с помощью социологических исследований;

ж) светское крыло еврейства сыграло очень влиятельную роль в идеологии Просвещения. Эта идеология, которую можно было назвать научностью, в философской плоскости тождественна позитивизму. Данное идеологическое течение, оставившее свой отпечаток на новой эпохе, под маркой научности или позитивизма последовательно превращалось в религиозное верование современного капитализма. Должен особо подчеркнуть то обстоятельство, что позитивизм в принципе является древнейшей религией с мизерной разницей, отделяющей её от классических верований. Иначе можно назвать позитивизм «вывернутым состоянием религиозного одеяния». Между пониманием закона с позиций научности и пониманием закона в религиозном ракурсе пролегает единство мышления. Религия не является неким «эфемерным» понятием, хотя так принято считать, и лаицизм — не секулярное, мирское понятие. В данном случае имеет место искусственное разделение. Все религии связаны с мирским и общественным началом. Вообще, понятие «мирское», прежде всего, связано не мирскими, а с общественными факторами. Концепции, использующие понятия «эфемерное или мирское» маскируют серьезные социальные противоречия, в целом же служат продолжению социального противостояния в завуалированной форме. Идеология Просвещения, систематизируясь в форме научности и позитивизма, превращается в официальную идеологию новой модели нация-государство. Это означает резкий поворот в сторону националистической идеологии.

3. Еврейский национализм

Традиционная прослойка еврейских торговцев и ростовщиков, став буржуазным классом в капиталистической системе, обрела более заметный современный статус. В высшей степени понятно и ясно, что буржуазия, как новый, последний социальный класс, обрела свою официальную идеологию в недрах позитивизма, и то, что государственное мировоззрение породило национализм. Она позиционирует себя как создатель нации, и, благодаря новой идеологии, укрепляет собственное положение. После того, как все факторы, формирующие нацию, обретают общенациональный характер, нетрудно спроецировать их на экономические монополии путем государственной монополии. Монополизация, ускоренно развивающаяся в недрах каждой европейской нации, могла быть внедрена в сознание всей нации только по каналу национализма. В данном случае мы сталкиваемся с неким явлением, схожим с успехом идеологии у шумеров. Нация провозглашается как самая величественная единица (как самое древнее божество, или субстанция, занимающая его место). Государство, сформировавшееся в лоне нации, переходит на рельсы монополии. Оно становится самой мощной силой в обществе. Объединившись, нация и государство превращаются в тандем нация-государство, который становится новой ипостасью старой модели царь-бог. Для того, чтобы внедрить модель нация-государство в сознание общества, необходимо обратиться к мифологии, в капиталистическую эпоху к философии, её наиболее вульгарным формам, которые будут навязаны обществу (принижение до уровня послушного следования его грубым, примитивным чувствам). Национализм прекрасно удовлетворяет эту потребность. Путь европейских обществ, как национальных обществ, после поисков идеологии на протяжении последних четырехсот лет достигает такого официального выражения. Формирование нации становится благоприятной почвой для национализма, в свою очередь, национализм способствует ускорению этногенеза нации, обе служат базой для государства, которое порождает экономические монополии, так определяются типаж нового мира, естественно, в рамках своего переходного периода. На фоне того, как везде происходит потрясающий процесс дифференциации наций и имеет место взрывная волна национализма, еврейская идеология, естественно, испытывает влияние окружающего мира, но и сама оказывает серьезное влияние на происходящее вокруг.

Вполне очевидно, что еврейская идеология изначально объективно была связана с родоплеменными и народными факторами. Фундаментальной особенностью еврейской идеологии является то, что она является идеологией самого древнего национализма, насыщенного факторами родоплеменного характера. Преобразования на стадии становления буржуазии стали залогом легкого формирования идеологии. Опять же наталкиваемся на парадокс. Еврейская идеология стояла у истоков идеологии национализма, но была отвергнута ее же производными. Этот парадокс развился в культурно-идеологической сфере столь же быстро, сколь в материальной сфере. Все виды национализма стали точить зубы на своих же основоположников (неминуемые материальные причины, естественно, неминуемость с точки зрения капиталистического выбора). Все европейские националисты стали возлагать на евреев (как носителей идеологии, материальной культуры и этнической нации) ответственность за все свои проблемы и препятствия. Происходит нечто подобное тому, как христианство и ислам, имея иудейское происхождение, в то же время считают иудаизм самым главным препятствием на

пути своего развития. Здесь кроется одна особенность, которая играет серьезную роль в зарождении цивилизации и, вместе с тем, оправдывает мой собственный тезис. Речь идет о том, что государство, являющееся стержнем цивилизации, одновременно является экономической монополией. Там, где имеют место процессы формирования новой государственности, столкновения и войны между старыми и новыми монополиями попросту неизбежны. И это продолжается до тех пор, пока одна из них не будет уничтожена, не капитулирует, или в значительной степени не утерит своего значения.

Подобно тому, как для еврейского племени 3500 лет назад актуальным был вопрос о «земле обетованной», так и в эпоху становления наций и национализма в Европе аналогичная потребность ощущалась очень сильно. Новая еврейская нация это потребность в новых землях. Поскольку Европа всегда была против евреев, неизбежным становился поток, основанный на старых преданиях о «земле обетованной». Именно так зародился еврейский буржуазный национализм, называемый сионизмом. Он стал эффективным примером эпохи национализма, процветавшей в 19-м веке.

Это положение отныне становится достоянием истории. Хотелось бы вкратце сказать следующее: ощущалась потребность в двух сильных государствах того периода, коими были Германия и Англия. Франция оказалась на третьей позиции. Еврейские националисты упорно работали на двух направлениях. Известно, что им удалось усилить Англию и Голландию. Еврейские капиталисты также усиленно занялись похожим делом и в Германии. Еврейские интеллектуалы также внесли большой вклад в формирование интеллектуального капитала (немецкой идеологии). Благодаря такой поддержке, германский кайзер, впервые достигнув Иерусалима, обозначил свой интерес к движению за обретение новой родины. Если бы немцы победили в первой мировой войне, то под покровительством Германии и Османской империи (самое сильное крыло организации «Иттихат ве Теракки («Единение и прогресс»)» составляли прогермански настроенные политики и были связаны с евреями, капиталистами из Салоники), евреям давно уже удалось бы вернуться в Палестину, или на свои прежние земли. Впрочем, традиционно перетягивала чаша весов Лондона.

Оставим в стороне политическую историю, которая сама по себе является обширной темой. Гитлер однозначно считал евреев ответственными за поражение Германии. Он прекрасно понимал следующее: превосходство Лондона не могло иметь место независимо от еврейской идеологии и еврейского национализма. Он считал, что Германия стала жертвой крупного предательства. Виноваты евреи. Именно так развивается антисемитизм во всех нациях, где есть крупные проблемы (Дрейфус во Франции). То, что это не так, можно доказать, но почему эти идеи по сей день живучи в мировом масштабе? Например, совершенно свежий пример президента Ирана Ахмединежада? Это связано с функциями еврейской идеологии и еврейского национализма во всем мире. Она и по сегодняшний день самая передовая идеология. Точно так же, как и финансовые монополии евреев.

Гитлеризм ни в коем случае не заслуживает никакой защиты и оправдания. Геноцид - это самое ужасное из всех преступлений человечества. Это все неоспоримые человеческие и социальные реалии. Нельзя преуменьшить роли еврейской интеллигенции в благородной борьбе за идеалы свободы, равенства и демократического общества. Не будем пока затрагивать темы иудейских пророков, а заострим внимание на том, что совершенно ясно

позиция многочисленных евреев-интеллектуалов и революционеров в новой истории, начиная со Спинозы до Маркса, Фрейда, Розы Люксембург, Троцкого, Адорно, Ханны Арент и Эйнштейна. Я понимаю, что демократические социалистические масштабы еврейского интеллекта очень сильны. Не собираюсь повторять суждения Адорно, но хочу спросить, когда будет осуществлена критика и самокритика, необходимая для того, чтобы оценить позицию еврейства во время геноцида (как в сфере материальной культуры, так и в сфере духовной культуры) в конструктивной форме, способной привести к определенным политическим результатам? До тех пор, пока еврейский национализм, как идеологическая сила, играющая лидирующую роль, не будет правильно рассмотрен, невозможно будет ни быть достойными памяти жертв геноцида, ни предотвратить новые факты геноцида. Еврейский национализм не является национализмом маленькой нации, это национализм в мировом масштабе. Это своего рода прародитель всех форм национализма и национал-государств. Как жаль, что самой крупной и крайне редкой в истории жертвой стали именно евреи.

Еврейский вопрос обсуждался очень часто, причем лично такими передовыми евреями-интеллектуалами, как Маркс, Фрейд. Но до сих пор остается без ответа один вопрос, а именно, как получилось, что случился геноцид евреев? Как сделать так, чтобы нам лучшей памятью о жертвах геноцида стало недопущение других фактов геноцида.

В своей защитной речи я могу так сформулировать все выводы, к которым я пришел, рассматривая пример евреев.

Иудейское племя подражало шумерской и египетской цивилизациям. Но ответом на это стремление стало изгнание евреев. Упрямое маленькое племя (будто бы, стремясь стать авангардом устремлений всех племен), одолеваемое ревностным отношением к происходящему, создало свою родоплеменную идеологию (религию). Иудеи создали Иерусалимское царство. Но созданное ими царство пало. Но они проявили еще большее упрямство, распространились по всему миру. Они искали место обитания для своего племени, позднее народа. Но им нигде не давали пристанища, отовсюду изгоняли. Чтобы не проиграть, евреи устремили свои умы вглубь атома, они дошли до космоса. И уже иудейское племя с территории своего небольшого национального государства играет роль лидера цивилизации. Оно может уничтожить все средневосточные, даже мировые цивилизации и государства, с колыбели которых оно, вероятно, стояло. Но тогда не останется и самих евреев, потому что маленькая еврейская цивилизация есть суть от сути мировой цивилизации. Не будь мировой цивилизации, не было бы и еврейской, равно как и мировая цивилизация сама немыслима без цивилизации еврейской. Это и является самым большим уроком, который преподнес геноцид евреев.

Я постоянно задумываюсь над этой темой, поскольку придаю ей большое значение, так же, как и все схожим с ней вопросам. Мудрецы говорят, огонь огнем не гасят. Нельзя спастись от огня цивилизации, разжигая костры маленьких цивилизаций (нация-государство, в целом монополии). Лидеры всех племен, беднейших слоев народа, угнетенных и поработанных людей, которые на протяжении всей истории боролись против сил цивилизации, или убиты, или добились успеха. Память о павших будет всегда жива. Но первым делом тех лидеров, которые добились успехов, было стремление создать некую цивилизацию вокруг своих

личностей, потому, что они не знали ничего иного. Даже победившие лидеры научного социализма не смогли избежать участи быть примером с железными клетками капиталистического модернизма. Те, кто был подвергнут геноциду, никогда и не представляли, что их может ожидать подобная участь. Но именно так и случилось.

Здесь я могу сказать, что моя душа болит о жертвах геноцида больше, чем у тех, кто считает себя самыми рьяными противниками геноцида. Почему я понимаю их участь так, как не понимает ни один еврей? Потому что та же система бросила и меня самого в такое же колесо. Естественно, опять же двигателем, вращающим это колесо, оказались евреи. Если бы не было борьбы за власть внутри еврейской идеологии, или силы, способной создать цивилизацию, не было бы христианства. Без христианства мог бы разве появиться Гитлер? Немецкий национализм, породивший Гитлера, обрел свои корни в немецкой идеологии, следовательно, в идеологии Просвещения (позитивизм и биологизм), и он находится в диалектической связи с ролью еврейской идеологии в эпоху Просвещения и еврейским национализмом. Иными словами, подобно тому, как иудейский родоплеменной строй сформировал корни еврейского национализма, так и германский родоплеменной строй сформировал корни немецкого национализма. События, происходившие в Германии в тесном сплетении друг с другом, способствовали формированию запутанных отношений, и причиной этого стали существовавшие между ними экономические и политические монополии. Все эти историко-социальные процессы достаточно откровенно свидетельствуют о связях еврейского и немецкого национализма. До тех пор, пока не будет положен конец двум упомянутым формам национализма, никто не почтит должным образом память жертв геноцида, и никто не сможет избежать прояснения новых разновидностей подобной трагедии.

Аналогичные сравнения можно сделать между арабской идеологией и национализмом и еврейской идеологией и национализмом. Выводы будут иметь диалектический и поразительный характер. Без арабской идеологии и национализма не было бы ислама, а мог бы появиться на исторической сцене пророк Мухаммед без ислама? Без него не было бы БААС. Но разве был бы Саддам Хусейн без БААС? Думаю, меня упрекнут в тавтологии. Но все, что я говорю, проходит сквозь фильтр анализа цивилизации. США это сила мирового масштаба, гегемон, даже может стать империей. Сегодня США на Среднем Востоке воюют ради интересов Израиля. Не исключено, что завтра они будут воевать с Ираном. Отчего же снова возникает угроза геноцида? Но ведь на этот раз будет применено атомное оружие. Предотвращать ядерную войну путем ядерной войны?! Никто не сможет отрицать того, что такая ситуация представляет собой угрозу, стучащуюся в двери. Но ведь хватит одной Хиросимы! Так что мои рассуждения верны. Когда создавались цивилизации, было сказано, что они находятся под покровительством небесных сил. Упадок же цивилизации будет связан с атомом. Почему-то больше предпочитают фальшивое, нежели истинное. Я говорю о королях, голышом шагающих по земле, и божествах без масок, об их атомных молниях.

Я один из тех, кто хочет, чтобы евреи, как очень умные люди играли максимально серьезную роль на Среднем Востоке. Левиафан, достигший масштабов вселенского чудовища, не может стать той самой силой, которая могла бы решить вопросы демократизации культуры Среднего Востока или создания демократическом конфедерации Израиль-Палестина. Это чудовище, носящее иудейское имя, и стало настоящей причиной

геноцида евреев.

Решение кроется в сути демократической цивилизации Среднего Востока. Подобно тому, как Средний Восток без евреев это попросту руины, так и евреи без Среднего Востока обречены на вечные скитания, дабы не стать жертвами резни. История полна таких уроков. Еврейская интеллигенция с каждым днем все лучше и лучше осознает свою проблему, то есть то, что эта проблема является мировой проблемой. Место решения проблемы надо искать на Среднем Востоке. Не стоит забывать, что Демократический Средний Восток это не мечта, неизбежная реальность, необходимая нам всем как хлеб и вода. Евреи должны знать, что по-настоящему быть верными памяти жертв имевшего место геноцида, и навеки избежать повторения подобных трагедий они могут только в рамках демократической цивилизации Среднего Востока. Все народы Среднего Востока, в свою очередь, прекрасно осознают, что без евреев невозможно достижение идеалов демократического Среднего Востока, а историческое согласие на принципах демократии возможно только в рамках демократического общества, и поэтому народы искренне желают построения такого общества.

3.5. Власть в период современного капитализма

Цивилизация является категорией социальных отношений, в рамках которых тяжелее всего разобраться в таких понятиях, как власть и государство, как с точки зрения сути каждого из понятий, так и в ракурсе тесных связей между ними. Цивилизация это такая тема, вокруг которой все еще продолжают дискуссии о том, какое определение дать ей. Еще более смешанным является вопрос о том, где начинается цивилизация, где заканчивается, когда и где она сформировалась и должна закончить свое существование. Говоря обычным языком, несмотря на то, что о цивилизации мы говорим ежедневно столько же, сколько говорим о воде, которую пьем, о воздухе, которым дышим, она, тем не менее, возглавляет список таких явлений, определение которых вызывает массу разногласий. И это имеет место не только потому, что само понятие очень таинственное и запутанное, а потому, что так хотят представить, и во имя этого осуществляется серьезная идеологическая деятельность. Первое условие для того, чтобы вызвать страх перед чем-либо, это наведение завесы тайны и путаницы. Иначе если раскроется суть того или иного явления, то оно станет предметом шуток у всех на устах. Тогда явление перестанет быть фактором страха. Таким образом, усилия групп, преследующих собственные корыстные интересы, окажутся бесполезными. В народе об этом есть масса преданий.

Цивилизация начинается, прежде всего, с собственных мифических сказаний. Если клики, преследующие свои корыстные цели, или монополии, аннексирующие прибавочный продукт, не войдут в предмет этих преданий, то одним лишь применением силы им не удастся осуществить ничего более, чем несколько грабежей. Они испытывают серьезную потребность в мифах религии и законе для того, чтобы обрести устойчивый характер и быть принятыми окружением. Сегодня три сферы «С», а именно, секс, спорт и синтез искусств, популяризированы, выдвинуты на социальную арену и вместе со всеми указанными факторами, обуславливая сознание и чувства общества, стараются утвердить свои позиции настолько, чтобы их приняли без каких-либо предусловий.

Разделив историю цивилизации на три основных периода, я постарался схематически охарактеризовать каждый из них. Я особенно подчеркнул, что не слишком доверяю методу научности, считаю, что польза от него крайне ограничена, а когда научность превращается в догматизм, вообще становится угрозой свободе. Я также постарался применить метод социологического толкования, не догматизируя его (научностью, позитивизмом). Все свои рассуждения изложены в основных чертах, во многом подкреплены примерами, и выдержат любого рода дискуссии. Что касается повторов, то в дальнейшем, если не будет необходимости в повторах, я всячески буду избегать этой привычки.

Считая современный капитализм (имеет тот же смысл, что цивилизация, культура) официальным, победившим модернизмом (современностью) новой эпохи (с 16-го века н. э. по н.в.), я, тем не менее, не стал отдавать всю нашу эпоху в градацию капитализма, поэтому выступил содержательной критикой его анти-модернистской составляющей. Я согласен с понятием модернизма, которое дал социолог Энтони Гидденс, но вместе с этим я подчеркнул, что не разделяю его рассуждений по поводу «трех невозможностей дальнейшего продолжения». Этими тремя «невозможностями», являются, капитализм, нац-государство и индустриализм. Очень содержательными рассуждениями и примерами я показал, что все трое с самых ранних этапов цивилизации всеми своими корнями находятся в процессе развития, но наиболее сильного состояния достигли тогда, когда слились с современным капитализмом. В данном разделе я больше всего уделю внимание тому, насколько официальный модернизм смог конкретно сформулировать взаимоотношения между цивилизацией и государством (неофициальный модернизм, современность я называю демократическим модернизмом, культурой, цивилизацией или современностью. Все они имеют одинаковый смысл).

1. Позитивные социологи (А. Гидденс и схожие), комментируя без должных примеров каждый период и типы, встречающиеся в единственном числе в истории цивилизации, считают, что занимаются социологией. Например, они не ленятся провести тысячи исследований, лишь бы представить английскую цивилизацию и английскую государственность как нечто, не имеющее исторических аналогов, как некое исключительное государство и цивилизацию. Сколько песка в море, столько же у них исследований! По сути, под маркой этих трудов, называемых наукой, в изоэренной форме искажается действительность. Если прибегнуть к сравнениям, можно сказать, что это есть попытки сделать лес невидимым из-за деревьев! Даже сделав предметом исследований миллионы деревьев, нельзя охарактеризовать вес лес. То, что такой метод не даст правильных результатов, ясно изначально. Но под видом занятия такого типа социальной наукой подстрекать десятки тысяч молодых людей к игнорированию истинного характера эпохи это, в общем-то, «неплохая» политика. Именно так выхолащивается и делается бессмысленной суть социальных наук, или социологии, в общем смысле.

Правдиво то, что английское государство, власть и цивилизация, является одним из представителей-гегемонов цивилизации, которая в качестве основного потока продолжается и по сей день, обогащаясь сотнями символических ценностей, прикрывается различными идеологическими одеяниями для того, чтобы стать невидимой, или сделаться труднопонимаемой, и в этом потоке консолидируется процесс, основные категориальные признаки которого известны на протяжении последних пяти тысячелетий (государство, как классово-городская экономическая монополия), а вокруг городов, оживленно развивающихся с 10-го века формируются классы, представленные теми, кто ранее был монархами и аристократами, а с 16-го столетия уже стал буржуа. Уверен, что это определение, состоящее из одного предложения позволит понять клубок взаимоотношений английской государственности гораздо лучше, чем десятки тысяч исследований. По сути, нет никакой разницы между десятками тысяч толкований общества, которые (с позиций скрываемых ими корыстолюбивых групп) давали шумерские жрецы, основываясь на движениях звезд, и теми толкованиями, которые исходят от десятков тысяч «научных жрецов» эпохи современного капитализма. Разными являются только методы исследования,

время и место.

Совершенно очевидно, и мы особо подчеркнули то, что разница во времени и месте есть ничто иное, как изменение и развитие, называемое в масштабе вселенной формированием. Общества тоже меняются и развиваются в связи с разницей во времени и месте. Правда, порой возможны процессы, противоположные эволюции. Вовсе не критикую самобытное состояние, поскольку во вселенной нет развития и изменения, которые не обладали бы самобытными качествами. Любое изменение по своему смыслу есть самобытность. Точное повторение свойственно только догматичной вере. Слова типа «точное повторение» это игра слов, не имеющая смысла ни в одном из природных явлений.

В этом смысле, конечно же, и капиталистический модернизм обладает очень серьезными особенностями. Эти особенности, по определению Энтони Гидденса, развивались в трех важных сферах. В этом отношении было бы очень полезно охарактеризовать их как «непостоянство». Не буду повторяться, поскольку мы уже дали характеристику этой особенности капитализма во всех его особенностях. Но считаю, что в отношении понятия власти и нации-государства, как ее наиболее конкретного правового воплощения, следует сказать коротко, но очень содержательно, что было очень поучительно.

2. Мы говорили о том, что власть является одним из важнейших вопросов, о которых много твердят социальные науки, но в то же время как бы соревнуются в искажении сути этого понятия. Мои высказывания это не просто критика, вызванная сравнением. В числе важнейших особенностей капиталистического модернизма идет такая особенность, которая выражается в стремлении каждой личности считать себя причастным к власти, и таковой она становится, благодаря власти, которая способна сделать то, чего не может сделать ни одна цивилизация. Это и есть тот вопрос, над которым больше всего стоит задумываться. Это и есть та тема, которая больше других занимала сознание французского социолога М. Фуко, так и не справившегося с ней в полном объеме. Ленин пытался дать определение государства в своем труде «Государство и революция». Но, как выяснилось позднее, именно вопрос о государстве и стал той самой точкой, в которой Ленин допустил больше всего ошибок. Что касается определения власти, то он вообще не стал давать никаких определений. Он не смог понять того, что сильный и коварный человек, надевая на себя маски различных цивилизаций, используя по сегодняшний день, доставленный им «Камень очарования», он полностью угробил при помощи понятия «социалистическая власть» такую социальную деятельность, как социализм, который нужно было полностью строить при помощи демократического модернизма.

Считаю заслуживающим внимания следующее высказывание М. Бакунина по данному вопросу: «Наденьте корону на голову самого демократичного человека, и за двадцать четыре часа он превратится в самого подлого диктатора», или «испортится его нравственность». Создание социологии власти и по сей день остается фундаментальной научной задачей, требующей решения. До сих пор общественной загадкой остается вопрос о том, что такое власть, но не менее актуальным является вопрос о том, насколько вообще необходима власть. Согласно мышлению некоторых кругов и прячущихся в их недрах групп, преследующих свои интересы, абсолютная власть есть абсолютное решение. Видимо, таким был взгляд ассирийцев: твоя цель - убить всех. Есть люди, которые считают власть

болезнью. В частности, это касается анархистов и пацифистов. По их мнению, надо бежать от власти, как черт от ладана. По сути же, этот взгляд и есть объективная форма капитуляции перед властью.

Определение и решение, которое предлагает демократическая цивилизация, качественно отличаются от других. Право любой общественной группы на защиту является священным. Умение выстроить защиту перед любой агрессией против существования общественной группы и ценностей, связанных с ее жизнедеятельностью, является причиной существования, которая представляет собой нечто большее, нежели просто ничем не заменимое право. Я уверен, что силу самообороны нельзя считать властью в классическом её понимании. Правильнее было бы называть это демократическими силами или властью самообороны. Обращая внимание на то, что даже роза в состоянии при помощи своих шипов защитить себя, хочу назвать парадигму этой демократической власти «теорией розы».

А. Наиболее правильным определением власти в рамках цивилизации было бы пояснение о ее стремлении к захвату прибавочного продукта, его увеличению и присвоению, ради чего осуществляется любого рода социальная деятельность. Если в широком диапазоне от идеологической деятельности до военной, от попыток лишения трезвого рассудка до геноцида, от развлекательных игр до религиозных ритуалов прилагаются все усилия к тому, чтобы присвоить прибавочный продукт общества и его ценности, в конечном итоге эту деятельность можно назвать деятельностью в русле властных устремлений. Власть — это в определенном смысле сфера очень масштабной общественной деятельности. В частности, в цивилизованных обществах власть проявляет тенденции к постоянному углублению и расширению пропорционально прибавочному продукту.

Если внести ясность в понятия прибавочный продукт и прибавочная стоимость, то яснее станет сущность власти. Анализируя практику присвоения путем применения силы всех плодом материальной и духовной культуры личности и групп, их завоеваний и культурных ценностей, как единое целое, а также изучая процесс структуризации и превращения этой практики в «искусство власти», увидим, насколько конкретный характер обретают такие понятия, как присвоение и захватчик. Речь идет о практике и искусстве власти, которая путем применения силы постоянно присваивает себе определенные ценности, считает их своими собственными, ассимилирует, превращает в свою собственность, внушает идею родины, в противном случае, опять же, путем применения силы, отбрасывает эти ценности, заставляет людей прозябать в изгнании, лишает их родины, работы, собственности, в целом, с моральной и материальной точек зрения обесценивает все вокруг. Ограничение этих явлений рамками таких экономических ценностей, как прибавочный продукт и прибавочная стоимость, было бы проявлением узкого подхода. Очень благородно было бы объективное рассмотрение данного вопроса. Однако на этом пути происходит захват многих тысяч других ценностей со стороны сил власти, и всё это в комплексе справедливо было бы называть властью.

Основной функцией демократической власти является защита жизнедеятельности определенных лиц и групп, материальных и духовных ценностей, прямо или косвенно связанных с этой жизнедеятельностью, при этом нельзя закрывать глаза на аннексию этих ценностей, если же они уже захвачены, то следует сделать все, чтобы вернуть их обратно,

при этом данные попытки будут считаться во всех смыслах позитивными, нужными, верными, незаменимыми. На основе этого содержания демократическая власть есть искусство перехода к практическим действиям. Гораздо правильнее было бы назвать ее силой предотвращения аннексии в её сущности и искусством практического применения этой силы. Между такими факторами или искусствами (армия-война), как применение силы во имя захвата чьей-либо родной земли и предотвращением этих попыток захвата есть онтологическая (субстанциональная) разница. Это два противоречащих друг другу понятия. Антагонистичность этих позиций в обществе находит свое отражение во многих концептуальных дилеммах типа добро-зло, грех-раскаяние, правильное-неправильное, имеющий права — бесправный, прекрасно-уродливо и многих других.

Б. Власть можно разделить, классифицировать, исходя из множества точек зрения:

1. Политическая власть. Это наиболее часто применяемая форма власти. Она является отражением административной и исполнительной деятельности государства и тех сил, которые буквально идут по стопам (например, когда партия и гражданское общество берут за основу государственное управление). Это та форма власти которая имеет очень большую определяющую силу, и на протяжении всей истории она используется больше и чаще остальных.

2. Экономическая власть. Выражает интересы монополистических сил, стремящихся присвоить прибавочный продукт и прибавочную стоимость. На протяжении истории применялись многие формы этой власти.

3. Общественная власть. Отражает силовые действия, традиции, применяемые по отношению друг к другу всеми основными слоями общества. Эта власть делится на многие значительные категории семейного, классового, полового, этнического характера. Некоторые из них надо рассматривать отдельно. Такую власть в семье представляет отец, в классовых взаимоотношениях та сила, которая присваивает себе прибавочную стоимость, во взаимоотношениях между полами мужчина, в этнической среде эта власть представлена в лице господствующей верхушки этноса, которая подавляет и угнетает всех остальных.

4. Идеологическая власть. Аналогично по смыслу с руководящим мышлением. Развитые личности и группы в сфере науки и культуры находятся в положении идеологической власти.

5. Военная власть. Эта та структура, которая по своей сути тождественна с властью. Это наиболее крайняя, антиобщественная и нечеловеческая форма власти. Это мать (точнее, отец) всех форм власти.

6. Национальная власть. Является выражением центральной власти, применяемой в масштабах нации. Стремится представлять себя единой и неделимой. Эту форму власти можно назвать национальным господством.

7. Всемирная власть. Является выражением гегемонии господствующей цивилизации и модернизма, или имперского статуса. В настоящее время капиталистический модернизм реализует эту форму власти вместе с транснациональными экономическими монополиями и

нациями-государствами под предводительством США. Такого рода разделения можно продолжить.

3. Власть является комплексом общественно-исторических структурных отношений. Исторически она устанавливается над самыми жизненно важными точками и сферами общественного развития, и власти предержащие всячески стараются придать ей характер традиции. Традиционность можно также считать структурностью. Власть - та сфера общественных отношений, которая имеет наиболее структурный характер, ее повсеместно стараются удержать и усилить, даже протоколируется процесс ее реализации. Поскольку соответствующие люди сделали институт власти очень дееспособным, протоколирование процессов структуризации и формирования власти имеет жизненно важное значение с точки зрения ее постоянства и представительских функций. Например, создание, переход и передача султанской власти, ее захват сопровождался символическими мероприятиями величественного типа и обязательными протоколами. Все виды жизнедеятельности монархии, будь то одежда, еда, вступление в брак, вплоть до самой смерти, все взаимоотношения имели свои формы, установленные тысячелетиями. Поэтому не каждый может установить свою власть, используя одну лишь силу. Его могут назвать разбойником или деспотом. Да вообще-то, истинной формой реакционной власти является разбой и деспотизм. Но возвышенная, возведенная в ореол святости структура власти, дабы не услышать вслед «Маска упала, открылась плешь», вынуждена яростно выступать против этих открытых форм власти, чем и обеспечивает постоянство и уважительный статус своей структуры. Она осознает, что ее законный статус в значительной степени обеспечивается именно этими традициями и символами.

Хотел бы напомнить еще одну аналогию, проведенную мной в предыдущей защитной речи. Власть можно сравнить со снежным комом, падающим с горной вершины и разрастающимся до страшных размеров, а ком этот есть ничто иное как клубок монополий, которые в рамках цивилизованного общества сплотили вокруг себя людей, преследующих сугубо корыстные интересы и обрели исторический характер. Именно таково ее течение в общем русле исторического потока.

4. Суть власти можно понять гораздо лучше, если сравнить ее с инфекционной болезнью. Иными словами, власть заразительна. Изначально эта социальная болезнь, самовольно распространенная сильным и коварным мужчиной, прежде всего, путем отстрела дичи на охоте, затем путем установления власти над матерью - женщиной, имевшей достаток и обилие, обрела свой структурный характер в тройственном союзе, представленном жрецом на патриархальном уровне (человеком, обладавшим недюжинным умом), вождем (человеком, имевшим опыт управления обществом), и военачальником (человеком, имевшим монополию на военную мощь. В процессе формирования классов и развития городов власть и обрела уже государственный характер. Но сразу же хочу сказать следующее: не стоит думать, что с созданием государственной власти исчезла иерархическая патриархальная система сильных и коварных мужчин.

Тем самым, можно вывести следующую формулу власти: Власть - это сильный и коварный мужчина + иерархическая патриархальная система + государство. Эти три основные структуры представляют авторитарное общество. Эту систему с ее многочисленными

базисными и надстроечными структурами как общую категорию мы называем цивилизацией. На нижнем ярусе функционирует экономика, на верхнем ярусе заседает пантеон богов. Именно так строили цивилизацию шумеры. Форма изменилась, но суть осталась, более того, постоянно развивалась. На нижнем ярусе, на протяжении истории располагались рабы, крепостные крестьяне и батраки, то есть те, кого использовали в качестве материала для создания прибавочного продукта. Ремесленники, крестьяне и представители других профессий, считавших себя свободными людьми, тоже располагались на этом ярусе в качестве исполнителей. На верхнем ярусе восседали мифические и одиночные божества (порой султаны, как их тени или пророки, шаманы и жрецы, считавшиеся их посланниками), правящая мысль и законы (идея Платона).

Если в древнем мире и в средневековье власть чаще всего реализовывалась в форме этих фундаментальных структур и государства, в эпоху современного капитализма болезнью власти заражено уже все общество. Иными словами, общество заражено болезнью, которая побуждает считать себя властями предрержащими. Распространение власти посредством очень важных структур, которые Энтони Гидденс назвал «непостоянствами», хоть и принимает характер болезни, но оно в основном свойственно капиталистическому модернизму. В этом смысле некоторые идеологии и структуры играют определяющую роль. Эти обстоятельства я рассмотрю в последующих разделах.

Несомненно, распространение заразы власти во всем обществе свидетельствует не только о ее чрезвычайном усилении. Вместе с тем, это является свидетельством безысходности, истощении, приближении к последней стадии процесса разложения власти. Когда любая вещь достигает своего крайнего предела, обнаруживаются два выхода: или заинтересованные круги сделают на этой самой последней стадии все, что необходимо, или же, в случае если ничего не делается, то этот предмет или явление распадается и разлагается. Например, если яблоко становится спелым, румяным, то его надо сорвать с ветки. Если этого не сделать, то через определенное время прямо на ветке оно начнет гнить, в нем появятся черви, и оно попросту погибнет. Сравнение всегда хромает, но этот принцип действителен и для различных форм власти. Впрочем, власть, построенная на базе современного капитализма, уже находится на стадии загнивания. Она уже дурно пахнет. Как говорил Бакунин, власть прогнила настолько, что способна заразить даже самого здорового и морально устойчивого человека, соприкоснувшегося с ней.

Это суждение в действительности звучит так:

“ «Власть способна в течение двадцати четырех часов сделать диктатором любого, самого демократичного человека, стоит только надеть ему на голову корону власти».

Верно. Наденьте корону власти, находящейся на стадии загнивания, на голову самой угнетенной женщины, и она в двадцать четыре часа превратится в диктатора. Единственный путь предотвращения этой болезни, проходит через строительство демократического модернизма как системы.

3.6. Современный капитализм и национальное государство

Концепция национального государства не только покрыта тьмой, но и является одной из наиболее искаженных концепций. Раскрытие реальных функций модели национального государства, ее основной роли настойчиво избегается. Можно сказать о том, что при рассмотрении данной темы больше всего преследуется пропагандистская цель. Особая роль уделяется маскировке онтологических связей этой модели с фашизмом и национализмом — точно так же, как игнорируется связь фашизма и национализма с официальными идеологическими течениями современности. Эта позиция свойственна не только буржуазным либералам. Социалисты, например, в вопросах, касающихся модели национального государства или выглядят ее защитниками или совершенно игнорируют эту тему, считая ее крайне незначительной, и ограничиваются при этом простейшими фразами и словами. Но, в сущности, национальное государство является одним из ключевых понятий, способных выразить и изменить нашу эпоху. Даже считая точку зрения Энтони Гидденса недостаточной, в данном вопросе я считаю его позицию просветительской с точки зрения того, насколько точно он понял значение модели национального государства.

Все вопросы, которые я рассматривал до сих пор, можно считать подготовкой к рассмотрению модели национальной государственности. Без раскрытия, хотя бы на схематическом уровне концепций современности, власти, нации и государства, являющихся признаками зарождения капитализма, невозможно полностью раскрыть роль, играемую моделью национальной государственности. Тесно связано с данной темой и то, что я попытался в виде конкретных пунктов схематически изложить еврейский вопрос. Подобно тому, как анализ проблемы национальной государственности является ключевым в решении современных социальных проблем, так и социально-историческая оценка еврейского вопроса, хотя бы на уровне определений, но в привязке к цивилизациям, может быть очень полезной и поучительной в решении проблемы национальной государственности. Попытки осмысления геноцида евреев вне решения еврейского вопроса и анализа модели национальной государственности не только недостаточны, но и таят в себе массу ошибок. Современная трагедия Ближнего Среднего Востока с лихвой подтверждает все поставленные рассуждения.

1. Национальное государство — это форма реализации монополистического капитализма. Еще в XVI столетии в Голландии и Англии появилась форма государственности, своего рода, прототип модели национальной государственности, необходимый для подавления имперских

амбиций Испании и Франции. Нидерландское княжество и английская монархия старались добиться превосходства на пути к модели национального государства. Когда в 1649 г., с подписанием Вестфальского соглашения, в межгосударственных отношениях стал преобладать национальный фактор, все процессы в направлении формирования данной модели национального государства ускорились. Меркантилизм, который все государства стали брать за основу своей политико-экономической деятельности, стал фактором усиления и ускорения актуализации национального рынка. Теперь уже в жизни и деятельности государства все больше и больше места стали занимать сферы государственного языка, искусства, истории. Различные противоречия и войны между народами не могли происходить без таких факторов, как националистическая власть национального государства. Главенствующую роль среди подобных войн играют войны Наполеона. Их не было бы без достижения Францией стадии национального государства. Немецкие идеологи, пристально отслеживавшие данный процесс, именно в образе Наполеона нашли все ключи, необходимые им для создания немецкой националистической идеологии и немецкой модели национального государства. Немецкий национализм, получивший резкое ускорение, сначала сыграл роль движущей силы в объединении Германии и обретении той формы государственности, которую искал современность. Процесс, позднее породивший Гитлера, сделал свои первые шаги в начале XIX века.

Собственно говоря, этот вопрос намного глубже. Он связан с основами современного капитализма (цивилизации). Это движение, таящее в себе победный марш экономического монополизма, искажил суть не только национального развития, он должен был поставить на националистические рельсы во факторы, делающие нацию нацией. Без формирования религии как силы, способствующей единству нации, довольно тяжело было установление экономическими монополиями господства на рынке. Становление культуры и искусства на национальном платформе также связано с аналогичной монополистической ситуацией. Войны с позиций национальных интересов стали последним и наиболее значительным фактором этого процесса. Формирование всех этих признаков на национальной почве порождает национальный дух, что завершается национализмом. Различные труды идеологов на тему нации и государства давно уже подготовили все необходимые интеллектуальные основы. Ясно, что совокупностью вышеназванных факторов являются национальный рынок и монополистический капитализм, ведущим грандиозную войну за этот рынок и последовательно идущий к собственной гибели.

2. Промышленный переворот ускорил все эти процессы. Индустриализация, пришедшая после масштабной торговли, но постепенно производившая гораздо больше прибавочного продукта, благодаря этому своему качеству стала фундаментальным вопросом национального становления. Национальная промышленность — это максимальная прибыль для всех капиталистов в масштабе всей нации. Показателен в этом смысле XIX век. Индустриализм идеологически очень тесно связан с национальным фактором. Невозможно представить в отрыве от индустриализации процесс превращения национализма в крупнейшую идеологию и политическую практику XIX столетия. Торговая буржуазия в плане объема не в состоянии удовлетворить потребности нации. Меркантилизм далеко не соответствует уровню экономической монополии, способной самостоятельно развивать нацию. Буржуазия, значительно расширившая свои ряды, теперь уже, благодаря промышленным монополиям, начинает сохранять за собой право говорить от имени всей

нации. Она заново пишет собственную историю, конкретизирует свои философские тенденции, вписывает национальную культуру в анналы истории. Она оставляет свой отпечаток на национальной армии и национальном образовании. Победа стремления капитализма в лице национальной промышленной буржуазии установить господство над всей нацией обретает все более устойчивый характер.

Такое понятие, как «буржуазная революция», получают смысл только в том случае, если она включает в себя все эти процессы. Что касается единичных случаев английской, французской и аналогичных буржуазных революций, то они, вопреки установившемуся мнению, не являются запланированными буржуазными революциями. Во всех случаях буржуазия отличилась лишь тем, что умело использовала в своих целях все эти революционные процессы. Ошибочно также считать промышленный переворот победой класса буржуазии — этот переворот стал итогом глубоких исторических процессов.

Речь идет о том, что эгоистичная буржуазия, склонная к монополизации, экспроприировала эту сферу так же, как и другие, постоянно выдвигая вперед себя и собственные интересы. Подобно тому, как экономика не предполагает наличие класса буржуазии, промышленность является той самой сферой экономики, которая изначально не нуждается в промышленной буржуазии. Торговые монополии преуспели только в том, что установили контроль над этой сферой экономики, исторически более прибыльной, нежели торговля. Ни один настоящий представитель революции не является буржуем. Буржуа не присутствовали ни в теории, ни в практике индустриальной революции. Одним из наиболее значительных этапов развития стал промышленный переворот, сделанный экономикой в ритме общественно-исторического прогресса — точно так же, как в земледельческой революции эпохи неолита. Экономическое производство, развивающееся на всех этапах истории, превратило государство, являющееся по своей сути экономической монополией, и его рьяных сторонников в новые монополии, ставшие наиболее амбициозными по отношению к новым рентабельным сферам, жестокими, способным и при необходимости даже применим, силу. Модель национального государства более всего находит свою материальную основу именно в этих монополиях, а если и не находит, то создает ее.

3. Середина XIX столетия является одним из поворотных периодов истории. Должна была победить или модель национального государства как центр буржуазии, или же демократически конфедеративное движение всех слоев общества, оставшихся за бортом новой монополии и аристократии. Несмотря на отсутствие явных различий между движущими силами английских революций 1640 и 1688 гг. и Французской революции 1789 г., эти две тенденции сыграли в них основную роль. Коммунары Французской революции и т. н. «левеллеры», то есть «уравнители» английской революции, стали представителями демократических тенденций, которые позднее будут ликвидированы. Революция 1848 года в полном смысле слова была народной революцией. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса «Коммунистическая лига» и «Манифест Коммунистической партии», написанные до 1848 года, были вполне уместными историческими шагами. Первым стратегическим ударом для революций стало поражение вследствие предательства буржуазии и соглашения революционеров с различного рода консервативными силами. «Весна народов» продолжалась недолго и вновь наступила тягостная зима. Революционность буржуазии была связана с ее мгновенными интересами. Так, если бы буржуазии удалось достичь

успеха, она смогла бы изначально превратить политическую власть в экономическую монополию. Однако она предпочла сохранить то, что имеет, и добиться ограниченных успехов, нежели идти на риск потери всего. Не смогли найти реализации своих надежд и сторонники старых монархий и аристократий. В этот период еще более усиливается модель национального государства, представляющая собой некий баланс сил. Последующее развитие событий определит уже союз нации и государства, являющийся центром экономических и политических монополий. 1861 г. и 1871 г. стали датами объявления соответственно итальянской и немецкой моделей национального государства. Следом за ними произошло официальное утверждение других моделей национального государства.

Поняв, что новая революционная волна развивается не так, как они надеялись, Маркс переехал в Лондон, где углубился в анализ капитала. Деятельность в рамках Интернационала сводилась к работе кружков. Немецкие коммунисты, в том числе Маркс и Энгельс, основываясь на центральной модели национального государства, объективно приняли поражение. Их теории кризисов, а также программа, составленная в соответствии с распадом капитализма, организационная деятельность, стратегические и тактические уроки постепенно превращались в соглашательство с капитализмом против общества, и в тех же самых современных им шаблонах (индустриализм и узаконение модели национального государства), оказались ничем иным, как движением за получение своей доли от монополии, называемой экономизмом. Экономизм равнозначен принятию экономических программ промышленных монополий и программы национального государства. Социалистическая революция в России, как и предшествующие, тоже стала инструментом реализации программы «монополистический государственный капитализм + программа многонационального государства». Впрочем, и китайская революция после долгих стычек не избежала той же участи, пойдя схожим курсом на соглашение типа «китайское национальное государство + китайский монополистический капитализм + всемирная монополия».

Категории, называемые нами «национально-освободительными революциями», это, скорее, революционные движения, обусловленные современным мышлением и определившие индустриализацию и создание модели национального государства в качестве своей программы-максимум. Несмотря на то, что среди них можно часто встретить примеры социализма, общая программа известна. Основная причина неудач движения, осуществляемого под маркой полуторавекового научного социализма, заключается в его неумении преодолеть современное просветительство и продемонстрировать силу, способную в теоретическом, программном, стратегическом и тактическом отношениях сформировать и развить современную демократию. Точнее, причина заключается в отсутствии такого желания. Все данные свидетельствуют о том, что национально-освободительное движение имеет мелкобуржуазный характер, узкий спектр целей, страдает эйфорией от побед и очень легко отдается в руки системе.

Анархисты выступили с протестом против этого процесса. Но, в частности, серьезная критика, выдвинутая Бакуниным, Прудоном и Кропоткиным, и их программные предложения стали политическими альтернативами в силу отсутствия самоорганизации, идеологической узости и поверхностных знаний об обществе. Их участие в историческом процессе не увенчалось желаемым успехом, однако основная слабость обоих течений заключалась в

усвоении просветительской философии в том виде, как она есть, и догматической привязанности в позитивистской научности. Неудача больше была обусловлена идеологическими причинами.

Говоря о том, что до середины XIX столетия среди сельских и городских трудящихся Европе была очень сильна тенденция к демократической конфедерации, но капитуляция социалистов перед мировоззрением централизованного национального государства привела к полной потере этого шанса. Мюррей Букчин, вероятно, поставил более точный диагноз всему происходящему в социальной сфере.

4. Великий философ Ницше (которого уместно было бы называть наиболее сильным оппозиционным пророком капиталистической эпохи) одним из первых распознал серьезную опасность, в объявлении в 1870 году немецкой модели государственности в форме национального государства. В то время, как вся интеллигенция, включая социал-демократов, приветствовали этот факт, он видел в нем серьезную утрату для человечества. Если не ошибаюсь, суть его комментариев такова: «Обожествляемое государство, трудящиеся, превращающиеся в муравьев, выхолащиваемое общество, превращаемое в продажную женщину».

Еще более впечатляющей является критика гражданства, высказанная Прудоном. Такое впечатление, что он очень давно распознал сущность личности нашего времени. Макс Вебер называет общество, находящееся под воздействием современных тенденций, «обществом, заключенным в железную клетку». Еще более ужасающие определения даны в мире романов. Число таких комментариев растет по мере того, как общество отдается на растерзание национальному государству. Но все эти критические высказывания и предсказания далеки от конкретного анализа общества и его программы свободы. С XVI века до конца XX века народные массы и интеллигенция продемонстрировали невиданную за всю историю человеческого общества борьбу. У них было много временных успехов. Но то, что до сих пор в эпоху финансовых монополий во всей своей мощи существует всемирная гегемония капитализма, показывает серьезную несостоятельность школы современной демократии в плане анализа, ее неспособность к избавлению от ошибок и недостатков, касающихся программы, стратегии, организации и практики.

5. Незаменимой и не терпящей отлагательства функцией каждого периода цивилизации является равнозначный анализ трех основных элементов современности и содействия их развитию с помощью интеллектуального, просветительского и различного рода общественных движений. В связи с тем, что критика капитализма, пусть и чрезвычайно мало, неверно, но все же дана, крайне необходимо направить острие стрелы на модель национального государства, завершить этот процесс критикой индустриализма, что сохраняет свою значимость для борьбы за демократию, свободу и равенство в третью эпоху развития капитализма, называемую «эпохой финансового монополизма». Мы выполняем свою часть.

Теперь уже нетрудно говорить о том, что именно любого рода проявления национализма играют цементирующую роль как в формировании национального государства, так и в продолжении его жизнедеятельности. В этом смысле я хотел бы обратить ваше внимание на

то, что национализм является идеологическим элементом, и играющим специфическую роль. Гораздо правильнее было бы назвать его позитивистско-светской идеологией, обретающей религиозный характер. Несмотря на то, что позитивистские и светские проявления на стадии зарождения системы стоят очень далеко от современного демократического мировоззрения, им удалось сыграть положительную роль в преодолении засилья традиционного догматизма. Они внесли свою лепту в научное толкование. Но система, начиная с середины XIX века, с одной стороны, сохранила свои политические и экономические завоевания, с другой стороны, по причине продолжения угрозы демократической активности, как это встречается в любой цивилизации, сделала идеологический поворот в сторону религии. Эту потребность с лихвой удовлетворял национализм.

После такого рода вступительных заявлений, касающихся национального государства, было бы очень полезно и поучительно попробовать изложить более конкретные и подробные рассуждения, основываясь на значении данного вопроса.

А. Если дать более содержательное определение, то получится, что национальное государство — это, можно сказать, союз, зародившийся в рамках правового поля между механизмами власти и личностями, называемыми гражданами, и распространивший свое влияние на все общество. Определяющим понятием и данном случае является понятие власти, распространившей свое влияние на все общество. Узаконение власти всех предшествующих государств ограничивалась собственными структурами и кадрами; в национальном государстве эта граница стирается. Огосударствление личностей, выдвигаемых гражданами государства или обреченных на формирование в соответствии с идеологическими, структурными и экономическими интересами государства, причем стремящихся к государственности так, как будто бы являются представителями государственного механизма со всеми правами и обязанностями, — вот в чем заключается сущность национального государства. Формирование гражданина стоит в числе первых среди тех вопросов, которым национальное государство придает особое значение. Для этого оно старается воспользоваться такими многочисленными элементами, как идеология, политика, экономика, право культура, пол, армия, религия, образование, средства массовом информации.

1. Наиболее эффективным идеологическим орудием является национализм. Это своего рода новая религия. Национализм наделяет национальное государство священным образом, подобным «земному воплощению бога». Необходимостью этой новой религии является привязанность к государству до самой смерти, освоение его как наивысшей ценности.

2. Притягательность и сила влияния политической власти активно используются для того, чтобы сделать личность гражданином. Политические партии, в частности, играют свои роли именно с этой целью. Наиболее коротким путем к безопасности и доверию личность начинает считать формулу «мое государство».

3. В связи с тем, что такая ипостась государства, как экономическая монополия, в русле промышленного переворота обретает более распространенный характер, а политическая монополия получает серьезное развитие, чуть ли не половина общества втягивается в

государственную машину в качестве рабочих и служащих. Подобная ситуация сама по себе вовлекает больше половины общества в состязание за право быть членом национального государства, то есть быть его гражданином. Крайне тяжело отделить так называемые частные монополии от монополий, принадлежащих национальному государству. Между ними существует очень тесная партнерская связь. Очень трудно провести границу между тем, где начинается и где заканчивается государственная монополия, и местом частной монополии. В обмен на то, что частные монополии отдают государству больше половины своей прибыли, государство наделяет их своего рода современными привилегиями в виде безграничных облегчений деятельности. Тем самым деятельность частных монополий по вовлечению личности в процесс становления гражданином государства порой осуществляется в более реакционной форме, нежели самим государством, потому что заметно облегчается обучение личности в любых угодных государству ракурсах и делается это под предлогом лишения работы. Именно с этими процессами связано то, что синдикаты в последнее время стали более консервативными и рьяно приняли сторону национального государства. Социализм превращает рабочих едва ли не в боевую дружину национального государства.

4. Связь права с гражданством имеет очень конкретный характер. Любая личность, стремящаяся продвигать свое дело, должна обязательно получить идентификационный номер (удостоверение личности). Это, впрочем, само по себе уже означает получение гражданства данного государства — символически, выражение того, что личность стала членом государства.

5. Сознание власти и государства, актуальность которых поддерживается на протяжении всей истории, безусловно, вносит весомый вклад в форсирование традиционного типа гражданина.

6. Влияние гендерного признака обусловлено восприятием отца в семье как представителя государства, и каждый мужчина в доме становится «государством» по отношению к женщинам. Такое восприятие действует во всем обществе в целом. Национальное государство, пестуя такое восприятие мужчины, старается использовать его в своих интересах.

7. Армия — это одна из важнейших государственных структур буквально внедряющая в сознание и чувственный мир личности утверждение о том, что национальное государство является фундаментальной ценностью, и таким образом перевоспитывает личность. Каждая структура в рамках национального государства обладает аналогичными функциями, но ни одна из них не может достичь в этом отношении уровня армии.

8. Религия является именно тем средством, которое используется национальным государством в процессе своего становления, и превращается им непосредственно в религию национального государства. Подвергаясь превращению в общенациональную религию, облачению в формы национализма, в этот период религия, как общественный институт, фактически больше всех остальных противоречит собственной нравственной сути. Вовлекая все слои общества, оказавшихся за бортом секулярного национализма, в стихию религиозного национализма, объединяя их в статусе слуги нового воплощения старого бога,

религия переживает своего рода предательство собственной внутренней сути. Противостояние между религией и светскостью тесно связано с этим самым предательством.

9. Образование, с начальной школы до университета, — наиболее современная структура в плане превращения личности в гражданина. В этом смысле образование соревнуется с воинскими структурами. Первостепенной целью данных институтов является воспитание для современного капитализма наиболее ограниченного гражданина, чтобы, проведя все его общественно-исторические аспекты сначала сквозь фильтр религии, а затем национализма, приобщить к курсу официальной идеологии. Глупости, вытворяемые в этой сфере, оставили далеко позади себя схоластику древнего мира.

10. Средства массовой информации являются наиболее эффективным орудием современности, способным разрушить мозг и сердце человека. Эти механизмы значительно облегчают функции национального государства, пользующегося предоставленными коммуникативными технологиями возможностями по воспитанию гражданина в тех рамках, в которых оно этого желает. В частности, популяризуя и выхолощивая суть, а затем преподнося обществу формулу трех С, то есть «спорт, секс и синтез искусств», СМИ тем самым играют успешную роль в формировании наиболее отупевшего, недалекого, одурманенного гражданина. Эти средства и методы, воздействие которых мы могли бы раскрывать и дальше в виде основных заголовков, возвращают тип гражданина, не имеющий прецедентов ни на одном из этапов истории. Основной целью жизни такого гражданина становится стремление занять одну машину, семью (найти жену или мужа, родить одного-двух детей), а также иметь квартиру, то есть стать потребителем типичных стандартов. Смысл социума совершенно спокойно игнорируется из-за мистических (вульгарных, низменных) индивидуалистических страстей. Лишенное памяти, общество вообще оказалось оторвано от истории. То, что считается историей, — это набор национальных клише с националистическим уклоном, не обладающий философией или совсем не верящий в существование какой-либо философии счастья, кроме самой узкой меркантильности. На вид все кажется современным, но содержание свидетельствует о том, что имеем место самое пустое, выхолощенное «стадо граждан», личности «массового общества», подготовленные к самым темным акциям (фашизму), точнее, речь идет об **ОТСУТСТВИИ ЛИЧНОСТИ**.

Написано множество замечательных романов о роли, которую этот тип гражданина сыграл в движении на пути к фашизму. Существует, очень много знаменитых писателей, занимающихся этой темой. Эти романы, в частности, основанные на анализе геноцида, носят поучительный характер. Предельно просветительский характер имеет и критика «граждан», осуществляемая в последнее время под воздействием постмодернизма.

Первыми среди препятствий на пути современной демократии стоят национальные государства и общество, создающие такой тип гражданина. Следовательно, одной из важнейших функций демократизации является не только анализ национального государства и общества, порождающих такой тип отсутствия личности (потому что действительно считается, что личность как таковая отсутствует), но и воспитание демократических личностей (свободных граждан), стоящих на позициях равенства и

свободы.

Б. Очень важно заметить онтологическую связь между национальным государством и фашизмом. Одной из фундаментальных ошибок, допускаемых в отношении фашизма, является неспособность видеть его связь с систематикой национального государства, неумение раскрыть эту связь даже тогда, когда она видна ясно — шила в мешке не утаить. Что касается нашего анализа, проделанного на схематическом уровне, то он выявил значательную связь фашизма с идеологией Просвещения (включая позитивистские светские идеологии). Подобно тому, как основной формой современной официальной власти является модель национального государства, его новой религией является национализм. Общества, прошедшие сквозь фильтр национализма в рамках национального государства, стали обществами, готовыми постоянно порождать фашизм. Трудно представить себе фашизм вне модели национального государства — точно так же, как, безусловно, невозможно представить себе национальное государство в отрыве от концентрированного выражения экономического монополизма (торговля + промышленность + финансы).

Нетрудно узреть корни гитлеровского фашизма в немецкой идеологии. Единственным выходом для немецкой буржуазии стала концентрация монополистских усилий на пути становления национального государства. На протяжении XIX столетия основным занятием и достижением немецкой буржуазии стало создание такого типа государства, как на идеологическом, так и на материальном уровне. Это деяние имеет долгую историю, и я не в состоянии ее изложить. Конечно же, нельзя умалить роль еврейского капитала и идеологов. Диалектическая связь между евреями и еврейством, с одной стороны, и немецким фашизмом в Германии, с другой стороны, подтверждена сотнями исследований, и эта связь также доказана нашими теоретическими разработками.

Немецкая модель в дальнейшем стала источником вдохновения для всех националистических движений и моделей национального государства. Самой значительно слабостью социалистов и всех антифашистов стало их неумение узреть системную связь между национальным государством, монополиями (государственными и частными монополиями) и фашизмом. Более того, их ошибки продолжились в неумении раскрыть онтологическую связь между современным капитализмом и фашизмом.

В. Вопрос о взаимоотношениях национальных государств Советского Союза относится к разряду тех проблем, которые не теряют своей значимости, и ждут решения и по сей день. Самой крупной из всех ошибок еще во времена Маркса и Энгельса была ошибка, касающаяся того, что основные рамки борьбы за интересы рабочего класса очерчивались границами национального государства с центром в Германии. Демократические конфедеративные образования, порожденные городскими и сельскими восстаниями, которые до середины XIX века были очень актуальны для Германии, они посчитали отсталыми и поддерживали централизованное национальное государство. Этот вопрос также привлекал внимание Маркса и Энгельса. В данном смысле критические замечания и взгляды Бакунина и Кропоткина сохраняют свою силу и по настоящее время. Эти заблуждения Маркса и Энгельса стали основной причиной неудачной деятельности I и II Интернационалов. Объективно существовал союз, установленный ими с немецкой промышленной буржуазией. Впрочем, вышеуказанное обстоятельство описано довольно ясно. Это является

растворением в недрах национального государства. В принципе, полторавековая история марксизма является историей жертвы этой ошибки.

Советский Союз и современный Китай являются самыми убедительными примерами этого. Демократическая структура Советов в России была искусственно заторможена еще в 30 —х гг. до начала 20-х гг. прошлого столетия. Остались только попытки построения в отдельной взятой стране социализма по модели многонационального государства. Для этого были ликвидированы все виды оппозиции, стоящее во главе демократических сил, а крестьянство полностью уничтожено. Той же участи подверглась интеллигенция; некоторым ее представителям, впрочем, по просту заткнули рты. Развивалось ничто иное, как социализм современных фараонов. Никому и в голову не приходило что-либо вроде современной демократии, — точнее, этому чинились препятствия. Такая демократия, опять же, в виде недоношенного младенца, окажется на повестке дня только с начала 90-х гг. прошлого столетия. Я не считаю правильным называть этот период сталинским фашизмом, сравнивая с гитлеровским. Эти два движения развивались по различным каналам. Но пример СССР стал историческим опытом, который в потрясающей форме подтвердил, что советский опыт не имел ничего общего с социализмом и что не может быть построен социализм, не берущий за основу демократическую цивилизацию.

Известно, что Мао интересовался демократией. Очень важна его критика Советской власти. Культурная революция, развернутая Мао в Китае, является свидетельством неверного пути. Но ни уровень сознания Мао, ни средства и методы, на которых он основывался, не позволяли ему преодолеть влияние марксистской ошибки пример СССР. Сегодняшний Китай раскрывает глаза на многое, связанное с этой темой.

Национально-освободительные движения, многие из которых развивались по линии социализма (СССР), изначально считали построение модели национального государства своей программой максимум. Если иметь в виду тот факт, что устоять они смогли только в сотрудничестве с такими крупнейшими монополистами, как США, ЕС, МВФ, Всемирный банк, не стоит удивляться их структурам, которые имеют антидемократический и постепенно приобретают все более консервативный характер.

Самый яркий пример этого — «зелёный социализм», построенный партией БААС во главе с Саддамом Хусейном. Для тех, кто хочет понять это бесценный пример.

«Государство благоденствия», о котором говорят социал-демократы, тоже ничем не отличается от модели национального государства. Немецкие социал-демократы, лидирующие во всем мире и в данном вопросе, своим мировоззрением экономизма извлекли определенную выгоду даже из того ущерба, который Гитлер нанес их национальному государству, и по сей день крепко стоят на своих позициях. Но это имело место только посредством выхолащивания мирового демократического движения и превращения в подсобный материал для собственной буржуазии!

Г. Одним из ужасающих последствий построения модели национального государства стали невиданный в истории упадок, ликвидация и ассимиляция, которым подвергается культурное наследие. Важной отличительной особенностью национального государства

является игнорирование и последующие за этим разрушение, ликвидация и ассимиляция вместе с тысячелетними культурами всех этнических групп — помимо той, на базе которой создано само национальное государство, (кстати, лозунг «один язык, одна нация, одна Родина, одно государство» был главным гитлеровским лозунгом). Эти движения, к которым в истории не прибегала ни одна угнетательская идеологическая сила, связаны со структурой национального государства. Основной чертой культурной политики национального государства является создание одноликой, или черной, или белой массы однотипных граждан и структур. Идеологи национального государства хотели даже применить идеи дарвинизма, то есть биологизма, в общественной жизни. Один из ужасных грехов позитивизма лежит именно в этой плоскости. Растворение самой сильной культурой в своих недрах всех остальных считается эволюционным законом. Естественно, при этом вовсе игнорируется или вообще уничтожается многомиллионная эволюция человека!

То, что современная культура сделала заметный поворот вправо, потеряла свою волшебную притягательность, оказалась в ситуации, полностью лишенной таинственности, перестала быть источником вдохновения, происходит вследствие деятельности национального государства, подобно бульдозеру, разрушающему культурные традиции. Жертвами этой политики единственной культуры и геноцида всех остальных стали тысячи языков, десятки тысяч племен, родов, народностей, археологическое наследие, различные формы жизни, то есть культуры. И неизвестно, где должен остановиться этот разрушительный процесс. Культура национального государства, личности в контексте нации и национального общества, состоящая из одного расового типа, не только порождает фашизм, но и делает жизнь пустыней, толкает общество на путь превращения в чудовище, ищущее только цели для своих агрессивных выпадов. Итогом становятся этнические, религиозные войны, подавление других языков и культур. Современная жизнь просто пестрит такого рода войнами. Гитлер стал началом и символическим выражением этого культа войны. Наш современный мир переживаем состояние этого символизма, ставшего реальностью. Опять же для тех, кто хочет научиться, скажу, что события в Ираке, некогда имевшем ценность, эквивалентную золоту, говорят сами за себя.

Национальное государство в настоящее время не является просто военно-политическим и социальным движением, направленным против государств и передовых культур, как это было во время Второй мировой войны. Это — массовая социальная война, объявленная общественно-исторической традиции и всем новациям, дающим надежду на будущее и отличающимся друг от друга. Присутствие в логике создания, экономике, социальных и политических целях национального государства таких понятий, как «один язык, одна нация, одна Родина, одно государство», не может увенчаться ничем иным, кроме как длительной войной на всех фронтах, причем порой скрытых, порой явных, порой кровавых, порой демагогических.

Д. Национальное государство стремится обозначить свой единственный тип и на политической арене. Оно не дает возможности проявить себя ни различным нациям, ни различным политическим образованиям. Оно не дает возможности никому, кроме централизованного государства, называемого иначе «унитарным государством», осуществлять вою политическую линию на основе собственных различий, являющихся одним из фундаментальных условий демократии. Это оно считает угрозой цельности

государства. Даже признание за местными органами управления минимальных полномочий вызывает в этом смысле глубокие подозрения. Центральная бюрократия формирует его основную силу и фундамент. Национальное государство — это тип государства, созданный современной бюрократией, держащей в железной клетке все общество. Основным условием национального государства в отношении партий и гражданского общества является движение, аналогичное курсу государственной политики. Следовательно, социально-политическое, культурное и экономическое развитие, которое является необходимостью плюрализма, являющаяся неизменным условием демократии, постоянно и пристально отслеживается как причина угрозы. Национальное государство не признает возможности выбора, и, тем самым, присутствия плюрализма в управлении. В силу своей структуры национальное государство противостоит плюрализму, следовательно, антидемократично. То, что в национальном государстве не находят развития такие понятия, как «демократия» и «социализм», более того, они подвергаются ликвидации, как уже было нами указано, объясняется тем, что они защищают национальное государство или же капитулируют перед ним. В случае принципиального согласия между национальным государством и демократией, представляющими собой различные единицы, можно говорить о нем как о структуре, открытой для демократических перемен.

Е. Национальное государство не останавливается на создании одинакового типа только на базе личности, оно прививает всем социальным единицам однотипные мышление и чувства. Тем самым оно и распространяет свою власть над всем обществом, и создает общество одного типа, национал-государственное общество. Оно преследует цель создания корпоративного общества (модель фашистского общества). Нельзя неправильно воспринимать формирование власти в обществе — это может породить антагонистское понимание. Разместив своих агентов в виде отдельных лиц или структур во всех наблюдательных позициях общества, национальное государство считает своим основным делом углубление и расширение собственной власти. Намеченная модель общества может быть реализована только таким методом. Иными словами, распространение власти во всем обществе становится равнозначным по смыслу объявленной всему обществу войне, но не формированием власти общества. М.Фуко придает этой мысли важное значение. Власть мужа над женой также играет роль некой агентурной структуры. Посредством применения политики гендерной активизации общества и секса происходит прививание обществу ростков заразной болезни, способствующей войне против этого же общества. В частности, женщина является объектом глубокого порабощения. Сформировался побежденный тип женщины, приравнивающий мужественность к свободе, причем ущербность этой женщины имеет очень глубокий характер.

Функции спорта и искусства в обществе тоже поставлены на службу интересам национального государства, и они превращены во влиятельные агентурные структуры в войне против социума. В частности, в этих целях широко применяются популярные культурные и спортивные программы. Умышленное превращение всемирным капиталом таких сфер жизнедеятельности, как секс, спорт и искусство, в эффективных общественных агентов путем последовательного выхолащивания их содержания, способствовало тому, что на последних этапах они стали очень влиятельными сферами борьбы против общества. Выдвигая это суждение, я, несомненно, далек от мысли повального осуждения гендерного фактора или сферы спорта и искусства. Напротив, я уверен, что одной из основных функций

демократической цивилизации является использование этих сфер в интересах общества, на основе значительных этических ценностей, что способствовало бы благоденствию общества.

Спорт, являющийся средством воспитания здорового общества, в ракурсе интересов национальных государств снижен до уровня инструмента завоевания славы для страны. Спорт зажат в узкие рамки дилеммы «победа — поражение» едва ли не как на войне, и превращен в оружие борьбы в руках власти. В частности, такой вид спорта, как футбол, с этой целью превращен в монополию власти для национальных государств. Спорт одновременно вовлечен в рамки национального государства и превращен в поле результативной борьбы против общества.

Второй важной сферой социальных войн является сфера искусства, к которой устремляют свои взоры как государственные, так и частные монополии. В частности, поп-культура и культура арабски играют ошутимую роль в парализации общества в тисках развлекательной культуры. Чуть ли не армия звезд открывает массированный огонь по общественным ценностям. Классическое искусство совершенно забыто, народная культура в силу неправильной популяризации уже давно отошла от своих выполнявшихся на протяжении тысячелетий основных функций, и теперь, напротив, превращена в орудие уничтожения народа. Секс или половой фактор в невиданных для истории масштабах превращены в объект социальной войны. Ни одно средство не играет столь эффективной, как секс, роли в борьбе, развернутой против общества.

По данной теме, которую я надеюсь более подробно рассмотреть в разделе «Хаос и социология Свободы», сейчас лишь вкратце, в скобках, отмечу, что половой акт для мужчины превратился в акцию утверждения собственной власти. Половой акт уже не воспринимается как биологическое действие, направленное на продолжение жизни и рода. Он теперь настолько искажен, что превращен в фактор безграничного расширения и распространения власти уже в социальной сфере. Половой акт стал действием по укреплению власти. Во всех гомо-, гетеро- и прочих формах сексуальных отношений связь с властью играет определяющую роль. Несмотря на распространенный исторический фундамент, половой фактор ни в одной общественной или государственной формации не достиг столь систематического, распространенного и направленного на достижение власти (следовательно, порабощения) развития, как в рамках национального государства и его общества. Половой фактор в обществе находится в прямой связи с социально-политической властью.

Политикой, осуществляемой в отношении полового фактора как в семье, так и за ее рамками, национальное государство способствует ненормальному стремлению к власти. Женщина уже считает себя сексуальным товаром, а мужчина мнит себя средством половой власти, и вместе они толкают и самих себя и общество не просто в объятия нравственного кризиса, а постепенно становятся жертвами борьбы за власть.

Во всех этих трех сферах СМИ играют роль наиболее эффективного орудия войны. Ни одно орудие не играло столь раз рушительной роли в борьбе против общества под контролем монополий, как это делают СМИ. Но если средства массовом информации будут использованы в рамках демократической цивилизации, несомненно, они в состоянии стать

наиболее важным средством демократизации общества.

Политика национального государства, связанная с тюрьмами, больницами, также тщательно сформирована и играет значительную роль в усилении собственной власти и удержании общества в состоянии вечного заточения. Те, кто оказались и в тюрьмах или в больницах, оказались лицом к лицу с утерей многих материальных и моральных ценностей, которые у них отнимает власть.

Даже навязывая свою власть обществу, внедряя ее в капилляры социального организма, национальное государство вынуждено признать, что, в сущности, уже приближается к своему финалу. Власть, дошедшая до этой стадии, неминуемо будет низложена. Для этого нужно умело распространить во всех сферах общества понимание демократизации, организации и практической деятельности, которые диктует демократическая цивилизация, и умело развивать эти процессы.

Ж. Национальное государство в основном базируется на среднем классе, занимая промежуточное положение в плане классового расслоения. Какой-либо иной путь теоретически мог быть возможен, но практически это не представляется реальным. Национальное государство стало современным богом среднего класса, в своем сознании и пристрастиях живущего с мечтой о том, как дойти до своего бога (служить ему и блюдя его интересы). Подобно тому, как общество преклонялось перед богами древнего мира, не зная их сущности, так и современный средний класс, по сути, не знает своего бога (в смысле современного капитализма). Но он знает, что у него нет другого выбора. Для среднего класса смысл спасения сводится к получению должности в бюрократическом аппарате государства или в его монополиях (необходимость профессиональной формации). Средний класс рассматривает себя как стержень общества. Это очень эгоистичный класс. Либералы считают средний класс одним из основных условий демократии. На самом же деле все наоборот. Средние классы — это база, где отбирают себе материал не демократия, а фашизм. Связь между фашизмом и национальным государством носит структурный характер, и точно такая же связь существует между фашизмом и средним классом. То, что фашизм структурно связан с капиталистическими монополиями, отнюдь не влияет на данное суждение в отношении среднего класса. Исключения лишь подтверждают основную тенденцию.

Либеральные демократы, играя в основном со средним классом, преследуют цель выхолощивания демократии, обеспечивая превосходство истинным демократическим общественным силам в большой игре за демократию. Либеральная буржуазия, либеральные демократы могут проявить положительные качества лишь в качестве левого крыла в обстановке сильных демократических процессов. Необходимо обратить серьезное внимание на ересь среднего класса. Капитализм обладает серьезным опытом в использовании среднего класса в качестве противовеса борьбы общества за демократизацию. Он осуществляет свою внутреннюю политику с помощью обещаний, даваемых среднему классу, пробуждая в нем мечты и постоянно запугивая обострением отношений с низшими слоями общества. Национальное государство в этом смысле является сконцентрированной формой уничтожения среднего класса. Опять же, в этом смысле национальное государство является богом войны для среднего класса. Он так понимает, так мечтает и так поклоняется. У

демократических сил нет иного выбора, кроме построения собственного самобытного мышления и практической линии, чтобы противостоять этому божку и развернутой им массовой войны. Единственным путем борьбы с ним является превращение борьбы за свободу в священный долг и единственный выбор!

3. Вынося оценку модели национального государства, было очень полезно сравнить ее с некоторыми формами государственности и признать существование здесь различных моделей. Очень важно не отождествлять понятие «национальное государство» и его структуру с республикой. Не каждая республика является национальным государством. Даже монархии могут существовать по данному типу. Некоторые республиканские режимы могут превратиться в национальные государства, но республика все же более открыта для демократии. Отношения республиканского строя с обществом строятся не по типу национального государства. Республика соблюдает гораздо большую дистанцию в отношении монополий. Если республика — это режим союза, согласия, то национальное государство — это режим, навязывающий свою власть обществу и формирующий его в рамках своих интересов. Если республика обращает больше внимания на свои союзы и общественный баланс, то национальное государство, разрушая любого рода договоренности, возводит до невиданных высот единоличность и централизованную власть. Оно стремится растворить в своих горнилах различные политические, общественные, экономические и культурные ценности и мировоззрение. Республика может делить свою власть с различными структурами. Если под крышей республики могут размещаться носители различных взглядов, культур, этносов, политических образований, местные, региональные органы управления, то национальное государство в силу мировоззрения и структуры противостоит такому разнообразию и объединениям.

При моделировании национального государства часто говорят о трех примерах.

Франция стала первой моделью национального государства, являясь местом рождения данной модели. Ее создателем и богом был Наполеон. В основу национального государства французы поставили политическую идентичность. Усилив политическую и правовую сферу, французы, тем не менее, смогли удержаться от сползания в сторону фашизма германского типа, проявив большую приверженность своим традиционным позициям. Будучи господствующей нацией в своем государстве, французы не проявляют нетерпимости к другим. Всякий, кто принимает французский язык и французскую культуру, может найти свое место в рамках французского национального государства. В мире есть немало последователей французской модели. Именно французская модель вдохновила турок на создание собственной модели.

Немецкая модель берет за основу культуру. Культура свойственная немецкой нации, является условием и гражданства, и национального государства. Проявленная немцами склонность к фашизму связана с развитием немецкого национального государства именно на этой почве. Она оказала влияние на весь мир. Влияние этой модели испытали и турки. Однако немцы уже выходят за рамки своей модели.

Английская модель национального государства наиболее гибкая. Англичане, в отличие от французов, не ставят во главу угла политическое или, в отличие от немцев, культурное

единство. Они сформировали образец национального государства, более лояльный к различным политическим образованиям и культурам.

И. С точки зрения осознания изменений и развития национального государства важно анализировать его в связи с периодизацией. Постоянно повторяя, что национальное государство является основной формой государственности в эпоху капитализма, нельзя полностью осознать его роль, не рассматривая сквозь призму исторического развития.

Поиски Голландии и Англии более эффективных форм государственное в борьбе против испанской и французской монархий, привели к образованию типа национального государства. Постепенно все больше и больше стало подтверждаться преимущество, которым обладала новая модель в сравнении со старой военно-политической структурой, причем как с финансовом так и политической точек зрения, в частности, с точки зрения реорганизации армии. Голландцы и англичане в первую очередь обеспечили себе морское преимущество. К концу XVI столетия господство, следовательно, и гегемония на море, полностью перешло к Голландии и Англии. В начале XVIII века, в период династических войн во Франции и Испании, голландцы и англичане утвердили свое господство и на суше. Но монархические династии Франции и Австрии не хотели отказываться от своих имперских амбиций, что обернулось для них очень серьезными последствиями. Они фактически оказались на грани потери возможности создания собственных национальных государств. В частности, государственное строительство обошлось им очень дорого с финансовой точки зрения.

Голландия и Англия, столкнувшись с деятельностью империи оказали политическую поддержку созданию национальных государств. Так, результатом очень эффективной политической линии стала поддержка и усиление Пруссии, мощного национального государства, представляющего собой противовес действиям Австрии и Франции.

Другим фактом эффективной политики стало то, что постоянно поддерживая все оппозиционные силы Европы, в том числе тех, кто находился в поисках модели национального государства, англичане и голландцы попросту разорвали тем самым, своих противников, потому что последним было очень тяжело противостоять нашествию национального государств. Вестфальское соглашение стало результатом этих процессов. Оказавшись в конфронтации с императорской Европой, европейские национальные государства постепенно укрепляли свои позиции и обеспечивали себе преимущество. Цель, преследуемая англичанами в период Французской революции, сводилась к низвержению короля, не идущего на соглашение с Англией, и активизации деятельности оппозиции. Они поддерживали всех, у кого были противоречия с королем. Французская революция, в сущности, в каком-то смысле (не полностью) стала результатом заговора англичан, но позднее монархия испортила отношения с Республикой и Наполеоном в отношении перехода к форме национального государства. Англии едва удалось спастись от Наполеона. Прусская политика также стояла перед аналогичным результатом.

Аналогию с Наполеоном мы видим на примере создания Турецкой Республики. Известно, что Англия поддерживала проанглийски настроенную оппозицию в противовес прогермански настроенным «иттихадистам», но, когда на исторической арене вдруг появился Мустафа

Кемаль-паша, фактически повторилась ситуация, связанная с Наполеоном. Проиграли сторонники, как Англии, так и Германии. У Англии есть богатый политический опыт такого рода, который стоит внимательно исследовать. Тем более не стоит забывать осуществление ими политики совместно с масонами.

Победа модели национального государства в масштабе всей Европы обрела неоспоримый характер национальной консолидацией Италии в 1861 году и Германии в 1871 году и созданием этих двух национальных государств. На этот раз борьба за гегемонию проходила уже между Англией и Германией. Период в сорок пять лет от 1870 г. до 1914 г. протекал в поисках союза обеих сторон. Первая мировая война нанесла серьезный удар по гегемонистским амбициям Германии, Вторая мировая война стала своего рода войной-местью со стороны Германии. Итогом оказался горький распад немецкого национального государства.

Россия, октябрьской революцией 1917 года хотела заполнить вакуум гегемонии, образовавшийся после Германии. Именно поэтому Советская Россия быстро превратилась в модель национального государства. Но союз политически опытной Англии с США точно так же, как с Францией и Германией, свел на нет все гегемонистские устремления России. Официальный распад советской системы в 1991 году по смыслу соответствовал отказу от гегемонистских идей. Английская гегемония длиною в три столетия была сдана ею в 1945 году в обмен на право, остаться маленьким союзником США. Политика СССР, направленная на поддержку национально-освободительных движений против США, стала результатом «холодной войны», длившейся с 1949 по 1989 гг.. «Холодная война» между США и СССР была золотой эпохой национальных государств. Напряженность во взаимоотношениях двух держав подготовила рождение национальных государств, подобно снежному кому. Процесс формирования национальных государств, завершившийся в Европе до 1914 года, в мировом масштабе завершился в основном к 70-м годам прошлого столетия. Вторая мировая война для европейских национальных государств, стала первым важнейшим кризисом. ЕС возник как результат этого кризиса.

Вопрос, который требует освещения, заключается в том, почему современный капитализм развил модель национально государства. Все наши пояснения не только раскрывают эти причины, но, вместе с тем, в качестве краткого дополнения, свидетельствуют о том, что эта модель не давала шанса для легкой развития имперских тенденций и процессов. Если бы победила империя, то шансы капиталистических монополий остались бы такими, какими они были в Средние века. Именно поэтому, собрав все силы, национальные государства смогли противостоять четырем крупным империям вплоть до полного распада: в 1500-1600 гг. это была Испанская монархия, в 1600—1870 и Французская империя, в 1870-1945 гг. Германия, в 1945-1990 гг. — Советская империя (следует добавить к ним еще Османскую империю и Австро-Венгрию).

Как бы ни старались привязать к модели национального государства эпитет «национальная буржуазия», в действительности происходит то, что это государство в основном является ареной деятельности капиталистических монополий, стремящихся к созданию транснациональных миров-систем. Даже пример Турции, считающейся самым ревностным приверженцем национальных устоев, сформировался только благодаря согласию Англии и

союзу с США. Без международной капиталистической системы нельзя представить себе ни рождение, ни развитие национального государства. Сюда же входят советская и китайская модели национального государств. Во главе факторов создания и утверждения этих моделей идет наилучший политический ответ аргументам прибыли, выдвигаемым капиталом. Но, утерев эти особенности, они стали постепенно преобразовываться и постарались продолжить свое существование сначала под гегемонией Англии, затем уже США. Без мировой системы (современный капитализм и гегемония) ни одна модель национального государства не может просуществовать сколько-нибудь долгое время, потому что это противоречило бы логике системы. Противоречивое тяжело уживается или исчезают совсем. Чтобы выстоять, Советский Союз и Китай испытывали серьезную потребность в соглашении с США, и это является еще одним убедительным примером.

В данном случае можно лучше осознать трагический финал Саддама Хусейна. Он не признал и не хотел признавать систему. У него был единственный шанс сохранить свое положение, повернув курс Ирака на создание масштабной демократической системы. В силу своей безоговорочной веры в бога, коим было национальное государство, он не воспользовался этим шансом. Стоя под виселицей, он сжимал в руках Коран, написанный со слов старого Бога, и стало очевидно, что Саддам не нашел спасения у нового бога системы; у него попросту не оказалось сил спастись. Но бог системы, этот новый Левиафан, чувствует себя крайне скверно в иракских болотах. На всем протяжении Ближнего Среднего Востока ему приходится очень тяжело.

Европа ищет для себя нового бога. Вероятно, она создаст нового, миролюбивого бога, уважающего закон. ЕС старается развивать свою деятельность как реакцию на агрессивное прошлое, в первую очередь, на Вторую мировую войну, ставшую самой последней и страшной из всех войн на протяжении четырех столетий формирования нации и национальных государств. Выявившиеся разрушительные особенности национального государства ЕС старается нейтрализовать, используя развитие мысли, веры и структуризации в экономической, социальной, политической и исторической сферах, применяя эволюционные методы на базе нового института европейского гражданства. Здесь проявляется своего рода самокритичный подход. Этот процесс требует внимательного наблюдения, и нельзя предугадать его результаты. Что касается США, то, ликвидировав Саддама, этого иракского Луи XVI (король, казненный на гильотине в период Французской революции) эпохи национально-государственной цивилизации, американская администрация радикально подчеркнула свое отношение к модели национального государства, не вписывающейся в ее планы. Скорее всего, они могут испробовать перестройку национального государства на федеративной основе (структура США).

То, что США оказались между ролью гегемона и имперской силой, является свидетельством очень трудного процесса. Очень тяжело управлять моделями национальных государств с помощью слабой гегемонии. В качестве примера достаточно привести отношения с Турцией. Может иметь место изоляция в состоянии империй. Еще свежо в памяти падение Рима. Но считается, что вряд ли можно найти иную, кроме США, силу, которая осмелится взять на себя имперскую роль. Все свидетельствует о тупиковом состоянии. Классическая модель национального государства при помощи гегемонии смогла с трудом просуществовать только до начала XXI века. ЕС стал первым шагом на стадии формирования. Будущее его

неясно. Система ООН демонстрирует этот тупик чуть ли не в зеркале национального государства, — это не тот орган, который решает проблемы, он, скорее, усугубляет их. Трудно представить себе, что прочие региональные объединения окажутся способны устранить препятствия в лице национального государства; у них, похоже, нет никаких конструктивных возможностей. Национальное государство как изнутри, так и извне уже давно перестало быть моделью решения общественных проблем. Может быть, на заре своего возникновения они и были удобными моделями для накопления капитала и борьбы против внешней агрессии, но сейчас, в силу актуализации исторических общественных, культурных, этнических, экологических, феминистических и политических проблем, изнутри задавленных этой моделью, а также по причине противоречий на международном уровне они превратились в модели-препятствия, о чем свидетельствуют сотни примеров.

Израильско-палестинская проблема в этом смысле изобилует поучительными уроками. Обе стороны конфликта очень жестко придерживаются модели национального государства. Так, для решения проблемы Иерусалима они должны или разбить на части город, или воевать до полного уничтожения друг друга. Трудно найти какой-либо иной пример, столь ярко раскрывающий суть тупика, в котором оказалась система, не имея возможности выйти из него. Есть еще проблемы в Ираке, Афганистане и Ливане. На очереди, вероятно, Иран и другие страны. Поскольку для модели национального государства не характерны ни справедливость, ни гуманизм, ни политические, ни демократические особенности, она не имеет шансов на выживание, и с каждым днем этот факт раскрывается все больше и больше.

Достигнув своего апогея в 70-е годы прошлого столетия, модель национального государства, в частности, с распадом СССР, вступила в полосу глубокого кризиса. Кризис, отсутствие решений проблем системы и постепенное превращение в препятствие привели к тому, что эта модель стала терять былое доверие в глазах капиталистической монополии. Нет особых надежд на то, что в рамках модели ЕС кризис будет преодолен эволюционным путем: современный капитализм связан с глобальным мировым кризисом. Ближний и Средний Восток стал ареной превращения критического состояния в хаос. То, что происходит сейчас, отвечает параметрам третьей мировой войны. Второй ЕС или БСП (Большой Ближневосточный проект) в условиях региональных реалий не в состоянии дать ответы на злободневные вопросы, и можно ожидать длительного продолжения хаотического состояния. Система может попытаться заново отстроить модель национального государства, но на этот раз под ложным «демократическим» прикрытием. Наиболее верным путем является развитие демократической цивилизации как ответа приверженцев идей равенства, свободы и демократии.

В разделе своей Защитной речи, который я планирую написать под заголовком «Демократическая культура на Ближнем и Среднем Востоке и решение вопроса демократической культуры в Курдистане», я постараюсь подробно остановиться на проекте демократической конфедерации.

К. Игнорирование эпистемологической стороны национального государства, являющейся его фундаментальной парадигмой, стало серьезным исследовательским недостатком. Характеристики, даваемые национальному государству по настоящее время

свидетельствуют о том, что эта модель, в отличие от любого другого типа государства, зиждется на совершенно иной парадигме. Исследования Томаса Куна, связанные с эпистемологией, выявляют значение парадигмы. В связи с парадигмой в данном случае я хотел бы подчеркнуть поразительные искажающие возможности национального государства. Научная точка зрения любого человека, выросшего в общественной среде, характерной для этого государства, в 90 процентах (по грубым подсчетам) случаев противоречит истине. Основная причина заключается в национально-государственной парадигме, реализуемой на всех уровнях общества, начиная от способа формирования института гражданства, а также в том, что национальное государство формирует свое собственное историческое и общественное сознание, выдвигая его на господствующие позиции. В частности, создаваемая им история нации и государства (оно создает их в тесном переплетении) обходит молчанием не только общие принципы исторического процесса, и, но в большей степени игнорирует или искажает историю других наций, государств и обществ, превращая их в подсобный материал для собственной истории.

Гражданин, не прошедший через эту парадигму, вероятно, и не лишен возможности стать ученым, создавать науку, но его знания извращены, он не в состоянии осознанно комментировать происходящее. Во-первых, он фанатик, смотрит на все в ракурсе интересов национального государства. Ни одно явление не имеет для него смысла до тех пор, пока не будет проведено через его националистические шаблоны. У него нет возможности осознавать социальные науки. Шовинистическая национальная перспектива сужает его возможности познания науки он способен воспринять что-либо только в том случае, если это соответствует критериям его признания. Ни один факт, событие или явление, которого он не приемлет, не могут нарушить ритм вызубренных им шаблонов. Разрушительная сила национализма, превращенного в религию, выступает перед нами во всей своей конкретике именно в данном аспекте. Он не видит никакого смысла в чем-либо, не поставленном на службу национализму. У него нет интереса ни к чему. Духовный мир и мышление такого человека зашорены сильнейшим образом. Именно поэтому все социальные реалии, выходящие за рамки явлений, связанных с моделью национального государства, ему противны, поскольку в сфере социальной действительности все должно видеться сквозь призму национального государства, даже если это и изрядно сужает панораму. Такие «очки» не способствуют объективному философскому мышлению. Они крайне неудобны и для понимания науки. Ожесточение разума — вот препятствие, не дающее возможности понять и осознать.

Гражданин такого типа не представляет себе никакого иного общества, кроме национально-государственного, частью которого он является. Ожесточение в этом направлении или совсем искажает объективное наблюдение, или скатывается до совершенно безразличной позиции. Он смотрит на людей, стоящих перед ним, сквозь призму парадигмы нетерпимости, которая гораздо жестче нетерпимости религиозных фанатиков, и видит в них или врагов, или вообще никого перед собой не видит. Именно по этой причине мир, построенный на модели национального государства, постоянно порождает войны. Пример Гитлера и в этом вопросе может быть очень характерным. Европа или даже весь мир или должны быть такими, какими представляются ему, или они вовсе не должны существовать, исчезнув с лица земли. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, как такая парадигма превратилась в фактор насилия.

Очевидно, что религиозные войны связаны с различными парадигмами. Это связано с парадигмой роста числа войн, имеющих националистические корни, и основной точкой зрения, которую национальное государство сделало господствующей. Неумение правильно воспринять знание, естественно, приводит к ошибочной информации, что, в свою очередь, способствует принятию неверных решений и соответствующему практическому применению.

Не стоит ожидать от ученого, строго придерживающегося национально-государственных позиций (парадигмы), осмысленных комментариев во всех научных сферах, в первую очередь сфере социальных наук (не будем забывать того, что и другие науки имеют социальные корни).

Данное мышление, старающееся осмыслить все через собственное «я», непрерывно повторяя такие термины, как «мои границы», «мое общество», «моя страна», одним словом, видит во всем только «я» и «мое», расписывается в собственном неистребимом эгоизме, преувеличивая собственные возможности и возвеличивая самого себя. В подобном случае от такого человека трудно ожидать нормальных взвешенных решений, взаимоотношений и практической силы. Это и очевидно. Не может быть человека, отождествляющего себя с государством и обществом, его историей и зарождением, интересами и привязанностями, никаких шансов на разумные действия во имя мира и солидарности ни в национальном, ни в международном масштабах.

Не выйдя за рамки национально-государственного взгляда этой парадигмы, которую мы постарались охарактеризовать и наиболее общих чертах, нельзя создавать науку, следовательно, принимать правильные решения и строить верные взаимоотношения. Все данные свидетельствуют о том, что демократическая обстановка является наиболее приемлемой для научной революции. Окинув взглядом научные представления периода 6000-4000 гг. до н. э. (Плодородный Полумесяц), ионического и афинского периодов истории человечества в 600-400 гг. до н. э. или эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения и Европе, увидим, что науки быстрее всего развивались именно в той обстановке, где общество было неразрывно связано с идеей свободы. Несмотря на огромные успехи Европы, она и по сей день находится под ударом мировой критики, и происходит это из-за присутствия узких эгоистических интересов национального государства. Система национальных государств, на которой базируется современная эпоха, не позволяет найти решения существующих проблем. Это же становилось причиной всех беспрецедентно крупных войн за последние четыре столетия.

Взгляд сквозь призму демократической цивилизации является величайшим шансом для создания науки. В частности, потребность в новой науке, возникающая в периоды кризисов и хаоса, может быть удовлетворена только при условии господства парадигмы демократического общества.

Поскольку без решения эпистемологических проблем практические решения попросту невозможны, идея низложения парадигмы национального государства и достижения парадигмы современной демократии приведет к достижению силы необходимой для решения.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Эпоха современного капитализма

Вступление к четвертой части

Периодизация истории цивилизации в виде древней, средней и новой эры отнюдь не ошибочна. Противоречия больше относятся к содержанию определений. Уверен, что форма и содержания повествования, которой я придерживаюсь в своей Защитной речи, обладают достаточными пояснительными свойствами. Уже обсуждался вопрос о том, насколько возможно говорить о капитализме как о цивилизации. В основе моих рассуждений о цивилизации лежит убежденность в том, что цивилизация сформировалась как единое целое и в виде огромной реки несет свои воды по установившемуся руслу. Цивилизация действует на базе треугольника «город-класс-государство». Формы, которые обретает данный треугольник, в свою очередь, определяют формы цивилизации. Таким образом мы можем охарактеризовать Шумер и Египет как первую классическую форму цивилизации, греко-римскую цивилизацию, ислам и христианство — как период зрелости цивилизации, а европейский период — как период разложения и хаоса.

Должен констатировать, что следует отличать еще демократическую цивилизацию, которая является составной частью главного потока цивилизации, но, тем не менее, не должна с нею отождествляться. Надо отметить еще и то, что цивилизация сама по себе является очень противоречивым целым. Основное противоречие существует между цивилизацией государственно-монополистического типа и демократической цивилизацией общества, не ставшего частью государства. Противоречие между цивилизациями государственного и демократического типов лучше всего можно наблюдать на примере двух древнегреческих городов античной эпохи. Это Спарта, где власть носила монархический характер, и Афины, где царила демократия. Аналогичное противоречие существовало и в процессе развития европейской цивилизации. Глубокие конфликты, разгоравшиеся в период с XIV века до середины XIX века между государственными и городскими демократиями, по своей сути были противоречиями между цивилизациями государственного и демократического типов.

Еще одним самым серьезным недостатком марксизма стало то, что это противоречие оно рассматривало в классовом ракурсе. Прямой конфликт между классами — это понятие аналитического плана. Конкретное столкновение может иметь место между социальными субстанциями, например, между государственным обществом и обществом демократическим. Последствия узкоклассовых взглядов известны. Дело в том, что истинным в жизни классов, границы которых никогда не были четко очерчены и ежедневно могли иметь межклассовые переходы, являются их сознание и культура. Класс, который не признает или не может сформировать свою цивилизацию, в принципе, находится в состоянии исчезновения. Не бывает классовой борьбы без цивилизации. На советском

примере можно убедиться в том, насколько ужасной ошибкой может оказаться борьба двух классов в рамках одной цивилизации. Поскольку не удалось разрушить шаблоны европейской цивилизации, не удалось создать самобытную советскую цивилизацию. Более того, в большей степени были взяты за основу шаблоны современного капитализма, поэтому в итоге не удалось избежать превращения в них. В истории есть много примеров, схожих с советским. Вывод таков, что если борешься при помощи чужого оружия (стиля цивилизации), то неизбежно перенимаешь его черты. Возникновение подобных ситуаций обусловлено тем, что революции не могут определить собственные формы цивилизации.

В этом смысле капиталистическая цивилизация является очень узким понятием. Но в то же время чревато серьезными ошибками суждение о том, что такая цивилизация, как европейская, для которой характерны многие демократические признаки, является общей цивилизацией двух классов (рабочих и капиталистов). Нельзя говорить об одной европейской цивилизации, следует различать демократическую и капиталистическую цивилизации Европы. Современный ЕС — это объединенная Европа двух цивилизаций, установивших между собой согласие, которое европейцы стараются развивать между двумя цивилизациями: демократической и капиталистической. Это интересный опыт, достойный изучения и исследования. Необходимость балансирования жесткой государственной цивилизации Европы с очень сильными демократическими традициями и такими мягкими средствами, как логика и право, совпадает с нашим определением, касающимся последнего (государственного) периода цивилизации (речь идет о сопряженности цивилизации с кризисами). Беспощадные войны, длящиеся на протяжении четырех столетий, являются еще одним свидетельством того, что кризис заложен в структуре цивилизации. В активных рассуждениях о системе убедительным аргументом может служить советская система. Рассуждения о структуре и будущем ЕС отражают нерешительность современности как таковой и невозможность избежать кризиса.

Основная причина подобного нашего суждения связана со структурой капиталистической монополии. Как утверждал Маркс в «Капитале», кризис связан с капиталом, то есть со структурным характером, необходимым для монополии. Накопление капитала и получение прибыли невозможны без кризисов. Капитал не может не приносить прибыль, следовательно, не может обойтись без кризиса. Постоянное присутствие в повестке дня государств таких понятий, как «революция», «демократизация» и «права человека», обусловлено не только личными проблемами, но и необходимостью поиска ответов на кризисы. Кризис — это неуправляемое состояние мира. Мировой капитал всегда не управлял миром, а воюет с ним. Войны, имеющие место из-за кризиса, лежащего в основе капитала, обрели мировые масштабы. Вместе с рождением цивилизации появились первые профессиональные армии и постоянно велись войны. Государственная цивилизация в силу своей сущности не может развиваться, не установив своего господства над обществом, а господство — это власть. Как не может власть осуществляться вне господства, так и господство не может осуществляться без силы. Именно с этим связано то, что Гегель сравнил историю с кровавой бойней.

Отличия двух предыдущих цивилизаций от капитализма связаны с количественным аспектом классовой, городской и государственной структуры. Города тогда были маленькими, классы — ограниченными, государств было мало, и они были мелки.

Следовательно, войн было меньше, и они были непродолжительны. Сила как таковая важна из-за структурного характера цивилизации. В условиях капитализма город, класс и государство буквально поглощают не только все общество, но и окружающую среду, подземные ресурсы и воздух. Хаотические ситуации окутывают все общество и окружающую среду. И. Валлерстайн высказал суждение о том, что капитализм вступил в полосу структурного кризиса в 70-е гг. прошлого века, и этот кризис может продлиться 25-50 лет. Говоря о том, что последствия этого кризиса смогут определить качество триады «знание-организация-практика», ученый частично касается явлений и связи. Он все еще не избавился от марксистского понимания циклического кризиса. Я считаю, что правильнее было бы говорить о кризисе, действующем на протяжении существования капитализма. В этом разделе мы вкратце дадим временную периодизацию капитализма и постараемся на схематическом уровне обсудить его структуру, кризисное состояние и проблемы перемен.

4.1. Монополистический торговый капитализм

Самой древней сферой капитала является торговля. Можно говорить о том, что период 4000—3000 гг. до н. э. был эпохой торговли вокруг городища Урук. Известно, что ассирийцы создали сеть торговых колоний на всем пространстве от Анатолии до Индии. Финикийцы стали первыми, кто смог построить торговые колонии на всем побережье Средиземного моря. Расширение и надежность в Персидской империи имели глобальный смысл, в плане развития торговли. Торговля продолжала оставаться влиятельной сферой и в эпоху греко-римской цивилизации. Крупным городам тяжело выстоять без торговли. Большой город означает большую торговлю. Исламская цивилизация, представлявшая собой глобальную силу в Средние века, стала последним этапом на пути к западной торговле. Похоже, там были налицо все традиционные атрибуты торговли — такие элементы, как деньги, кредиты, банки, векселя, рынок, транспорт. Торговля являлась самым влиятельным сектором в исламской цивилизации со всеми ее старыми и новыми аргументами. Итальянские торговые города в основном продолжили торговые традиции Восточного Средиземноморья, исламского мира и Византии.

В XIII веке превосходство торговли ощущалось уже во всей Европе, и транзитным регионом служит Италия. Итальянские торговые города продолжали обладать преимуществом в период с XIII по XVI века. Начиная с XVI века, это преимущество перешло к городским монополиям Англии и Голландии. Начиная с указанного столетия, победа торгового капитализма в большей степени ковалась в столицах этих государств — Лондоне и Амстердаме. Одной из великих торговых революций стало открытие Америки и Юго-Восточной Азии через Атлантический океан и мыс Доброй Надежды, а также их приобщение к крупным торговым путям. Вместе с открытием этих путей, с начала XVI века, стал терять былое значение Ближний и Средний Восток. Был нанесен сильный удар по его традиционному господству над торговыми путями Восток-Запад и Север-Юг. Постоянное отставание Ближнего и Среднего Востока, начиная с XVI столетия, тесно связано именно с открытием новых торговых путей. Получив еще один стратегический удар в период промышленного переворота, этот регион и по настоящее время не может найти возможностей собраться с силами и возродиться.

Самое крупное накопление капитала в Европе сыграло успешную роль в XV и XVIII веках. Оно установило свое господство и над ремеслами, достигавшими в городах своего пика, начиная с X века, и над земледелием. Монополизация и распространение мануфактур, увеличение их объемов, ставшие первым серьезным промышленным действием капитала, развивались в тесной связи с гегемонизацией торгового монополизма. Самые крупные торговые компании

Голландии и Англии, коими стали Восточно-Индийская и Западно-Индийская компании, на протяжении длительного периода сохраняли за собой роль лидеров. Такие влиятельные инструменты капитала, как банки, векселя, кредиты, ассигнации, бухгалтерия, ярмарки, в этот период превратились в сильные структуры.

В этот период в очередной раз видно, что между частными торговыми и государственными монополиями существует тесная связь. В основном происходит так, что не бывает монополий самих по себе, без участия в государственной машине. Государственный монополизм всегда занимал передовые позиции, начиная с ранних эпох торговли и заканчивая европейской эпохой торговли. Либерализм без государства — это полная чушь. Основным смыслом либерализма сводится к тому, чтобы поставить государство полностью на службу экономическому монополизму, превратить политическое государство в государство экономическое. Либерализм без государства подобен саду, без хозяина. В этот период преимущественная роль торговли в жизнедеятельности государства, точнее, взаимоотношения с торговым монополизмом, занимают успешные позиции.

Период между XV и XVIII веками можно было бы по этой причине назвать периодом меркантилизма. Это можно назвать также торговым национализмом. Продавать дороже, чем покупать — это наиболее эффективный путь продвижения к высшей стадии государственности. Он также известен как период восхождения национального государства, монархии к своему апогею. Этот период также можно назвать эпохой обретения буржуазией, как новым современным классом, первых традиций, что происходит благодаря социальной направленности аристократии на сферу торговли, равно как стремлению торговцев к нобилитации. Имели место коренные реформы во многих сферах, начиная с буржуазной идеологии и заканчивая стилем жизни, пониманием моды и городской архитектурой.

Реформация и Просвещение происходили именно в эту эпоху. Но было бы серьезной ошибкой считать периоды Реформации и Просвещения буржуазными движениями. Реформация по своей сущности означает превращение религии в национальное достояние, своего рода создание национальных автономных очагов, и здесь нет никаких каузативных связей с буржуазией. Реформации преследует цель обновления в ракурсе современных условий догм, засевших в религиозном мышлении и уже исчерпавших свой век. Это движение, направленное на приспособление религии к веянию времени, что является частью революции в мышлении. Эпоха Просвещения стала более масштабной революцией в мышлении. Она ознаменовалась падением ряда старых или частично устаревших парадигм мышления, и, благодаря Просвещению, новые парадигмы наложили свой отпечаток на целый исторический период. Имело место обновление направлением мышления во всех смыслах. Эпоха Просвещения связана также с переворотом в двух значительных сферах — науке и философии. Совпадение с эпохой торговли совершенно случайно, но видно, что буржуазия, в силу своего классового характера, овладела эпохой Просвещения и использовала по своему усмотрению Обе сферы мышления — науку и философию — буржуазия превратила в собственный интеллектуальный капитал. Это движение имеет большое значение, оно обрело легальный классовый статус. Мыслители эпохи Просвещения сыграли важную роль в том, что был не замечен и проигнорирован паразитический характер монополизма, который ничем не уступал абсолютной монархии и аристократии. Поскольку

буржуазия была новым классом, мыслители особо не задумывались о возможных последствиях, все недостатки были приписаны старым классам. Буржуазии сыграла весьма значительную роль в том, что характер среднего класса наложил свой отпечаток на эту эпоху.

Идеологическая поддержка, оказывавшаяся буржуазией национализму, связана с желанием монополизировать национальный рынок. Национализм сыграл значительную роль в ликвидации конкурентов буржуазии. В основе любого типа расизма, межнациональной, межэтнической и межконфессиональной вражды лежит стремление изгнать чужеродных владельцев капитала. Это спровоцировало возникновение встречного национализма. Именно данная причина вызвала бурю ненависти к евреям в мировом масштабе. Евреи оказались самым серьезным препятствием на пути зла и национальных акций буржуазии и, как противовес этому, евреи с целью организации своего рода борьбы на международной арене и развития дружеских отношений в своей среде, а также устранения врагов, развили международную масонскую организацию. Сионизму открыл путь еврейский национализм. Несмотря на то, что корни уходят в Средневековье, его роль актуализировалась именно в рассматриваемом периоде. Заметен также вклад масонского ордена в ряд революционных движений.

Если обратить внимание на то, как связаны взаимоотношения между торговлей и колониализмом с эпохой их зарождения, а также на дальнейшее развитие этих взаимоотношений, то можно сказать, что следовало бы ожидать скачка в период меркантилизма. Колониализм того периода возник в форме эксплуатации. Два материка, Америка и Австралия, не знавшие за свою историю колоний, в тот период познали, что такое эксплуатация. Все старые континенты и части, в первую очередь, Африка и Азия, едва ли не заново подверглись освоению с целью их превращения в колониальные континенты. Для этого были предприняты серьезные усилия в сфере ориентализма (науки о Востоке) и антропологии (науке о человеке). С точки зрения связей науки с новым обществом это можно считать хорошим примером. В данный период нашли свое развитие также теории о высших расах. Были попытки применить в обществе дарвинизм. Географические и исторические разработки, а также успехи, достигнутые при помощи новой парадигмы, лежат в плоскости одной и той же цели. Это как исследование вопроса о том, как мир открылся перед капитализмом.

Колониализм, для которого характерны более систематичные последствия, в основном является политикой распространения торгового монополизма. Он становится современной формой грабежа. Европейский торговый капитализм в большей степени сформировался на базе колониальных грабежей. Забирая золото и серебро Америки, вместо него продавали индейцам за баснословные цены совершенно дешевую пряжу, которая играла роль важного инструмента. Торговля пережила периоды не только не гармоничного ценообразования, но и односторонней установки цен. Колониализм сыграл успешную роль в том, что монополиям удалось манипулировать ценами, следовательно, извлечь незаконную прибыль. Впрочем, в основе прибыли торговца лежит или использование разницы в ценах между различными рынками, или личное формирование цен различными методами (излишек или дефицит товара).

Фернан Бродель говорит об определяющей роли спекулятивных движений крупной торговли в формировании капитализма. Он отмечает, что обычные изменения на рынке не играют никакой роли, поскольку это нормальная экономическая деятельность. Он видит начало экономики в развитии этих изменений. Нельзя считать экономикой производство товаров с целью их потребления. Экономика начинается там, где познается развитие перемен. В этой сфере речи нет о прибыли. Можно говорить только о том, что стороны выигрывают на изменениях. Здесь нет речи и о спекуляции. Настоящая спекуляция имеет место в крупной торговле, которая считается домом капитализма. Разница в ценах достигается строго путем манипулирования ценами. Следовательно, крупная торговля экономикой не считается, она навязывается экономике извне, но не желает расшифровывать это. Отсутствие подробных характеристик в дальнейшем способствует возникновению массы вопросов, что является крупным недостатком.

Ф. Бродель знает о водоразделе между государством и властью. Пусть он и не считает, как Маркс, что функции государства и власти совершенно ничего не значат, но и не указывает насколько они важны. Марксизм считает, что государство — это концентрированная форма экономики, и порой это близко к истине. Но, вместе с тем, это очень абстрактное обобщение. Власть и государство — это в основном «экономика, не являющаяся экономикой». Иными словами, они видят в экономике ту сферу, куда проникают произведенный ею же прибавочный продукт и прибавочная стоимость, и создают там монополию. В этом смысле власть находится в той сфере, которая расположена прямо над экономикой. Очень связано. Все ее механизмы существуют для присвоения прибавочного продукта и прибавочной стоимости любыми путями. Земледелие, торговля и промышленность стоят первыми в числе тех сфер жизнедеятельности, где государство установило монополии. Главным методом является налогообложение. Например, не прямое налогообложение является отображением того, что государство напрямую действует как торговая монополия. Государство в данном случае является коммерсантом — не концентрированным выражением, а самым настоящим коммерсантом. Насколько известно, налоги превышают половину прибыли.

Государство является полной экономической монополией, потому что устанавливает хозяйства, аграрные рынки, цены на аграрную продукцию. В европейской экономической литературе постоянно умалчивается связь между экономикой-государством и властью. Социалисты и либералы написали десятки тысяч томов, но до сих пор они далеки от освещения этой сферы. То, что Маркс тоже не рассматривал эту сферу, является серьезным упущением, след которого присутствует в крупном хаосе.

Надо признать тот факт, что внеэкономические механизмы, с какой бы стороны ни смотреть, сыграли основную роль в победе торговой эпохи, длившейся с XV по XVIII века. В том случае, если государство — не экономика, то что же он о такое? В целом никакая иная сила, кроме власти и государства, являющегося ее юридическим выражением, не может использовать данную сферу по своему усмотрению; во всяком случае, это очень трудно сделать. Возможно, это под силу различным монополистическим кликам, но в результате они тоже относятся или к власти, или к конкретному выражению власти, коим является государство. Порой их называют денежной сферой. Когда деньги перестают быть простым средством обмена, они действительно превращаются в орудие, которое страшнее меча. Неслучайно

Наполеон, говоря об армии, восклицал «Деньги, деньги, деньги!» — но какие это деньги? Речь идет не о деньгах, как средстве обмена, это деньги которые не имеют ничего общего с экономикой. Это крупным торговый капитал, это деньги, являющиеся орудием спекуляции. В этих сферах деньги находятся в роли командующего и повелевающего. Буржуазия очень хорошо осознала этот момент, по этому наделила деньги столь серьезной ролью. Поскольку деньги постоянно повелевают обществом, само общество уже оказалось раздробленным, будто оно побывало под топором мясника. Общество, даже государство, доведены до такого состояния, что не могут продолжить своей жизни без денег.

Может быть, настоящая революция буржуазии и есть восхождение до этой точки. Государство и общество, нуждающиеся в деньгах, оказываются в подчинении буржуазии. Эта ситуация которую мы могли бы назвать также финансовой революцией впервые масштабно сформировалась на данном этапе истории Европы. Например, теперь уже нет необходимости привязывать рабочего к его рабочему месту так, как это делали с рабами или крепостными. Не выполнив своей работы, рабочий останется голодным, что и держит его в зависимости от денег. Рабочий поставлен в такие условия, что у него нет никакого иного вы хода, кроме как сдаться власти денег. Следовательно, для того, чтобы овладеть трудом рабочего и управлять им самим, теперь уже нет необходимости в действиях, характерных для классического рабовладения и феодализма. Это было бы сопряжено и с большими расходами, и потребовало бы больше ответственности. Капиталист всего лишь демонстрирует рабочему силу денег и после этого использует его по своему усмотрению.

Аналогичные обстоятельства можно указать и в отношении товара. Товар поставлен в такое положение, что не может действовать без денег. Любое движение, связанное с товаром, зависит от денег. Производство товара, его перевозка и потребление невозможно без денег. В этом и заключается колоссальный переворот, совершенный капитализмом. Он отдал экономику в абсолютную власть денег, и она уже превратилась в игрушку в руках денег. Ни в одну эпоху экономика не была столь зависима от денег. В данном случае деньги — это государство. Не как государство, а государство в прямом смысле слова! Даже само государство находится в аналогичной зависимости от денег. Государство без денег, рабочий без денег превращены в товар. Как бы парадоксально ни прозвучало, но государством для самого государства являются деньги. Такое состояние государства является изобретением Голландии и Англии, сделанным в XVI столетии. Было создано сильное государство, но это государство, полностью зависящее от денег. Историки считают, что Франция, не сумев достичь подобного успеха, проиграла Англии и Голландии войну за гегемонию. Более подробно поговорить о деньгах будет уместно в разделе, касающемся эпохи финансов.

Можно содержательно рассуждать о том, что в процессе развития цивилизации в период XV-XVIII веков торговая буржуазия вышла на историческую арену как самый важный актер и о влиянии, оказанном ею на все общество. Особенности торгового общества известны. Будучи чрезмерно падкой на деньги, не брезгуя барышом в виде процентов, занимаясь банками, буржуазия сыграла крайне негативную роль в жизни социума. Тот сильнейший удар, который нанесли по нравственности эти элементы, является важнейшей темой литературы и искусства. Это оказалось подобно вирусу, попавшему в организм общества. Он высушивает общество, на нем ответственность за деградацию, охватившую общество. Прежние теплые человеческие отношения брошены под ноги холодной власти денег. Тот, у

кого нет денег, считается проигравшим борьбу за жизнь. Более того, для ощущения былого величия уже не нужно восседать на золотом троне, есть из серебряной посуды, жить во дворцах со звездами, применять грубую силу, носить дорогие одежды и сидеть за дорогими столами. Достаточно только иметь надежное место, где будут храниться деньги. Если у тебя есть деньги, то ты — самый великий. То состояние, в котором оказалось человечество, невозможно назвать подъемом. Хотя эпоха и называется новой, по сути, ничего нового она не продемонстрировала, разве что возможность стать началом кризиса всей цивилизации. С позиции человека, не потерявшего уважения к обществу, можно сказать, что более критического и унижительного состояния просто нельзя себе представить.

Видно, что торговый капитал в эти периоды не особенно приветствовался в других сферах. Размер прибыли его не устраивал. С прибылью, получаемой в крупной торговле, не может сравниться ни одна из других сфер. Земледелие и мануфактурное производство ближе всего подходят крупной торговле только в плане прибыльности, и поэтому они являются популярными секторами. Следовательно, эти секторы получили возможность ограниченного развития.

С точки зрения политической истории этот период прошел с большими потрясениями. Испания, Франция и Австрия, находившиеся в серьезном конфликте из-за стремления стать продолжением великой Римской империи, в силу своей принадлежности к империям старого типа не смогли избежать поражений. Заметную роль в этом сыграли отношения «деньги-государство». Именно сила власти крупных торговых капиталов привела Голландию и Англию, одну за другой, к гегемонии. Усиливая государства за счет кредитов, получаемых от торговцев, они лично действовали точно так же, как сами торговцы. Речь идет о государстве и политике, перешедших в разряд прибыли. Они убедились в повелевающей силе денег особенно тогда, когда создавали новые армии и флот. Победа капитализма в экономике этих стран сводилась к дешевому производству, что означает верховенство торговли. Одновременно это же означает поражение на международной арене их противников (государств, которые они стремились поставить на колени). И в военной сфере тоже их противники понесли множество потерь. Революционные экспансии Голландии и Англии с заговорщическим уклоном доказали их преимущество и в политической сфере. Очевидно, что превосходство над противниками во всех этих сферах способствовало их гегемонии. Это свое преимущество они доказали при смене власти в бывших испанских и португальских колониях. Аналогичная смена, одна за другой, происходила в Азии и Африке. Своим союзом, реализованным в континентальной Европе, они нейтрализовали французов, сломили амбиции австрийцев, связанные с созданием немецкой империи. Они смогли использовать царскую Россию так, как им хотелось. Одну из сильнейших империй того времени, коей была Османская империя, они превратили в полуколониальное состояние. Капиталистическое производство и форма государственности, перед которой оказались османцы, показали, что их время, как и время других династических империй, уже прошло. Участью, ожидавшей китайскую и индийскую монархии, была колониальная или полуколониальная зависимость. Процесс ликвидации старых цивилизаций находился на быстрой повестке дня истории. Новым было то, что двигалось вперед, не особенно вникая в суть дела. Как и в любой новой религии, это было связано с верой. Религией стала торговля, а богом — деньги.

4.2. Промышленный переворот и эпоха индустриализации

Зачастую процесс индустриализации отождествляется с промышленным переворотом, хотя индустрия существовала на протяжении всей истории. Даже первый обработанный камень — это уже признак индустрии или промышленности. Возникновение земледелия — это тоже своего промышленный переворот в собственно аграрной сфере. Ремесло также является промышленностью. Любое новое орудие, знания, метод, связанные с производством, это элементы развития промышленности. Человек является единственным существом, производящим продукты питания, одежду и жилище при помощи орудий труда. Промышленность, то есть производство при помощи орудий труда, свойственна только человеку.

Явление, реализованное в XVIII веке в Англии в стране, являвшейся гегемоном в Европе, точнее, явление, в котором верховенствовала эта страна, стало важным звеном в цепи новшеств, продолжавшихся на протяжении длительного периода. То, что энергия, полученная при помощи пара, вращает колесо машины, достаточно символично. Сила пара и машин была известна и использовалась веками. Голландия и Англия еще давно захватили преимущество в земледелии и мануфактурном производстве. В этих странах осуществлялось самое дешевое массовое производство, и это тоже считалось промышленным переворотом. Франция и Италия также не отставали в индустриализации. Дешевизна и массовость обеспечивали выгоду. Это явление заложено в основе гегемонии. Значение промышленности, совершившей скачок в XIX веке, стало иметь первостепенный характер с точки зрения извлечения прибыли или капитала. Явление, называемое переворотом, — это быстрый рост прибыли, извлекаемой не из земледелия и торговли, а из промышленного производства, которое впервые в истории заняло лидирующие позиции — в основе переворота лежит этот факт. Гораздо раньше традиционными средствами производства были земледелие и верстак. Торговля имела форму купли и продажи товара в виде излишков в обеих сферах производства. В этом и заключалась суть явления, называемой экономикой.

Если подходить к вопросу только с позиций производства, то никаких серьезных уроков извлечь из промышленного переворота не удастся. Во все времена люди занимались производством, что давало разнообразие и обилие. Можно сказать, что с точки зрения сроков и значения ни одна революция не может сравниться с земледельческой революцией

и с той революцией, которую пережили общества. Следовательно, значение промышленного переворота лежит в совершенно иной плоскости, причем не в одной, а в разных плоскостях.

1. Впервые в истории городское производство оказалось впереди сельского. На протяжении тысячелетий ремесленник, являясь производителем городского типа, постоянно был подсобным производителем для села. Он зависел от села, но село могло продолжать свое существование без него. Спустя тысячелетия промышленный переворот XIX века повернул вспять этот процесс. Если считать период с XV по XIX века эпохой баланса, то XIX век полностью изменил этот баланс в пользу города. Этот прогресс явился новшеством, способным породить очень серьезные последствия.

2. Еще одно немаловажное новшество имело место в социальной сфере. Городское общество стало превосходить сельское. Если раньше города были примитивным дополнением села, то сейчас промышленный переворот чрезвычайно усилил городское общество. Теперь уже сельское общество со всеми своими базисами и надстройками переходит во власть городского общества. Создается своего рода диалектика колонизации городом села. Начинается процесс эксплуатации сельского общества городским обществом. Таким образом, от идеологической сферы до средств производства, от нравственности до искусства, везде город утверждал свое господство над селом. Революция мышления способствовала формированию превосходства города над селом.

3. В классовом смысле также происходили исторические преобразования. Промышленный переворот способствовал тому, что буржуазия уже могла объявить о своем превосходстве над другими классами и прослойками общества. Взяв себе в помощники рабочий класс, буржуазия доказывала то, что в сравнении с другими слоями общества, оставшимися от ремесленников феодального периода, она является самым передовым классом, единственно владеющим всеми истинами, знающим современную жизнь, обладающим парадигмой, и то, что она со своей мифологией, религией, философией и наукой является средоточием общества, нации и истории. С точки зрения буржуазии, все остальные — это музейные экспонаты, которые остались или должны остаться в прошлом.

4. Можно говорить о том, что с промышленным переворотом наука впервые планомерно стала принимать участие в производстве. Прежде наука и производственные технологии развивались отдельно, по своим каналам. Промышленный переворот впервые сблизил их очень тесно. Наука уже перестала быть целью, она превратилась в средство. Именно то, что наука была превращена в средство, повлекло за собой серьезный упадок общества.

5. Промышленная прибыль оказалась вдвое больше прибыли, получаемой в других сферах жизнедеятельности. Новыми актерами социального театра стали промышленники. Во всех сферах стратегическое превосходство было уже за промышленностью. Тот, кто эффективно владел этим оружием, уже никто не мог победить. Даже торговля потеряла свое преимущество. Земледелие оказалось в роли парии.

6. Политические последствия промышленного переворота были куда более важны. Открывая, с одной стороны, дорогу национальному государству, с другой стороны, он способствовал началу нового, экспансивного империалистического процесса.

Промышленный переворот систематизировал колониальные процессы. Страна или страны, владевшие ключевыми сферами промышленности, уже находились в таком положении, которое позволяло им совершить вторую глобальную акцию. Первой был колониализм, который не только сталкивался с трудностями, но и оказался не очень эффективным методом господства. Колониализм не только осуществлял экспорт капитала из колоний, но и цементировал отношения с местными соглашениями. Империалистическая стадия и промышленный переворот, совершенный капитализмом, оказались вполне возможным исходом.

Как видим, результаты промышленного переворота оказались очень масштабными. Социальные и политические итоги переворота стали столь же эффективными, что и экономические итоги. Конкретными факторами победы европейской цивилизации явились промышленные процессы, имевшие место в XIX веке.

При оценке промышленного переворота очень важно подвергнуть критике некоторые взгляды. Первое, что следует критиковать, — это отождествление промышленного переворота с капитализмом. Считают, что он стал прямым следствием капитализма. Необходимо сломать это убеждение. Как Ренессанс, Реформация и Просвещение, так и промышленный переворот обладал свойственным ему историческим и социальным процессом. Он стал следствием длительного общественно-исторического опыта.

Государственные монополии, в целом, и капиталистические монополии, в частности, — это структуры, постоянно концентрирующие все свои усилия на вопросах присвоения прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Подобно стервятникам, они слетаются туда, где есть скопление прибавочного продукта. В этом смысле они обладают хорошим нюхом. Невозможно представить себе, что они не заметили бы, что самостоятельная работа электричества и станков сама по себе и ее применение в производстве становятся огромным источником прибыли. Заслуга капитала в сфере промышленности заключается в том, что ему удалось превратить эти два факта в наиболее рентабельный источник прибыли.

Энергия впервые избавилась от участи быть привязанной к силе руки. Станки теперь уже оснащались двигателями, которые в значительной степени превышали работу руки. Помимо пара как носителя энергии источниками новой силы стали уголь, нефть, электричество и вода, что действительно оказалось революцией в сфере энергии. Объединение системы самостоятельно работающих машин с новыми видами энергии заложило основу для взрыва в производстве. И по сей день такого рода системы энергии и машин, многочисленные виды которых исчисляются уже миллионами, разрушают, делят на части и рассеивают природу и общество с такой скоростью, что неизвестно, чем это все закончится. Капитал, считающий это самым серьезным историческим шансом, установил над обществом и природой различные формы власти и реализует их в невиданных масштабах. Общество и природа оказались лицом к лицу с беспрецедентной атакой капитала. Действия, направленные на защиту общества и природы, превращаются в онтологическую проблему, которая серьезнее классовой, даже социальной борьбы. Хотелось бы конкретизировать эту нашу версию при помощи нескольких примеров.

А

Раковая опухоль в организме города разрастается, в селе происходит распад. Сопряженность общества и природы, как внутри них, так и между ними, уже перестает быть формой жизни. Перед нами явление, называемое «больным» обществом и невозможностью дальнейшего существования окружающей среды (экологии). Общество теперь уже не только форма существования, оно превращено в частичку, продолжение цепочки механизмов, обеспечивающих функционирование системы господства и эксплуатации. В невиданной за всю историю форме общество и личность противопоставлены природе, более того, индивидуализм и природа с ее нарушенным экологическим балансом поставлена в такую ситуацию, что она как будто мстит обществу и экологической среде, видя в них факторы для контрастности. Сотни медицинских примеров ежедневно подтверждают, что онкология имеет социальное происхождение. Если обратить внимание на то, что такая социальная привычка, как курение сигарет (также источник современной капиталистической прибыли, табаководство), является основной причиной рака, намного легче будет понять, что упоминание о социальной онкологии является верным. Общество уже перестало быть средой жизнедеятельности.

Наибольшей угрозой, исходящей от индустриализма (взгляда на промышленное производство только как на источник дохода), является то, что он достиг антиобщественных масштабов. Это и есть одна из тех тем, которые не были освещены марксизмом в достаточной степени. В силу своей позитивистской сущности классики марксизма воспринимали индустриальное общество как нечто, совершенно лишённое изъянов, просто идеальное явление. Более того, они попросту обожествляли его, потому что предполагали, что без индустрии рабочий класс не сформировался бы и не выжил. В теоретической основе их взгляда заложен именно такой подход. То, что вклад марксистов в формирование такой религии, как индустриализм, ничем не уступает вкладу капиталистов, очень просто уяснить, отметив следующее: марксисты совершенно не выступали с критикой индустрии, напротив, безгранично восхваляли систему машин, заводов и фабрик. Индустриализм давно уже превратился во вселенского Левиафана, по меньшей мере, так же, как и Левиафан национального государства.

Город является основной тканью в организме общества с раковой опухолью. Наряду с тем, что мы уделили серьезное внимание истории возникновения и функционированию городов, мы должны также серьезно рассмотреть их связь с общественным развитием. Город не только форма организации общества, но и явление классового расслоения и своего рода штаб становления государственности. Мнение о том, что эти три фундаментальных явления означают процесс цивилизации (классовые, городские и государственные общества), в общем-то, разделяется всеми исследователями. Неслучайно иное название цивилизации звучит как «культура». В арабском языке это означает «свойственное городу, по-городскому, городская жизнь», что, в принципе, близко по смыслу.

С другой стороны, отношение к городу просто как факту цивилизации означает проявление узкого подхода к проблеме. Город совсем не обязан подвергаться цивилизации, становиться местом развития процессов цивилизации. Как сельская структура является историческим

фактом общественной жизнедеятельности, так и город может быть охарактеризован именно в данном ракурсе. Общество, конечно же, не может постоянно жить в пещерах или стволах деревьев, и не может принудительно оставаться в селе. Общество просто обязано было строить жилище, которое лучше пещер, и строить жизнь, выходящую за рамки сельских поселений. Город нашел свое место в истории именно в качестве результата подобных поисков. Очень значительна роль города в развитии аналитического мышления. Город, как место жительства общества, становящегося сложным комплексом, требует аналитической деятельности ума. Он вынуждает делать это. Поскольку растущие социальные проблемы ищут пути своего решения в умах людей, очевидно, что соответствующая часть мозга начинает развиваться в направлении аналитического мышления. Впрочем, само общество требует появления такого продукта мышления. Город возвел этот процесс до апогея. В принципе, город можно считать местом общих потребностей групп, покинувших села.

Это очень важное обстоятельство. Именно в этом факте мы находим философию создания города. Нельзя думать, что города — это образования, возникшие без участия села. Это распространенное мнение, еще не получившее своего названия, но которое можно было бы назвать «урбанистичностью», заключается, в сущности, в стремлении видеть и оценивать город как явление, противостоящее селу, сельскому образу жизни. Трагедия связана именно с таким мировоззрением. Противопоставление села городу это, помимо мировоззрения, еще и тенденция, которую мы часто наблюдаем в попытках освещения исторического развития. Данная тенденция, собственно говоря, отсутствует и философии создания и историческом фундаменте города, отражая узкоклассовую и элитарную позицию. Подобная позиция направлена против села, соответствует, скорее смыслу прибавочному продукту, власти, и нашла свое место в глубинных пластах цивилизации. Презрительное отношение к селу, сельскому образу жизни, унижение и приклеивание к сельчанам таких ярлыков, как «тупой», «невежа», «далекий от утонченности», «грубый» и т. д. исходит из позиции, действующей на протяжении истории. Государство и город, можно сказать, создали исторический союз против села, и, следовательно, против родоплеменных структур, проживающих преимущественно в сельской местности. В этом смысле противоречия между сельским и городским обществами, совершенно незаслуженно и искусственно усиливаются, отдалены от своего истинного философского смысла, искажены и в проблемном состоянии донесены до сегодняшнего дня.

На самом же деле город и село, способствуя взаимному росту (симбиоз), являются незаменимыми сферами жизнедеятельности и могут быть построены в гармонии друг с другом, тем более, что между ними, в целом же между общественными институтами, с одной стороны, и населением сел и городов, с другой стороны, можно создать экологический баланс, что было бы идеальным вариантом. Одним из наиболее разрушительных действий цивилизации является то, что она постоянно усиливает города в противовес селам, превращая города в центры господства и эксплуатации. На этой почве искажается роль города. Это выхолащивание истинного смысла жизнедеятельности городов. При общении этой сферы к истинной философии создания требует серьезных социальных действий.

Еще один вывод, который мы можем сделать из истории города, заключается в том, что город разрастается, подобно раковой опухоли, независимо от взаимоотношений с окружающей средой. Нет ответа на вопрос, где же должны быть границы города. Искаженная городская логика и цивилизации, развивающиеся по этой логике, — это не история ума, как это принято считать. Напротив, это история безумия, точнее, аналитического ума, утерявшего связь с жизнью и чувствами, подобного звону пустой кастрюли. Сегодня лучше осознаются масштабы бедствия и, вероятно, невозможность предотвращения этого бедствия, поскольку нельзя вернуть назад течение жизни. В древнюю эпоху города строили гораздо лучше. Чувство меры не было настолько утеряно. В эпоху шумерской и египетской цивилизаций противоречия с природой и сельским обществом еще не были столь глубоки, как сейчас. На чаше весов перевешивало село. Города, возводившиеся вокруг крепостей изнутри и извне, с точки зрения своего месторасположения составляли единое целое с земледельческим производством. Объемы городов в редких случаях превышали сто тысяч. Этого уровня могли достигнуть, может быть, некоторые столицы. Проблема загрязнения окружающей среды еще не была столь актуальна. Города имели осмысленную архитектуру. Они представляли собой органическое единство решения и исполнения. Храмы, рынки, места проведения собраний, арены и гимназии основывались на пропорциональном архитектурном замысле. Органическое единство террас и садов, системы расположения самих домов имело завершенный характер. Руины этих городов и по сей день вызывают глубокое волнение. Эти места обладали глубоко священным характером и философским смыслом.

Несмотря на то, что в Средние века, в силу развития торговли, целостность городской архитектуры оказалась нарушенной, она все же сохранилась. Преобладающее влияние духовной культуры заключается в том, что она выдвинула культовую архитектуру на передний план. Население средневековых городов никогда не доходило до угрожающих масштабов. Они были близки к гармонии с сельской сферой. Преобладающим фактором было взаимное дополнение. Значение земледелия способствовало тому, что городские ремесла превратились в очень важный сектор. Ремесленник нуждается в продукции крестьянина, который, в свою очередь, нуждается в продукции ремесленника. Между ними, находившимися в органичном единстве, не было противоречий. Единственный риск для их дальнейшего сосуществования заключался в природных бедствиях (землетрясения, засухи) и войнах. Стены и крепости продолжали поражать своим величием. Крупная торговля еще не достигла масштабов, позволяющих ей проглотить ремесленника и крестьянина. Торговля продолжала свое нормальное развитие в качестве одного из секторов экономики. Итальянские города периода XIII-XVI веков, в том числе и испытывавшие влияние Ренессанса, оказались последними представителями этого времени. Венеция, Генуя и Флоренция стали своеобразными мостами, объединяющими классическую цивилизацию с цивилизацией Новой эпохи.

С наступлением Новой эпохи урбанизация получила иной смысл. Надвигающееся господство рынка уже виднелось на горизонте. Постепенно усиливала свои позиции торговля. Исторический баланс постепенно начинал нарушать сельский стиль жизни. На передний план вышла городская архитектура, учитывавшая интересы коммерсантов. Связь между жизнедеятельностью и окружающей средой была утеряна, мышление, направленное на получение прибыли стало определять все вокруг. Новые города, в первую очередь, Париж,

Лондон, Амстердам и Гамбург, несут на себе отпечатки меркантилизма нового времени. Города торговой эпохи обнаруживают свое отличие как классическим урбанистическим мировоззрением, так и стремительным обострением противоречий с сельской местностью и окружающей средой. Являясь основной базой современного Левиафана, город устремляет свои взоры повсюду, во все сферы общества и природы. Эпоха индустриализма стала гибелью города. Самый интересный аспект этого процесса заключается в том, что биологическая раковая болезнь является преимущественно городской болезнью. В данном случае раковая опухоль однозначно связана с тем, что город довел свое общество до уровня больного организма.

Промышленный переворот, ускоривший свои обороты с начала XIX века, ударил по обществу, прежде всего, в центрах зарождения. Промышленные структуры, разраставшиеся в городах, подобно снежному кому, по своей природе исходили не из жизненных потребностей, а из стремления к прибыли. Города стали представителями процесса колонизации села. Как движение внутренней колонизации, что намного ужаснее колонизации торговой эпохи, стали возводиться ночлежки и пригородные спальные кварталы за чертой города, чтобы современные рабы, коими являлись пролетарии, могли где-то жить. Это подытожило факт чуждости пролетария городу. Независимо от наличия или отсутствия работодателя, эти сферы стали своеобразным складом рабочей силы для промышленности. Если в торговле склад выполняет функции хранения товара, то для промышленности ночлежки стали складом пребывания живой рабочей силы. В связи с этим явлением стало выявляться множество побочных явлений. Заводчики и фабриканты захватывали в городах территории для строительства своего производства. Модель мировоззрения классической эпохи теперь уже напрочь забыта. Города стали центрами поглощения общества. Городская политика индустриализма в конце XIX века была еле жива под толщей тумана. Впервые в истории стали развиваться миллионные города. Если население города не составляло миллиона, а ограничивалось пятьюстами тысяч, считалось, что такой город не может быть функциональным, и это было одним из прогнозов архитектуры. Население в миллион и выше свидетельствует о развитии болезни до критических масштабов.

Явление, называемое онкологической болезнью, означает парализацию всего тела одной клеткой. В таком положении другие органические клетки не могут выполнять никаких функций и больной умирает. Разрастание городов порождает аналогичные последствия для общества. Общественно-историческая практика тоже имеет свои аспекты. Если один из этих аспектов разрастается, это означает что началось неминуемое онкологическое заболевание. Разрастание города сверх миллионного, даже десятиmillionного населения говорит о том, что общество перестает быть самим собой, оно превращается в сообщество стай, называемое массой. Подобно тому, как стада животных собираются в хлеву, так же наиболее подходящим словом для обозначения общества людей в городах является слово «хлев». Люди, сбивающиеся в стада, заполняют собой хлева, называемые городами. Люди уже давно вынуждены согласиться на роль массы примитивных потребителей. Так же ведут себя стада в хлевах. Кроме того, рядом с ними существует целая армия безработных. Это и успокаивает их. Центры управления производством и дома капиталистов с виллами и садами по определению не соответствуют духу города. Центр управления можно построить и на вершине горы. Дома с виллами и садами отнюдь не требуют наличия городов. Они

могут быть построены в любой местности.

Что же, в таком случае, остается от города? Храмы, театры, места для проведения собраний, гимназии давно уже оставлены для синхронных действий. Им больше соответствовало бы название «места, где жизнь поддерживается путем искусственного дыхания». В таком состоянии город не имеет определенного будущего. Обеспечение десятиmillionного города означает гибель целого региона как экологического ареала. Проблема обеспечения одного лишь города требует уничтожения общества или окружающей среды. Для гибели целой страны попросту необходимо наличие нескольких десятиmillionных городов. Одного лишь факта загрязнения воздуха транспортными средствами достаточно для гибели города. Поднявшись высоко над пропорциональностью, город утерял свой смысл. Как можно говорить о жизни там, где нет смысла, если не считать, конечно, жизнью искусственное дыхание.

Города — это территории, где издревле происходил поиск истин, создавались философские учения. Что касается современных разлагающихся городов индустриализма, то о них можно сказать, что это конезаводы, появляющиеся вследствие процесса сбивания в стаи людей, чья внутренняя суть выхолощена формулой трех «С» — секс, спорт, синтез искусств. Если это не смерть города, то что?

Б

Еще один разрушительный аспект индустриализма разворачивается в сфере взаимоотношений жизни и окружающей среды. Если город парализует общество скорее изнутри, то индустриализм атакует окружение жизни в едином комплексе. Политика индустриализма, развиваемая моделью национального государства с актуальным по настоящее время значением, требует подчинения индустрии всей страны и общественных источников. В этом она видит путь к подъему производства. По сути же, эта политика не имеет ничего общего ни с богатством страны, ни с подъемом, ни с усилением. Фундаментальная причина кроется в стремлении получить в этой сфере наивысший уровень прибыли. Индустриализм — это движение управления прибылью. Такие понятия, как «инвестиции» и «подъем», служат всего лишь прикрытием истинной цели. Инвестиции и подъем возможны только там, где есть прибыль. Если ее нет, то нет и никакого смысла в инвестициях и подъеме производства. Индустриализм — это воровство, которое в тысячи раз больше накопления собственности еще и потому, что здесь имеет место обворовывание народа своей же страны и своей природы.

Отмечу, что совсем не собираюсь осуждать инвестиции и фабрично-заводское производство как таковые. Основываясь на вдохновении, всегда можно осуществлять соответствующие инвестиции и развивать фабрично-заводскую модель. Это само по себе не может быть плохим. Но только тогда, когда это будет поставлено в подчинение прибыли, тогда откроется путь к парализации социального организма. Индустрия существует для извлечения прибыли, но не для удовлетворения общественных потребностей. Правило высшей прибыли не может исходить из обычных потребностей человека. У этого правила есть собственная логика. Индустрия способна заинтересоваться той или иной сферой

потребностей только в том случае, если это приносит прибыль. В противном случае она может оставить на вымирание ту или иную сферу жизнедеятельности. Если бы существующие технологии получили правильное развитие и применение, не было бы ни безработицы, ни бедности, ни болезней и невежества, которые попросту перестали бы быть социальными проблемами. Но важнее всего то, что не осталось бы необходимости уничтожать окружающую среду при помощи техники и заводского производства во имя присвоения источника прибыли.

Тысячи сфер производства, которые спокойно могли бы обеспечить все жизненные потребности, но не прибыльны с точки зрения индустриализма, оставлены на произвол судьбы только из-за того, что не дают желаемой капиталистами прибыли. Но, с другой стороны, во имя прибыли они могут порой беспощадно эксплуатировать источники, являющиеся итогом эволюции, длившейся миллионы лет. При этом, невзирая ни на какие жизненные последствия, в кратчайшие сроки потребляются все запасы. Политика, связанная с добычей нефти, разработкой морских, лесных ресурсов и полезных ископаемых, в силу прибыльности этих источников, превратила окружающую среду в дилемму жизни или смерти. Ни одно явление не может так точно раскрыть дикие масштабы явления, называемого прибылью, так, как это видно на примере уничтожения окружающей среды. Если погоня за прибылью будет продолжаться в такой форме не несколько столетий, но хотя бы несколько десятилетий, то тысячи ученых констатируют факт неминуемости экологического бедствия.

Индустриализм является блестящей победой аналитического ума. Но, как выясняется, он также означает парализацию чувственного мышления. Это усугубление самого древнего божественного гнева, поставившего все живое на свете на службу человеку. Было бы неправдой говорить о какой-либо заслуге человека. Все живое приносится в жертву деяниям горсточки бесноватых ловцов прибыли. В данном случае в пору говорить о том, что принесение в жертву самого человека является всего лишь делом времени. Ничто не может сравниться с индустриализмом в плане соответствия злу, которому дано имя в Священном Писании.

В

Не стоит усматривать индустриализм как производственную проблему. По-настоящему смысл этого слова раскрывают такие понятия, как «прибыль, построенная на производстве», и «монополия капитала». Если индустрия перестанет служить монополиям, скачивающим прибыль, примет во внимание фундаментальные социальные потребности и условия окружающей среды, то окажется возможным создание производства в соответствии с возможностями, предоставленными наукой и технологией, следовательно, будет установлена политика инвестиций. При этом не особенно важно, будет ли это производство машинное или нет. Один производит медленно, другой быстро, вот и вся проблема. Но вопрос в том, что определяющим в данном вопросе является обеспечение социальных потребностей и сохранение окружающей среды, экологии. Скорость или медлительность не являются самоцелью. Следовательно, механизация это и не плохо, и не хорошо. Отпечаток, который с XIX века по настоящее время наложило стремление к прибыли на явление,

называемое индустриализмом, на инвестиции и все процессы производства и потребления, независимо от того, машинное ли оно, или нет, скоростное или медленное, способствовал превращению всех вопросов в проблемы и социальную гангрену. Из-за этого стали ненормальным образом разрастаться города, в устрашающей форме развилось вооружение, создавались новые армии. Происходили ужасающие войны мирового масштаба. Началось истребление окружающей среды. Было создано такое чудовище, как национальное государство. Жизнь оказалось полностью опустошенной от своей сути. Политика была уничтожена. Капитализм, как монополярная система, наложил свой отпечаток на машинное производство, и тогда зародилось чудовище индустриализма. Именно это и является самым горьким обстоятельством.

Государственная монополия присвоила прибавочный продукт сначала в земледелии, затем уже в торговле. С наступлением XIX века, на почве беспрецедентного промышленного производства, естественно, с использованием новых видов энергии и машин, монополярная структура извлекла невиданную в истории прибыль, иными словами, был получен капитал, являющийся эквивалентом прибавочного продукта. Когда индустриализации навязывается фактор прибыли, все теряет свой курс и направление. В таком случае между индустрией и индустриализмом, как ростом прибыли, есть большая разница. Индустриализм в принципе не является экономикой, это экономическая монополия, навязанная промышленному производству, и неважно, государственная ли это монополия, или частная. В данном случае не обсуждаются сферы производства, где тысячелетиями общество трудом своих рук осуществляло экономическую деятельность, не отрекаясь от самого себя, причем это происходило и в заводских условиях, и на верстаках, в крестьянских хозяйствах и на мануфактурном производстве. Проблема отнюдь не в производстве, осуществляемом в этих сферах. Проблема также не в том, что производство проходит сквозь перемены на рынке. Когда напрямую государство или кто-то от имени государства, некоторые вообще извне, берут под свой контроль эти сферы, плодотворные в плане удовлетворения человеческих потребностей, начинают снимать сливки, используя налогообложение, грабежи, методы извлечения прибыли,— вот тогда начинаются серьезные социально-экономические прибыли. Помимо того, что, начиная с XIX века по настоящее время, после периода, называемого промышленным переворотом, производство превратилось в сферу ненормальной прибыли. Навязывание монополистической структуры повлекло за собой углубление противоречий как в самом обществе и других обществах вне его пределов, так и с природой. Развязывались войны, в первую очередь, классовые и национальные. Общество попало под невиданную ранее власть. Все душат друг друга. В каком-то смысле кажется, что Левиафан, описанный Гоббсом так и не закончил «войну всех со всеми», но напротив, эта война превращается в войну всех со всеми, войну с природой и самим собой. Это и есть последняя стадия взаимоотношений между обществом и данным чудовищем.

Г

Понятие «промышленное общество» само по себе смысла не имеет. По мере создания промышленных монополий общество передается во власть товара, производства и промышленности. Монополистический промышленный капитализм — это переход прочих сфер производства во власть монополистического производства. В этом смысле

промышленное общество может обрести смысл только как другая стадия цивилизации. Было бы правильно подчеркнуть, что такая стадия цивилизации наложила свой отпечаток на XIX век. Эту стадию можно было бы назвать выдающейся эпохой капитализма, поскольку она дает возможность извлечения прибыли больше, чем в любом другом периоде. Страсть к прибыли охватывает все общество. Идея стать капиталистом превращается в цель жизни и устанавливается в качестве ее естественного стиля. В этом отношении промышленное общество оказалось самым первым — это общество максимальной капитализации. «Голый король» — это беспрецедентный процесс превращения наиболее видных капиталистов в новую, но отличающуюся от прежней, группу считающих себя обычными гражданами «королей», совсем не облаченных в одежды, вышитые золотом и серебром. Увеличение числа новых королей способствует тому, что они продолжают свою жизнедеятельность, сбросив с себя прежние, роскошно вышитые одеяния. Промышленное общество в этом смысле можно назвать обществом «голых королей».

В этом обществе получил широкое распространение статус рабочего, привязанного к работодателю посредством зарплаты. Рабочие в каком-то смысле оказались оторванным от общества классом. Отличие от классического рабовладения заключается в том, что рабочий теперь уже привязан к работодателю узами платного рабства. Говорить о том, какой вид рабства был лучше, было бы неправильно с этической точки зрения. Одной из самых серьезных ошибок марксизма стало то, что они объявили передовыми классами этого общества промышленную буржуазию и рабочих, а вся остальная часть общества оказалась клейменной ими ярлыком отсталости. На самом деле зарождается противоположное явление. Союз промышленной буржуазии и рабочего класса, возможно, стал одной из особенностей современности, но с точки зрения таких понятий, как равенство, свобода и демократизация, они оказались сугубо в рамках монополистического государства. Они обнаруживают взгляды, очень близкие к антиобщественным толкам. Соглашение интеллигенции с этим классовым союзом стало наиболее неудачным заблуждением социализма. Общество промышленных монополий по определению является обществом постоянных войн. Неслучайно формой государственности в этот период стало национальное государство.

Д

Политикой и формой государственности промышленного монополизма является национальное государство, ставшее наиболее концентрированным выражением национализма, сформировавшегося в результате слияния государства со всем национальным обществом. Модель национального государства идеализировалась и реализовывалась больше всего именно в этот период. Основная причина этого заключается в чрезмерном приросте от капитала и его распространение во всем обществе. Увеличение прибыли требует привязанности всего общества к промышленным монополиям, но это — уже внутренняя война. Только подавив жесткий национализм и эту самую внутреннюю войну с национальным государством, в рамках которого власть дает о себе знать жестче всего, промышленному монополизму удастся обеспечить максимальный уровень прибыли. В этот период развитие фашизма параллельно постепенному становлению и качестве системы отнюдь не считается специфическим явлением. Превращение общества в стадо и его

расширение до тонкой изгороди власти возможно только путем облачения национализма в религиозные формы.

Современный Запад, сформировавшийся на основе триады «индустрия, национальное государство и капитализм», смог добиться возможности стать самой кровавой эпохой истории именно благодаря указанному содержанию. Эта современная триада становится причиной и внутренних войн (фашизм), и национальных, региональных и мировых войн между государствами. В основе этого, не устанем повторять, лежит форма образования и распределения прибыли. Национальное государство, считая своей главной целью индустриализацию, выносит на повестку дня характер капитализации или мечту о ней. Определяя в качестве своей политической цели создание национального государства, капиталисты цементируют нацию исключительно национализмом и открыто заявляют о возможности создания национального государства, которое станет государственной системой, необходимой для системного извлечения прибыли. Когда промышленность стала основной целью и государства, и капитализма, судьба XIX — XX веков была уже предрешена. Промышленность так же, как земледелие или мануфактуры, является определенной эпохой производства. Она основана на наследии цивилизации. Но, ни одна эпоха производства не дала государственным и капиталистическим монополиям столько сил для увеличения прибыли и усиления власти, сколько это сделала эпоха промышленного производства. Именно поэтому государство и капитализм соревнуются между собой за индустриализацию. Они пустились в пучину соревнования не потому что много думают об обществе и личности или сильно уважают нацию, они попросту нашли историческую возможность извлечь максимальную прибыль.

Промышленное общество исторически тесно связано с войнами и идеалами гегемонии. Когда союз Англии и Голландии, вследствие усилий, прилагаемых Францией, начал ощущать потрясения, эти государства, дабы не потерять своих позиций гегемонов, вновь спрятались за доспехами дешевого производства. История свидетельствует о том, что если бы Англия не была предводителем промышленного переворота, то ее гегемония была бы утеряна предположительно в начале XIX века, в частности, в стычке с Наполеоном. Говорят о том, что США и царская Россия, начавшие свой путь к восхождению буквально на глазах у Франции, тоже имели шанс стать гегемонами. Позднее к этому соревнованию присоединилась Германия. Единственное, что оставалось сделать Англии, — это возглавить промышленный переворот. Такая ситуация еще раз показывает, что необходимость непременно влечет за собой творческий подход. Паровая машина и ткацкие станки в очередной раз поворачивают колесо истории в пользу Англии. Политические и военные новшества набирают обороты и силу вместе с промышленным переворотом. Это приносит с собой воинские победы.

Когда цепь натянута, то разорвать ее сложно. Поражение Наполеона, наряду с другими причинами, с большой долей вероятности может быть объяснено тем, что оно стало одним из следствий промышленного переворота. Английская гегемония, стимулируемая промышленным переворотом, бросает вызов величайшей империи XIX века, утвердившей себя в мировом масштабе. XIX век стал великим веком Британии. Впервые в этом столетии титул «Империя, над которой не угасает солнце», завоевала Англия. Она не была классической империей. Например, у нее не было такой практики, как у Рима и Османской

империи. Наличие в ее власти многих политических образований на уровне государств не приносит пользу английскому королевству. Будучи моделью, объединившей под своим крылом множество самобытных моделей, монархия постепенно ослабевала, но, тем не менее, смогла не только сохранить свое существование, но и выразиться в форме Британского Содружества (до 1947 — Британское Содружество Наций).

Экспорт промышленного переворота в мировом масштабе происходил в каждой цивилизации в свойственном ей стиле. Утвердившись, он продолжает свое распространение сначала и Западной Европе, к концу XIX века уже во всей Европе. В начале XX века промышленный переворот уже ускоренными шагами распространяется по всему миру. То, что конкуренция в плане превосходства среди промышленных монополий возглавлялась английскими и немецкими монополиями, нарушив гармонию этого шествия по всему миру, стало еще причиной двух мировых войн, а также многочисленных региональных и местных войн. В очередной раз становится очевидным то, что прибылью промышленности является монополия, прибылью монополии — национальное государство, а прибылью национального государства становится война. Если обратить внимание на то, что ни одна модель национального государства не создавалась без войны, то в этих войнах в поразительной форме можно увидеть кровавую, но приносящую определенным кругам прибыль историю индустриализации и новых завоеваний регионов для экспорта промышленности. Совершенно очевидно, что в основе войны и модели национального государства лежит прибыль.

То, что промышленный период обрел свой смысл также и в империализме, связано экспортом промышленного производства. Развитие индустриализации в колониях и полуколониальных территориях, как и следовало ожидать, означало начало внутренних и внешних войн. Национально-освободительные войны, ставшие серьезным фактом XX века, по своей сути связаны с программой индустриализации колониальных и полуколониальных территорий. Какими бы ни были лозунги, все эти войны ставили во главу угла модель национального государства, которое, в свою очередь, считало важнейшим делом индустриализацию. В результате они стали краеугольными камнями на пути к мировому капитализму. В этом смысле можно констатировать, что русская и китайская революции в конечном счете оказались вовлеченными в этот процесс. Развитие событий очень убедительно подтвердило то, что процесс носил именно такой характер. В таком случае, XX век стал эпохой индустриализации территорий, находящихся за пределами Европы, причем проходило это по-разному, путем национально-освободительных войн или иными путями.

Данная эпоха в общих чертах продлилась преимущественно до последней четверти XX века. Далее начался этап экспорта промышленности по всему миру, потому что она уже не приносила большой прибыли самой Европе и становилась нагрузкой (загрязнение окружающей среды, высокие зарплаты). Сначала экспортировался товар, в XIX веке товар и капитал, в XX веке товар, капитал и промышленность, и этот тройственный механизм обеспечил экспорт по всему миру. Казалось, в мире не осталось страны, не познавшей индустриализацию. Таким образом, можно сказать, что промышленная эпоха потеряла свое основное преимущество, точнее, сменила точку интереса с промышленности на финансовый капитал. Европейская цивилизация, первый этап развития которой ознаменован господствующей ролью торговли, второй этап — промышленным переворотом, теперь уже

находится на последнем третьем этапе, который можно назвать эпохой мировых финансов. Финансовая эпоха преимущественно играла передовую роль в период после 70-х гг. прошлого столетия, что будет темой последующей главы.

Каждая новая эпоха не уничтожает предыдущую, а отодвигает ее на второй план. Торговля продолжала существовать и в XIX веке, но в плане прибыльности она уже не могла сравниться с промышленностью и была отодвинута на второй план. Основы финансовой эпохи были заложены еще очень давно. Итальянские города-республики были своего рода финансовыми республиками. Своими финансами они привязали к себе многих монархов. И в эпоху торговли денежные операции были достаточно популярны в основном в плане кредитования коммерсантов. Кредиты открыли дверь в мир больших денег. Но в плане прибыльности финансовый сектор все же стоял в третьем ряду.

Число критиков промышленности и количество критики заметно усилилось после того, как заметные риски, связанные с разрушением окружающей среды, достигли планетарных масштабов. Проблемой серьезных дискуссий является борьба с бедствиями, порожденными индустриализмом. Противоречия между индустриализмом и жизнью обрели неустранимые масштабы. Темой обсуждения уже стал вопрос о том, что столь безответственное использование науки и техники может вызвать ужасающие последствия.

В основе всех проблем лежат взаимоотношения прибыли и промышленности. Было замечено, что их необдуманное объединение не только не способствовало подъему производства, но и превратило все вокруг в клубок проблем. То, что промышленность господствует над всей общественной сферой, не оставляя ни одну область, которая не была бы превращена в предмет товара, обострило социальные проблемы до невиданных масштабов. Многие процессы, исходящие из промышленности, противоречат не только природе общества, но и, в неменьшей степени, окружающей среде. Только сейчас мы видим последствия того, что сельская сфера была поглощена едва ли не полностью. Последствия того, что село пытались представить как антипод города, только начали проявляться.

Поиски альтернативы не выходят за рамки дискуссий. Несомненно, общество не может прожить без промышленности. Но уже невозможно ожидать даже устранения того, что было сделано от имени промышленности. Постепенно может усилиться антииндустриальное движение. Все разработки, касающиеся города и окружающей среды, несут в себе много течений подобного рода. С каждым днем все более актуальными становятся вопросы оттока в политическую сферу. Ожидать от этих усилий, не выходящих за грань реформ, возобновления нарушенного баланса двух природ, оставаясь в пределах существующей парадигмы цивилизации. Не стоит ждать иных результатов, кроме ненависти.

Весь негатив, накопившийся за пять тысяч лет существования цивилизации, вероятно, был в несколько раз увеличен промышленной эпохой. Это общий взгляд наблюдателей, объединившихся вокруг этой темы. Один из негативных примеров — это потепление климата. Упадок гораздо глубже и объемнее, нежели это принято считать. Должна быть не только критика индустриального периода: необходима критика всей цивилизации. Тот факт, что проблемы марксистов и других представителей оппозиции втиснуты в узкие рамки классовых отношений экономизма, экологизма и феминизма, способствовал проявлению

некоторых положительных аспектов. Но то, что им до сих пор не удалось достичь уровня серьезных политических программ и состояния готовности к действиям, во всяком случае, связано со значительными недостатками.

По мере углубления размышлений над выбором демократической цивилизации, мы с каждым днем все яснее ощущаем, что этот выбор является самым правильным. Только выбор истинно демократической цивилизации вместе с содержательной критикой, и программ, объединившись с организациями и практиками, способными решить проблему, при помощи парадигмы свободы, равенства и демократического общества даст нам возможность взглянуть на природу и жизнь.

4.3. Эпоха финансов - власть денег

Восхождение денег до уровня, позволяющего им командовать обществом, несомненно, является очень серьезным прогрессом. До тех пор, пока не будет проанализировано это, концептуальный подход к обществу сохранит множество недостатков. Возможно, для создания энергии, необходимой всему телу, деньги, как кровь, циркулирующая в сосудах и доставляющая пищу клеткам, являются той самой ценностью, которая обеспечивает привычный ритм экономической жизни. Деньги — наиболее серьезный социальный феномен, требующий четкого осознания того, что это такое и как им удалось достичь данного уровня. Невозможно отрицать то, что названный механизм принес с собой неисчислимое количество грязи, но вопрос в том, вследствие каких исторических и социальных факторов ему удалось достичь такого состояния. Действительно, что в обществе реализуют деньги? Какие группы и личности зарабатывают или теряют эти деньги? Можно ли обойтись без денег или нет, что можно предложить вместо них? Список вопросов можно увеличить.

Деньги, будучи инструментом обмена, воспринимаются как средство примитивной сделки; опять же, надо обратить на это внимание. Что является объектом мены? Могут ли деньги играть роль объективного инструмента между двумя сторонами обмена? Изначально видно, что этот вопрос содержит в себе массу трудностей. В такой примитивной сделке, как обмен одного яблока на две груши, скажем, пропорция составляет один к двум: 1 яблоко = 2 груши. Таковы функции денег на рынке. Отчего один к двум, а не один к трем или один к одному? В таком случае рассматриваемый вопрос будет уже включать в себя, как минимум, стоимость труда. Вопросов может быть очень много. Что придает ценность труду? Можно сказать, что это другой труд, и тогда вопрос можно будет повторять до бесконечности. Ясно, что в вопросах купли-продажи тяжело представить себе объективную роль денег как средства обмена. С большой долей вероятности можно сказать, что так или иначе деньги обретут свою силу и добьются доверия у одной из сторон обмена. Считается, что именно так деньги и получили признание. Искать в основе денег такие мерилы, как справедливость, ценность, труд, дело, в общем-то, неблагоприятно. Те, кто были готовы к купле-продаже, исходя из категорий времени и места, решили найти посредника для своей сделки. Нашли и назвали данного посредника «деньги». Этим кратким повествованием мы стараемся дать определение деньгам. Но мы оказались лицом к лицу с таким посредником, что, если он оставит свое положение и займется другими делами, наступит полный хаос.

Приведу один пример, который все разъяснит. Общество указывает на то, что может принять только такой порядок вещей, когда одна женщина живет в одном доме только с одним мужчиной такой жизнью, которую мы называем достойной и честной. Но какова

будет ситуация, если вдруг женщина перестанет соответствовать этой модели и приведет в дом несколько мужчин, или, наоборот, мужчина станет жить с несколькими женщинами? В любом случае это будет, мягко выражаясь, полный бардак. Вопрос, связанный со статусом денег, еще более запутанный. Продолжим наш пример. Женщина, нарушившая общепринятые устои, может быть выброшена из дома, и по факту ее поведения будет принято какое-то определенное решение. Но в вопросах, связанных с деньгами, все может сложиться не так просто. Если человек, имеющий деньги, лишен чести и достоинства, то сколько бы ни прибавлялось к его деньгам, он примет все, не моргнув глазом. Но дело в том, что общество, точно как в ситуации с упомянутой гипотетической женщиной, сделало деньги своим инструментом вовсе не для того, чтобы шло слепое накопление денег. С большой долей вероятности можно предположить, что общество считало накопительство самым страшным бесчестьем.

По моему убеждению, дело обстояло именно так. В условиях ограниченности и чрезвычайно относительными категориями времени и места, ради облегчения обмена в качестве посредника были выбраны деньги, но это совсем не означало, что общество принимает их на все времена и повсеместно. В данном случае речь идет о серьезном злоупотреблении. Человек мог сказать категорически: «Не принимаю ни за что». Но, как известно, оседлавший коня уже давно проскакал долину. Власть уже в те времена не обладала достаточной силой. Следовательно, во второй раз можно с большой вероятностью предположить, что деньги превратились в беспрецедентную проститутку, играющую в свою игру, исходя из обстановки. Деньги могут сдать себя в аренду, при этом одному за один доллар, другому за тысячу. Перед ними нет никакой силы, которая могла бы предотвратить это. Как же все дошло до такого состояния? Попробуем внести ясность, используя в некоторой степени язык экономики.

Экономика началась с обмена, и, пусть это даже не имеет особо серьезного смысла, но обмен сам по себе является очень важным экономическим фактором. Две вещи, которые обменивают друг на друга, называют товаром. Общество, не знавшее пока никакой иной ценности, кроме потребления, длительное время с нравственной точки зрения не признавало взаимного обмена товарами. Оно хранило преданность системе, которую мы назвали «экономикой дарения». Любой объект, который производил или приобретал древний человек, он дарил тем, кого ценил, даже если эта вещь считалась очень ценной. Культура дарения является выражением благородства. Дары преподносятся тому, кого возвышают. Именно таким образом подтверждалась ценность дорогого человека. Остальные вещи расходовались в соответствии с повседневными потребностями. Накопление тоже не приветствовалось. Человечество миллионы лет умудрялось жить с такой логикой. Без обмена товарами нравственность и совесть общества не соглашалось с обменом товара на деньги, потому что человек даже не задумывался о том, что произведенная им стоимость может быть дорогой, за это можно получить деньги. Он считал морально неприемлемым задумываться об этом. Не исключено, что его здравый смысл или нравственное сознание считали это коварным путем.

Если колыбель обмена является колыбелью экономики, то такое введение в экономику, во всяком случае, не может считаться лучшим, потому что это было сделано против истинной традиции. Можно предположить, что обмен является фундаментальной ценностью

экономических отношений. Но я убежден, что неправильно рассматривать это на уровне единственной версии. Возможно научное обоснование экономики другими факторами, отличными от обмена, или, точнее, другими факторами, не основанными на посредничестве денег. Теоретически и практически экономика обнаруживает достаточный творческий потенциал для развития этих форм. Гораздо важнее обмена вопрос превращения произведенного товара в товар для продажи или обмена. Обязательный обмен используемой стоимости означает именно такое превращение одной ипостаси товара в другую ипостась. Товар появился в обществе в тот исторический период, который был уже близок к цивилизации. Товар является фундаментальным фактором признания торговли. Товар как таковой становится товаром тогда, когда человек, приобретший его, передает другому человеку. Передача товара из одних рук в другие считается началом пути предмета в качестве товара. Если кто-либо берет его, отдав хозяину взамен что-либо иное, срок существования товара считается завершенным. Приведу еще один пример: задумаемся о следующей ситуации, когда кто-либо обменял свою козу, которую растил годами, на козу, которую кто-то другой тоже растил годами. Никогда не сможет найти своего подтверждения то, что этот обмен оказался справедливым и равным, потому что неизвестно, сколько пота кто пролил, выращивая этих животных. Но гораздо важнее то, что коза и козуля никогда не могут считаться равнозначными сторонами обмена. Эти аналогии, несомненно, приведены для того, чтобы осознать противоречие, которое кроется в логике обмена. Такие противоречия существуют всегда.

Если на базе признания этого противоречия вернуться вновь к вопросу о деньгах, то гораздо ближе можно будет увидеть то коварство, которое они в себе таят. Характеризуя различные общества, очень важно хорошо осознать один момент, который заключается в том, что социальные явления это отнюдь не физические явления. H₂O, пусть и не в абсолютной форме, но в условиях всего мира это молекула воды. У нее не может быть иного смысла. Общество — это пакет явлений, созданных человеком, даже, несмотря на то, что он о таит в себе массу неизвестного. Общество может изменить то, что им построено, и построить нечто новое. Тогда возникает следующее правило: «СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ — ЭТО СОЗДАННЫЕ РЕАЛИИ», это не те реалии, которые даны природой или Богом. В таком случае деньги тоже спокойно можно отнести к созданным реалиям. Вопросы обмена и товара — тоже созданные реалии, имеющие характер версий. Это не то, что дано Богом или природой.

Самый страшный грех позитивистов заключается в том, что социальные реалии они поместили в одну категорию с физическими, посчитав их однородными. Если отождествить социальное явление с явлением физическим, мы тем самым откроем двери перед социальными парадигмами, таящими в себе серьезные ошибки. Попробуем посмотреть на экономику с позитивистской точки зрения, и увидим, что не распознать эти опасения попросту невозможно. Тогда, признав, что национализм является выражением объективной действительности, можно, пусть и в разных позициях, оказаться в ситуации Гитлера и Сталина. Эти двое, то есть все позитивисты, все грубые материалисты не преминут дать всем признанным ими социальным реалиям оценку абсолютного явления. Еще один фактор, делающий вопрос денег в высшей степени деликатным, является следствием позитивистского подхода к обществу, а именно — восприятия денег как реальности. Следовательно, переход товара из одних рук в другие при помощи денег постепенно

превращается в совершенно реальное восприятие.

Вопрос о том, как деньги вместе с обменом вошли в экономику и их развитие на протяжении всей истории, не является предметом нашего исследования. Но то, что деньги постепенно становились неотъемлемой частью экономики, свидетельствует о росте опасностей, которые деньги таят в себе. Только одно противоречие, содержащееся в обмене, свидетельствует о том, насколько серьезными последствиями чревато беспредельное усиление денег. Нелегко быть конкретизированной формой тысячи противоречий. Когда деньги в столь противоречивом состоянии, постепенно пробивая себе дорогу в экономике, доходят до финансовой эпохи, становится ясно, что, по меньшей мере, было бы самообманом считать, что ты осознал общество, не видя тяжкие последствия. Говоря о тяжести последствий, мы имеем в виду восхождение денег до уровня самой развитой эпохи вместе с комплексом громадных противоречий. Такой статус денег аналогичен тому, что бандит станет главнокомандующим огромной армии. Превращение этого сомнительного явления, изначально базирующегося на мгновенном признании всего готового в обществе, в очень действенное средство постепенно доводится до уровня богов. При этом деньги не выпускают из рук свой маршальский жезл.

Было бы очень интересным исследование истории развития денег. Говорят, что первая в истории золотая монета была отчеканена в период правления лидийского царя Креза. В городе Сард губернии Маниса, где и по сей день живут золотоискатели, сохранились предания о том, чего только не приходилось натерпеться и трудностях, которые надо было преодолеть. Деньги это такая вещь, что и с ними, и без них очень тяжело. Известно то, что обмен товаров и денежное сопровождение торговли развивались рука об руку и буквально захватили ключевые позиции экономики. То, что в персидский и греко-римский периоды цивилизации использование денег обрело широкую популярность, можно понять, глядя на сотни видов монет той эпохи, дошедших до сегодняшнего дня.

В исламской цивилизации денежная единица риал достигла положения, внушающего доверия не меньше, нежели султаны. В городах очень крепок трон, на котором восседают деньги. Особую важность обретают еврейские ростовщики. Еврейские и армянские ростовщики и коммерсанты смогли создать параллельную линию финансовых и торговых монополий в городах, расположившихся вдоль торговых путей, протянувшихся из Европы в Индию. Эта линия капитала имела серьезное влияние параллельно политическому господству. Она постоянно повышала влияние в Европе и Азии и максимально привязала к себе султанов и эмиров. Видимо, в основе той реакции, которая все больше и больше демонстрируют общества в отношении евреев и армян, есть доля этой истины. Исследуя еврейские и армянские погромы, надо постоянно иметь в виду это имеющее серьезное значение обстоятельство.

К середине XIII века итальянские города переняли от исламского мира преимущество в деньгах и торговле. В частности, Венеция, Генуя и Флоренция развились как истинно финансовое чудо. До XVI века это были городами-звездами, захватившими все передовые позиции в Европе, в первую очередь двигателями Ренессанса. Итальянские города, впрочем, не остановились только на осуществлении революции Ренессанса, они стали одними из серьезных архитекторов финансовой революции. Даже если предпосылки и нашлись в

исламском мире, вклад все же очень глубок. Именно в этих городах получили свое развитие и структурный характер такие незаменимые атрибуты современности, как банки, векселя, денежные ассигнации, бухгалтерия. Эти прогрессивные явления сыграли очень большую роль в истории денег. Эти города сыграли революционную роль в развитии рынка и торговли. Может быть, они развили скорость становления товарно-денежных отношений в сотни раз, став путеводителями в процессе становления господствующих позиций денег.

Общество постепенно подготавливаясь к переходу во власть этих средств. То, что делалось, на первый взгляд, было простым техническим приемом. Банки становились местом накопления денег. Векселя — это куски бумаги, эквивалентные реальным деньгам. Бумажная ассигнация — это тоже своего рода вексель общего типа. Она облегчала работу и ускоряла процессы. Кредиты это деньги, выдаваемые в долг клиентам, испытывающим финансовые затруднения с условием возврата вместе с установленными процентами. Кредиты тоже ускоряли процессы, предотвращали безделье и играли благоприятную роль, обеспечивая погашение долга при помощи получаемой прибыли. Что касается бухгалтерии, то это — документация, конкретизирующая прибыль и ущерб предприятия, а также инвентаризацию доходов и расходов. Как зеркало, она периодически отражала положение людей или компаний. Это были революции хоть и простые, но с поразительными последствиями. Европейские города, в первую очередь Севилья, Лиссабон, Лондон, Амстердам, Гамбург, Лион, Антверпен, Париж, в ускоренном темпе переносившие в свои страны все результаты революции в Италии вместе с плодами Ренессанса, смогли распространить революции в масштабе всего континента и расширить их.

Схематически мы уже рассмотрели то, как с наступлением XVI века Англия и Голландия при помощи влиятельной революционной продукции буквально превратились в арену глобальной капиталистической революции сначала в земледелии и торговле, затем уже в промышленности. Капитал, капиталист и капитализм стали первыми ступенями финансовой монархии. Это были реальные короли, прошедшие эти ступени. — «голые короли». Тем, что прибыль тут же вводится в оборот, торговая эпоха в большей степени обязана этому процессу становления денег и финансовым инструментам. Господствующее положение денег наступало бесшумно, но широкими шагами. Деньги играли не только в монархию, но и в божественность, к тому же, впервые это происходило без масок и непосредственно. Индустриальная эпоха и многим обязана деньгам, и сама предоставила финансам массу возможностей для роста. Без формирования в обществе рынка, урбанизации, становления товара и торговли не было бы промышленного переворота. Все эти процессы оказались бы невозможны без денег. Ускорение развития денег и их серьезное становление сыграло роль кровообращения во всех органах тела. Прекращение денежного потока означало бы остановку кровообращения и утрату дееспособности всех органов. Это, как известно, равносильно их смерти.

Ситуация станет гораздо яснее, если рассмотреть взаимоотношения между фабрикой и рабочим. Процесс становления фабричного производства посредством использования труда рабов и крепостных крестьян невозможен. Появление рабочего без его отрыва от господина, помещика и земли также невозможно. Полный цикл становления рабочим реализуется при помощи обязательной зарплаты. Что касается самого понятия зарплаты, то это не та ценность, которая может быть выплачена без денег. Так реализуется конкретная

обреченность рабочего на зависимость от денег. Деньги обрели тот статус, который позволял им установить абсолютную власть над новым рабом без присутствия господ и помещиков. Это стало грандиозным шагом в становлении власти. Новое промышленное общество явилось первой формой общества, полностью признавшего таким образом господство денег. Ни одно из предыдущих цивилизованных обществ не признавало его в таком виде. В индустриальном обществе деньги уже стали культурой. Все обретает смысл только вокруг денег. Деньги не только открывали дорогу к великим мечтам, более того, без денег не могли быть начаты большие проекты. Любая семья, независимо от того, где она проживает, в далеком ли горном селении, или в развитом городе, осознавала абсолютную необходимость денег во всех сферах жизни, будь то покупка пары обуви для маленького ребенка или наличие электричества в доме. Не было ни одной работы, ни одного проекта, за который бы ни взялся человек ради того, чтобы заработать эти самые деньги. Все были обязаны бросить к ногам нового божества что угодно, необходимое для получения денег.

Казалось бы, продавался труд, который представлял собой священную ценность. Это и есть одна из типичных ошибок, возникновению которых способствуют деньги. За деньги продавался, то есть отдавался другим, не только труд. Ведь для того, чтобы продать свой труд, надо было иметь здоровое тело, а здоровье передается ребенку в утробе матери. Матерью же становится обычная женщина, в которой и нуждается общество. Эту причинно-следственную цепочку можно продолжать до бесконечности. Труд должен был стать мастерством, иначе его никто не купит. Поэтому возникала потребность в мастерах, станках, для чего требовались тысячелетия опыта, а также носители этого опыта. Так что примитивная зарплата, чуть больше хлеба насущного, стала игрой, в ходе которой продавались все эти священные ценности. Продавались история и общество. Человек, индивидуум подобным образом превращался в инструмент. До сих пор ни одно социальное божество не установило такую власть над своими рабами.

Значительным этапом истории денег стало освобождение от эквивалентности с такими полезными ископаемыми, как золото и серебро. Этот серьезный переворот, т. е. переворот «черного нала», осуществился в 70-х гг. прошлого века. Теперь уже деньги обрели полную свободу. Первую стадию свободы привнесли свободные итальянские города, создав эквиваленты в виде бумажных купюр, векселей, кредитов. Вторым этапом переворота стало освобождение доллара США от привязанности к золоту и серебру.

Официально началом финансовой эпохи стал именно этот переворот. Данное явление лежит в основе исторического развития, называемого третьим этапом глобализации денег. Первым крупным этапом глобализации капитализма, как известно, стало движение колонизации континентов или установления полукOLONиальной власти в торговую эпоху (XV-XVIII вв. н. э.). Вторым крупным этапом глобализации стал империалистический период промышленной эпохи (примерно с начала XIX века до последней четверти XX века) и время очень крупных классовых и национальных войн, спровоцированных империализмом. Главными факторами упомянутой эпохи, длившейся примерно четыре столетия, стали деньги, и это безоговорочная истина. Мы не ошибемся, если назовем все эти этапы и периоды в совокупности «эпохой денег». Великий бог современного капитализма (Зевс, Юпитер), бог национального государства, власти и войны (Арес, Марс), но деньги стали новым возвышающимся божеством экономики и новой эпохи, не имеющей общего исторического

эквивалента. Это божество подавило все древние божества и установило свою гегемонию.

Основная особенность финансовой эпохи заключается в том, что финансовая структура (вкуче со всеми своими инструментами) заняла главенствующие позиции. Промышленные и торговые монополии полностью взяты под ее контроль. Государство (в частности, модель национального государства), как монополия, также было поставлено в полную зависимость от денег. Пользовательская (потребительская) и производственно-обменная платформы, являющиеся основными для экономики, также полностью перешли под контроль денег. Используемые ими средства это МВФ, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, центральные банки всех стран мира, транснациональные банки, различные кредитные векселя, рынки и биржи, займы и облигации, потребительские карты, проценты и курсы валют, а также широкий список всех иных инструментов. Посредством этих структур деньги уже превратились в субстанцию, ставшую призраком. Точнее, деньги остались в роли старого иерархического главы патриархальной семьи. Вышеперечисленные молодые структуры теперь уже играют роль детей, пришедших на смену деньгам. Действительно, во всех этих структурах есть семя их общего отца — денег.

Эти структуры связаны между собой поразительной сетью: они в высшей степени организованны, связь между ними действует практически каждую секунду. Существует также и взаимовлияние. Действия этих структур могут носить краткосрочный, средний и долгосрочный характер. Действия, имеющие краткосрочный характер, модно называть «горячими деньгами», имеющие средние сроки — «займы и облигации», а долгосрочные проекты получили название «долгосрочных векселей». Зачастую эти структуры могут менять названия и сроки. Они реализуются быстрее всех реалий, привлеченных в общественном строительстве. Основными средствами бухгалтерских расчетов являются доллар и евро. Это денежные единицы США и ЕС. Система по сей день считается не только эффективной, но и завершённой. Как же в таком случае реализуется в рамках этой новой системы прибыль, являющаяся основной целью капиталиста?

Все связи и противоречия экономического, социального и политического мира, как есть, были перенесены в этот новый мнимый мир. Даже идеологические, академические и прочие культурные аргументы оказались в когтях этой системы. Более детальный подход к действительности усилит наши познавательные возможности.

Что означает становление доллара (в запасе имеется также евро) в качестве основной бухгалтерской единицы? Какие связи и противоречия, следовательно, союзы и войны отражают такие явления, как разница в курсах между теми сферами, где происходит накопление доллара, и национальными валютами, займы и облигации, движения на рынке акций, проценты и изменение цен? Разве не в этом символическом, мнимом мире происходит та самая третья мировая война, о которой в последнее время говорят все чаще и чаще? Разве войны, происходящие в реальной сфере, это не выброс лавы из расщелин, периодически образующихся потрясений?

То, что США стали гегемоном после Второй мировой войны, это общепринятое в целом мнение. Последствием этой гегемонии стало мировое господство доллара, являющегося их национальной валютой. Интересно то, что на стадии восхождения страны к вершине

гегемонии доллар освободился от эквивалентной взаимосвязи с золотом. Вполне очевидно, что это отражает именно нерасчетливое, безответственное стремление к мировой гегемонии. Известно, что, начиная с 80-х годов прошлого столетия, США совершенно без какого-либо обеспечения выбросили на мировой рынок суммы долларов, во много раз превышающие триллионы. Это страшное явление, соответствующее тому, что только печатание банкнот приносит ежегодно триллионы долларов дохода. Еще никогда, ни в одну эпоху деньги так сильно не возвеличивали себя. Разве существует какое-либо иное средство, которое лучше этого явления могло бы пояснить то, как статус гегемона впервые отразился в деньгах, или то, как конкретно деньги превращаются в гегемона? Если иметь в виду то, что национальные государства были в роли заемщиков (как ни парадоксально, самым большим заемщиком является США), то в очередной раз укрепимся в своем понимании того, почему деньги превратились в абсолютного гегемона. Даже тот факт, что малейшие игры Центрального банка США (типа снижение, повышение процентов-цен) буквально сотрясают весь мир, свидетельствует о том, насколько хорошо отлажена финансовая система. Иными словами, существует очень много явлений, подтверждающих силу денег.

Связь кризисов с системой еще более поразительна. Все кризисы, прошедшие по ценной реакции в Азии, России, Латинской Америке, проходили именно в финансовой сфере. Их отражения на реальной экономике имели место позднее. Если предыдущие кризисы, начавшись в реальном мире, затем уже завершались в мире денег, то кризисы финансовой эпохи протекали совершенно наоборот. Реальный экономический сектор оставляется, как правило, «на потом», но после того, как любая страна или блок стран, по желанию господствующих структур финансового мира, сначала выравнивается. Уже затем, не особенно церемонясь, деньги могут прекратить их существование. Поучительным будет пример России. После официального распада в 1991 году СССР оказался вовлеченным в финансовый кризис, который постепенно становился все тяжелее и тяжелее. В 1998 г. кризис достиг своего апогея.

Очень интересный факт: в связи с моим известным исходом из Дамаска я тоже находился в этот период в Москве. Российские компетентные лица настаивали на моем экстренном отъезде из России и говорили, что сделают для этого все, что в их силах. Даже шеф гигантской разведслужбы говорил следующее: «Если бы это все происходило шестью месяцами позже, было бы намного легче. Мы бы не стали так вести себя по отношению к тебе». Да, кризис 1998 года заставил Россию капитулировать, причем это признавали первые лица. Очень хорошо помню, как премьер-министр Израиля Ариэль Шарон, проводивший связанную со мной операцию, и госсекретарь США Мадлен Олбрайт в срочном порядке прибыли в Москву и в обмен на десять миллиардов долларов добились моей экстрадиции из России. С этой целью был заключен договор с МВФ. Договор о проекте «Голубой поток» между Турцией и Россией был направлен также против меня. Условием России было именно это, несмотря на все усилия США. После того, как Россия по желанию гегемона системы встала на рельсы неолиберальной политики, она постепенно стала выходить из парализованного состояния и слилась воедино с системой. Именно так происходила еще одна контрреволюция, кстати, в эпоху мнимой и финансовой контрреволюции.

Очень интересно было бы проанализировать то, как финансовая эпоха правит реальным миром.

А. Мы подробно говорили о том, как управление миром реальной экономики тесно связано с восхождением денег до уровня повелевающей и командной силы. Более всего здесь берутся за основу проекты служения главной политической линии гегемона. Как же будет устроена мировая экономика в соответствии финансовой эпохой? Какой регион, на выпуске какой продукции будет специализироваться? Какова будет его доля? Как должна быть устроена фундаментальная политическая линия стран, как должны обноататься их социально-экономические образования, как будут погашаться их долги, как они будут использовать свои ресурсы? Более того, как будут «выравниваться по ранжиру» страны, называемые «изгоями, бандитами»? Как будет происходить слияние с системой стран бывшего СССР, Китая и прочих стран, называемых «странами третьего мира»? Как они будут строить свои взаимоотношения с Израилем? В целом перед каждой страной, компанией, государством и личностями будут ставиться планы в соответствии с тем, какими параметрами будут руководствоваться мир, страна, государство и его народы при соответствии с главными критериями нелиберальной новой финансовой эпохи. Прибавив к инвестициям, соответствующим этим проектам, ряд политических и военных условий, они получают необходимые финансовые, то есть денежные инструменты. Тех же, кто не соответствует их требованиям, они ставят перед фактом кризиса, доводя тем самым до точки банкротства. Впрочем, финансовая эпоха означает обеспечение проектов условными кредитами.

Система функционирует именно на такой основе. То, что капитализм финансовой эпохи не является экономикой, в самой конкретной форме видно из этого краткого экскурса, что стало наилучшим средством доказательства того, что игры с бумагами не только не являются экономикой, но просто-напросто навязаны экономике извне. Максимальная выгода монополий реализуется именно благодаря этим бумагам. Разве может существовать нечто более противное экономике? Ни один сектор, ни один период не в состоянии раскрыть того, насколько прибыль, бесплатно извлеченная финансовой системой и эпохой, превышает величину прибыли, извлеченной в эпоху торговли и промышленности. Взамен мелких купонов все вымазываются в грязи системы, становясь таким образом соучастниками преступлений, совершаемых системой, и, более того, система спасается от ответственности, еще больше при этом усилившись. Финансовая эпоха является еще большим антиподом экономики, нежели индустриализм. Это одна форма общества, его культура.

Ясно, что человечество предстало перед финансовой монополизацией, организованной на очень высоком уровне. Речь идет о стадии чрезвычайной монополизации, растворяющей в себе все государства (даже США). Этот процесс дошел до таких высот, что способен контролировать все процессы, связанные с властью, развивать, нарушать и восстанавливать их. В этом и заключается суть новой глобализации. Эпоха коммуникаций не является характеристикой глобализации, как это принято считать. Суть данного явления отражает беспрецедентная сопряженность экономики с политикой, политической монополией в мировом масштабе. Это является выражением перехода всех местных, национальных, политических и экономических очагов волеизъявления под контроль всемирной супермонополии, — совершенно новая ситуация, требующая максимально подробного изучения.

Б. Влияние финансового капитала на общественные реалии преследует цель полного захвата социума. Ставится цель создания денежного и виртуального общества. Наиболее эффективным путем капитализации общества является привлечение к участию и прибыли при помощи таких инструментов, как заем, облигация, акции. Таким образом, общество, в первую очередь, средние классы, оказываются слитыми воедино с миром финансов. В обмен на мизерную прибыль они превращаются в силу, охраняющую систему. Их рефлексии, направленные против системы, в значительной степени переламываются потребительскими обществами, потребительскими кредитами, микро-кредитами, кредитованием тысячи проектов система добивается капитуляции общества. Метод прост: сначала обществу навязывается масса кредитов, к миру безработных добавляется еще одна армия. Средний класс, поставленный на колени, доводится до такого состояния, когда он вынужден молить о пощаде. Голод и нищета сопровождают общество до смертного одра. Все больше углубляются хаос и путаница. Позднее для восстановления общества предлагаются уже новые кредиты на новых условиях.

Раньше общества пытались преобразить при помощи революций и культурно-просветительских движений. Сейчас при помощи финансовых методов любого результата можно достичь комплексно, планомерно, не обжигая рук, — во всяком случае, этого стремятся добиться. Над всеми обществами нависла угроза гомогенизации, все массы и толпы хотя постричь под одну гребенку, заново построить общества так, чтобы в них не оставалось места даже для малейших протестов. Социальные проекты навязываются обществу вместо старых революционных программ и утопий. Теперь уже нет необходимости в утопиях и революциях. Все можно запланировать. Более того, финансовый спонсор готов. Это наверное и есть анти-общество, симуляция общества, виртуальное, одинаково мыслящее общество. Разве все, что навязывается обществу, не является проектом реализации фашизма под новыми масками во всемирном масштабе? Необходимо во всех ракурсах изучить и определить общество финансовой эпохи.

В. Государственная политика финансовой эпохи обладает особенностями, которые частично противоречат с индустриальной эпохой. Индустриализм в основном концентрируется в национализме и политике национального государства. Он хочет создавать монополии. Сквозь призму потребности финансовой эпохи в глобализации монополии уже воспринимаются как препятствие. Рождение капитализма как всемирной системы тоже не могло до конца поддержать монополию национального государства. Склонные к эгоцентризму монополии национального государства уже стали препятствиями на пути монополий, стремившихся к транснациональным масштабам. Тем более, что финансовая эпоха может увеличить прибыль только в том случае, если использует собственные инструменты в мировом масштабе. В таком случае модель национального государства уже превращается в серьезное препятствие на пути финансовой эпохи. Эта модель или должна быть приспособлена к новой ситуации, или вообще быть ликвидирована. Северная Корея, Ливия, Сирия, Иран, Ирак и др. страны смогли выжить только потому, что прислушались к предупреждениям, высказанным в адрес Ливии. Ирак не принял предупреждений, поэтому, выражаясь символически, «ощутил на себе гнев финансовой эпохи». Теперь Ирак вынужден строить новую государственность, то есть он не полностью разрушен. Что касается таких стран, как Бразилия, Турция, Аргентина, Китай, Индия и т. д., то они, поскольку пережили стадию национального государства в самой жесткой форме, возглавляют список стран,

которые уже воспитаны кризисами и вынуждены интегрироваться в систему.

Особенно важно то, что национальное государство единого стандарта препятствует глубокой глобализации. Глобализация ставит на повестку дня не местные политические блоки национал-государственного типа, а тип государственности, довольствующийся властью, ограниченной меньшими масштабами и зависимостью. Процесс глобализации стремится превратить средние государства в местные единицы. Национальное государство и глобализация финансовой эпохи претендуют на масштабные противоречия. К этому их принуждают антикапиталистические элементы, существующие в данных структурах в ограниченном количестве. Глубокие в целом недостатки, которым способствует классическое государство, но больше всего национальное государство, хотя привить к системе, называемой «гражданским обществом», но по своей сущности являющейся совершенно недостаточной для представления всех сторон гражданского общества и, скорее всего, буферной системой. Прилагаются все усилия для того, чтобы выхолостить демократическое содержание гражданского общества и использовать его для смягчения кризиса, в котором оказался либерализм. Гражданское общество — это та политическая сфера, где больше всего сталкиваются классическая цивилизация с демократией. Демократизация гражданского общества является принципиальной проблемой, поэтому решение этой проблемы и обеспечение дееспособности гражданского общества является одной из важнейших задач демократической политики.

Одной из важнейших проблем, в идеологическом плане поставленных на повестку дня финансовой эпохой, являются война цивилизаций, радикализм, терроризм, реставрация государства, глобализм, возрастание роли религии и подобные им проблемы.

Тезис о войне цивилизаций важен с двух точек зрения. Вероятно, может быть навязана цивилизация, главной силой которой является гегемон системы. Речь идет не о «белой» англо-саксонской цивилизации, как это принято считать, что и отражается некоторыми кругами. То, что социалистическая система, которую хотели построить при помощи социализма, не смогла противостоять современному капитализму, не смогла продемонстрировать способности, необходимые для препятствования ей, и потому захотела вновь слиться с системой, дало возможность преодолеть кризис цивилизаций, который уже наступал по всем направлениям. Столкновение между двумя блоками следует воспринимать как столкновение не двух цивилизаций, а двух гегемонов (представляющих одну и ту же современность), и это стало очевидным в результате распада СССР и капитализации Китая.

Но область, называемая «исламским миром», не только является очень древней сферой цивилизации, но и актуализировала позиции регионального национализма ислама, а также такую проблему цивилизации, как противостояние с Израилем. Ближний и Средний Восток не сливался с системой на всех трех стадиях капитализма. Национальное государство не только не решало проблем, но, напротив, блокировало их решение. Усиление религиозного национализма на двух направлениях, коими стали Саудовская Аравия и шиитский Иран, а также стабильное, активное присутствие силового фактора и константное влияние израильско-палестинской проблемы способствовали разрастанию масштабов спора между цивилизациями. Это стало аспектом проблемы внутри самой цивилизации. Другим аспектом

явилась борьба народов региона и мозаичных обществ за выживание, защиту своей национальной самобытности и стремление к освобождению от деспотического и фашистского государства с примесью национального государства. В определенном смысле это стало региональным отражением столкновения демократической и классической деспотической цивилизаций. Ясно, что под влиянием проблемы нефти и воды в этом смысле можно говорить о серьезной проблеме, существующей между цивилизациями на Ближнем и Среднем Востоке.

Радикализм является реакцией на глобализацию финансовой эпохи, и эта реакция по своей сути имеет национал-государственный характер. Радикализм — это идеологические и политические выступления, целью которых является еще большее углубление религиозно-расистских черт национального государства. Во всех сферах имеются такие примеры. Во всех теократиях, в том числе исламских, христианских, индусских, а также анимистических образованиях африканского типа и моделях национального государства правые националистические и расистские элементы образуют другое радикальное крыло. Очень часто встречаются примеры стычек между обоими крылами — они представляют отсталую форму локальных движений в противовес глобализации. С другой стороны, местные демократические, культурные, феминистские течения, образующиеся в ответ на глобализацию, а также новое левое движение, в частности, на таких платформах, как Всемирный социальный форум, пусть и недостаточно эффективно, но, объединившись, все же демонстрируют умение дискутировать по вопросам демократической цивилизации. Терроризм с большой долей вероятности можно назвать провокационным движением системы. Имеется много серьезных признаков того, что это — средства, к которым умышленно прибегают для создания легальных мотивов власти финансовой эпохи. Например, «Аль-Каида» и по сей день хранит свою таинственность. Финансовая эпоха сама по себе обладает серьезными террористическими особенностями.

Разрушительные действия, которым подвергаются общественные отношения из-за денег, это и есть самая серьезная террористическая проблема. Ни один террор не может быть столь разрушителен, как гегемония денег, отдаляющая общество от глубочайших корней. Большая часть деятельности, осуществляемой системой в экономической, социальной и политической сферах с целью поддержания и продолжения своего существования, — самый настоящий террор, равного которому в истории практически нет. Система стремится замаскировать размах террора при помощи провокационных элементов. То, что система в огромном объеме выколачивает деньги из денег вне реального сектора экономики, аналогично тому, как сильная и коварная рука превращается в систему и восседает на вершине общества, что очень часто встречается в истории. Грабежи, коими промышляли сорок разбойников, не составляют и миллиардной доли того, что делают монополии финансовой эпохи. Такие крупномасштабные грабежи могут иметь место только в рамках террористической системы. Явление, которое в этом смысле называется «эпохой коммуникации», может пригодиться только для того, чтобы замаскировать финансовую эпоху. Может быть, имеет смысл понятие «медиа-террора», устраиваемого именно с этой целью. В сущности, система и есть самый большой террорист прошлого, настоящего и будущего.

Возвеличивание религии, опять-таки, может иметь смысл в целях маскировки. Тип эксплуатации нуждается в такой легализации, как религия. Процесс отчуждения от производства, начатый ранее на почве потребностей общества, достиг своего апогея в эпоху господства финансов. Имеет место массовая безработица. Процессы, которые трудно объяснить при помощи науки (неприемлемые процессы), могли существовать только посредством смягчения при помощи религии; именно это и происходит. Имело место не подавление религиозной культуры, а повторное приобщение к религии. Консерватизм приобретает идеологический характер, что случается в любую эпоху. Общество уже связано такими понятиями, как «экономическое ростовщичество», «стадное общество», «цивилизационные конфликты», «террор» и «религиозный консерватизм», что сковывает действия всех народов. Железная клетка, строгое наблюдение, полный контроль над обществом — активизируются именно такие явления.

Эпоха финансового капитала, являющаяся, на первый взгляд, наиболее мощной стадией капитализма, всеми своими особенностями сигнализирует о распаде системы. Она указывает на исчерпание генеративного потенциала системы. Насколько происходит опустошение эпохи, настолько же актуализируется необходимость в консерватизме. Эта потребность свидетельствует не о силе, а о бессилии. Производство — основная деятельность человека, без которой общество не в состоянии выжить. Финансовая эпоха — признание невозможности поддержать этот принцип. Система, не осуществляющая производства, является системой, работающей вхолостую. В этом и заключается все. Единственный шанс на выживание у системы, находящейся в состоянии противоборства с работой и производством, — это террор, и именно здесь расходится множество слухов, искажений и провокации.

Волна террора возникла в начале 80-х гг. прошлого столетия, когда Рейган и Тэтчер, руководившие двумя сильными гегемонами, коими были США и Великобритания, начали атаки на Никарагуа и Фолклендские острова. Ближайшими соратниками были силы, пришедшие к власти вследствие военных переворотов соответственно в Пакистане и Турции. Латинскую Америку уже терроризировали в масштабной форме. Соревнования по эскалации вооружения, продолжавшиеся в период «звездных войн», привели к утере СССР позиций гегемона. Реформы, осуществленные в Китае Дэн Сяопином, стали своеобразным компромиссом с системой. Был положен конец национально-освободительным войнам и соглашениям, достигнутым с процветающим государством, во всех сферах подул ветер террора финансовой эпохи. Клинтон продолжил эту линию более мягкой, но эффективной политической линией.

Остался только Ближний и Средний Восток, который еще не полностью завоеван, но уже превращен в узел цивилизации, радикализма, террора и религиозных проблем. Если система не хочет отставать, то любыми путями она завершит собственное завоевание. В частности, есть жизненно важная проблема нефти. Нефтяной сектор занимает самое привилегированное положение в финансовую эпоху. Система нуждается в этом, что имеет достаточно много подтверждений. Арабо-израильская проблема висит над системой, как дамоклов меч. Шиитский Иран продолжает оставаться источником серьезной угрозы.

Большие проблемы региона остались в наследство от Англии и Франции. Первая мировая война в регионе, по сути, еще не закончилась. Показателями этой незаконченности являются перевороты, волнения, гражданские войны, партизанское движение. Границы начерчены при помощи линейки с той лишь целью, чтобы умножить существующие проблемы. Можно было бы предположить, что именно из-за этих проблем США на протяжении длительного срока вынашивают один план. Если бы не было «холодной войны», проблем с СССР, Латинской Америкой и Европой, американцы уже давно совершили бы интервенцию в регион. Упомянутые проблемы, если и не полностью, но уже в начале 90-х гг. прошлого столетия превратились в относительное состояние системы. Проблема Ближнего и Среднего Востока тем временем продолжала превращаться в гангрену. Или надо было полностью отказываться, или же вмешиваться в ситуацию. Если США отказались бы от борьбы за свои интересы, то потеряли бы и нефть, и Израиль. Тогда бы у Ирана появился шанс стать гегемоном региона. Саддам Хусейн уже вошел во вкус и мечтал стать Бисмарком региона.

Торговая эпоха ознаменовалась большими колониальными грабительскими войнами. Промышленная эпоха протекала на фоне двух мировых войн, кроме того, помимо классовых войн, бушевала национально-освободительная борьба. На фоне полной утери Ближнего и Среднего Востока были заметны корни искусственно созданного хаоса. Впрочем, сложившаяся ситуация была аналогична этому. Шанс системы оказался в значительной степени связан с процессами, происходящими в регионе. Именно по причине этих специфических условий можно все происходящее назвать «третьей мировой войной». Последующее развитие событий полностью подтверждает это.

Судьбоносное и стратегическое отношение этого процесса по отношению ко мне, думаю, впоследствии будет осознано более четко. Вопрос, в принципе, постепенно приобретает конкретность. Влиятельный сирийский лидер Хафез Асад дважды встречался с влиятельным американским лидером Клинтоном, и я слышал, что оба раза половину повестки дня занимал вопрос, связанный со мной. Стало ясно, что я оказался в ключевой ситуации. В Большом Ближневосточном проекте (БСП) курдам уделена стратегическая роль, причем имеется в виду длительный период времени. Курды и Курдистан будут использованы в решении проблем, имеющих во взаимоотношениях региона с финансовым капиталом. В свое время в аналогичных целях использовали армян и другие народы (эллинов, ассирийцев, даже евреев, арабов и палестинцев). Курды могли бы стать достойным ответом всем силам, придерживающимся существующего статус-кво, являющимся ревностными сторонниками модели национального государства, препятствующим решению проблем вместо проявления конструктивных позиций и стремящимся стать гегемоном региона.

В этот план, который, как становится известно, начали готовить с 70-х гг., я был включен как неожиданный элемент, но мне была предназначена ключевая роль. Я или должен был стать их послушным солдатом, или же меня решено было нейтрализовать. Мне не с руки было становиться солдатом этой системы. Следовательно, совершенно ясно, что меня стали рассматривать как элемент, который легко можно нейтрализовать. Поводом для начала Первой мировой войны стало убийство наследника австро-венгерского престола, эрцгерцога Франца Фердинанда членами конспиративной группы «Молодая Босния». Но эта война продолжалась уже на Ближнем и Среднем Востоке. Она должна продолжиться в еще более

активной фазе, но уже как третья мировая война. Жертвой этой войны в этот раз, напротив, должен был стать я, что было предписано планами всех организованных сил системы. Сходство и повторение истории на обновленном этапе не могут не бросаться в глаза. В своей Защитной речи, рассмотренной на заседании Афинского суда, я сказал следующее:

“ «Бог Зевс и его помощница богиня Афина. Гадес и Арес, действуя сообща, схватили Прометея и приковали его к Кавказским скалам, и сейчас их потомки-люди приковали меня к скалам на острове Имрали».

Я понимаю, что эта моя оценка оказалась неполной.

Эти рассуждения проливают свет на то, что меня действительно приковал сюда какой-то бог. Этот отпрыск божества, таинственно вырастающий в глубинах истории, с наступлением капиталистической эпохи уже открыто вышел на общественную арену. Ему удалось утвердиться настолько, что боги всех предыдущих эпох попросту исчезли. Цари упали, полетели их головы. Новый бог показал человечеству самые кровавые страницы его истории, навязав людям беспощадную эксплуатацию. Он перепачкал и перемешал в одно месиво землю и подземные ископаемые. Он действительно уничтожил человека и бесчисленное множество живых существ природы.

Превращение денег в бога стало явлением, более ужасающим, нежели сама действительность. Если мне удалось хоть в какой то степени раскрыть сущность системы, на которой основана власть денег, я сочту это счастьем. «Смысл есть свобода», — говорил Спиноза. Я верю, что нет никакой иной свободы, кроме смысла. Обретение свободы в меру своего понимания — вот в чем заключается моя сила, необходимая для жизни. Самый крупный бог финансовой эпохи вместе со своими помощниками и подручными приковал меня к имралинским скалам. Но при этом в горах Загроса и Тавра зажегся неугасимый факел, который освещает находящийся в этом регионе древний трон всех священных богов и богинь.

Аполлон является богом света и защиты. Этот образ мне довольно симпатичен. Дионис является богом любви, веселья и вина. Мне очень нравится его культура. Оба эти бога стали перенесенной в Анатолию версией более древних богов тавро-загросского происхождения. Ясно, что они отражают идентичность народов, которая фильтровалась тысячелетиями. Свет и веселье это наиболее прекрасное выражение жизни. Я постараюсь более подробно рассказать о самых древних богах нашего региона, коими были Gudea и El-Lah. Я хотел бы знать, почему они согласились оставить наши народы без света и защиты, в крови и боли, отдав их на растерзание божеству в виде денежного мешка. Я, как дитя этого региона, влюбленное в его красоту, счастлив потому, что не оставил наши народы на откуп коварному, жестокому и слепому богу денег. Я верю, что мои друзья и организованные ими общества будут бесконечно счастливы со мной.

ИТОГ: Может ли этатическая цивилизация найти консенсус с демократической цивилизацией?

Краткое содержание этой части своей Защитной речи я постараюсь отобразить в виде кратких выводов.

1. Не разобравшись в историческом процессе формирования власти, нельзя провести нормальное социологическое исследование. Социальные науки, которые хотели развивать в ракурсе позитивистской науки, иными словами, в позитивистской парадигме, так и остались в тупиковом состоянии. В противном случае мы не сможем объяснить все возрастающее явление эксплуатации и власти. Ученый несет ответственность перед обществом не меньше, чем религиозный деятель или моралист. Если, наука представляет собой более высокую ступень, нежели мифология, религия и философия. В таком случае почему наука, совершив свой победный переворот (в XVII веке), не смогла продемонстрировать свое превосходство перед беспрецедентными войнами и эксплуатацией? Причиной этого может стать стремление науки к власти. Наука, становящаяся властью, теряет свою свободу.

Если охарактеризовать науку как наиболее развитое толкование смысла, то столь форсированное ее слияние с властью можно считать или поражением науки, или же можно констатировать, что существует серьезная проблема смысла, которая называется наукой. Я хотел связать эту проблему с позитивизмом. Позитивизм является религией и метафизическим мировоззрением, тесно переплетенным с самым грубым материализмом, стоящим далеко позади религии и метафизики, а ряд дисциплин, называемых позитивистскими науками, отличается открытой и полной безответственностью. Они никак не выступили против эксплуатации и войны — не посчитали это своей проблемой, а позднее стали наукой власти. Все это происходило, несмотря на активную критику. Очень важный вывод заключается в том, что наука испытывает жгучую потребность в переосмыслении. Наука нуждается в новом парадигматическом перевороте. В этом труде я испытал свой толковательный потенциал как способность понимания. Итоги связаны с этим испытанием.

2. Власть надо считать некоей традицией, более того, одной из древних традиций. Это не совокупность акций, ежедневно реализующих волю над обществами. Следует очень хорошо понять, что власть не является чистым государством. В основе ошибок, которые могут быть совершены, как это часто происходит, лежит принижение власти до уровня государства, а государства до уровня власти. Наиболее оппортунистским толкованием власти является объяснение военных действий в комплексе с действиями власти. В этом труде я часто использовал в качестве символического понятия такое выражение, как «коварный и сильный человек». Это нечто сродни «теневой руке», формирующей рынки. Я уверен, что это сравнение имеет серьезное дидактическое значение для осознания основы власти. Все связи, которые порой раскрывают сами себя, в большинстве же формируют власть под открытым пространством общества, и владельцы этих связей тоже являются строителями власти.

Власть является общественным явлением, обладающим талантом максимального проявления постоянства и концентрации. Вероятно, первым и самым большим обладателем власти является мужчина, «одомашнивающий» женщину. То, что шаманы монополизировали силу осмысления и, став жрецами, обрели религиозный сан, стало очень эффективным шагом на пути освящения голы силы власти и облачения таинственностью. В эту группу можно включить мифологию власти и все концепции обожествления. Мифические и религиозные предания достаточно эффективны в строительстве власти и ее узаконении. Властвующая «тройка» иерархического, патриархального режима в лице жреца, правителя и военачальника становится той самой группой, которая широко распространяет в обществе почву, на которой формируется власть. Эти власть предержащие становятся создателями первого трона, первой символизирующей силы власти. Такие представления, как «божественность», «трон», «возвышение», «отчуждение между богом и человеком», «унижение богини», «психология слуги» — все это оставшиеся с тех времен сильные символы власти.

3. Государственная власть является постоянной и конкретной формой власти, возникшей на почве иерархии, закрепощение женщины и превращение слуги в раба. Она отображает сильно распространенные отношения во власти, формирование какой-то ответственности и более эффективное экономическое использование. Власть включает в себя государство. Но дело в том, что она включает в себя нечто большее, чем государство. Государства — это монопольные структуры, которые на протяжении истории больше всего строят концепции, касающиеся самих себя. Историю начинают именно с себя. В конечном итоге власть перестала воспринимать возрастающую экономическую силу общества как предмет демократической политики и строит монополию как символ власти, что, тем самым, означает присвоение прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Еще один момент, связанный с государством: именно с этим связаны такие институты, как мифология, философия, религия, наука, войны и политика. Результат будет неизменен даже в том случае, если речь идет о коммунистическом государстве. В обществе официальные позиции занимают государство и власть. Они развивают свой легальный статус.

Вопросы, более всего интересующие тех, кто совершает действия от имени государства, — это акции, войны, предания, которые могут показаться обществу осмысленными. В правовом отношении государство — это свод правил. Доведение традиции до нормативного состояния

— вот еще одно определение государства, которое можно было бы принять. В этом смысле государство можно было бы назвать также совокупностью абстрактных отношений. Такие названия, как «теократия», «деспотия», «королевство», «империя», «республика», «абсолютизм», «национальное», «классовое», «этническое», «правовое», «светское», «демократическое», «социальное государство», несмотря на формальные различия, по своей сути являются построением власти. Это конкретизация отношений. По мере того, как города, становясь более сложными социальными структурами, охватываются явлением классового расслоения, они начинают играть ведущую роль в формировании государства и власти. Но город нельзя отождествлять только с государством.

4. Цивилизация — это содержательное выражение социальной власти, достигнутое государством на базе концентрации в городе. Первой серьезной цивилизационной попыткой стала власть государства над городом. Синонимом слова «цивилизация», кстати, является «урбанизация», что означает «городской образ жизни». У цивилизации есть некоторые особенности, выходящие за рамки государства. Очень сильна связь с категориями времени и места. Цивилизация включает в себя многочисленные этносы, народности, нации, религии, верования, мышления. Государство является стержнем цивилизации, но оно не может подменить собой цивилизацию. Город также является истинным местом формирования государства, но это отнюдь не означает, что город это уже государство и даже цивилизация. Цивилизации могут разрастаться в различных категориях времени и места, например, как это было с египетской, шумерской, персидской, греко-римской, христианской, исламской, индусской, китайской, ацтекской, европейской цивилизациями. Во всех случаях аналогичными были условия урбанизации, классового расслоения и принцип города. Взаимоотношения внутри самой цивилизации и между цивилизациями могут быть мирными и воинственными в зависимости от экономических и политических монополий. Когда цивилизации соглашались с тем, чем владеют, они могли мирно сосуществовать, считая такое положение вещей справедливым распределением. Если же согласия между ними нет, то война становится тем самым орудием «восстановления справедливости», к которому больше всего прибегают. Между такими понятиями, как «война», «сила», «цивилизация», «государство» и «справедливость-право», существует тесная связь. По сути, это означает или самостоятельное осуществление социальными группами или личностями своих действий от своего имени, или аннексию другими лицами и группами их деятельности (экономической, политической и идеологической). Цивилизация является единством связей всех этих традиций, структур и правил. Иногда можно отобразить цивилизацию в связи со способами формирования кланов и прибавочного продукта, как это происходит в рабовладельческой, феодальной, капиталистической цивилизациях. Закрепощенная женщина + иерархическая патриархальность + государство + цивилизация = формулировка того, насколько единство власти является комплексом силовых отношений.

5. Демократическая цивилизация или урбанизация — это социальная категория, отличная от статической цивилизации. Она преследует цель охарактеризовать как общественные формы, существовавшие до становления государственности и цивилизации, так и последующие образования, оставшиеся за бортом государства. На протяжении истории государства стремились отождествлять самих себя с обществом. Во главе их идеологических концепций стояло утверждение о том, что нет общества без государства. Высказывания о том, что общество отличается от государства и между ними существуют

кардинальные противоречия, более всего вызывали бурную реакцию «хозяев» государства. Но очень важно отметить, что по своей сути государство является монополией крайне узких интересов, а вся его деятельность, называемая общественной (совместные дела общества), абсолютно не является его основной целью и осуществляется лишь для того, чтобы государство могло облачиться в легальные краски.

Несомненно, социум стал сложной структурой после первобытно-общинного строя, и на поверхности оказалось множество дел, которые необходимо было совместно осуществить для управления обществом. Если государство превращало эти дела в аргументацию в пользу собственной легальности и постепенно выдворяло общество из поля деятельности, то демократия предлагает или обеспечивает выполнение этих совместных дел конкретно обществом. Именно этот факт лежит в основе водораздела, существующего между этатической и демократической цивилизациями. Кстати, данный факт имеет жизненно важное значение. По мере того, как сообщества обретают силу слова и дела во всех своих акциях, можно говорить об их демократическом характере. В противном случае, если общие вопросы социума решаются государством или другими группами, сообщества попросту будут обречены на утрату способностей, свободы, равенства и смысла. Личности и группы, не способные организовать собственные действия и речи, не могут обрести смысл, способности, не могут жить свободно и в равенстве. Разница в фактах приводит к столь значительным последствиям.

Фундаментальный факт, который надо раскрыть в связи с рассуждениями об обществе, — это первобытно-общинный строй как клановая и родоплеменная система, в которой человечество жило на протяжении миллионов лет. В этой общественной системе можно найти первоначальный облик демократии. Подобно тому, как государство является стержневой костью цивилизации, так и первобытно-общинный строй является стержневой костью демократической цивилизации. Даже этот факт самостоятельно может свидетельствовать о том, насколько сильна демократическая платформа. Письменная история всегда повествует о государственных цивилизациях. Но в рамки этой истории почему-то не входит описание образа жизни, совершения каких-то дел в общинных системах, в которых человечество жило на протяжении миллионов лет. Но ведь именно это и должно быть настоящей историей, потому что общинный образ жизни, который вело человечество на протяжении длительного периода в самом широком географическом диапазоне, означает суть самого социума. Именно это и есть общество. Что касается государства и цивилизации, то это искусственные структуры, оказавшиеся на исторической арене гораздо позднее. Настоящее общество стали загружать бессмысленными трудностями. Но ведь общество и без них смогло бы продолжить свое развитие. Наконец, продолжило, но было обречено на существование, полное искажений, кровопролития и эксплуатации.

Обратив внимание на язык и историю общества, имеющего письменность и государственность, увидим, что используемая терминология сплошь является языком лжи, коварства, насилия и гнета. В них выстраивается такой символический мир, как будто для обществ попросту нет жизни без угнетения и эксплуатации, без угнетенных, рабов и слуг. Переходя из мира символов в реальный мир, общества обнаруживают, что они, обладая потенциалом для правильного течения жизни, то есть демократическим потенциалом, еще в

детстве оказались привязанными к цепи, ограничивающей их свободу. Это необычная ситуация, иными словами, такую жизнь можно назвать «цивилизацией в цепях».

Констатация того факта, что именно данная цивилизация оказалась виновной во взрыве атомной бомбы, что всего лишь три столетия из пяти тысячелетий прошли в мире, а все остальное время велись войны, что именно она несет ответственность за то невыносимое состояние, в котором оказалась окружающая среда, а социальные проблемы оказались гангреной, могла бы стать очень сильным аргументом в защиту демократического развития. Усиление неестественной этатической цивилизации приводит к тому, что демократическая цивилизация продолжает оставаться на уровне карлика. Основное противоречие, которое таится в недрах всех обществ, сводится именно к этому. Это и есть цивилизационная болезнь, выраженная в том, что общество уже не может развиваться демократическим путем, предпочитая безмолвно и бездейственно прозябать в доспехах государства. Веселое состояние общества, в котором царит любовь, должно считаться не хуже, чем его угасание в болях, разочаровании и полном отсутствии такого чувства, как любовь. Демократическая цивилизация — это и есть форма общества, идущего к цивилизации, полной веселья и любви. Это не просто вариант, а самое естественное состояние, соответствующее ее природе человека, разновидность свободы, объединяющей чувственное и аналитическое мышление.

6. Система капитала — это не продукт капитализма последних четырех столетий, как это принято считать, а продукт цивилизации длиной в пять тысячелетий. Прибавочный продукт, образовавшийся в земледелии, стал материальной основой формирования капитала. Первая организация капитала происходила на базе храма. Эта система, принадлежавшая богам верхнего яруса (верховным правителям), жрецам, располагавшимся на среднем ярусе и выполнявшим им функции узаконителей (помощников верховных правителей, посланника в ярус общества и слуг), а также рабам, которые занимали нижний ярус и работали за еду, дошла до наших дней, постоянно разрастаясь, выделяясь и становясь еще более жесткой. Урбанизация, классовое расслоение и становление государственности, в конечном итоге, являются продуктами прибавочного продукта. Постоянное подталкивание общества к разделению труда, обозначение ступеней иерархии, увеличение мощи общества, доведение до сменяющих друг друга состояний защиты и нападения, стало явлением, которое называется приобщением к цивилизации, и открыто продемонстрировало свою связь с капиталом. Даже если капитал, как экономическая категория, в узком смысле сможет определиться путем увеличения в краткие сроки, то в широком смысле, увеличиваясь в течение длительных периодов, он сохранит свою суть. Если считать капиталом ежедневный рост доходов коммерсанта, то спокойно можно считать капиталом ежегодный прибавочный продукт крестьянской монополии (земледельческого государства).

История свидетельствует о том, что торговая эпоха существует гораздо дольше самой цивилизации, на протяжении шести тысячелетий (эпоха Урука, продлившаяся с 4000 г. до н. э. по наши дни). Торговая эпоха, оказавшаяся на втором плане в сравнении с земледельческой цивилизацией, если даже с точки зрения периода и места порой и способствовала возникновению выдающихся городских цивилизаций, она так и не смогла утвердить серьезные позиции в обществе. В данном случае весомую роль играет эксплуататорский характер прибыли. Эта эпоха гораздо больше утвердилась в монастырях и укромных уголках общественной истории. Она постоянно взвинчивала процесс своего развития на протяжении всех эпох цивилизации. Торговый сектор, впервые в истории

ставший гегемоном в XIII-XVI вв. н. э. в итальянских городах, а в период XV-XVIII вв. уже во всех европейских городах, сыграл фундаментальную роль в зарождении европейской цивилизации. Он не только укреплялся в качестве нового действующего лица общества, но и подмял под себя всю его политическую платформу. Определяющую роль в увеличении капитала сыграли крупные торговые монополии и колониальные грабежи. Они даже смогли взять под собственное влияние движения Ренессанса, Реформации и Просвещения.

Индустриализация, ставшая возможной в результате промышленного переворота XIX века, превратилась в основную сферу прибыли капитала. Переход производства, транспорта и потребительского рынка под контроль промышленных монополий ознаменовал собой точку апогея европейской цивилизации. Данная ситуация способствовала возникновению классовой борьбы и национально-освободительных войн внутри системы и за ее пределами. Главенствующая идеология системы смогла путем уступок нейтрализовать обе волны сопротивления в рамках системы. Кризисы, в первую очередь, в сфере городов и окружающей среды, коим способствовал индустриализм в конце XX века, обрели структурный характер. Итогом стало наступление финансовой эпохи. Этот период совершенно безответственного отрыва капитала от производства и освобождение денежной массы от золотого резерва стран превратился в глобальный кризис цивилизации. Социальный потенциал капитала был истощен, и тогда он постарался продолжить свое существование, обновляясь в виде виртуальных систем. Система «капитал-прибыль», обретающая состояние финансовых гор, как бы испытывает общество, лишая рефлексивности вследствие бесчисленных кризисов. Явление, называемое «третьим глобальным актом», по сути, является этапом структурного кризиса третьей и последней стадии цивилизации.

Мы посчитали, что наиболее подходящей была бы характеристика капиталистической эпохи как социального кризиса. В качестве основного тезиса мы подчеркнули то, что капитализм, о котором говорят как о самой экономической из всех формаций, тем не менее, таковой не является и не сможет узаконить свой статус путем агрессивно навязываемой монополярной силы. Установление над обществом, являющимся союзом очень содержательных сообществ, господства со стороны столь эгоистичной, корыстолюбивой, чаще всего прибегающей к силе системы, как капитализм, может означать в истории только чрезвычайную ситуацию, то есть состояние кризиса. Финансовая эпоха дает о себе знать во всех ипостасях данной истины, во всех уголках общества. Постоянная генерация террора, лишение большей части общества работы, принижение роли рабочего чуть ли не до статуса безработного, превращение общества в массы и толпы, индустриализация искусства, секса и спорта, проникновение власти всюду вплоть до капилляров общества — все это показатели того, что система исчерпала саму себя. Создана такая атмосфера, которая пытается убедить общество, что вся история и будущее могут иметь место только на базе капитала.

Главная роль, которую играет медиа-сектор, сводится к представлению этого виртуального общества в качестве реально существующего. Но то общество, которое должно быть реализовано, которое имеет право на жизнь, прозвано нерентабельным, выдуманым, утопическим и постоянно исключается из повестки дня. Вопреки утвердившемуся мнению, капитал — это монополия силы, система насилия, насаждаемая над экономикой, исказившая ее до невозможного, не только не удовлетворяющая ее первостепенные потребности, но, наоборот, усугубляющая все проблемы до состояния опухоли.

7. В противоположность системе капитала, экономика — это сфера, обеспечивающая материальные потребности общества. То, что длительное время она оставалась за пределами потребительской стоимости, связано с общинной системой. Целостность общества управляется принципом, гарантирующим всем жизнь. Природа человека требует этого. Производство никогда не задумывалось для извлечения прибыли. После длительных опасений (экономика дарения), а также как следствие углубляющегося в обществе разделения труда свое место нашла экономика обмена. Формирование обменной стоимости дополнительно к потребительской тоже не преследовало цель извлечение прибыли. Она предназначалась для удовлетворения потребностей общества на почве возрастающего разнообразия и взаимной зависимости. Появление товара как такового, рыночные и денежные отношения изначально не имели цель извлечение прибыли, а развивались для удовлетворения этих разнообразных потребностей и взаимной зависимости. Явление, называемое «рыночной экономикой», вопреки утвердившемуся мнению, не является экономикой типа «капитал-прибыль», это экономика активного функционирования механизма обмена. До тех пор, пока торговля в ответ на определенные усилия находит свой обменный эквивалент, она является полезной и необходимой деятельностью. Рынок, определенный немонопольной конкуренцией цен, становится той сферой, где прощупывается пульс экономики. Деньги, всего лишь средство облегчения обмена. Все прослойки, называемые мелкими ремесленниками и специалистами, играют роль необходимых и полезных экономических элементов до тех пор, пока не попадают под эксплуатацию в рыночном процессе. Распределение потребностей по таким сферам, как питание, одежда, проживание, транспорт, развлечение, является показателем развития экономики. Усилия, связанные со всеми этими секторами, обретают свой смысл в качестве экономической деятельности. Все эти особенности понятны обществу, ценны и не выходят за рамки этики.

Что касается насаждения извне монополистического мировоззрения, то на протяжении всей истории это воспринималось неадекватно и с протестами, рассматривалось как зло, грязь, насилие, жестокость, несправедливость. Считалось, что этого не должно быть, но, тем не менее, монополии навязывались экономике, строились или линейно, или путем насильственных акций, или путем изощренных методов убеждения (дефицит, сток, игра с ценами или стоимостью денег). Эта система построения монополий в целом называется системой «капитал-прибыль». Принцип ее заключается в том, что одни получают огромную прибыль, а большая часть общества остается без работы, на грани нищеты и голода, что способствует их постоянной привязанности к системе капитала. Мотивировкой такой системы является то, что при признании возможностей больших заработков, дескать, начнется соревнование, что и будет способствовать развитию экономики. То, что это страшная ложь, видно на примере того, что сидящие сегодня на вершине финансовой эпохи никакого отношения к экономике не имеют (за исключением таких спекулятивных вопросов, как биржи, проценты, курсы валют). То, что они устанавливают отношения с экономикой, тождественно по смыслу кризисам. Их не интересует ничто, кроме прибыли.

Благодаря столь обманчивой научной дисциплине, как политическая экономика, настоящая экономическая деятельность полностью исключается из повестки дня, выдворяется за пределы экономики, а деятельность, совершенно не имеющая отношения к экономике, признается незаменимой святостью экономики (опять же, такие спекулятивные темы, как

биржи, проценты, курсы валют). Их пытаются навязать обществу под маркой высшей экономики. Монополия силы совершенно не считает экономикой то, что действительно является экономикой в прямом смысле слова, и упорно называет высшей экономикой, священным потенциалом экономики то, что абсолютно таковой не является, более того, стало антиподом экономики. Если задаться вопросом, что является основной проблемой экономики, то ответом должно стать, в первую очередь, освобождение от монополии грабежа. Для того, чтобы стать истинной экономикой, нужно освободиться от не являющегося экономикой, но навязываемого извне антипода. Надо освободиться от игр спекулянтов, извлекающих прибыль из процентов, бирж и курсов валют, ибо истинная экономика — это нормальное, доступное производство, распределение и потребление, осуществляемые путем внедрения технологий, дружественных для окружающей среды. Первым шагом на пути к построению экономики, которую можно было бы охарактеризовать именно таким образом, является планомерная, программная и организованная деятельность во имя освобождения от системы, отнюдь не являющейся экономикой.

8. Племена и народности, которых хотели вовлечь в ранние колониальные и полуколониальные процессы, первыми восстали и сопротивлялись варварству капиталистической эпохи. Индейцы Северной Америки и ацтекская цивилизация Южной Америки сопротивлялись до последнего. Цивилизации, племена и народности Азии и Африки (Китай, Индия, Эфиопия) тоже постоянно продолжали свою повстанческую деятельность. Сопротивляясь более разумно и организованно, многие в русле национально-освободительных движений XX века, пусть и с недостатками и ошибками, но достигли заметных успехов. Серьезным внутренним побудителем стал процесс пролетаризации. Продавать свой труд на рынке — это, вопреки утвердившемуся мнению, не освобождение от крепостного, то есть рабского статуса. Напротив, это обреченность на самое жестокое рабство, где нет никаких иных средств выживания, кроме зарплаты. Не только трудности с поиском работы, но и вечная нехватка зарплаты выявляет то, что новый режим насилия гораздо хуже прежнего.

Великое сопротивление капитализму осуществлялось во имя того, чтобы не превратиться в таких обреченных рабочих. Это сопротивление было борьбой не за пролетаризацию, а против превращения в пролетариев. Ошибочный лозунг «Да здравствует пролетарская борьба!» аналогичен по смыслу лозунгу «Да здравствует рабство!». Правильнее всего было встать на борьбу против обреченности на платный труд, и именно это поддерживается принципом жизни. Мятежи, устраиваемые теми, кто был наполовину сельчанами, наполовину лавочниками, возникали сами по себе, росли, как снежный ком, и были постоянным элементом истории капитализма. С другой стороны, интеллигенция, не питавшая надежд на будущее феодальной системы и не осознавшая того, как должна развиваться новая система, стала искать «город солнца». Первые утописты совершенно не предвещали капитализм, а в противовес этой лавине выдвинули свои, пусть и утопические, проекты развития полного надежд будущего. Эпоха перехода к капитализму одновременно была эпохой борьбы за равенство, свободу и торжество общинной системы, которую развернуло широкое, героическое поколение во главе с такими великими утопистами, как Сен-Симон, Кампанелла, Фурье, Эразм Роттердамский.

Под предводительством К. Маркса и Ф. Энгельса впервые было развернуто знамя борьбы против капитализма на основе научного социализма. Несмотря на серьезные недостатки и ошибки, которые были изначально заложены в этой борьбе, первое в истории движение на базе научного социализма против системы стало воплощением страшного сна полуторавекового капитализма. Были проявлены чудеса героизма, завоеваны значительные позиции. Семьдесят лет эта борьба была основой официальной идеологии СССР. Она разбудила островной Китай, став также источником вдохновения национально-освободительных движений. Недостатки этого движения против системы заключались в том, что ему не удалось раскрыть суть современного капитализма и совершить радикальный отрыв от него. Научная парадигма этого движения носила позитивистский характер. Движение очень слабо распознало то, что традиция государственной цивилизации и власти нашла свое продолжение в рамках капиталистической цивилизации. Но все же движение на базе научного социализма заслужило то, чтобы стать одним из краеугольных камней в фундаменте демократической цивилизации.

Ни в коей мере нельзя приуменьшить антикапиталистическую сущность анархизма. Это были профессиональные революционеры во главе с П. Прудоном, М. Бакуниным, П. Кропоткиным, которым удалось объединить свою критику системы с идеями демократической коммуны. Свобода и коммуны многим обязаны анархистам. Но основным недостатком и ошибкой этого движения стало то, что они видели в капитализме всего лишь экономическую систему, не полностью распознали фундамент цивилизации и власти, на котором зиждется капитализм, не смогли разрушить шаблоны современности.

Движение интеллигенции и молодежи, неожиданно вспыхнувшее в 1968 году, стало самым крупным движением протеста в начале финансовой эпохи. Несмотря на то, что в этом движении все же превалировала утопическая сторона, оно стало факелом просветительства и свободы, направленным против отвратительнейшей эпохи мракобесия. Проторили путь анти-модернистские перспективы культурных, экологических и феминистских движений, развивавшихся одно за другим. Не базируясь на власти, они расширили русло борьбы за равенство, свободу и демократию. Противники системы, выступающие против всемирной капитализации, в чьих действиях слышны имена и поступь мирового сообщества, с помощью критического подхода к прошлому, впервые применив более глубокое историческое и социальное мировоззрение, усилившись, в ответ полному отрыву от капиталистической цивилизации объединившись с демократической цивилизацией, смогли продвигаться по пути равенства, свободы и демократии.

9. Причиной всех неудач, постигших революционеров XIX-XX вв., стали ошибки в понимании и восприятии власти и национального государства, являющегося ее конкретным воплощением. Они предусматривали приход к власти, которую считали основным звеном в решении всех социальных проблем. Первой целью своей программы они считали захват власти. Все формы борьбы были связаны с этой перспективой. Но ведь власть сама по себе это отсутствие свободы, неравенство и антидемократическое явление. Это орудие обладает традиционными способностями, позволяющими ей заразить любого, самого здорового революционера, вступающего с ней в какой-либо контакт. У этих революционеров не было никакого социально-исторического анализа власти, которую они считали орудием освобождения. На повестке дня у них не стояли такие вопросы, как пути формирования

власти и этапы, пройденные ею на протяжении истории, взаимоотношения власти с экономикой и государством, роль, сыгранная в истории цивилизаций, и место, занимаемое в обществе. Складывается такое ощущение, что революционеры считали ее «волшебной палочкой», способной превратить все вокруг в райскую жизнь. Можно подумать, что власть в состоянии решить любую проблему, к которой обратится. Даже диктаторский тип власти оказался для них приемлемым. Так, вместо диктатуры буржуазии была объявлена диктатура пролетариата — это оказалось самым страшным капканом. В итоге героизм, проявленный в ходе полуторавековой борьбы, потонул в пучине властолюбия. В конце концов, в руках революционеров оказалось орудие, которое, как выяснилось, было механизмом поддержания отсталости, неравенства, ограничения свобод и антидемократической политики, традиционно используемой капитализмом. Но было уже многое потеряно. Таким образом, повторилась болезнь власти, некогда имевшая место в истории христианства.

Подход к национальному государству довел до еще более бедственного состояния. Современный Левиафан модернизма, ставший символом оголтелого национализма, половой дискриминации, религиозности и сдобренный научными знаниями, был воспринят как фундамент и естественное окружение, в границах которого предстояло вести борьбу. Централизованную модель национального государства революционеры оставили выше Демократического конфедерации, посчитав ее более прогрессивной и конструктивной, более правильной целью. Не было проведено никакого анализа, касающегося национального государства, являющегося фундаментом той структуры, которая создала самый уродливый тип гражданина, полностью растворила общество в горнилах государства и в итоге приводила его к фашизму. Содержание власти оказалось тем временем излишне раздуто научным позитивизмом, а суть ее была поголовно националистической, не приемлющей равенство полов и склонной к религиозному фанатизму. Когда власть, став орудием, проникшим до порога общества, оказалась также предпочтением научного социализма, определилась уже судьба самого социализма. Объявление об официальном распаде в 1991 году стало лишь формальным актом. Демократичный характер Советской власти был утерян еще в начале Октябрьской революции, и следовало бы осознать, что родился вовсе не социализм, а самый настоящий капитализм. С этой формой власти тесно связано и то, что национально-освободительная борьба не дала ожидаемых от нее результатов. Как же можно было строить идеи свободы и равенства при помощи орудия, являющегося средством подавления свобод, равенства и демократии? Впрочем, демократия, как средство смягчения власти, еще изначально была исключена из повестки дня.

Национальное государство, как профашистская модель, пройдя, подобно бульдозеру, по ценностям, завоеванным обществом на протяжении всей истории, давит и душит в темноте все надежды людей на будущее. Поэтому осталась только модель национального государства, оберегавшаяся при помощи религии позитивистского национализма, что сродни объективному идолопоклонничеству. Национальное государство считает себя единственно правым, обожествляет себя, но, будучи совершенно бесчувственным, известно своими жестокими действиями, доходящими вплоть до резни. Впервые за пять тысяч лет истории капитала эта монополия силы, сформировавшаяся в результате плавки в одной печи таких структур, как экономика, политика, общество и идеология, сама стала причиной всех проблем. Ясно, что до тех пор, пока влияние модели национального государства не будет преодолено по определению и практически, борьба за социализм окажется просто

самообманом. До тех пор, пока не дадут точную оценку индустриализму, являющемуся, по сути, двойником национального государства, невозможно будет предотвратить такие бедствия, как социальную раковую опухоль города и вымирание окружающей среды. Индустриализм, преподносившийся как революционная цель, на самом деле является формой извлечения максимальной прибыли государственным монополизмом. Индустриализм можно сравнить, как минимум с «фараоновским» социализмом. Социализм, существовавший в СССР и до его распада, и современный китайский социализм, будучи наиболее жестким практическим применением современного индустриализма, оказались диктаторскими режимами, что стало победой либерального капитализма.

Гораздо более поучительным был бы метод прочтения наоборот такой системы, как считающая себя наиболее экономической финансовая эпоха. Когда говорят о финансах, следует представить себе власть, проникшую до порогов общества, когда же говорят об экономике — систему, совершенно не имеющую ничего общего с экономикой, более того, являющуюся ее антиподом. Когда же говорят о неолиберализме, надо иметь в виду самый жесткий консерватизм, и этот метод поможет нам сделать более правильные толкования системы.

Национальное государство, индустриализм и финансовая монополия являются средствами предотвращения распада не только современного капитализма, но и структуры цивилизации, насчитывающей пять тысячелетий. До тех пор, пока не дойдут до новых образований, способных обеспечить их постоянное существование, они будут использовать в качестве оружия тактику сплочения между собой и вынуждения возникающих альтернатив на совершение неправильных действий.

10. На протяжении всей истории демократические и неимущие социальные слои в своей борьбе делали ставки не на того «коня». Они считали, что смогут победить врагов их же оружием. Им не удалось применить оружие, соответствующее идеям свободы, равенства и демократии. Даже если и удавалось применить, они с легкостью отказывались от него, независимо от того, было ли это оружие действенным или нет. Им казалось, что лучше использовать наиболее развитое оружие соперников. Речь идет не только о военной технике и вооружении; они полностью переняли ранее установленное мышление и структурный характер цивилизации, от методики создания божеств до соответствующего одеяния, от архитектуры до стилей мышления, от форм эксплуатации до структур власти — попросту растворились в этих структурах. Ставка на того же коня, что и у противника, приводит именно к таким последствиям.

Вожди семитских и арийских племен, с четырех сторон нападавшие на шумерскую цивилизацию, или переняли и возглавили институт мышления и структурного образования Шумера, или превратились в слуг этой системы. Легендарный героизм племен, гимны и песнопения которого и по сей день заставляют наши сердца биться сильнее, канули в Лету именно вследствие такого шага.

Большинство представителей племени апиру, нападавшего на древнеегипетскую цивилизацию, стало рабами, незначительному меньшинству удалось занять место в бюрократическом аппарате египтян, но не более того. Сейчас известен один лишь

еврейский род, оставшийся в наследство от шумеро-вавилонской и древнеегипетской цивилизаций. Но и евреи стали проблемой как для самих себя, так и для всего мира. Они не стали рабами, но и не обрели полной свободы.

Мидийские и скифские племена на протяжении трех столетий и сопротивлялись Ассирийской империи, и сами же нападали на нее. В результате это способствовало созданию Урарту и Персидской империи, оказавшихся их же копиями. Часть мидян и скифов заняла должности военачальников в этих империях, но большинство не избежало участи порабощения.

На протяжении пяти столетий греко-римская цивилизация непрерывно сталкивалась с внешними агрессиями кельтов, норманнов, готов и гуннов. Внутри же цивилизации не прекращались восстания рабов и мятежи, возглавляемые христианством, ставшим партией всех бедняков. Что же стало итогом: бледная копия римской короны, папство и самовозвышение некоторых родоплеменных вождей. Память миллионов борцов, которых бросали на съедение львам, сжигали и отправляли на распятие и виселицы, так и исчезла в ледяных просторах цивилизации.

Арабы, турки, курды, армяне, ассирийцы, черкесы, эллины и другие родоплеменные общности, на протяжении семи столетий не только сопротивлявшиеся Сасанидам и Византии (и их наследникам), но и беспокоившие их своими нападениями, в результате оставили после себя султанские престолы, являющиеся бледными копиями былых цивилизаций, и миллионы нищих племен, слуг и рабов.

О том, что случилось с теми, кто восставал против европейской цивилизации, мы уже подробно говорили.

Все цивилизации на протяжении истории съедали (как материально, так и духовно) наследство священных общинных систем революционного неолитического общества, но оно еще не исчерпало себя, и но сей день заставляет наши сердца и взоры каменеть и содрогаться. Историю этих потрясающих и легендарных борцов мы должны считать своей историей. Иными словами, это «История демократической цивилизации». Но мы должны суметь восстановить и написать эту забытую и разворованную историю. Однако мы отнюдь не должны считать своей и продолжать историю тех, кто, позарившись на украшения короны цивилизации, предал свой род и племя, труд бедных соплеменников, идеи сопротивления, героизм и мудрость, став бледными венценосцами или дворцовыми слугами. Без этого четкого разделения нельзя написать историю демократической цивилизации. Но без написания этой истории нельзя успешно вести повседневную борьбу за свободу, равенство и демократию. История — это корни, и лишенные общественной истории люди не в состоянии избрать путь свободы и достоинства.

Господствующая цивилизация берет за основу тезис о том, что именно ее история является единственной и никакой иной не существует. До тех пор, пока не удастся отбросить это догматическое понимание истории, унижающее всех остальных, не может быть развития демократичного и социального исторического мировоззрения. Пусть не думают, что у истории демократической цивилизации нет событий, связей и структур, или их очень мало.

В действительности эта история буквально полна материалов. В истории демократической цивилизации, как и в истории всей цивилизации, есть множество мифов, религиозных учений, философия, наука, искусство, мудрецы, певцы и писатели. Нам достаточно суметь посмотреть на историю сквозь призму нашей парадигмы, выбрать, отделить и написать эту историю. Я не говорю о том, что совершенно нельзя пользоваться оружием, структурами и мышлением врагов и соперников. Но меньше, чем пользоваться, надо развивать свое мышление, структуры и вооружение, и до тех пор, пока это не будет осознано и сделано, нельзя будет избежать поражения от их же оружия, структур и мышления, более того, превращения в них.

11. В итоге скажу, что из всех моих рассуждений и тезисов не надо делать вывода типа «цивилизации, не придя к согласию, до победного конца и до полного уничтожения воюют друг с другом». Такого типа суждения, основанные на диалектическом мировоззрении уничтожения, я постарался раскрыть с философской точки зрения, более того, я не считаю их соответствующими диалектике мирового хода событий. Даже при наличии взаимно уничтожающих аспектов основным является то, что цивилизации взаимно связаны и развиваются путем взаимного питания (симбиотическая связь). В природе общества лучше всего работает именно эта диалектическая суть. Сосуществование с помощью достижения взаимного согласия, не уничтожая, а пытая друг друга — вот основное состояние обществ. История и современность представляет собой подавляющее большинство относительно этой природы обществ. Уничтожающие, чрезмерно отчуждающие формы взаимоотношений составляют исключение. Почти так же, каким является исключительное положение львов в мире животных.

Сосуществование государственной цивилизации и демократической цивилизации без попыток взаимного уничтожения, а путем достижения согласия, вполне возможно. Первейшим условием для этого является признание цивилизациями идентичности друг друга и уважительное отношение друг к другу. Навязывание собственной идентичности другим при помощи силы и различных выгодных посулов это вовсе не согласие, а метод уничтожения. Этот метод частенько встречается в истории, более того, он и сегодня широко навязывается обществам — это путь власти и войны. Европа, частично США, будучи гегемонами капиталистической системы, сделав соответствующие выводы из применения метода власть-война на протяжении четырех столетий, не стремясь полностью разрушить модель национального государства (потому что причинами внутренних и внешних войн является такая организация власти), стараются строить жизнь на базе федеративных образований. При этом они придают более актуальный характер таким аргументам, как права человека, гражданское общество и демократизация. Ясно, что они хотят сдвинуть модель нация-государство с прежних жестких позиций и сделать ее более конструктивным государственным средством. В России и Китае тоже имели место похожие процессы. Страны, которые настойчиво сохраняют свои жесткие режимы, иапример, Северная Корея, Ирак, Сирия, Турция, Иран и др., подвергаются еще более жесткой нагрузке. Ирак был избран мишенью как наказ. Теперь уже хотят выйти из кризиса, обретшего хаотическое состояние, с наименьшими потерями и без особых ран.

Продолжаются дискуссии вокруг вопроса о том, пребывает ли система в состоянии такой империи, как Рим, или нет. Несомненно, существует глобальное управление, которое

гораздо более эффективно, нежели в эпоху Рима. Сила этой воли бесспорна, независимо от того, гегемония это или империя. Она будет все время стараться удержать систему даже посредством постоянных реставраций. Такого типа трансконтинентальные образования, как ЕС, сейчас обретают актуальность в Азии, Африке и Америке. Для Ближнего и Среднего Востока разрабатывается Большой Ближневосточный проект (ББП). Задумались о реформировании ООН. Постоянный характер обрели новые экономические, культурные и социальные образования. Иными словами, противостоящая нам и все еще обволакивающая нас система цивилизации, хоть и прошла самый хаотический период Новейшей эпохи, но не сидит, сложа руки.

Если говорить о существовании у нее рефлекса соглашения, то, на мой взгляд, она не отвергает этот метод. Он часто использовался и приносил настоящие результаты. Пока сознательность, организованность и свободолобивые инициативы противостоящей стороны были на слабом уровне, система смогла успешно пройти все процессы достижения консенсуса. Например, как видим, этим методом ей удалось нейтрализовать социализм в лице СССР и Китая. Эти успехи были достигнуты путем использования слабостей современности (национальное государство, индустриализм, позитивизм). Приверженцы национально-освободительной и социал-демократической борьбы были легко ассимилированы и нейтрализованы. Что касается анархистского, феминистского, экологического и некоторых радикальных движений, то они были просто превращены в маргинальные.

Несмотря на все эти показатели, сила системы все же неабсолютна. Более того, она переживает наиболее слабые времена. Основная причина того, что фронт демократической цивилизации все еще не может добиться желанных, необходимых и заслуженных успехов, заключается в том, что он до сих пор еще не в полной мере совершил необходимый переворот в парадигмах (фундаментальный научный подход), не достиг достаточного уровня программного подхода, организованности и практической дееспособности. Но этих целей можно достичь. Движение демократической цивилизации может построить свою программу, организационные и практические формы в мировом, региональном и локальном масштабе, достигнув своей настоящей идентичности (равенство, свобода, демократия). О мировой демократической конфедерации: актуальными могут стать региональные демократические конфедерации Азии, Африки, Европы и Австралии. В частности, применительно к реалиям Ближнего и Среднего Востока можно сказать, что проект Ближневосточной демократической конфедерации в условиях существующей хаотической обстановки станет предельно разумным проектом.

Абстрагируясь от таких принципов, как «или все, или ничего», которые до сих пор были для него характерны, революции или войны до победного конца, или, напротив, бесконечного следования принципам Иисуса Христа (смирение), нельзя достичь успеха и эффективности в противостоянии с таким традиционным и компликативным явлением, как власть. Гораздо более прогрессивным и удачным методом может стать достижение своевременного консенсуса со всеми силами системы и превращение повстанческой и созидательной деятельности в стиль жизни, не упуская из рук освободительных инициатив. Но опять повторюсь: все это должен иметь место при УСЛОВИИ, что демократическая цивилизация станет нашей идентичностью, будет достигнут консенсус, но мы сможем не потерять самих

себя, не раствориться в недрах государственной цивилизации, сможем защитить и сохранить самих себя!

12. Хотелось бы завершить эту часть труда упоминанием нескольких обстоятельств, касающихся моего стиля письма. В самом начале я говорил, что в качестве метода хочу попробовать совместное использование мифологических, религиозных, философских и научных смысловых категорий. Думаю, что в этом смысле мне удалось достичь определенных успехов.

Без мифических сказаний не обойтись. В частности, история, особенно доисторическая эпоха, неолит, древняя история и демократическая цивилизация большей частью носят мифологический характер. Весь этот исторический пласт живет в мифах и сказаниях мудрецов. Если сделать качественный социологический анализ, можно будет добиться конкретного усиления и разнообразия историографии.

Религиозное мировоззрение, но не в существующей форме, а при условии социологического толкования, является неизбежным аргументом историографии. История в значительной мере спрятана под религиозными догмами — на это существует много причин. Общественные процессы, тоже со специфическими объяснениями, находят свое место в религии. При наличии социолого-исторического подхода они становятся серьезным источником знаний.

Ясно, что без философии не может быть написана история. Было бы заблуждением говорить о том, что позитивизм, являющийся самой грубой метафизикой, может написать историю, основываясь только на фактах. Идеи позитивизма, являющегося официальным мировоззрением и религией капитализма, о том, что будто бы не существует никакого исторического капитала, а все, что есть, свалилось на голову Европы, как манна небесная, собственно говоря, являются мифическими. Обретение религиозности приводит к аналогии с современной эпохой объективного идолопоклонничества. Следовательно, частое и активное применение философских методов также является неизбежным аргументом социально-исторического повествования.

То, что я хочу сделать при помощи научного подхода, не является повествованием ни объективного, ни субъективного характера. Я в курсе тождественности или схожести восприятия-факта. В связи с комплексным использованием всех упомянутых источников мой научный подход можно назвать «комментированием». Мой стиль рассуждений очень хорошо дает понять, что я не уделяю очень серьезное внимание объективизму, попросту не вижу в этом необходимости. Многие, кто владеет темой, смогут без особых усилий понять, что и субъективизм не занимает много места в моих рассуждениях.

Подчеркивая, что я хочу развить такую силу толкования, которая поможет мне, не отрицая разделения на субъективное и объективное, просто преодолеть этот водораздел, я прошу при этом простить мне грубые недостатки и недочеты. Если выяснится, что мне удалось внести хоть какой-то вклад в сознание каждого, кто имеет отношение к социуму, я сочту себя счастливым человеком.